

СОЧИНЕНИЯ
ФИЛАРЕТА,
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО

СЛОВА И РЕЧИ

ТОМ II

1821– 1826

ОГЛАВЛЕНИЕ.

От издателей

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Слова и речи, избранные самим проповедником

для изданий 1844, 1848, 1861 годов.

1821 год	Слово при вступлении в управление Московскою паствою Слово в день торжественного венчания и священного помазания на царство Императора Александра Павловича Слово о нетлении св. мощей на память Преподобного Сергия Слово в день Собора св. Архистратига Михаила Слово к восприемлющим обет сердобольных вдов Слово на Рождество Христово
1822 год	Слово в день Алексия Митрополита и в неделю сыропустную Слово в неделю крестопоклонную Слово в 5 неделю великаго поста Слово в день Благовещения Пресв. Богородицы Слово в день св. Пасхи Слово при освящении храма Живоначальныя Троицы, созданнаго тщанием княгини Евдокии Николаевны Мещерской, и при открытии основаннаго ею, Высочайше утвержденного Борисоглебскаго женскаго общежития Слово в день Святителя Николая Слово в день св. Мученика Благовернаго Димитрия Царевича Слово в день обретения мощей Святителя Алексия

	Слово в неделю всех Святых, при посещении города Коломны
	Слово при посещении города Серпухова
	Слово в день обретения мощей Преп. Сергия
1823 год	Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Павловичу пред вступлением Его Величества в Успенский Собор
	Речь Ему же, в день тезоименитства Его Величества
	Слово в день венчания на царство и миропомазания Благочестивейшаго Государя Императора Александра Павловича
	Слово при открытии попечительства о бедных духовнаго звания
1824 год	Слово в неделю по Воздвижении
	Слово в день Благовещения Пресв. Богородицы
	Беседа о нищете духовной
	Слово в день Вознесения Господня
	Речь при открытии дома трудолюбия в Москве
	Речь Преосвящ. Епископу Дмитровскому Кириллу, по рукоположении его
	Слово на Рождество Христово
1825 год	Слово в неделю Ваий
	Слово в день св. Пасхи
	Слово в день Вознесения Господня
	Беседа о прикосновении веры ко Христу
	Слово в день Святителя Алексия
	Слово в день Первоверховных Апостолов Петра и Павла
	Слово в день Преп. Сергия, о суде Святых
	Беседа о упокоении труждающихся и обремененных
	Беседа из притчи о плевелах
	Слово в день Знамения Пресв. Богородицы
	Слово пред присягою для избрания судей
	Речь при всенародном открытии хранящагося в Моск. Успенском Соборе завещательнаго акта в Бозе почившаго Государя Императора Александра Павловича, о назначении на наследственный Всероссийский Престол Его Императорскаго Величества Благочестивейшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссийскаго
	Слово к новоизбранным судиям пред произнесением присяги

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Слова и речи, напечатанныя при жизни проповедника,

но не внесенныя в собрания 1844, 1848 и 1861 годов.

1824	Слово в день Св. Пасхи
------	------------------------

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТИЕ.

Слова и речи, не напечатанные при жизни проповедника.

- 1823 год Слово по возвращении к своей пастве из С.-Петербурга, Августа 15
Слово на память Преп. Сергия
Слово на день Собора Св. Архистратига Михаила
Слово в день Рождества Христова
- 1824 год Слово на память Святителя Алексия
Слово в день обретения мощей Святителя Алексия
Слово при посещении города Вереи
Слово в неделю 2 по Пятидесятнице, при посещении города Можайска
Слово в день св. Апостола Варнавы, при посещении города Волоколамска
Слово при освящении храма во имя Святителя Николая в Москве, на месте, называемом Котельники
Слово в день тезоименитства Императора Александра Павловича
Слово по освящении храма во имя Святителя Димитрия, Ростовского Чудотворца, в Борисоглебском общежительном монастыре
Слово на день памяти Преп. Сергия
Слово в день рождения Императора Александра Павловича
- 1825 год Слово в день Святителя Алексия
Слово в день Благовещения Пресв. Богородицы
Слово в день св. Мученика Димитрия Царевича
Слово по освящении храма Успения Пресв. Богородицы, что в Казачей, за Москвою рекою
Слово в Церкви Пресв. Богородицы в честь иконы Ея Смоленския, в Новодевичьем Монастыре, по крестном ходе
Слово в день Успения Пресв. Богородицы
Слово в день тезоименитства Императора Александра Павловича
Слово по освящении храма Святителя Алексия, в селе Черкизове
Слово в день обновления храма Иерусалимского, и по случаю обновления храма Великомученика Никиты, в Басманной
Слово в день Введения во храм Пресв. Богородицы
Слово в день Рождества Христова

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ.

При издании *второго тома* слов и речей почившаго Святителя (1821–1826 гг.) мы пользовались, кроме печатных изданий, еще рукописным сборником, принадлежащим М. М. Евреинову. Слова и речи в этом сборнике все расположены в хронологическом порядке и, как видно из сличения с некоторыми сохранившимися подлинными рукописями самого автора, сходны с этими рукописями по первоначальному их происхождению, без позднейших поправок. Это дает особенное значение сборнику и

обязывает нас глубоко благодарить почтенного собирателя и за дорогое сбережение, притом, как доселе нам известно, единственно-полное, и за сообщение сбереженного для печати.

1821 год.

XLIII.

14. СЛОВО

при вступлении в управление Московскою паствою.

(Говорено архиепископом Московским Филаретом в Московском Успенском соборе, августа 14 дня; напечатано отдельно и в собраниях 1821, 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.)

<1821>

*Благодать вам и мир от Бога Отца нашего
и Господа Иисуса Христа. Рим. I, 7.*

Так некогда святой апостол Павел приветствовал Церковь державного Рима, вступая с нею в общение посредством Послания. Так при сем первом общении лицом к лицу приветствовать Церковь сего Престольного града и я дерзаю.

Но кто я, дерзнувший возглашать столь великое слово среди столь великия Церкви? среди Церкви, которая кроме славы, заимствуемой от древняго Царскаго престола, еще прежде имела славу некоторым образом приготовить у себя место для сего престола и донныне сохранила благодать преподавать Венценосцам священный Венец и помазание на Царство; – среди Церкви, которая обыкла слышать живые и сильные гласы Божественного Слова, в которой сияли столь многие Светильники Православныя Веры, не угасшие и во гробах, но и оттоле еще сияющие светом будущего века, в которой предстояли в молитвах, дознанные после, небесные споспешники наших земных молитв; – здесь, где древняя святыня еще недавно вновь ознаменовала себя и очистительным посещением, и чудесным избавлением, и праведным отмщением; – как дерзнул я предстоять толикому сонму Божию в священнодействии таинства веры и как паки дерзаю начать священнодействие слова истины? Немощным гласом недостойных уст как дерзаю колебать самый сей воздух, исполненный благоуханием Святыни?

О, Владыко Господи! Ты видишь глубину сердец; Ты слышишь движение помышлений; Ты зрел сие смятенное сердце, когда только еще даемы были жребии сего служения; Ты слышал трепетное воспоминание онаго древняго гласа: избери могуща иного, егоже послещи (Исх. IV, 13). Но когда, по неизследимым судьбам Твоим, чрез Священную и Державную Власть, жребий сей пришел и не возвратился, *аз же кто есмь, могий возбранити Бога* (Деян. XI, 17)? И ныне, Господи, да будет воля Твоя, ибо уже и бысть воля Твоя. *Укрепи, Боже, сие, еже соделал еси в нас* (Псал. LXVII, 29). Ради народа Твоего многого даруй благодать служению сему; ради славы Твоей, сугубо дивной в ничтожных орудиях, *соверши силу Твою в немощи сей. Дажь гласу Твоему глас силы* (2 Кор. XII, 9; Псал. LXVII, 34) и в недостойных устах, да *приемлющие слово слышания Твоего от нас, приемлют не аки слово человеческо, но якоже есть воистинну, Слово Божие, и да действуется оно в сих верующих* (1 Сол. II, 13).

Итак, Богом дарованные нам Отцы, братия и чада Церкви сея, *благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа!*

О, еслибы совершенно исполнилось над вами сие первое желание наше! тогда могли бы мы уповать, что Бог исполнит и все во благих желания ваши. Но духовныя желания совершенно бывают действительны тогда, когда с волею дающего благословение соединяется воля приемлющего. Посему, дабы расположить сердца наши к соединению в едином желании, достойном сего духовного общения, скажем нечто в изъяснение того, почему *прежде всего и паче всего желаем вам благодати и мира.*

Мы все, когда ни встречаемся один с другим, обыкновенно приветствуем друг друга каким-либо желанием. Что значит сие обыкновение? – Знаменательное указание на состояние „наше, еслибы мы были внимательны! Вообразим на минуту, что мы встретились бы не на сей бедной и осужденной земле, но на небесах, или хотя в земном раю: каким желанием стали бы мы там приветствовать друг друга? Желанием здравия? – Но там и без того нет болезней. Желанием долгоденствия? – Как может там быть забота о долгоденствии, где есть бессмертие? Желанием благополучия? – Там уже есть блаженство. Желанием ли, наконец, благодати и мира? – И сие там имеют все, или еще и более – имеют благодать и славу. Из сего само собою открывается, что там, вместо изъяснения желаний, обыкновеннее всего должно быть изъяснение радости в благодарных славословиях преисполнившему все желания – Богу. Что же теперь значит, что здесь, на земле, мы приветствуем друг друга различными желаниями? – То, что всем нам недостает многого, что мы не в том состоянии, в котором должны быть, и к которому предназначены, что мы здесь не в отечестве, но в земле чуждой, не в пристанище, но на море, не в истинном жилище нашем, но в кратковременной гостиннице или на пути, не в области мира, но среди брани, между врагами, между опасностями, в изнурении, в лишении.

Чем прямее и точнее к исполнению наших недостатков относятся наши желания, тем они достойнее, тем они правильнее. Приложим сию меру к обыкновенным желаниям нашим. – Желание здравия, если при сем думают о телесном, относится только к низшему совершенству животной природы, общей нам с безсловесными, – здесь совсем нет в виду потребности собственно человеческой. – Желание долгоденствия, если не получает высшаго значения в соединении с другими благороднейшими желаниями, не может принести нам ничего более, как только продолжение нашего земного изгнаничества и странствования, и, если мы не на пути избавления и возвращения в небесное отечество, то еще большее удаление от онаго; ибо – *слышите и разумеите!* – в сем мире, в котором все движется и преходит, нет и для нас неподвижного состояния, и если человек не старается непрестанно приближаться „к небу, то неприметным образом приближается ко аду. – Желание благополучия, если хотят получить только благо земли, а не благословение Неба, есть обольщение, поколику не исполняется, – и еще большее обольщение, поколику исполняется: неосторожный странник земли, собирая блестящий прах, изнемогает под приятным бременем, или, гоняясь за мелькающею тению, коснит в бесполезной торопливости. Так в обыкновенных человеческих желаниях видно, при всегдашнем ощущении недостатков, достойное сожаления невнимание к недостаткам существенным и потребностям истинным!

И потому, Боголюбезные, для вас не будет чуждым и странным тот, кто не советуется с плотию и миром, дабы сретить вас желанием по сердцу вашего внешнего человека, но, в уповании обрести сердце ваше по *сердцу Божию*, прежде всего и паче всего взыскует Божественного источника, дабы оттоле почерпнуть для вас духовное благословение: *благодать и мир.*

Познаем существенный для нас недостаток мира! Возчувствуем высокую потребность благодати!

Кто лучше знает, чего нам недостает, и кто лучше может указать путь желаниям нашим, как не Тот, Которого желание нашего блага низвело в сей лежащий *во зле мир*, дабы Самим Собою восполнить то, чего нам не доставало? Но и обыкновенное и торжественное благословляющее желание Спасителя нашего было желание и благословение мира. Приходит ли Он к ученикам Своим, когда уже *дана Ему всякая власть на небеси и на земли* (Матф. XXVIII, 18), и когда они могли ожидать от Него дара, достойного сея власти? – Он приносит им мир. *Прииде Иисус, и ста посреде, и глагола им: мир вам* (Иоан. XX, 19). Отходит ли Он в путь креста, когда смущенное сердце друзей Его требовало сильнейшего врачевства, действительнейшего утешения? – Он оставляет им врачевство и утешение мира: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Иоан. XIV, 27). Хочет ли Он послать Апостолов для благовествования о Нем всему миру, и дать им довольное для сего пути напутствие? – Он усугубляет им благословение мира. *Рече им Иисус паки: мир вам, якоже посла Мя отец, и Аз посылаю вы* (Иоан. XX, 21). Завещавает ли, как должны они вступать во грады и веси, совершая посольство, на них возложенное? – Он и им повелевает приносить с собою мир. *В онъже аще колиждо град или весь внидете: входяще в дом, целуйте его, глаголюще: мир дому сему* (Матф. X, 11. 12).

После сего примера и повеления Христианин не будет в недоумении, правильно ли, паче прочих благ, приветствуют его миром. Если же кто еще не уразумел, для чего так нужно *помышление мира, которое помышляет на него* (Иер. XXIX, 11) Дух Христов, тому не нужно далеко идти на поле брани, или в осажденный город, или на позорище распрей, чтобы уразуметь сие. Человек! самое близкое к тебе и самое опасное для тебя поле брани есть собственная твоя жизнь и деятельность в мире, если на сем поле не приобретена еще тобою *победа побеждающая мир, вера* (1 Иоан. V, 4); сердце твое подобно граду, осажденному отвне и таящему крамолу внутри, если *мир Божий еще не водворился в оном* (Кол. III, 15); в помышлениях твоих непрестанно возобновляется позорище распрей, если еще *не низложено в тебе оружиями, сильными Богом, всякое возношение взимающееся на разум Божий, и не пленен разум твой в послушание Христово* (2 Кор. X, 4. 5). Если тебе неизвестна сия брань, то, конечно, ты никогда не пробуждался от дремоты чувственной жизни к бодрствованию высшей жизни человеческой, никогда и главы не возносил из плена и рабства духовного. Кто более или менее усиливался возникнуть из сего рабства в свободу чад Божиих, тот, без сомнения, испытал и уразумел, как зло мира нападает на нас с оружием скорбей и страданий, дабы низложить нас унынием и отчаянием; как блага мира окружают нас, дабы взять в плен коварством похоти; как неудержанные желания плоти простираются, повидимому, дабы покорить нам весь мир, но в самом деле покоряют нас всему, к чему они прилепляются; как плоть сражается с духом и сама с собою, страсти встают большею частию против разсудка и не редко одна против другой; как под ногами того, кто более старается примечать и обходить преткновения, более открывается соблазнов, так что весь подвиг естественной добродетели состоит почти только в дознании превозмогающего порока, подобно как весь подвиг естественной мудрости – в дознании превозмогающего неведения. Если при помощи разума и добрых страстей мы являемся иногда победителями на поле внешней деятельности: сие не приобретает еще нам истинного мира; позорище брани только переносится далее во внутреннего человека, и подвиг становится тем труднее, чем сокровеннее здесь враждебные силы и оружия. Иногда, например, нам кажется, что мы победили корыстолюбие или сластолюбие, совершив подвиг благотворения или воздержания; но, в то же самое время, входя в глубину сердца, усматриваем, что мы там побеждены тщеславием или гордостью; и там, где думали стоять под защитою совести, сверх опасения, уязвляемся ею палящими стрелами. Восходя в область ума, обретаем новую

брань помыслов, оправдывающих наши действия, и паки осуждающих, побуждающих к подвигам, и паки воспящающих, то сомнениями, то страхом, то рассеянием, воспаряющих к небесам, и низвергающихся во прах, светоносных и омрачающих, чистых и оскверняющих. Внимательные узнают здесь ту брань, о которой говорит один из опытных подвижников, *яко несть наша брань противу крови и плоти, но против начальств и властей и миродержителей тьмы века сего, духов злобы поднебесных* (Ефес. VI, 12). *Сею-то бранию утомленный, вопиет Давид: несть мира в костях моих!* Отчего нет мира у того, который победил всех врагов народа Божия и создал *град мира*, Иерусалим? – *Несть мира*, говорит он, *от лица грех моих* (Псал. XXXVII, 4). Кто из нас дерзнет похвалиться, что в нем нет греха? Посему кто не должен признаться и в том, что в нас нет собственного внутреннего мира, ни мира с Богом, ни мира с самими собою? *Ты, Господи Боже наш, мир даждь нам* (Иса. XXVI, 12)!

Бог – Отец наш, и готов дать нам вожделенный мир, братия Христиане! Для сего Сам Он нарекся *Богом мира* (1 Сол. V, 23); для сего даровал нам Единородного Сына Своего Иисуса Христа, Который *есть мир наш* (Ефес. II, 14); для сего послал в силе Духа Своего *благовествующих мир* (Рим. X, 15), от которых, по непрерывному преданию священного рукоположения, и в нас недостойных *положено слово примирения* (2 Кор. V, 19). Но что говорит *Мир наш* благовестникам мира, которых Он послал во всякий *град и дом*, – ко всякой Церкви и ко всякой душе? – *Аще убо будет дом достоин, придет мир ваш нань; аще ли же не будет достоин, мир ваш к вам возвратится* (Матф. X, 13). Таким образом сколь ни готов для нас мир от Бога: нам приносят его тщетно, если мы недостойны принять его. Что же может соделать нас достойными принять мир, нам подаваемый? Между людьми приобретается мир или самою бранию, или правдою, или по милости: – бранию, когда победитель предписывает мир побежденному; – правдою, когда ищущий мира или удостоверяет в справедливости своей, или сделанную несправедливость заглаживает удовлетворением; – по милости, когда тот, кто не имеет ни силы, чтобы завоевать мир, ни правды, чтобы заслужить оный, предается великодушию оскорбленного враждою и непритворною покорностию своею, или притом и споручением верного и могущественного посредника, приобретает милость мира. Но *мир Божий*, кто может, или восхитить силою от Всесильного, или правдою заслужить от Того, *пред Которым не оправдится всяк живой* (Псал. CXLII, 2)? Кто хотя однажды побежден грехом, тот уже *раб греха* (Иоан. VIII, 34) и *виновен противу всего закона Божия* (Иак. II, 10), требующаго всецелой святости и совершенства по образу *Отца небеснаго* (Матф. V, 48); и потому он не имеет уже ни силы, ни правды; он не может сам собою изгнать воцарившагося в нем зла, и, если делает какое, несовершенное, добро, оно всегда относится к обязанности настоящей и потому никогда не составит удовлетворения правосудию Божию за зло, прежде соделанное. Итак единая для нас надежда мира с Богом есть милость Бога мира, по которой Он не только не хочет мстить нам за греховную против Него вражду, но и хочет нас освободить от поработающих нас сею враждою, врагов Его и наших; не только не взыскует от нас невозможного с нашей стороны удовлетворения Его правосудию, но и приемлет на Себя удовлетворить оному за нас ходатайством и крестным подвигом Единородного Сына Своего; признает нас достойными наслаждаться *миром Его, превосходящим всяк ум* (Филип. IV, 7), как скоро мы признаем собственное недостойнство и утверждаем надежду нашу в Его милосердии. *Благодать Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа* есть единственный для нас источник истинного и совершенного духовного мира. С нашей стороны вера, молитва и смирение открывают в нас ток горнему источнику благодати, и тогда Господь *уклоняет на нас аки реку мира* (Иса. LXVI, 12), которая потопляет в нас все враждебное и все существо наше орошает, прохлаждает, оживляет, исполняет плодами жизни, *возвеселяет* чистыми духовными устремлениями, *освящает в нас селение Вышняго* (Псал. XLV, 5), и, как проистекла из вечной жизни Божией, так и *течет в нас в жизнь вечную* (Иоан. IV, 14).

О мир, вожделенный паче всего! О благодать, вожделенная прежде всего! – ибо мир есть единосущное чадо благодати.

Будучи призван принести ныне Господу начаток общения с сею Церковию, по воле Его, молю всех, Богоугодно стоящих теперь в сем общении, соединить взаимно все сердца в крепком желании *благодати и мира от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*. Единодушная молитва сопастырей и всех верных да привлечет свыше благодать и мир новому пастырю, дабы он с силою и действием мог возвещать пастве благодать и мир. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братие* (Гал. VI, 18); *и мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе* (Фил. IV, 7). *Сам Господь мира да даст вам мир всегда во всяком образе* (2 Сол. III, 16), как во внутреннем, так, по действию внутреннего, и во внешнем. *Мир пасущим стадо Божие*, – в христианском послушании пасомых; мир пасомым, – в отеческом и братском попечении пасущих. Мир начальствующим, – в верности подчиненных; мир подчиненным, – в мудрости и кротости начальствующих. Мир судящим, – в непритворной искренности судимых; мир судимым, – в прозорливости и безпристрастии судящих. Мир продающим и купующим, – во взаимном отвращении от лукавства и обмана. Мир делающим и трудящимся, – в благословенном успехе полезного делания и в обильном плоде труда праведного. *Мир всем!* Аминь.

XLIV.

15. СЛОВО

**в день торжественного венчания и священного
помазания на царство Благочестивейшаго Государя
Императора Александра Павловича.**

(Говорено в Московском Успенском соборе сентября 15 дня;

напечатано в собраниях 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

<1821>

Не прикасайтесь помазанным Моим. Псал.
CIV, 15.

Среди торжества о Помазаннике Божиим, при воспоминании помазания Его, ко времени слово о помазанных Божиих.

И какое слово! Пророк, между *судьбами Божиими по всей земли*, отличая особенную судьбу помазанных, не довольствуется собственным указанием на то очевидное действие сея судьбы, что Бог *не оставил человека обидети их* (14); Он отвергает небо и дает услышать оттоле творческое слово, созидающее их безопасность: *не прикасайтесь помазанным Моим*.

Под именем *помазанных* в сем изречении первоначально разумеются некоторые начальники избранного Богом племени. Но поелику тоже имя помазанных тем же Словом Божиим усвоено предрежащим властям, от Бога поставленным, то мы не погрешим

теперь, если, возведя ум свой на небо, представим себе, что Царь царей и Господь господей, с высочайшаго Престола Своего, указывает на всех помазанных от Него властителей, и заповедует всем подвластным: *не прикасайтесь помазанным Моим!*

Не удивительно, что громовым гласом нужно было возвещать сию заповедь народам языческим, глухим для кроткого слова Божия. Кто бы подумал, что для Христианских народов нужно будет вновь написать ее кровию христианских народов? Но она написана кровию и огнем на жесткой скрижали Европы; и в просвещенном веке есть мудрецы, которые доныне еще не умеют прочесть сих грозных и вместе спасительных писем!

Благочестивые Россияне! кто, как вы ныне, *творит молитвы, моления, прошения, благодарения за Помазаннаго Царя и за всех, иже во власти суть* (1 Тим. II, 1. 2): тот, если делает сие искренно и усердно, являет делом, что на сердце его написан закон благоговения и любви к помазанным Божиим. Посему можно быть уверену, что здесь нет никого, для кого бы нужно было заповедь о неприкосновенности помазанных Божиих проповедывать, как новую заповедь. Но как во время заразы желающие предохранить себя умножают очистительный огонь и курение, так во времена, когда зараженный дух века распространяет мнения тлетворныя, не бесполезно и нам размышлением воздвигать хранящуюся у нас искру истины, дабы чистыми и неповрежденными сохранить чувствования сердечныя.

Еслибы Слово Божие не провозглашало неприкосновенности помазанных Божиих: тем не менее надлежало бы обществу человеческому законом постановить и освятить неприкосновенность власти государственной. Правительство, не огражденное свято почитаемою от всего народа неприкосновенностию, не может действовать ни всею полнотою силы, ни всею свободою ревности, потребной для устройства и охранения общественного блага и безопасности. Как может оно развить всю свою силу в самом благодетельном ея направлении, когда его сила непрестанно находится в ненадежной борьбе с другими силами, пресекающими ея действие в столь многоразличных направлениях, сколько есть мнений, предубеждений и страстей, более или менее господствующих в обществе? Как может оно предаться всей своей ревности, когда оно по необходимости должно делить свое внимание между попечением о благосостоянии общества, и между заботою о собственной своей безопасности? Но если так не твердо Правительство, не твердо также и Государство. Такое Государство подобно городу, построенному на огнедышущей горе: что значат его твердыни, когда под ними кроется сила, которая может каждую минуту все превратить в развалины? Подвластные, которые не признают священной неприкосновенности властвующим, надеждою своеволия побуждаются домогаться своеволия; власть, которая не уверена в своей неприкосновенности, заботою о своей безопасности побуждается домогаться преобладания: в таком положении Государство колеблется между крайностями своеволия и преобладания, между ужасами безначалия и угнетения, и не может утвердить в себе послушной свободы, которая есть средоточие и душа жизни общественной.

Но не простираясь далее в сих гражданских соображениях, обратим внимание к Слову Божию, которому внимать мы призваны, и которое немногими чертами или звуками открывает великий свет.

Не прикасайтесь помазанным Моим. Краткая заповедь, но премудро соединяющая в себе с требованием повиновения глубокое изъяснение сего требования и убеждение к послушанию! *Не прикасайтесь* властям предержащим, глаголет Вседержитель, ибо оне суть *Мои*; не прикасайтесь, ибо оне суть помазанныя от Меня.

Итак, одно из глубоких оснований неприкосновенности предрежащих властей есть то, что оне суть Божии. *Несъ бо власть, какъ говоритъ Апостолъ, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. XIII, 1).

При сей мысли, опять удивляюсь и сетую, вспоминая, какъ некоторые, вопреки столь ясному учению первыхъ, истинныхъ, Богодухновенныхъ учителей Христианскихъ, что *власть отъ Бога*, среди христианства вздумали учить, что власть отъ народа. Спросилъ бы я сихъ людей, которые сами себя провозглашали мудрецами за то, что по обдуманному плану были совершенными невеждами в Христианстве, и учили сему невежеству другихъ; – спросилъ бы я ихъ: где же видели вы народъ, который бы сперва не имелъ надъ собою власти и потомъ сотворилъ ее для себя? В какихъ местахъ? В какихъ времена? Не думаю, чтобы вы решились указать на скопища беглецовъ или разбойниковъ, какъ на первоначальный и совершеннейшій образецъ общества человеческого. Можете ли вы хотя в другомъ роде вещей показать намъ образъ того, какъ, по вашему понятию, происходитъ власть в обществѣ? Если, напримеръ, уподобимъ общество зданию, а власть сравнимъ с основанием, которымъ все поддерживается, или со сводомъ, который все покрываетъ: здание ли полагаетъ свои основания, или возноситъ надъ собою сводъ? Не художникъ ли устрояетъ все сие? Или, если представимъ себѣ общество в видѣ членоваго тела; и власть, какъ орудіе управления и охранения, какъ возбуждательную силу общественной жизни и деятельности, назовемъ главою или сердцемъ: глава и сердце рукамъ ли и ногамъ обязаны своимъ происхождением и достоинствомъ? Не основательнее ли признать общее и высшее начало образования для всего состава членовъ? – Но поспешимъ опять, по совету Апостола, *уклониться отъ прекословій лжеименнаго разума* (1 Тим. VI, 20) и *внимать учению* (1 Тим. IV, 16).

Изыскателю безпристрастному не трудно уразуметь, какимъ образомъ власть, по учению Христианскому, происходитъ отъ Бога. Откуда сие множество людей, соединенныхъ языкомъ и обычаями, которое называютъ *народомъ*? Очевидно, что сие множество *народилось* отъ некоего меньшаго племени, а сие произошло отъ семейства. Итакъ в семействѣ, собственно такъ называемомъ, лежатъ семена всего, что потомъ раскрылось и возрасло в великомъ семействѣ, которое называютъ государствомъ. Следственно тамъ должно искать начатковъ и перваго образа власти и подчинения, видимыхъ нынѣ в обществѣ. Отецъ, который естественно имѣетъ власть дать жизнь сыну и образовать его способности, есть первый властитель; сынъ, который ни способностей своихъ образовать, ни самой жизни сохранить не можетъ безъ повиновения родителямъ и воспитателямъ, есть природно подвластный. Но какъ власть отца не сотворена самимъ отцемъ и не дарована ему сыномъ, а произошла вместе с человекомъ отъ Того, Кто сотворилъ человека: то и открывается, что глубочайшій источникъ и высочайшее начало первой, а следственно и всякой последующей между людьми власти есть в Богѣ. *Изъ Него*, во-первыхъ, какъ изъясняется Апостолъ, *всяко отечество на небесехъ и на земли именуется* (Ефес. III, 15); потомъ, когда сыны сыновъ раздражаются в народъ, и изъ семейства возрастаетъ Государство, необъятное для естественной власти отеческой, Богъ даетъ сей власти новый искусственный образъ и новое имя, и такимъ образомъ Его премудростию *царіе царствуютъ* (Прит. VIII, 15); и далѣе, сколько бы ни продолжались народы, какъ бы ни изменялись Государства, всегда посредствомъ вседействующаго Промысла *владеетъ Вышній царствомъ человеческимъ* (Дан. IV, 22). Поелику во времена неведения, какъ люди забыли Творца своего, такъ и общества человеческія не познавали верховнаго своего Владыки: то Богъ, вместе с другими тайнами Своими, и тайну происхожденія предрежащихъ властей, даже чувственнымъ образомъ представилъ предъ очи міра в избранномъ для сего народѣ Еврейскомъ. В Авраамѣ чудесно вновь сотворилъ Онъ качество отца и постепенно произвелъ отъ него племя, народъ и царство; Самъ руководствовалъ Патриарховъ сего племени; Самъ воздвигалъ вождей и судей сему народу; Самъ *царствовалъ* (1 Цар. VIII, 7) надъ симъ царствомъ; Самъ воцарилъ надъ нимъ царей и долго являлъ надъ ними чудесныя знаменія Своей верховной власти.

Если таким образом всякая предержавшая власть открыто, или сокровенно, исходит от Бога, и Ему принадлежит: то как дерзнуть прикасаться к ней? Если мы требуем, чтобы наше произведение неприкосновенно было для других, и наша собственность ненарушима: кто может ненаказанно нарушить устройство и собственность Вседержителя?

Другое священное основание неприкосновенности предержавших властей есть то, что они суть *помазанные* от Бога.

Имя *помазанных* Слово Божие нередко дает Царям по отношению к Священному и торжественному помазанию, которое они приемлют, по Божественному установлению, при вступлении на Царство. Как бы мы ни рассуждали о сем действии, значит ли оно посвящение помазуемого Богу, или его освящение от Бога, созерцаем ли мы в сем действии таинство, приносящее помазуемому Божественный Дух и силу духовную, или только видим действие торжественное, пред очами народа полагающее на Царя несокрушимую печать Вышняго избрания, – если только имя помазанника Божия не есть слово без значения, то оно представляет лице, запечатленное Богом, священное, превознесенное, достойное благоговения, и потому неприкосновенное.

Но достойно особаго примечания, что Слово Божие именует помазанными и таких земных владык, которые никогда не были освящены видимым помазанием. Так Исаия, возвещая волю Божию о царе Персидском, говорит: *сице глаголет Господь помазанному Своему Киру* (Иса. XLV, I); тогда как сей царь языческий еще и не родился, и родясь, не познает Бога Израилева, в чем и обличается от Него предварительно: *укрепих тя, и не познал еси Мене* (5). Каким же образом сей самый Кир, в то же время, наречен помазанным Божиим? Сам Бог изъясняет сие, когда предрекает о нем чрез того же Пророка: *Аз возставих его; сей созиждет град Мой, и пленение людей Моих возвратит* (13). Приникни здесь, Христианин, в глубокую тайну предержавшей власти! Кир есть царь языческий; Кир не знает истинного Бога: однако Кир есть помазанник истинного Бога. Почему? Потому что Бог, *сотворивый грядущая* (11), назначил его для исполнения судьбы Своей о возстановлении избранного народа Израильскаго; сею Божественною мыслию, так сказать, помазал Дух его еще прежде, нежели произвел его на свет: и Кир, хотя не знает, кем, и для чего помазан, движимый сокровенным помазанием, в царстве языческом совершает дело Царствия Божия. Как могущественно помазание Божие! Как величествен помазанник Божий! Если только не изглаждает он в себе помазания Божия упорным противлением помазавшему его Богу: то он есть живое орудие Божие; сила Божия исходит чрез него во вселенную, и движет большую или меньшую часть рода человеческого, к великой цели всеобщаго совершения. Если таков может быть даже неведущий Бога: не много ли паче священно величие тех помазанников, которые познали Помазавшаго их, и дар помазания не только прияли для других, но и для себя объяли верою и благочестием, как Давид, Иосия, Константин Великий, помазанные для того, чтобы с собою воцарять благочестие, и – не усумнимся присовокупить – как Александр Благословенный, помазанный разрушить мятежное могущество нечестия в сии последния времена?

О таковых сугубо священных помазанниках, еслибы грозная заповедь не возвещала, благоговейная любовь сама собою чувствует, что *касаяся их, яко касаяся в зеницу ока Господня* (Зах. II, 8).

Храните же внимательно зеницу ока Господня, *не прикасайтесь Помазанным Его*. Заповедь Господня не говорит: не возставайте противу предержавших властей. Ибо подвластные и сами могут понимать, что, разрушая власть, разрушают весь состав общества, и следственно разрушают сами себя. Заповедь говорит: *не прикасайтесь* даже

так, как прикасаются к чему либо без усилия, без намерения, по легкомыслию, по неосторожности; ибо случается нередко, что в сем неприметно погрешают. Когда власть налагает на подвластных некое бремя, хотя и легкое и необходимое: как легко возбуждается ропот! Когда подвластные видят дело власти, несогласное с их образом понятия: как стремительно исторгаются из уст их слова осуждения! Как часто необученная послушанию мысль подчиненного, нечистым прикосновением, касается самых намерений власти, и полагает на них собственную свою нечистоту! Клеврет мой! кто дал тебе власть над твоими владыками? Кто поставил тебя судиею твоих судей? Христианская душа! ты призвана *повиноватися за совесть* (Рим. XIII, 5): елико можно, не прикасайся власти, ниже словом ропота, ниже мыслию осуждения; и веруй, что *якоже возвеличися душа Помазанных во очию твою, тако возвеличишься ты пред Господом, и покрывет тя, и измет тя от всякия печали* (1 Цар. XXVI, 24). Аминь.

XLV.

16. СЛОВО

о нетлении святых мощей, на память Преподобного Сергия.

(Говорено в Троицкой Сергиевой лавре сентября 25 дня;

напечатано в собраниях 1821, 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.)

<1821>

И кости твоя утучнеют, и будут, яко вертоград напоенный, и яко источник, емуже не оскуде вода. Исаии LVIII, 11.

Во дни Пророка Исаии были люди, – какие, вероятно, есть и ныне, – которые жаловались на Бога, для чего не награждает Он их благочестия. *Что яко постихомся, и не увидел еси?* Пророк отвечает на сие, что и *пост и суббота*, и благочестивый подвиг, и духовное празднование, приятны Богу, если люди во дни пощений своих не обретают волей своих, если не творят хотений своих в день святой (3); и, в награду за сие непритворное благочестие, обещает между прочим, что *и кости* таковых людей *утучнеют, яко вертоград напоенный, и яко источник, емуже не оскуде вода.* – Неожиданное обещание! Кости сего тленного тела, кажется, не тучнеют от подвигов поста, ниже от субботствования духовнаго. – Подобно сему, другой Богопросвещенный муж, *восхваляя мужей славных*, между прочим говорит: *и обоюнадесяте Пророков да процветут кости от мест своих* (Сир. XLIX, 12). Но кости сих Пророков давно уже почивали во гробах, когда сие написал о них сын Сирахов. Итак неужели кости угодивших Богу и в умерщвлении плоти *тучнеют*, и во гробах *процветают*?

Воистинну *тучнеют и процветают*! Тучнеют и процветают кости благочестивых во время жития их, духовно, когда, *яко от тука и масти, исполняется душа их радостию* (Псал. LXII, 6) о Боге; когда *праведник, яко финикс, процветает* (Псал. XCI, 13) благими делами, приносящими плод во святыню; – тучнеют и процветают, несмотря на то, что плоть их увядает и изсыхает от подвигов воздержания; ибо, *еще и внешний их человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. IV, 16). По смерти же тучнеют и процветают кости благочестивых славою их добродетелей, так что они, быв нередко умалены и забвенны в жизни, являются великими и знаменитыми по смерти, так что гробы их бывают великолепнее жилищ, в которых они обитали.

Но кроме сего, в предлежащих нам священных останках Праведника мы усматриваем собственными очами еще образ, как и во гробах *тучнеют и процветают* кости праведных. И все тела человеков, по смерти их, подобно семенам, погребенным в земле, и растениям во время зимы, медленным, неприметным для нас прозябением, среди самого истления, постепенно прозябают и приготавливаются к животворной весне общего воскресения. Но некоторые тела праведников подобятся лавровым и некоторым другим деревьям, во время самой зимы очевидно растущим и зеленеющим; *хранимая Господом кости их* (Псал. XXXIII, 21), и после смерти, являют в себе, *яко тук и масть*, духовную силу жизни, чудесно изливающуюся и на то, что их окружает; их тела прежде общего воскресения *процветают* начатками нетления.

От чего сие и для чего? От чего нетленны тела праведников? Для чего Бог дарует им сие нетление? Разсуждение о сих вопросах может объяснить одну из наград благочестия, и одно из побуждений к благочестию.

Бог, как говорит Премудрый, *созда человека в неистление* (Прем. II, 23). Дух его жил Словом Божиим, и потому наслаждался блаженным безсмертием; тело его питалось от древа жизни, и таким образом должно было сохраняться в безболезненном нетлении. *Единем человеком*, – так изъясняет Апостол печальную перемену сего состояния, – *единем человеком грех в мир вниде, и грехом смерть, и тако смерть во вся человеки вниде, в немже вси согрешиха* (Рим. V, 12). Итак причина, по которой человек смертен, и тело его тленно, есть грех, – яд, который принял человек первоначально душою, но который, в дальнейшем действии своем, отравил и тело, медленную отчасти, но вообще смертоносною отравой. Из сего не трудно усмотреть, что возвращение человека в неистление возможно только тогда, когда он перестанет отравлять себя грехом.

Но возможно ли сие после того, когда *грех во весь мир вниде*, когда мы, в беззакониях зачинаемся, *раждаемся во грехах* (Псал. L, 7) и, как бы по естественной необходимости, *пьем неправды, якоже питие* (Иов. XV, 16)? Притом для исцеления зараженного ядом потребно нечто более, нежели только прекратить употребление яда. Никто не может быть творцом самого себя: смертно болящий или умерший не может даровать себе здоровья или жизни, которых источник в нем затворился. Если и в неповрежденном состоянии своем человек жил, как мы сказали, словом Божиим: кольми паче смертного возставить в безсмертие, и растленного в нетление, не может ничто, кроме Творческого слова Божия.

Слово Творческое вновь изречено в поврежденное грехом творение Божие, для его восстановления, и низведено в нем до такой глубины, до какой грехом низпали человеки. *Слово плоть бысть* (Иоан. I, 14). Теперь все падшее и отчужденное от жизни Божией получает новый, возвратный ход. Источник Божественный вновь открывается во глубине человеческой природы и внутренне изливает в нее благодатный свет и силу. Здесь обретает душа человеческая врачевство, очищающее и исцеляющее, которое истребляет в ней смертоносный яд греха, и вместе врачевство укрепляющее и предохраняющее, которое не допускает сей заразе возобновляться и усиливаться новыми грехопадениями. Животворное действие благодати, так же как некогда смертоносное действие греха, простирается по всему существу человеческому от духа до тела; и поелику сила Божия конечно могущественнее, нежели сила греха, которая собственно есть немощь, то не удивительно, что благодать, по выражению Апостола (Рим. V, 20), *преизбыточествует*, паче *умножившагося греха*, что она действительно исцеляет и восстанавливает, нежели грех заражает и разрушает. *Аще прегрешением единаго*, разсуждает Апостол, *мнози умроша, множае паче благодать Божия и дар благодатию единаго человека Иисуса Христа во многих преизлишествова* (Рим. V, 15): *Да якоже царствова грех во смерть, такожде и благодать воцарится правдою в жизнь вечную, Иисусом Христом Господем*

нашим (21). Таким образом Слово Божие, нисходя до воплощения, самой плоти открывает путь восходить до нетления и прославления; Иисус Христос становится *воскрешением* нашим (Иоан. XI, 25), и когда вселяется верою в сердца наши, тогда и в самых телах, верою очищенных и освященных, скорее или медленнее просиявает сила Его воскресения.

Примечайте в целом бытии рода человеческого, как явление сея силы воскресения всегда соразмерно было с постепенным открыванием воплощенного Слова Божия. В первые веки, когда всю тайну Христову находим заключенною в одном слове *о семени жены, сокрушающем главу змия*, и силу воскресения усматриваем во одном Энохе, который, как уединенный орел в обновленной юности, воспаряет в нетлении над целым миром, чрез господствующее растление нравственное приближающимся ко всеобщему истлению естественному. Во времена Пророков, когда обетование о Христе, как *о семени, в котором благословятся все народы*, многократно повторенное, и более объясненное, ощутительнее возбуждало веру, и потому обильнее вселяло в сердца, хотя и глубоко еще сокровенную силу Христову, и сила воскресения не только, по подобию Эноха, явилась в Илии, при взятии его на небо, но кроме того еще в продолжение земной жизни открывалась в Илии же и Елисее, воскресением умерших; и даже, – что составляет единственный в священных сказаниях пример прежде пришествия Христова, но согласный со многочисленными сего рода явлениями по пришествии Христовом, – сила воскресения сверх чаяния воздействовала некогда чрез кости умершего уже пророка Елисея. *Бысть*, повествует книга Царств (4 Цар. XIII, 21), *бысть погребаящим мужа, и се видеши воинов, и – от страха – повергоша мужа в гробе Елисеове: и впаде тело человека мертва, и прикоснуся костем Елисеовым, и оживе, и воста на ноги своя*. Когда же, столь давно предреченное, и постепенно предуготовленное, воплощение Слова Божия наконец совершилось; тогда, кто не знает, какими быстрыми потоками сила воскресения потекла по сей, еще и не обновленной, земле? Сообразно с целию настоящего разсуждения, особенно должно указать здесь один случай. Когда Иисус Христос вольным страданием нашего ради спасения допустил низвести Себя в область смерти для того, чтобы ввести туда собственную силу жизни, и таким образом разрушить царство смерти в самых основаниях его: тогда сила Его немедленно проникла все, и в том, что способно было принять ее, тотчас ознаменовала себя животворным действием. Вот изъяснение того, что в то время *и гроби отверзошася, и многа тела усопших святых восташа* (Матф. XXVII, 52).

Иисус Христос вчера и днесь, Той же и во веки (Евр. XIII, 8). Он яко Бог *действует вся во всех* (I Кор. XII, 6), действует и ныне, подобно как действовал от начала, и действовать будет до конца; действует в малом, равно как в великом, действует как во всей Церкви, которая есть тело Его, так и во всех верующих, которые суть члены Его. Он *воображается в них* (Гал. IV, 19), *живет в них* (Гал. II, 20), и как *в Нем Самом живет всяко исполнение Божества телесне* (Кол. II, 9), так, по некоему образу сего Божественного таинства, и Он благоволит жить в избранных Своих даже телесне, поколику обретает их способными ко внутреннему с Ним общению. Обретает ли Он ум, постоянно к Нему обращаемый благоговением и молитвою? Он *воображается* в уме, и исполняет его светом Своим, истиною Своею, *безвестная и тайная премудрости Своя являет ему* (Псал. L, 8). Обретает ли сердце, отверстое пред Ним покаянием, верою и любовью к Нему? Он *вселяется в сердце* (Ефес. III, 17), и с Собою вносит в него новую жизнь, вместо плотской духовную, вместо земной небесную, преобразует любовь человеческую в Божественную, и свойства человеческия в Ангельския. Обретает ли наконец и тело, в сообразность с душою, непрестанно очищаемое воздержанием и подвигами, и потому способное принимать и сохранять в себе как-бы некие отпечатки и следы внутренних движений благодатных? И оно, некоторым образом, и даже в земной еще жизни, начинает быть Богоносным. Сколь бы ни странно казалась для некоторых

мысль о Богоносном теле земного человека: я не раскаяюсь, что произнес ее; ибо не догадкою и соображением составляю сей образ, но обретаю его на самом опыте, который представили еще Апостольския времена, и о котором предание времена Святых благоговейно сохранили. Святый Игнатий Богоносец так приобык питать сердце свое любительным воспоминанием сладкаго имени Иисуса Христа, что сие глубокое душевное впечатление чувственным образом отпечатлелось в телесном органе, и когда, после мученической кончины его, разсечено было его сердце, в нем усмотрели буквенно изображенное имя Иисуса Христа (Чет. Мин. Дек. 20). Как сосуд, в котором долго хранится благовонная масть, заимствует от нея силу благоухания: так самое тело Христианина, в котором постоянно обитает благодатная сила Христова, проникается ею во всем составе своем, и даже благоухает ею для других. И поелику *сила Христова* нетленна, то естественно, что она, *вселяясь* (2 Кор. XII, 9) в человека, *иже Христовы суть* (Гал. V, 24), и телесам их сообщает нетление; поелику сила Христова всемогуща, то с естеством ея согласно и то, что она чрез них чудодействует, когда то благоугодно Господу, подобно как некогда чудодействовала, чрез *главотяжи и убрусцы*, которые были на теле святого Апостола Павла, и приняли в себя *пот* его (Деян. XIX, 12), и чрез одно *осенение тению* святого Апостола Петра (Деян. V, 15).

Какое, братия, дивное воздаяние за благочестие, что им не только дух человеческий возводится к благодатному общению со Христом, но и самое тело, которым совершаем сии малые подвиги пощения, молитвенного коленопреклонения, братолюбного служения, соделывается чрез то причастным благодатной силы Христовой, животворящей и чудодейственной! И если сие на земли еще, то на небеси какая жизнь, какое могущество, какая слава ожидает благочестивых!

Между тем примечать можем, что не все благочестивые, и даже не все Святые участвуют в сем *первом*, так сказать, *воскресении* (Апок. XX, 6), которое состоит в чудесном на земли нетлении освященных телес их; подобно как и в первоначальном явлении сего первого воскресения, *многа телеса усопших святых восташа*, но не все телеса святых усопших. Что значит сие? Неужели не правосуден Бог ко Святым Своим, одним увеличивая меру благодати, а другим уменьшая, одним безсмертие приближая, а других отдаляя, одних прославляя, а других сокрывая? Без сомнения, никто, знающий Бога, не может сего помыслить. Итак, что значит видимое неравенство видимой награды, даруемой Святым? Может-быть, оно некоторым образом соответствует степеням внутреннего их освящения, по которому, – скажем словами Апостола, – как *звезда от звезды разнствует во славе, такожде и воскресение мертвых* (1 Кор. XV, 41. 42), и последнее, совершительное, и первое, начинательное: но с большею основательностию из неравенства сей предварительной награды Святым заключить можем, что сия награда им даруется не столько в воздаяние собственно им, сколько для другой, с премудростию и благодатию Божиею сообразной, цели. В самом деле, для тех, которые не ищут славы человеческой, и которые уверены, что вечно будут царствовать во славе Божией со Христом, велико ли то, чтобы иметь или не иметь временных начатков сея славы на земли? – Но как с воскресением Христовым *многа телеса усопших святых восташа* для того, чтобы, *по воскресении Его, внити во святыи град, и явитися мнозем живущим*, для удостоверения их об открывшейся силе воскресения: так и до ныне телеса усопших Святых являются в нетлении, с силою чудодейственною и животною, для нас живущих, для удостоверения, – если к стыду времени есть и такие между нами неверующие, – для удостоверения в воскресении Христовом и в нашем будущем воскресении, для укрепления немощных в подвигах противу греха и смерти, для возбуждения невнимательных и нерадивых к подвигам благочестия.

Поминайте наставники ваша, учит Апостол Христиан своего времени, поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, иже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их (Евр. XIII, 7). Как бы так рассуждал он: «мы не довольствуемся поучать вас нашим словом; не все души довольно отверсты для него, и не все сохраняют его, когда приемлют. Для сего указуем вам еще на пример *наставников ваших*, и в сем примере на то, что сильнее поражает чувства, и тем глубже проникает в душу, – на *скончание жительства их*, запечатленное ясными знаменами веры». Зрелище подлинно назидательное, и в молчании более обильного слова говорящее духу! Но как слово наконец умолкает; так и пример наконец скрывается: и память скончавшихся наставников может угаснуть. Что же творит Бог, *хотящий всем человеком спастися и в разум истины прийти* (1 Тим. II, 4)? Он, так сказать, увековечивает назидательную кончину совершившихся во благочестии наставников. Проходит несколько веков, и мы все еще видим ее собственными очами, взирая на нетленные останки их. Сие нетление, сия целебная и живоносная сила, от них исходящая, внятнее и убедительнее слова поучают нас благочестию, и побуждают *подражать вере их*.

|| На что более мое скудное слово? – Довольно и для нас, братия, того неумолкающего поучения, которое приносит сей безмолвный гроб. Можно ли не слышать сего поучения? Можно ли, слыша, не разуметь его? «*Взирайте*, глаголет сам скончавшийся Наставник наш, *взирайте на скончание моего жительства*, которое я столько веков представляю пред очи моих учеников, и всех требующих наставления. Вы все признаете, что скончание жительства моего благословенно и блаженно; я слышу, в Боге моем, как вы оное ублажаете; вижу, как стекаетесь торжествовать оное. Для меня ли ублажаете вы кончину мою? Ваши ублажения не умножат моего блаженства в Боге моем. Но если вы ублажаете кончину мою: то ублажите и житие, которое привело меня к сей кончине, и ублажите оное для вашего собственного блаженства. Сугубо неизвинителен тот, кто, видя путь, уклоняется в заблуждение; видя благий пример, во зле закосневает. Сугубо бедственно, близ пристанища претерпеть кораблекрушение и потопление, при виде награды заслужить наказание, при виде блаженства погибнуть. Единственное приращение, какое вы можете доставить моему блаженству, есть то, чтобы доставить моей к вам любви радость вашего спасения. Ублажите самих себя, подражанием вере моей со всеми плодами, которые произвела от нея благодать Христа моего и вашего».

Что речем на сие, братия? – Ей, Богоносный Отче наш и Наставниче! *Буди нам по глаголу твоему*. Аминь.

XLVI.

17. СЛОВО

в день собора святого архистратига Михаила.

(Говорено в Архангельском кафедральном соборе;

напечатано в собраниях 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

<1821>

Не вси ли суть служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение? Евр. I, 14.

Торжественно собрался ныне собор земный, воздать честь Собору небесному; собрался собор человеков, воспеть хвалы Собору Ангелов. Для чего? *Не все ли они*, говорит Апостол, изъясняя высокое превосходство Сына Божия пред Ангелами, не все ли они *суть служебные духи*? Для чего же Церковь, которая часто изъясняет желание вместе с Ангелами служить Богу, и славословить Его благодать, теперь, так сказать, остается позади их, и совершает род служения в честь их самих? Сие тем более требует исследования, что и древний закон, *вчиненный Ангелами* (Гал. III, 19), не представляет никакого торжественного установления в честь Ангелов.

Самое обыкновенное основание священных установлений, – говоря сие, мы не колеблем других оснований, глубоких и таинственных, – самое, говорю, обыкновенное основание церковных установлений есть благочестивое напоминание. *Помни день субботный* (Исх. XX, 8), говорит заповедь. *Будет вам день сей в память* (Исх. XII, 14), говорит закон Пасхи. *Сие творите в Мое воспоминание* (Лук. XXII, 19), говорит Сам Иисус Христос, устанавливая таинство Тела и Крови Своей. На сем основании древний закон не мог основать особенного церковного установления в честь Святых Ангелов в такие времена, когда человеки склонны были воздавать служебным силам честь Божескую, и когда всего более нужно было напоминать о подобающем служении единому Богу. Ныне, под законом Христовым, совсем иныя времена. Единство Божие как солнце, озаряет умы: но как звезды неприметны при солнце; так при занятии любомудрствующаго ума одною великою мыслию о Свете несотворенном, некоторые уже не примечают светов сотворенных, малых конечно перед Оным, впрочем чистых и благодетельных, – не примечают *служебных духов, посылаемых от Бога в служение для тех, которые должны наследовать спасение*; а не примечая их, устраниются от их благодетельнаго сообщества и помощи. Для таких времен прозорливо и премудро установила Церковь торжествовать в честь Собора небесных Сил, дабы мы немощные земнородные получали назидательное напоминание о сих споспешниках нашего спасения.

Удивительно, что забвение о небесных Силах в некоторых из Христиан простирается до того, что сомневаются даже о существовании невидимаго мира. Если бы не имели мы о сем свидетельства в книге Откровения: мы могли бы найти оное в книге природы. На всем видимом написано свидетельство о невидимом. Апостол Павел говорит, что *невидимое Божие, Его присносущая сила и Божество, от создания мира, чрез разсматривание тварей, есть видимо* (Рим. I, 20): но как не все видимое может отнесено быть непосредственно к невидимой силе Божией; то, на основании Апостольскаго изречения, можно видеть мир невидимый, сквозь мир переходящих образов – мир постоянных сил, посредством которых вседетельная сила Божия держит, *носит* (Евр. I, 3), движет, управляет и сохраняет все видимое. Посмотрите на дерево или траву: то, что вы видите, может только увянуть, засохнуть и разрушиться; а то, что производит зелень, рост, цвет и плод, не есть ли невидимое? Оглянитесь на самих себя: то, что в вас чувствует, желает, мыслит, не есть ли невидимое? Приметьте подобную лестнице постепенность тварей, которая потолику совершеннее одна другой, поколику более открывается в них действие невидимаго; начните от земли и камня, в которых невидимое совершенно погребено; взойдите по лестнице видимых тварей до человека, в котором невидимое может уже господствовать: не естественно ли над сею степенью предполагать твари, в которых видимое совершенно поглощено, – существа, чисто невидимыя, духовныя?

Правда, в нынешнем омраченном состоянии человека и мира, сквозь письмена видимых вещей тускло мелькает свет мира невидимаго. Но за то в книге Откровения очищенное верою око ясно усматривает не только существование мира невидимаго, но и его близость, и тесный союз его с видимым. Там Херувим стережет путь древа жизни (Быт. III, 24); здесь Ангел утешает отчаянную Агарь (Быт. XVI, 7–12); в другом месте

Ангелы вместе с Господом гостят у Авраама (Быт. XVIII); Ангелы спасают Лота из погибающего Содома (Быт. XIX); Ангел сохраняет жизнь умирающему от жажды Измаилу (Быт. XXI, 17–19); Ангел и, может быть, более, нежели Ангел по существу, однако же Ангел по явлению и по наименованию в священном бытописании, – удерживает руку Авраама, вознесенную на заклание Исаака, и осыпает его благословениями (Быт. XXII, 15. 17); Ангела обещает Авраам в руководство рабу своему (Быт. XXIV, 7), и сей раб дивно руководствуется в обретении Ревекки. Иаков, то спящий во множестве видит Ангелов, по лестнице восходящих на небо, и нисходящих на землю (Быт. XXVIII, 12), то бдящий встречается с полками Ангелов (Быт. XXXII, 1). Ангел является Моисею в горящей купине (Исх. III, 2), для приготовления его к изведению Израильтян из Египта. Ангел в столпе огненном и облачном предшествует Израильтянам из Египта, заграждает их от преследующих Египтян (Исх. XIV, 19), сопровождает чрез Черное море, и сорок лет непрерывно странствует с ними по пустыне. Под *распоряжением Ангелов приемлют* (Деян. VII, 53) Израильтяне закон Моисеев. *Архистратиг силы Господни* является Иисусу Навину (Иис. Нав. V, 14), и распоряжает чудесное завоевание Иерихона. Ангел, вместо Пророка, проповедует Израильтянам, и плачущий от его проповеди народ ознаменовывает место его явления именем *Плача* (Суд. II, 1–6), Ангел призывает Гедсона к избавлению Израильтян от порабощения (Суд. VI, 11); Ангел двукратно посещает родителей Сампсона, предсказывает необыкновенное рождение, и научает воздержанием матери охранять плод чрева (Суд. XIII). Ангел поражает Иерусалимлян за тщеславие Давида (2 Цар. XXIV, 16), и Ассириан за гордость Сеннахирима (4 Цар. XIX, 35). Пророк Илия неоднократно в действиях своих руководствуется Ангелом (3 Цар. XIX, 5; 4 Цар. I, 15); Елисей показывает отроку своему сонм Ангелов, подобный охранительному воинству (4 Цар. VI, 17). Исаия видит Серафимов окружающих Престол Господень, и от одного из них приемлет огненное очищение (Иса. VI); Иезекииль среди отверстых небес созерцает четыре Богоносных животные и одушевленные колеса (Иез. 1); Даниил зрит *тысящи тысящ служащих* Ветхому деньми, *и тмы тем предстоящих Ему* (Дан. VII, 10); иногда встречается он Ангела хранителя и, может быть, более нежели Ангела, в разженной печи (Дан. III, 92); иногда во рве львином (Дан. VI, 22); иногда Гавриил *парит* над ним, и *прикасается* к нему, и изъясняет ему видения (Дан. IX, 21); иногда в откровениях своих он слышит *о Михаиле, едином от первых старейшин* небесных, и *Князе* народа своего (Дан. X, 13. 21). Захария, кроме того, что видит и слышит Ангелов, многократно *в себе ощущает Ангела глаголющего* (Зах. I, 14). О Господи сил! Какие воистину Соборы небесных Сил собираешь Ты для земнородных! Как дивно *ополчаешь Ангелов Твоих окрест боящихся Тебе* (Пс. XXXIII, 8)! Каким содружеством, каким единством сопрягаешь духи Ангельские и человеческие!

Может быть, некоторые думают, что Ангелам покорены были только ветхозаветные времена теней и гаданий, подобно тому, как видимые звезды поставлены для обладания нощию. Посмотрим. Откроем Новый Завет. Се восходит солнце духов; является Царь откровений, Иисус Христос. Что же? Должны ли исчезнуть звезды? Должны ли удалиться служебные духи Света? Или присутствие солнца не уничтожит звезд, а только сделает их менее приметными? Или и в присутствии Царя, царственные служители будут учреждать и облегчать доступ к Нему? Но почто вопрошать о сем? Сам Царь провозглашает, чему быть надлежит: *отселе узрите небо отверсто, и Ангелы Божия восходяща и нисходяща к Сыну человеческому* (Иоан. I, 51): и действительно, мы видим Ангела, возвещающего неплодное зачатие Предтечи (Лук. I, 11) и безсеменное зачатие Спасителя (Лук. I, 26), целое воинство Ангелов, воспевающих славу рождения Спасителя (Лук. II, 13), Ангела разрешающего недоумение Иосифа (Матф. I, 20) и устрояющего безопасность Младенца Иисуса от ищущих души Его (Матф. II, 13), Ангелов служащих Иисусу по искушении Его в пустыне (Матф. IV, 11), Ангелов усвоенных каждому младенцу, *выну видящих Отца*

небесного (Матф. XVIII, 10), более двенадцати легионов Ангелов, готовых ополчиться за Иисуса против Иудеев (Матф. XXVI, 53), Ангела явившагося для укрепления Его в Гефсиманском подвиге (Лук. XXII, 43), Ангелов отверзающих гроб Его (Матф. XXVIII, 2), возвещающих Его воскресение (Иоан. XX, 12), Ангелов сопровождающих Его вознесение и возвещающих Его паки пришествие (Деян. I, 10. 11), Ангелов разрешающих узы (Деян. XII, 7), и отверзающих темницы для Апостолов (Деян. V, 19); наконец Ангела только еще возникающему от тьмы язычества Корнелию явившагося для того, чтобы указать ему вход в Церковь Христианскую (Деян. X, 3–6).

Христиане! Иисус Христос, по изречению Иоанна Богослова, есть *Святой, истинный, имеющий ключ Давидов, отверзай, и никтоже затворит* (Апок. III, 7). Итак, если Он отверз небо: кто же смеет затворить его? Или кто смеет сказать, что теперь уже не время видеть Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих по воле Сына человеческого? *Не вси ли суть служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение?* Кто же и ныне может утверждать, что они уже без дела и мы без помощи?

Но чем несомненное удостоверяемся мы о близости к нам святых Ангелов и о их готовности на помощь нам: тем с большею заботливостию мы должны помыслить о том, от чего в наши дни так мало слышат о сей помощи, а еще менее верят слышанному о том. Или нет при нас Ангелов; или мы не замечаем их; или удаляем от себя. Что их нет, то не правда, как мы видели. Следственно правда то, что мы или не замечаем их, или даже удаляем от себя.

Как в видимых своих явлениях святые Ангелы не редко принимаемы были человеками за подобных человек: так легко случиться может, что и невидимые их действия человек примет за собственные человеческие или обыкновенные естественные действия. Не случается ли, например, что, среди недоумения или некоего бездействия ума, вдруг, как молния, просиявает чистая, святая и спасительная мысль; что в обуреваемом или холодном сердце мгновенно водворяется тишина, или возгарается небесный пламень любви к Богу? Если всякое явление по роду своему свидетельствует о присутствии действующей силы, то сии внутренния явления души нашей не свидетельствуют ли о присутствии небесных Сил, по человеколюбию бросающих лучи свои в наш ум и искры в наше сердце? Не суть ли это действия Ангелов, по изречению Пророка Захарии, *глаголющих в нас?* Как достойно сожаления, если мы не замечаем сей Ангельской помощи! Ибо, не примечая, не приемлем ее, как должно, и не пользуемся ею; не пользуясь, остаемся неблагодарными и виновными, не готовя себя к другим подобным посещениям и таким образом даже удаляем от себя хранителей наших.

Если мы человеки удаляемся от человек, которых расположения противны нашим расположениям; если наставник наконец отрекается от ученика, не внемлющего наставлениям, или пестун от воспитанника, отвергающего руководство; если самый отец удаляет от себя непокорливого сына: то как не удалиться наконец от нас святым Ангелам, когда мы не следуем их спасительным внушениям, и оставляем бесплодным для нас их служение? Как не удалиться от нас небесным Силам, когда мы предаемся токмо земному? Как не удалиться чистым духам, когда мы живем в нечистотах плоти? Как не удалиться Ангелам Божиим, когда мы непрестанно имеем в мыслях и в желаниях не Бога и Христа Его, но мир и самих себя?

Чада церкви! Чада Божии! Будем ходить, яко чада послушания. Не слышим ли, как мать ежедневно просит нам у Господа и Отца нашего *Ангела мирна, верна, наставника, хранителя душ и телес наших?* Не отвергнем блага, о которых она столько для нас подвизается. Презрим земное и приблизимся к небесному. Очистим чувства, и узрим

сверхчувственное. Изгоним из души нашей плотския желания и суетные помыслы, и тогда посетят ее безплотныя Силы, и поведут нас с собою *от силы в силу*, доколе наконец и Сам *явится Господь Бог в Сионе* духа нашего (Псал. LXXXIII, 8), и *сотворит* в нем Себе *обитель* (Иоан. XIV, 23). Аминь.

XLVII

18. СЛОВО

к восприемлющим обет сердобольных вдов.

(Говорено в Мариинской церкви Императорского вдовьяго дома

декабря 12 дня напечатано в собраниях 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.)

<1821>

Вдовицы чти сущия истинныя вдовицы (1 Тим. V, 3), пишет Апостол Павел к Тимофею, Епископу Ефесскому. Здесь и теперь прилично вспомнать сию Апостольскую заповедь.

Дабы правильно разуметь изречение Апостола, надлежит знать, что, в первыя времена Христианства, кроме известного, никогда неизменяемаго чина Священноначальственного и Священнослужебнаго, учрежден был в Церкви некоторый особенный разряд служебных лиц из женскаго пола, которыя назывались *вдовицами* потому, что избираемы были действительно из вдовиц, а иначе *Диакониссами*, то-есть *Служительницами* потому, что должность их была, служить Церкви по некоторым ея поручениям. Им поручаемо было между прочим попечение о бедных, хождение за больными, и особенно, во времена гонения на Церковь, посещение исповедников веры в темницах. Сим *вдовицам*, и ради сих полезных служений, оказывать уважение завещавал Апостол, когда писал к Тимофею: *вдовицы чти*.

Прошли времена гонений. Христианское человеколюбие могло действовать свободнее прежняго. Казалось, менее нужными сделались и особенныя *служительницы* Христианскаго человеколюбия. Между тем соблазны между самыми Христианами умножались. Казалось, нужнее сделалось удаление от обращения в смешенном обществе Христиан, большею частию слабых и ложных. Апостольское учреждение *вдовиц* скрылось в уединенных обителях и пустынях.

Теперь смотрите, как дух истиннаго Христианства, проходя сквозь изменения времен, сквозь разнообразие народов, остается однако всегда одинаков и сам себе подобен; как еще и ныне возобновляет он первыя свои благотворныя действия в подобном прежнему виде и в подобной силе. Монархиня, Матерь Благословеннаго из Монархов, следственно Благословенная из – матерей, с сей высоты земнаго благополучия, глубоко нисходит к страждущему человечеству, и является Материю сирот, вдовиц, оставленных, беспомощных, болящих. Будучи не только человеколюбива, но изобретательна в человеколюбии, Она из призренных человеколюбием устрояет себе новыя орудия человеколюбиваго призрения. Так между призренными Ею вдовицами Она взыскивает *истинных вдовиц*, способных и расположенных верно проходить служение человеколюбия; по чувствованиям собственнаго сердца нарекает их *Сердобольными*, и, торжественно посвящая их в служение болящим, ради пользы, трудности и святости сего служения, *чтит* их особенною честию, утвержденною Державным соизволением Благочестивейшаго Монарха.

Таков жребий, приемлемый ныне вами, Боголюбивыя и человеколюбивыя сестры о Господе! Уже называю вас Боголюбивыми и человеколюбивыми, по уверению, что вы уже испытаны и обретены достойными торжественного служения Христианскому человеколюбию. По долгу же вверенного мне служения напоминаю вам, что Евангелие усваивает *честь* только *истинным вдовицам*, и сего ради завещаваю и молю: готовясь теперь произнести пред Всевидящим Богом обет сердоболия, и принять честь сердобольных вдовиц, восприимите, возобновите искреннее и чистое желание быть *истинно сердобольными вдовицами*, Боголюбивыми и человеколюбивыми.

Посмотрите на образ истинной Христианской вдовицы, написанный в Евангелии: *истинная вдовица и уединенная уповает на Бога, и пребывает в молитвах и молениях день и ночь* (1 Тим. V, 5). Если сократить сие в одну черту: сие значит, что она должна быть благочестива, или Боголюбива. Далее Апостольское учреждение при избрании вдовицы требует о ней изыскания, *аще святых нозе умы, аще странныя прият, аще скорбных снабде* (10). Сие значит, что она должна быть деятельно человеколюбива. Вот образ вашего служения! Приближаясь к сему образцу, вы будете приближаться к совершенству в своем деле. Надобно вам часто взирать на сей образ оком ума, и с новым всегда вниманием стараться изобразить оный в сердце.

Чем искреннее будете вы человеколюбивы и Боголюбивы в сердце: тем менее трудности будете вы находить в делах служения вашего, тем более успеха, тем более блаженства!

Предварительным опытом конечно вы узнали уже некоторые трудности восприимлемаго вами служения. Как может облегчать их любовь, сие можно усмотреть из обыкновенных случаев жизни. От чего, например, мать часто в глубокую ночь непринужденно бодрствует над своим младенцем, а кормилица не может победить сна? Не силою ли матерней любви уничтожается трудность долговременного бдения? Если таким образом естественная человеческая любовь облегчает трудные дела: менее ли сильно будет благодатное человеколюбие, одушевляемое силою любви Божественной? Если будете помышлять, что все человеки по природе суть одно в первом человеке, и разделясь, как потоки одного источника, паки сливаются в одно по благодати в Иисусе Христе; если сообразно с сим размышлением будет чувствовать и сердце ваше, что между вверяемыми попечению вашему точно нет ни одного чужаго: то попечение о ближних не будет разниться от попечения о себе; а свое бремя не тяжело, как говорит опытное присловие. Если будете помышлять, что мы не иначе живем, и не имеем иной надежды жить, как любовью и милостию Отца небеснаго, что каждую минуту Он совершает для нас более благодеяний милования, хранения и помощи, нежели мы можем совершить для других во всю жизнь нашу: то вы всегда будете чувствовать, как мало и ничтожно то, что мы делаем для ближних, а потому возжелаете иметь, и любовь Божия даст вам *крила огня* (Песн. VIII, 6), чтобы легко и быстро лететь на всякое дело служения ближнему.

В тоже время, как истинная любовь к Богу и ближнему облегчает труд служения страждущему человечеству, она же производит от сего труда обильные плоды. *Не любящий*, как сам *пребывает в смерти* (1 Иоан. III, 14), так и всякое дело его, хотя бы имело наружный вид добродетели, есть мертво и бесплодно, и слово, как *кимвал* (1 Кор. XIII, 2), бездушно. Но когда истинная Христианская любовь пронзает и отверзает сердце: тогда в нем, и во всех его излияниях являются *исходища жизни* (Прит. IV, 23). Слово утешения, от сердца, исполненного Христианскою любовью, как поток жизни, проливается в сердце страждущаго; самый взор с таким сердцем, как луч света, проникает в душу, омраченную печалию. Если точно сия любовь управлять будет вашим служением страждущему человечеству: то и телесныя дела сего служения, по тайному благословению Верховнаго человеколюбца Бога, спасительны будут для тела болящих, и душевныя ваши

расположения будут приносить им душевное облегчение, возжеленное само в себе и опять естественно благотворное для здоровья телесного; но, что еще важнее, ваше истинное Христианское человеколюбие будет для них непрестанным Христианским поучением; ваше упование на Бога может подкреплять их против уныния и страха смерти; молитва веры вашей может быть целебнее всякого врачевства и для тела, и для духа их. Для сего Апостол, дав заповедь, *болящему призывать пресвитеры церковныя, да молитву сотворят над ним* (Иак. V, 14), дабы не подумали, что сим исключается молитва прочих, тотчас присовокупляет общее наставление: *молитесь друг за друга, яко да исцелете* (16).

Наконец, тоже Христианское благочестие и человеколюбие, которое одно может сделать служение ваше в высочайшем степени благотворным для ближних, – оно же, и оно единое, может совершенно наградить вас за подвиги, и соделать блаженными. Земная почесть и воздаяние не долго утешают и тех, которые пристрастны к земному, а еще менее тех, которые безпристрастно полагают цену вещам. Блажен, кто не так располагает жизнь и дела свои, чтобы только на земле, и от человеков *воспринять мзду свою* (Матф. VI, 2)! Блажен, кто, не останавливаясь на земном, *простирается к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе* (Фил. III, 14)! Для сего и земная почесть вам изъясняется знамением креста, чтоб и она вам напоминала *о почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе*. Желаете ли вы приобрести в несомненной надежде сию почесть, и утвердить ее за собою на веки? Дайте любви Христовой располагать делами вашего служения. Она во-первых сделает для вас то чудо, что ваше служение страждущим ближним превратит в служение Самому Иисусу Христу, Который дал ей на то полномочие, когда сказал: *понеже сотвористе единому сих братий Моих мениших, Мне сотвористе* (Матф. XXV, 40). Что же может быть выше и сей, хотя еще тайной, почести, что более сего, хотя и сокровенного, блаженства, что сладостнее одной мысли, – служить Самому Иисусу Христу? Но в следствие сего служения, сердобольная любовь, если вы до конца ей последуете, возведет вас и к той царственной почести, к тому высочайшему званию, когда и вас со всеми святыми торжественно звать будет Царь царствующих: *приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (Матф. XXV, 34). Ибо, скажет Он собственно вам: *Я был болен, и вы посетили Меня* (36).

Вступите же радостно в сей благословенный подвиг, и проходите его неослабно, при содействии благодати Христовой. Для укрепления себя в оном, каждый раз, когда будете возлагать на себя крест, даруемый вам в знамение сердоболия, вспоминайте сердоболие Господа нашего Иисуса Христа, Который, из любви к страждущему человечеству, исцелял всякий недуг и всякую болезнь, и Сам волею пострадал и умер на кресте, дабы всех нас исцелить от смертоносной болезни греха; вспоминайте сердоболие Пречистой Богоматери, которая с пронзенным сердцем предстояла кресту и погребению Сына своего, подавая нам пример сострадания. Сими воспоминаниями прививайте себе чистую и спасительную болезнь человеколюбиваго сострадания; пусть болит ею сердце ваше; сия святая болезнь, и для больных и для здоровых, будет источником исцеления. Аминь.

XLVIII.

19. СЛОВО

на Рождество Христово

и на воспоминание освобождения Церкви

и Державы Российския от нашествия Галлов.

(Говорено в Кафедральном Чудове Монастыре;

напечатано отдельно и в собраниях 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

<1821>

*И внезапно бысть со Ангелом множество
вой небесных, хвалящих Бога и глаголющих:
слава в вышних Богу.* Лук. II, 13.

Ныне Ангелы проповедуют вам, Христиане, и Ангелы же показывают, что вам должно делать по их проповеди: что может быть лучше сего поучения, и нужно ли после сего другое? Ангел является, и проповедует человекам: *се благовестую вам радость велию, яже будет всем людям, яко родися вам днесь Спас* (10. 11). Надлежало бы человекам на сию радостную проповедь воскликнуть: *аминь*, и прославить Бога за сие благовестие. Но с Ангелом проповедником Ангелы же являются и слушателями. *И внезапно*, то есть, как скоро произнес он проповедь о Рождестве Христовом, они целым воинством восклицают: *слава в вышних Богу!* Восклицают же так, что не только горния, им принадлежащая обители, но и дольний мир оглашается их славословием. Для чего? Без сомнения, для того, чтоб и дольний мир последовал горнему, чтобы к славословию Ангельскому присоединилось человеческое славословие. Итак будем послушны поучению Ангельскому. *Приидите возрадуемся Господеви, воскликнем Богу Спасителю нашему* (Псал. XCIV, 1). *Слава в вышних Богу!* Но вы уже и пришли радоваться о Рождестве Спасителя; славословие, которое Церковь переняла у Ангелов, оглашает не только храмы Божии, но и жилища ваши; проповедь Ангельская, не смотря на то, что произнесена за столько веков, оказала и ныне свою силу; дело, кажется, совершено.

Надлежало бы теперь земным служителям слова умолкнуть и успокоиться, когда действуют проповедники небесные. Но их проповедь краткая и многозначущая, их славословие внезапное, невольно возбуждают к удивлению, а чрез удивление к изследованию и размышлению. Притом всходит на мысль, что, когда небесныя Силы проповедывали и торжествовали Рождество нашего Спасителя, кроме не многих пастырей, весь дольний мир погружен был во сне, и не слышал их проповеди и славословия. Неужели, – скажут, вероятно, некоторые, – не ужели и мы среди яснаго дня Господня можем продремать великое славословие Церкви? – Не укоряя сим никого, я напому только, что Давид, который, без сомнения, бодрственнее нас был в славословии, нужным находил иногда пробуждать свою славу: *востани слава моя* (Псал. LVI, 9)! Испытаем и мы, размышлением о славе Божией в рождении Спасителя нашего, пробуждать нашу славу, или, яснее сказать, нашу ревность к славе Божией.

Слава в вышних Богу!

Не прежде, как при рождении Иисуса Христа, земля слышит сие Ангельское славословие: для чего не прежде? И прежде не имел ли Бог славы в вышних?

Так! Бог имел высочайшую славу от века. По изречению одного ясновидца славы Его, Он есть *Бог славы* (Деян. VII, 2), то есть, с самым именем, с самым существом Его соединена слава, так что Он не был бы и Богом, если бы не имел славы.

Слава есть откровение, явление, отражение, облачение внутреннего совершенства. Бог от вечности открыт Самому Себе в вечном рождении единосущного Сына Своего, и в вечном исхождении единосущного Духа Своего; и таким образом единство Его во Святой Троице сияет существенно, непреходящею и неизменяемою славою. Бог Отец есть *Отец славы* (Ефес. I, 17); Сын Божий есть *сияние славы Его* (Евр. I, 3) и Сам *имеет у Отца Своего славу, прежде мир не бысть* (Иоан. XVII, 5); равным образом Дух Божий есть *Дух славы* (1 Петр. IV, 14). В сей собственной, внутренней славе живет блаженный Бог превыше всякия славы, так что не требует в оной никаких свидетелей, и не может иметь никаких участников. Но как, по безконечной благодати и любви Своей, Он желает сообщить блаженство Свое, иметь благодатных причастников славы Своея: то подвизает Он Свои безконечныя совершенства, и оне открываются в Его творениях; Его слава является небесным силам, отражается в человеке, облекается в благолепие видимого мира; она даруется от Него, приемлется причастниками, возвращается к Нему, и в сем, так сказать, кругообращении славы Божией, состоит блаженная жизнь и благобытие тварей. Так Херувимы стоят пред престолом Господним, в полноте славы Его, и во славу Пресвятыя Троицы взывают друг ко другу трисвятую песнь: *свят, свят, свят Господь Саваоф* (Исаии VI, 3); они *закрывают лица свои*, потому что существенная слава Божия есть *свет неприступный* (1 Тим. VI, 16) и для вышних тварей; они *окрест и внутрьду исполнены очей*, потому что желание, созерцанием приобщаться славы Божией, все существо их делает оком; они *покою не имеют день и ночь* (Апок. IV, 8), не потому, чтобы им возбранен был покой, но потому, что блаженство, которым преисполняет их созерцание и причастие славы Божией, как будто из переполненного сосуда, непрестанно изливается в радостном журчании славословия, и таким образом *слава, яже от единого Бога* (Иоан. V, 44), возвращается к Богу. Так человек, в своем первобытном состоянии, был *образ и слава Божия* (1 Кор. XI, 7), и без одежды не знал наготы, будучи одет сею славою. Так и видимыя небеса *поведают славу Божию; день дни отрыгает о ней глагол, и ночь ночи возвещает разум* (Псал. XVIII, 2. 3).

Но если таким образом слава Божия пребывает от века в Боге; и в самых тварях, не только в невидимых, но даже и в видимых, возвещается давно и непрестанно: то для чего при Рождестве Иисуса Христа новым и нечаянным образом провозглашается она с неба на землю, как нечто неизвестное и неслыханное? Христианин! здесь твоя чреда быть *оком*, и особенно *внутрьду*, стани добре, и созерцай: здесь есть слава и тайна, — слава заключенная в тайне, тайна открытая в славе.

Человек остановил в себе присноживотное обращение славы Божией, решась не возвращать ее Богу, но присвоить ее себе, в надежде, по обещанию обольстителя, самому *быть, яко Бог*. От сего в духовном человеке произошло нечто подобное тому, что происходит в чувственном человеке, когда останавливается обращение крови. Человек духовно умер для славы Божией, или по крайней мере, омертвел так, что в нем остались слабые, в сравнении с прежним состоянием, движения жизни душевной, омраченной, обнаженной, болезненной и тленной. Поелику же и во всем видимом мире слава Божия распространялась преимущественно чрез человека, отражаясь в нем, как в образе Божиим: то, сокрывшись от человека, она уже не столь ясно, как в начале, просиявает и во всем видимом мире. Хотя очистивший чувства Псалмопевец и после сего слышал глагол *небес, поведающих славу Божию*, и звук их проходящий по всей земле: но сей звук, без сомнения, уже не так высок и великолепен, как был в начале; ибо тогда слышны были только величественные и сладостные звуки жизни и согласия, а ныне к ним примешиваются раздирающие звуки страдания и шум разрушения. Сие печальное затмение славы Божией в мире, омраченные грехом человеки довершили тем, что, все желания и помышления свои погрузив в твари, *изменили славу нетленного Бога в подобие образа тленна человека, и четверног, и гад* (Рим. I, 23).

Бог славы, ведая, что без славы Его нет блаженства для Его тварей, употреблял, скажем по человечески, многообразные и необыкновенные усилия, дабы паки проявить ее в человеках: но сии усилия долго казались тщетными, и в самом деле были только более или менее отдаленными и частными приготовлениями к действительному, всеобщему, единственно возможному явлению славы Его между теми, которые *лишены ея* потому, что *все согрешили* (Рим. III, 23). В самые первые минуты отлучения человека от славы Божией, Бог искал его, дабы возвратить к ней: *Адаме, где еси?* но грешник не мог сносить ея присутствия; бежал, и крылся от нея. После, дабы соделать ее доступною человекам, Бог облакал ее иногда в явления Своих Ангелов: но и сие приводило в ужас человеческую природу, и не могло посредствовать в общении ея с славою Божиею. *Увы мне, Господи, Господи*, вопиет Гедеон, *яко видех Ангела Господня лицом к лицу* (Суд. VI, 22). *Смертию умрем*, взывает Маное, *яко Бога видехом* (Суд. XIII, 22). Народ Израильский, сколь ни тщательно, по наставлению Самого Бога, чрез Моисея, приготовлен был к явлению славы Божией на Синае, даже стоя в отдалении, не выдержал сего явления; *и рекоша Моисею: глаголи ты с нами, и да не глаголет к нам Бог, да не когда умрем* (Исх. XX, 19). Что сказать о тех явлениях славы Божией, когда по исполнении меры беззаконий человеческих, на восходящий к Богу вопль, не мог Он, не изменя святости Своей, ответствовать гласом любви и милосердия, но отвечал грозными и карающими судьбами Своего правосудия, как было, например, в осуждении Каина, во всемирном потопе, в истреблении Содомы? – *Бог славы гремел* (Псал. XXVIII, 3); земля трепетала; человек исчезал: где было радоваться? Кому славословить?

Что же наконец творит неистощимый в средствах милования и спасения Бог, дабы возстановить человека *в упование славы*? Поелику человек не дерзал приблизиться к Богу, и приобщиться славы Его: Бог приближается к человеку, и приобщается его уничижения. Дабы грешник не убежал более присутствия Божия, Сын Божий является ему *в подобии плоти греха* (Рим. VIII, 3). Дабы немощная тварь не исчезла от славы всемогущаго Творца, Он уже *не облачается во исповедание и в велелепоту* (Псал. CIII, 1), но в немощное и немощствующее младенчество и в убогия пелены. Как искусный врач, видя, что болящий страшится сильного врачевства, скрывает сие врачевство под иным видом; и таким образом врачевство принято, и больной спасен: так и Небесный Врач душ и телес, видя, что человечество, зараженное смертоносною болезнью греха, страшится Божественнаго, между тем как ничем не может быть излечено, кроме Божественнаго, заключает Божество Свое в образ человечества, и таким образом человеческий род, прежде нежели узнал, действительно вкусил Божественное, всецелбное врачевство благодати. Как же скоро Божество в человечестве: то и *вся нам Божественныя силы Его, яже к животу и благочестию, поданы* (2 Петр. I, 3); и потому наша немощь восполнена будет силою Божиею; наша неправда изглажена будет правдою Божиею; наша тьма просвещена будет светом Божиим; наша смерть упразднена будет жизнью Божиею; в самом сокрытии для нас славы Божией мы получаем надежду славы; и когда слава сия откроется, она не ослепит, не устршит, не разрушит нас, но, просияв в нас, просветлит и весь мир, в котором мы ее затмили. *Христос в вас, упование славы* (2 Кор. XIII, 5), обнадеживает Апостол. Се славная тайна и таинственная слава настоящего дня! Небесные служители света прежде нас увидели зарю сея славы, и тотчас, обратясь к нам, воскликнули: *слава в вышних Богу!* Теперь уже не заря, но полный день сея славы: да встанет и наша слава; да взыдет взаимно к небожителям; да вознесется в радостном восхищении сердец к самому престолу Всевышняго: *слава в вышних Богу!*

Братия! Помыслите, что Ангелы так торжественно прославляют Бога не за их спасение, но за наше. С какою же ревностью должны мы прославлять Его за себя самих! Кто даст мне искру небеснаго огня, Ангельской любви к Богу, чтобы я мог возжечь ею сердца ваши к Ангельскому, неумолкному, не имеющему покоя славословию? Ибо знаю, что мир уже

готовится заглушить в душе вашей отголосок Ангельского славословия, шумом празднующих, суетными беседами, пением растлевающим чистоту духа, *отягчить сердца ваши объядением и пьянством* (Лук. XXI, 34). Берегитесь, чтобы Бога Спасителя своего, прославляемого словом во храме, не оскорбить делами в доме. *Зане токмо прославляющая Мя прослаблю, глаголет Он, и уничижаяй Мя безчестен будет* (1 Цар. II, 30). И не испыталиль уже мы недавно сего безчестия тяжким опытом, так что Господь не только дома наши предал хищению и огню, но и храмы Свои уничижил? За что иначе, если не за то, что мы жизнью, недостойною славы Его, уничижили Его в домах наших, и нерадением о благочестии уничижили Его во храмах? Но се, Он и паки помиловал и прославил нас: прославим Его, чтобы вновь не подвигнуть на себя Его негодования, которым столь необыкновенно мятущийся чин природы уже нам угрожает. *Дадите славу Богу* (Псал. LXVII, 35)! *Прославите Бога в телесех ваших и в душах ваших* (1 Кор. VI, 20)! Аминь.

1822 год.

XLIX.

20. СЛОВО

в день Алексия Митрополита, и в неделю сыропустную.

(Говорено в Кафедральном Чудове Монастыре, февраля 12 дня;

напечатано в собр. 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

Овцы Моя гласа Моего слушают, и Аз знаю их: и по Мне грядут, и Аз живот вечный дам им. Иоан. X, 27. 28.

<1822>

В сих словах Иисус Христос, истинный Пастырь и Посетитель душ, и Образ всех духовных пастырей, изображая Себя и Своих овец, дает наставление всем нам, каков должен быть Пастырь для своих овец, и в каком союзе должны быть овцы со своим Пастырем. *Овцы Моя гласа Моего слушают, и Аз знаю их: и по Мне грядут, и Аз живот вечный дам им.*

Как радостно видеть теперь, – и Пастыря по сему образу, и овец в сем союзе с Пастырем! Христоподобный Пастырь, Святитель Алексей, конечно, знал и знает овец сего словесного стада, и его духовную потребность, и верность его послушания, когда предоставил и предоставляет ему доньше сей безценный залог, – свои священные останки; конечно желал и желает нам жизни вечной, когда в самом гробе своем открыл и не престаёт открывать источник благодатных исцелений и надежду вечной жизни. Се, и новыя овцы древняго стада его, сколь ни давно уже он безмолвствует, еще слушают гласа его; хотя он здесь – покоится на ложе своем, а там – далеко шествует в небесах, еще приходят лобызать следы его. О, если бы все овцы сего великаго стада таковы были к Пастырю своему, каковы предстояция теперь в сей священной ограде! О, если бы предстоящие здесь, каковы в сей торжественный час, таковы были во всю жизнь свою, во-первых к Пастыреначальнику Иисусу Христу, а по Нем и ко всякому от Него поставленному Пастырю!

Может быть на сие скажут: *врачу, исцелися сам* (Лук. IV, 23)! Приемлю совет; признаю немощь; желаю уврачевания; ищу врачевства во врачебном хранилище слова Христова, и, как известно, что и поставленные врачевать других не могут врачевать сами себя, избираю врачом Богоносного Алексия, дабы его рукою, то есть, посредством его предстательства и его примера, почерпнуть из слова Христова дух и силу Пастыря.

Аз знаю их, говорит Иисус Христос об овцах Своих. И так свойство истинного Пастыря есть знать своих овец; или, если совершенное знание принадлежит токмо испытующему сердца Иисусу, [Который потому и есть *единый Пастырь* (Иоан. X, 16), коего пастырства отчасти причащаются все пастыри], по крайней мере истинный Пастырь, по образу Христову, должен употреблять все возможные усилия, чтобы знать своих овец и внутреннее их состояние. Подлинно, сие необходимо. Если Пастырь не знает своих овец: он, может быть, вздумает преследовать чужих – суетный труд, и оставит своих – гибель! Если он не знает особенного состояния некоторых из них: статься может, что новорожденным, вместо *словесного нежного млека, от которого бы они росли во спасение* (1 Пет. II, 2), он предложит *твердую пищу* (Евр. V, 14), а крепких захочет питать млеком; удалит от воды жаждущих; прострет жезл на немощных; не даст покоя имеющим во чреве. Кажется, притча ясна, истина очевидна; не нужно изъясняться о сем более, для тех, которым должно разуметь все притчи.

Пастырю Алексие! Как ты знал овец дарованных, и даже издалеча проразумевал даруемых тебе от Пастыреначальника, особенно дивным образом открылось в совершившемся тобою исцелении Агарянския царицы. Предприемля для сего путь в страну, омраченную зловерием, воистинну ты был Евангельский Пастырь, оставивший девяносто и девять овец, и шедший искать заблудших. Кто мог думать, что искание сие будет не тщетно? Кто, кроме живущего в тебе Духа Божия, мог предвозвестить тебе, что сия новая Сирофиникиянка, по вере, от нея неожиданной, способна получить от Христа, еже хочет? Он верно предвозвестил тебе сие; и мы можем думать, что, отверзши ей чудесным образом очи телесныя, ты бросил ей в сердце и некия искры света духовного, и превратил козлище в агницу.

Но мы, пасущие там, где ты после пастырского подвига почиваешь, как мало ревнуем о духовном даровании прозорливости! Так мало, что некоторые из нас, может быть, и не почитают ея потребностью своего звания. Некоторые из нас, к сожалению, не имеют, и, к осуждению своему, не стараются иметь даже обыкновенного познания о внутреннем состоянии овец, им вверенных. По слабому понятию о своем звании, некоторые почти все дело пастыря ограничивают свирянием на свирели, предками настроенной; другие превозносят искусство гласа и слова; иные полагаются на крепость жезла: или, сказать без притчи, одни думают, что все дело священника состоит в священнослужении по древнему чиноположению; другие выше всего поставляют искусственную проповедь; иные надеются спасти духовное стадо свое одною властью вязать и решить, как бы ни была она употребляема. Необходимо и спасительно все, и священнослужение, и проповедь, и власть вязать и решить: но все сие требует мудрых рук и разсудительного употребления, и не то или другое по случаю, но все совокупно и в порядке приводит ко спасению. Что, если мы только свиряем, а овцы требуют пищи; если мы хотим дать им пищу в слове нашем, но с трапезы нашей сыплются только сухия плевы, или цветы, увеселяющие, но не питающие; если мы угрожаем жезлом, где надлежало бы утешать, или разрешаем, где надлежало бы устрашить вечными узами? – Пастырю истинный! прими сие исповедание недостатков наших; научи нас примером Твоим *разумне разумевать души стада нашего* (Прит. XXVII, 23), и ходатайствуй о нас пред Пастыреначальником, да дарует нам и ревность и искусство, знать овец, от Него нам вверенных, дабы мы умели и *изнемогшее*

поднять, и болящее уврачевать, и сокрушенное обязать, и заблуждающее обратить, и погибшее взыскать (Езек. XXXIV, 4), Его спасительною благодатию.

Аз живот вечный дам им, говорит еще Пастыреначальник об овцах Своих. Очевидно, что сего не может сказать никто, кроме Его: ибо един Он *имеет ключи ада и смерти* (Апок. I, 18). Но как Он во всяком деле, которое совершил, и во всяком слове, которое произнес на земли, *дает нам образ, да якоже Он творил, и мы творим* (Иоан. XIII, 15), по мере даруемой от Него благодати и вверяемого нам служения: то и в сем случае, когда Он открывает в Себе свойство доброго Пастыря, дающего вечную жизнь овцам Своим, чрез сие самое Он поучает нас, и заповедует нам, для вверенных от Него словесных овец не иметь инаго намерения, как приобретение им вечной жизни. Сия мысль должна воспламенять наши молитвы, одушевлять слова, управлять поступками. Сию цель должно нам иметь в виду, во всех отношениях наших к словесным овцам, учим ли во храме, беседуем ли в доме, утешаем ли в скорби, разрешаем ли от грехов, даже связуем ли, – и в сем последнем случае, угрожая вечною смертию, мы должны иметь в намерении вечную жизнь, дабы и стоящих на краю гибели *страхом спасти от огня восхищающе* (Иуд. I, 23).

Так ли ходим мы в служении пастырском? Сюда ли точно устремлены все наши мысли и желания? *Приставили ль мы*, по изречению Соломона, *сердце наше ко стаду нашему* (Прит. XXVII, 23)? Стараемся ли, непрестанно умножать силу духа, дабы от себя и других отрывать прах суеты, возметаемый вихрем легкомыслия, и разгонять облако житейских попечений, коими закрывается от очей мира свет жизни духовной и вечной? Не случается ли напротив, что некоторые из нас, занимаясь менее важными делами пастырского служения, и то не с довольным вниманием, теряют из вида великую последнюю цель онаго? Обезпечивая себя мыслию, что Датель жизни вечной есть единый Пастыреначальник, равнодушно смотрят на то, живут ли вверенные им овцы жизнью благодати, заражены ли болезнию греха, или совсем духовно умирают. Были некогда и такие пастыри, которых в искании одной собственной корысти, вместо спасения овец, обличил Сам Пастыреначальник: *се млеко ядите, и волною одеваешься, и тучное закалаете, а овец Моих не пасете. Пасоша пастыри самих себе, а овец Моих не пасоша. Се Аз на пастыри* (Иез. XXXIV, 3. 8. 10)! О, если бы мы могли быть уверены, что не встретим более столь неверных пастырей, *непещующих приобретение быти благочестие* (1 Тим. VI, 5), осужденных Пастыреначальником!

Добрый и верный Пастырю Алексие! Сохрани нас молитвами твоими от опасного небрежения и пагубной неверности пред Пастыреначальником. *Да подвизаемся*, по Апостолу, *добрым подвигом веры, да емлемся за вечную жизнь, в нюже и званы есмы* (1 Тим. VI, 12). *Никтоже*, и наипаче никто из пастырей, *своего си да ищет, но еже ближняго кийждо* (1 Кор. X, 24). *Да сокроуицествуем себе, и другим, основание добро в будущее, да вси приимем вечную жизнь* (1 Тим. VI, 19).

Но тогда, как я врачую себя, когда у ног Богоносного Пастыря поучаюсь обязанности Пастыря, – в сей самый час я останусь виновным против сей обязанности, если и для сего словесного стада не поищу слова исцеления и жизни. Благослови, Пастырю наш, и для овец твоих восприять слово Пастыреначальника; чрез тебя же да изыдет в них сила благовестия.

Овцы Моя гласа Моего слушают, говорит Иисус Христос. И так свойство истинных овец есть слушать своего Пастыря. Подлинно, если овцы не будут слушать Пастыря, сие будет тоже, как бы совсем не было над ними Пастыря. Оглашает ли он звуком свирели, взывает ли гласом уст, возносит ли жезл, все сие не принесет пользы и спасения овцам, если оне,

удалясь, не видят и не слышат, или упорствуя, не слушают, или не быв приучены, не внимают. Овца, не слушающая Пастыря, есть верная добыча хищного зверя. Разрешим притчу. Христиане суть овцы пажити Христовой; Пастырь, которого должны они слушать, первоначально и существенно есть Сам Иисус Христос, а по Нем и те, кто бы ни были они, которые видимо представляют Его невидимое пастырство, и действуют вверенною от Него властью; ибо *Он*, как говорит Апостол, *дал есть Церкви пастыри и учителя, к совершению святых в дело служения* (Ефес. IV, 11. 12); и чтобы узнавали данных от Него, Он поставил признак: *входяй дверьми, пастырь есть овцам* (Иоан. X, 2), то-есть, вступающий в сие служение посредством благодатного избрания; и чтобы сих служебных пастырей слушали, как-бы Самого верховного, Он провозгласил, что слушать их и Его есть едино: *слушай вас Мене слушает* (Лук. X, 16). Двор овчий и духовная пажить, где слышим глас Пастыря, где пища и спасение овец, есть Церковь. Глас Пастыря есть молитва, учение, тайнодействие, управление, совет душеполезный. Если люди, называющие себя Христианами, оставив Церковь, блуждают по дебрям расколов, *влающиеся и скитающиеся всяким ветром учения, во лжи человечесей, в коварстве козней льщения* (Ефес. IV, 14); если вместо истинного Пастыря, входящего дверьми, слушают *прелазящих инуде* (Иоан. X, 1), которые, по суду Пастыреначальника, *такие суть и разбойницы*; или если, и не отлучаясь от Церкви явно, не прилепляются однакоже к ней искренним, послушным сердцем; не радят слушать Пастыря молящегося, учащего, тайнодействующего; не ищут духовного совета; мечтают, по невежеству и гордости, что они сами себя могут пасти и спасти: таковые, и подобные им, поелику не слушают истинного Пастыря, то и не суть истинные овцы; уклоняясь от послушания спасительному гласу Пастыреначальника, они неприметно идут на встречу льву, который *рыкая ходит, иский кого поглотити* (1 Петр. V, 8).

Сего ради, вы, предстоящие здесь, в священной ограде Пастыреначальника Христа, и избранного Пастыря Его Алексия! если, как самое присутствие ваше свидетельствует, сохраняете себя от болезни невнимания и непослушания; как предохранительное врачебное средство, примите слово Пастыреначальника: *овцы Моя гласа Моего слушают*, дабы воспоминанием о сем слове всегда возобновлялось и усиливалось ваше к Нему сердечное внимание и послушание, и дабы шум и соблазны мира не увлекли инуды вашего сердца и помышлений. А тем, которых душевное внимание отвлечено от Христа соблазнами, заглушено шумом сует, удалено заблуждениями, рассеяно по прелестям мира и плоти, понесите отсюда, как врачевство против сей болезни духа, сие слово Христово: *овцы Моя гласа Моего слушают*. Да познают они глас истинного Пастыря своего, и да возвратятся к Нему раскаянием и твердым намерением слушать Его неуклонно.

Слушать неуклонно! Ибо, глаголет Пастыреначальник, *овцы Моя не только слушают гласа Моего*, но и *по Мне грядут*. Для чего иначе и слушать овцам пастыря, если не для того, чтобы неуклонно последовать его водительству? Слушать Пастыря есть начало послушания, но и то не всегда; ибо иногда слышат пастыря и хищные звери, но сие не делает их овцами: совершенное же послушание есть верно последовать слышанному. Спасительный глас указывает спасение; услышав его, мы еще не спасены: только тогда, когда твердыми стопами пойдем на сей глас, мы достигаем спасения. И потому, слышишь ли Пастыря молящегося: не слушай только, но молись и ты; из дома молитвы приноси дух молитвы и в твой дом и освящай им тайную храмину твою. Слышишь ли Пастыря учащего: не слушай только, но и слагай глаголы его в сердце твоём; и как овцы, после того, как примут пищу свою, отыгают ее изнутри, и повторенным жванием совершеннее приготавливают ее, дабы она превратилась в их плоть и кровь; так и ты, после того, как приемлешь пищу слышимаго слова, отыгни ее паки от сердца твоего, и прилежным размышлением о слышанном преврати оно себе в плоть и кровь, или лучше сказать, в дух и жизнь, и, в крепости духовной яди сей, твори дела не мертвые и плотския, но живые и

духовныя. Сие заповедывал и древний строгий закон, которым пасом был Израиль, когда провозглашал о заповедях: *сотворивый та человек жив будет в них* (Левит. XVIII, 5). К сему призывает и свободный закон Евангельский: *приникий в закон совершен свободы, и пребыв, сей не слышатель забытлив быв, но творец дела, сей блажен в делании своем будет* (Иак. I, 25).

И в сем-то, слушатели, нужно и нам, которые мнимся быть послушными, прилежно себя испытывать, не забытливые ли мы слушатели, по выражению Апостола, *прельщающие себя самих* (Иак. I, 22). Чего в сем случае не можем опасаться мы, недостойные служители слова, когда, непосредственно Богом руководимый в слове, Пророк испытал сие непостоянство слушателей? Израильтяне говорили о Иезекииле у забрал и во вратах домов: *соберемся, и услышим исходящая из уст Господних* (Иез. XXXIII, 30). Но в сие самое время Сердцеведец открыл Пророку, что его слушать будут, как слушают искусного певца, из любопытства, без пользы: *и будещи им, яко глас песннца сладкогласнаго благосличнаго, и услышат глаголы твоя, и не сотворят их* (32). Подумайте и вы, не для того ли только собираетесь слушать исходящая из уст Господних, чтоб слышать и судить, как мы говорим, не заботясь о исполнении того, что мы предлагаем? – Увы нам, Слове Божий! то, чем Ты Себя именуешь, что Ты еси, чем сотворил Ты вселенную, чем возвеличил человека, чем является мудрость, чем подается жизнь, – слово, священное, Божественное слово, мы сделали зрелищным игрищем!

Повторяю: прилежно испытывать должно нам, не любопытные ли только, не забытливые ли мы слушатели слова, прельщающие себя самих. И чтобы дать вам краткий способ сего испытания на сей самый день, присовокуплю краткое слово: в сей день, священный сам по себе, и достойный особенного внимания, по приуготовлению ко дням воздержания и покаяния, внимайте Христу, а не суемира, последуйте Христу, а не обуявшим рабам плоти. Кто ныне сохранит себя верным сему слову: о том и надеемся, и с надеждою молим, да и впредь будет *не слышатель забытлив, но творец дела, и наконец совершенно блажен в делании своем будет*. Аминь.

L.

21. СЛОВО

в неделю крестопоклонную.

(Говорено в Кафедральном Чудове Монастыре,

марта 5 дня; напечатано в собраниях 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.)

<1822>

*Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе,
и возмет крест свой, и по Мне грядет.*
Марк. VIII, 34.

Некогда Иисус Христос наименовал Себя *Путем, Истиною и Жизнию* (Иоан. XIV, 6). Теперь, соответственно с первым из сих наименований, указывает Он нам путь. *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет.*

Евангелист замечает при сих словах, что Иисус Христос произнес их, *призвав народы со ученики Своими*. Сие показывает, что Его воззвание относится не к одним особенно избранным, но ко всем без исключения.

Кто бы ты ни был, слушающий сие, надобно и тебе подумать о пути. В видимом и временном мире, в котором ты живешь, нет ничего неподвижного, но все идет, и проходит. И твоя жизнь идет, и проходит; ты покоишься иногда, по видимому, телом, но твои сокровенные помышления, твои тайные желания непрестанно в движении: а потому если ты не идешь путем спасения, то верно идешь путем погибели, или, если не идешь, то падаешь, – падаешь из жизни духовной в плотскую, из жизни человеческой в скотскую, и не заметишь, как обрушишься в жизнь адскую, в смерть сугубую, – невовратно! Подумай же о своем пути!

Как вождь и царь свободных, Иисус Христос не приневоливает никого к пути, который Он указывает, но приглашает желающих вступить в оный: *иже хочет по Мне ити*. Спроси себя, Христианин, спроси так, чтобы ответить решительно, хочешь ли ты идти за Иисусом Христом?

Христианину не хотеть идти за Христом? Какая нелепая мысль! Как она противоречит сама себе! Однако есть люди, которые понимают, как нелепа сия мысль, но не чувствуют, как преступно сие дело. Почему же мы и Христиане, когда не последуем Христу? – Мы потому Христиане, – скажут некоторые, прислушавшись к словам первоначального учения Христианского, но не уразумев силы их, – мы потому Христиане, что веруем во Христа. – Хорошо. Но если ты веруешь во Христа; то конечно веруешь и в слово Христово: ибо то и другое есть одно. Если ты веруешь в слово Христово; то должен и поступать по сему слову: ибо веровать в слово, и не поступать по нему, есть пагубная дерзость и безумие. Изясним сие примером: еслибы тебе, блуждающему в неизвестных и опасных местах, сказал некто: вот тропинка, по которой ты можешь придти в безопасное место; и если бы ты, не имея причины сомневаться в сем указании, стал медлить, или пошел в противную сторону, может быть на встречу зверю или разбойнику: не была ли бы то пагубная дерзость и безумие? – Но что говорит тебе слово Иисуса Христа, в Котораго, и в которое ты веруешь? – *Аще хочещи совершен быти, гряди в след Мене*. (Матф. XIX, 21). После сего чем отзовешься от последования Иисусу Христу? Разве тем, что ты не домогаешься совершенства? Но сего именно требует от тебя Тот, в Котораго ты веруешь: *будите вы совершени*, говорит Он; и притом как? *якоже Отец ваш небесный совершен есть* (Матф. V, 48). Если ты отрекаешься от стремления к совершенству: то Он отъемлет у тебя надежду царствия небеснаго: *аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в царствие небесное* (Матф. V, 20). Если ты не хочешь быть с Ним: – а как быть с Ним, если не поступать по слову Его, и не последовать Ему во всем? – то Он признает тебя врагом Своим, и отрекается тебя пред лицом неба и земли: *иже несть со Мною, на Мя есть* (Матф. XII, 30); *иже аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын человеческий постыдится его, егда придет во славе Отца Своего со Ангелы святыми* (Марк. VIII, 38). И так одно из двух: или ты должен идти за Христом, последовать Его слову и Его примеру; или ты напрасно называешься Христианином.

Не трудно было бы признать и принять обязанность идти за Христом, если бы не останавливала мысль: куда идти за Ним? Куда же? – Посмотрим, куда Он идет. *Се восходим*, возвещает Он идущим в след Его (Марк. X, 33. 34), *се восходим во Иерусалим, и Сын человеческий предан будет Архиереом и книжником, и осудят Его на смерть, и предадут Его языком, и поругаются Ему, и уязвят Его, и оплюют Его, и убьют Его*. Страшный подлинно путь Христов! Самые Апостолы, которые, будучи непосредственно

Им руководимы, за Ним следовали, не могли спокойно проходить путем сим. *Бяху, повествует Евангелист, на пути восходяще во Иерусалим; и бе варяя их Иисус, и ужасавшися, и в след идуще, бояхуся* (Марк. X, 32). И что еще? Есть на сем пути попрание, которое Сам Иисус Христос проходил не без ужаса: *начат ужасатися и тужити* (Марк. XIV, 33).

Но не напрасно ли открываю я весь ужас пути Христова, которого и без того страшатся многие? – Нет, Христиане, *утешение наше*, скажем со Апостолом, *не от прелести, ни от нечистоты, ни лестию* (1 Сол. II, 3). Не хотим скрывать от вас трудности, которая неизбежна: но из самой трудности вы можете усмотреть, что не трудно преодолеть ее. От чего ужасался Иисус Христос, Его же вся боятся и трепещут, Которому некого бояться, потому что нет силы, которая бы могла быть страшна для Всемогущаго? От чего тужил Тот, Который есть источник радости и блаженства для всего, что может быть причастно радости и блаженства? Очевидно, что не Его собственно был сей ужас, и сия туга: но подвергся Он им потому, что *Он недуги наша прият, и болезни понесе* (Матф. VIII, 17). Но для чего приял Он и понес наши недуги и болезни, если не для того, чтобы утешать их, или по крайней мере, до совершенного утешения, облегчить так, чтобы не оставить нас *искуситися паче, еже мощи* (1 Кор. X, 13)? Следственно ужас и скорбь, если не совсем отъяты от пути Христова, то много уменьшены тем самым, что Он уже совершил путь сей, и проложил его для нас. Посему и Апостолы не всегда, как в начале, боялись идти за Христом; но пришло после время, когда они тем же страшным и скорбным путем проходили с радостью. Они, пишет повествователь их деяний, *идяху радуящися, яко за имя Господа Иисуса сподобилися безчестие прияти* (Деян. V, 41). Как могло статься, что те же люди, на том же пути, сперва боялись, а потом радовались? Боялись, когда Иисус Христос еще не совершил сего пути, и не привел его в безопасность; радовались, когда Он прошел путем сим, и на Себе унес трудности его. Боялись, когда взирали только на сии трудности, не проникая далее; но возрадовались, когда ясно усмотрели конец пути Христова. Ибо куда наконец приводит путь сей? Он приводит на небеса, к Самому Богу Отцу, как Сам Иисус Христос, изображая весь путь Свой, от начала до конца, говорит: *изыдох от Отца, и приидох в мир, и паки оставляю мир, и иду ко Отцу* (Иоан. XVI, 28). Сей путь вводит в славу Божественную: *подобаше пострадати Христу, и внити в славу Свою* (Лук. XXIV, 26). Не ужели и мы, скажет не разумеющий таин Христовых, не ужели и мы возведены будем к Самому Богу Отцу, и внидем в славу Единороднаго Сына Божия? Так, братия! Ибо верен Тот, Который сказал: *идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Иоан. XII, 26). И так, если Господь наш идет к Богу Отцу Своему: то приведет к Нему с Собою и нас. Если Христос входит в Свою Божественную славу: то введет с собою и Христиан, и соделает, как изъясняется Апостол, *причастниками Божественного естества* (2 Петр. I, 4). Не говорите, что толика высота недосызаема для земнородных: нам должно только с твердою решимостию вступить в ту часть пути Христова, которую прошел Он, и проложил для нас на земли; когда надобно будет вознестись превыше земнаго, и восходить к небесному и Божественному, тогда Он Сам подымет нас, *яко на крилех орлих* (Исх. XIX, 4), по Своему великому обещанию: *аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе* (Иоан. XII, 32).

При сих размышлениях, надеемся о вас, братия, что сердце ваше говорит Вождю и Спасителю своему: *Господи! иду по Тебе, а може аще идеши* (Матф. VIII, 19); только Ты, Сердцеведче, не отрини сего желания, как некогда отвергнул оное в устах некоего, без сомнения, потому, что не от полноты сердца оно изливалось.

Если же вы желаете идти за Христом: то время сказать вам, как должно вам идти за Ним. *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет.*

Во-первых, желающий последовать Христу должен *отречься самого себя*, то есть, отвергнуть свое самолюбие, не быть привязан к собственной чести, собственной выгоде и собственному удовольствию, но все сие, по образу путешественника, встречать мимоходом, и вскоре оставлять позади себя; во всем поступать по сему наставлению Апостола: *да имущии жены, якоже не имущии будут: и плачущиися, якоже не плачущии: и радующиися, якоже не радующеся: и купующии, яко не содержаще: и требующии мира сего, яко не требующе* (1 Кор. VII, 29–31). Как можно, скажут, дойти до такого самоотвержения? Можно так же, как воин отрекается от приятностей домашней жизни, когда выходит на поле брани; как он отрекается и от самой жизни, когда вступает в сражение, без какового отречения не мог бы он быть ни мужественным, ни победоносным. Если сие можно делать для тленного венца и временной славы: чего не можно и не должно сделать для венца нетленного и славы вечной?

Во-вторых, для последования Христу должно *взять крест свой*. Крест Христов составляют *Его страдания, искушения и убиение* (Марк. VIII, 31). Претерпев един все сие для нас, Он имеет совершенное право требовать, чтобы каждый из нас претерпел все сие для Него. Но дабы не сокрушить нас тяжестию сего бремени, под которым Он Сам являлся изнемогающим, Он не возлагает на нас Своего великаго креста, но заповедует только взять каждому свой собственный, то есть, быть готовым перенести столько страданий, искушений, внешних, внутренних, сколько на каждого в особенности наведет наказующая, очищающая, и вместе милующая судьба всем управляющего Провидения. Не ужели сие неизбежно? вопиют изнеженные души. – Успокойтесь и рассуждайте. Если *подобаше пострадати Христу*, безгрешному и всемогущему, дабы *внити в славу Свою*: как можем мы, оскверненные и разслабленные грехом, дойти до сея славы, не быв очищены искушениями и укреплены страданиями? Ибо что живет в нас ныне? Если самолюбие препятствует признанию: обличим себя признанием Апостола: *не живет во мне, сиречь во плоти моей, доброе* (Рим. VII, 18). В нас живет, со времени первого греха, ветхий Адам, с его страстями и похотями: как же можно совлещись его, и облещись в новаго человека, – что есть цель нашего стремления, – не говорю, без страдания, но даже без смерти? Должно взять крест не для того только, чтобы подвизаться в ношении онаго, но чтобы наконец совсем *распять плоть со страстьми и похотьми* (Гал. V, 24), *умертвить уды наша, суция на земли* (Кол. III, 5), *умереть* таинственно, чтобы *живот наш был сокровен со Христом в Боге* (Кол. III, 3).

Таково, Христиане, учение креста, учение столь нужное и существенное в Христианстве, что Церковь, не довольствуясь часто возвещать оное гласом, еще чаще представляет оное в изображениях и знамениях. При самом крещении она возлагает на нас изображение креста; при каждой молитве повелевает нам полагать на себе знамение креста; и от времени до времени, как и в настоящий день, торжественно предлагает нам для поклонения и целования знамение креста. Будем внимательны; приимем, не яко от уст человеческих, но яко от уст Самого распятого Спасителя нашего сию заповедь, да *отвержемся себе, и возмем крест свой, и последуем Ему*. Аминь.

LI.

22. СЛОВО

в пятую неделю великаго поста.

(Говорено в Кафедральном Чудове Монастыре

Марта 19 дня; напечатано в собраниях 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

*Она же реста Ему: даждь нам, да един одесную Тебе, и един ошуюю Тебе, сядева во славе Твоей.
Иисус же рече има, не веста, чесо просита.
Марк. X, 37. 38.*

Случай, какого не надлежало, по видимому, ожидать, представляется нам в сих словах Евангелия. Лучшие ученики наилучшего из Учителей, пред самым окончанием обучения, оказываются незнающими! Известно, что двенадцать учеников, иначе называемые Апостолами, избраны Божественным Учителем, Иисусом Христом, преимущественно пред тысящами других явных и тайных учеников Его. Можно примечать, что Иаков и Иоанн, о которых теперь идет речь, между самыми двенадцатью Апостолами были особенно избранные: ибо им, и кроме их одному Петру, оказал Он ту высокую доверенность, что допустил их быть свидетелями Своего славного Преображения на Фаворе, и Своего тяжкого подвига в саду Гефсиманском. Около трех лет сии счастливые ученики почти неразлучно пребывали с единственным своим Учителем, слушая от Него глаголы жизни вечной. Приближалась минута, когда Он скажет им: *вся, яже слышах от Отца Моего, сказах вам* (Иоан. XV, 15). И такие ученики, и в такое время, не знают, что говорят! *Не веста, чесо просита.*

Что же при таком просвещении повергло их в такое неведение? – Желание быть выше других, и быть почти равными **Тому, Который** превыше всего. *Даждь нам, да един одесную Тебе, и един ошуюю Тебе, сядева во славе Твоей.*

Не уничим, братия, сих ближайших последователей Христовых за то, что и они претыкались на пути своем, когда еще сошествие Святого Духа не озарило их светом незаходимым, и не укрепило силою непобедимою. Но видя, как иногда самый *свет мира* (Матф. V, 14) подвержен был затмению, самые *столпы* (Гал. II, 9) Церкви колебались, помыслим, как нужно нам бодрствовать над собою, и непрестанно зывать о свете и силе к Отцу светов и Господу сил. *Мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. X, 12).

Апостол Павел, говоря о грехопадениях и наказаниях Евреев, при образовании из них народа Божия под руководством Моисея, замечает, что *сия вся образи прилучахуся онем; писана же быша в научение наше* (1 Кор. X, 11). Подобно сему и об искушениях первых последователей Христовых, в которыя влекла их поврежденная в Адаме природа, и в которыя неисповедимый, но всегда премудрый и благий Промысл попускал им впадать в то самое время, когда надлежало из них образоваться новому народу Божию, можно сказать, что все сие случилось с ними, как образ или пример для последующих за ними, и описано в Евангелии, для наставления нашего. Так, приключение Иакова и Иоанна, которые домогались первых мест пред Апостолами, научает нас познавать и отвращать искушение, которое заключается в *желании быть выше других.*

В нынешнем веке слышим притчу: худой тот воин, который не желает быть военачальником. Не Соломонова это притча; не мудрость это, но мудрование плотское и суетное. Истинная притча говорит: *иже высок творит свой дом, ищет сокрушения* (Прит. XVII, 16). И еще: *не чист пред Богом всяк высокосердый* (Прит. XVI, 5). С сим согласна притча и Того, Который более Соломона: *всяк возносяся, смирится* (Лук. XVIII, 14).

Трудно понять, как не понимают сих ясных свидетельств истины мудрователи века сего, которые, не престаая называться последователями Христовыми, вопреки слову Христову, желание вознести себя выше других, одним словом, честолюбие, полагают правильно чертою благородного духа. Они думают даже Апостола Павла поставить проповедником честолюбия, поймав его изречение: *добрее мне паче умереть, нежели похвалу мою кто да испразднит* (1 Кор. IX, 15). Но вслушайтесь внимательнее в проповедь Апостола, вы, проповедники честолюбия, и узнайте разность между ревностью к похвале, которая одушевляет его, и между алчностью к чести, которая вас снедает. Вы думаете исполнением должности заслужить честь: он говорит, что исполнение священной должности, благовествовать небесную истину, не приносит ему никакой похвалы, как дело необходимой обязанности: *еще благовествую, несть ми похвалы; нужда бо ми належит* (1 Кор. IX, 16). Вы за каждый подвиг желаете награды: он полагает свою награду в том, чтобы оставаться без награды, на которую имеет право: *кая убо ми есть мзда? да благовествуяй без мзды положу благовествование Христово, во еже не творити ми по области моей в благовествовании* (18). Вы усиливаетесь исторгнуться из подчинения, и получить свободу и власть над другими: а он, имея полную свободу, отрекается от нея, и порабощает себя всем: *свободен сый от всех, всем себе поработих* (19). Да умрет, вопиете вы, или по крайней мере, да накажется гордым презрением тот, кто коснется нашей чести пред человеками, но Апостол говорит: пусть умру я, если кто уничижит похвалу мою пред Богом; лучше мне умереть, нежели потерять благоволение Божие: *добрее мне паче умереть, нежели похвалу мою кто да испразднит*. Возможно ли сию святую ревность о безкорыстном служении Богу и ближним, смешивать с страстию честолюбия? Спросите ваше честолюбивое сердце, каково было бы ему, еслибы заставили его почувствовать, что вы худшие из людей одинакаго с вами состояния, что вы первые из всех достойны презрения и осуждения? Но Апостол Павел сие самое чувство сердца непринужденно исповедует пред целою Церковию: *аз есмь мний Апостолов, и недостоин нарецися Апостол, первый от грешных есмь аз* (1 Кор. XV, 9). Если вам кажется невероятным, чтобы столь уничижительное признание столь великаго из Святых могло произойти от внутреннего убеждения: то знайте, что не иная какая причина, как честолюбие же препятствует вам верить тому, что чувствует духовный человек во глубине своего смирения. *Како можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищите* (Иоан. V, 44)?

Но возвратимся к Иакову и Иоанну, и снимем некоторые черты, которыми ознаменовалось в них желание превознести себя над другими.

Во-первых, сие желание побудило их к домогательству странному и нимало несообразному с обстоятельствами, в которых они находились. *Дажь нам*, говорили они Иисусу Христу, *даждь нам, да един одесную Тебе, и един ошуюю Тебе, сядево во славе Твоей*. Но время ли было говорить сие? Пред сим самым говорил им Иисус Христос: *се восходим во Иерусалим, и Сын человеческий предан будет Архиереом и книжником, и осудят Его на смерть, и предадут Его языком и поругаются Ему* (Марк. X, 33). И вскоре надлежало исполниться сему предсказанию. Какая же несообразность! Он идет на место поругания и смерти: а они хотят делить между собою первыя места во славе Его. Настает время подвига: а они просят венца. Надлежало бы просить веры, чтобы не быть ни первыми, ни последними в оставлении Господа своего, когда Он предан будет: а они предлагают странное требование, быть ближе всех к Тому, Котораго вскоре оставят! Не такая же ли запутанности, в разных видах, представляет и ныне желание превознести себя над другими? Домогаются высокаго места: но не примечают пропастей, то есть, опасностей, которыя находятся на пути к нему, или окружают оное. Иной, например, говорит: дайте мне сесть на место правосудия: но не помышляет, что, может быть, место сие обложено сетями клеветы, подкопано мздоимством, что оно ждет не того, кто бы на

нем, как на престоле, являл себя в блеске славы, но того, кто бы на нем, как на жертвеннике, принес в жертву справедливости свое спокойствие, свои выгоды, а иногда благоволение многих сильных, чтобы спасти одного безсильного. Не многие ли стараются достигнуть сего престола, тогда как готовы бежать от сего жертвенника? Что сказать о том роде честолюбия, котораго нелепость чувствуют некоторые из самых честолюбцев, – о честолюбии тех, которые стараются дойти до священного седалища правды путем неправды и святокупства, достигнуть высшей степени в обществе низкими средствами человекоугодия, лести и раболепства? – Не сделаем несправедливости никому из честолюбивых, если скажем всем им без исключения то же, что сказал Первый и Последний Своим искателям первенства: *не знаете вы, чего ищете*.

Во-вторых, желание превозношения обнаружило в Иакове и Иоанне тот недостаток, что они не довольно вникали в самих себя, в свои способности и в свое внутреннее состояние. Ибо в сем сокровенно их обличает Господь, когда вопрошает притчею: *может ли пити чашу, юже Аз пью, и крещением, им же Аз крещаюся, креститися* (Марк. X, 38)? Сия чаша Христова есть та самая, о которой Он молился в саду Гефсиманском: *Отче мой! аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия* (Матф. XXVI, 39); то есть, чаша страдания и смерти. Сие крещение Христово есть крещение кровию, пролиянную на кресте. Следственно вопрос, предложенный Иакову и Иоанну, вводит их в испытание самих себя, способны ли они участвовать в страданиях и кресте Христовом. И хотя они, совершенно или несовершенно выразумев сие, провозгласили себя способными, что, по видимому, признал и Господь, когда сказал им: *чашу убо, юже Аз пью, испиета; и крещением, им же Аз крещаюся, креститися* (Марк. X, 39): но последующия события показывают, что Господь обещал только им на будущее время дар участия в Его страданиях, что и совершилось наконец усечением Иакова и заточением Иоанна; в самое же то время, когда они так решительно утверждали, что могут пить чашу Христову, они весьма далеки были от сей возможности; ибо когда Иисус Христос пред сею чашею стоял в молитве, они не могли и единого часа пребыть с ним во бдении; а когда Иудеи возложили на Него руки, тогда они вместе с прочими, *оставльшие Его, бежаша* (Марк. XIV, 50). Таковое незнание себя, и меры своих сил и способностей, есть обыкновенный недостаток людей, коими обладает желание превозношения. Они готовы занять всякое место, которое обещает удовлетворение сему желанию: а того не знают, что, может быть, первый труд, котораго потребует сие место, приведет их в изнеможение, первая опасность обратит в бегство. Спроси себя, ищущий того, что выше тебя, можешь ли ты пить чашу, к которой простираешь руку? Если ты думаешь, что тебе надлежит возсесть у самага кормила правления обществом: то можешь ли правильно обращать сие великое орудие, и крепко удержат во время бури? Если желаешь быть наименован мужем совета в собрании старейшин: то имеешь ли в себе потребную для сего звания мудрость и дух совета? Если порываешься выйти из круга простых граждан, и вступить в сословие благородных мужей: то подлинно ли благородством духа надеешься ты поддержать себя на ряду с другими, принадлежащими к сему сословию, или одною суетною пышностию и наружным блеском, который только обнаружит то, чего тебе недостает, и, вероятно, истощит то, что имеешь? Чем более кто имеет истинного познания о себе: тем менее почитает себя способным устоять в таковом испытании, а потому и приемлет в закон своего поведения правило Мудраго: *высших себе не ищи* (Сир. III, 21). Напротив того, чем сильнее и дерзновеннее кто ищет того, что выше его: тем несомнительнее можно заключать, что он или не испытал себя, или обманулся в сем испытании, и обманет надежду тех, которые будут благоприятствовать исполнению его желания.

В-третьих, желание превозношения, воздействовав в Иакове и Иоанне, сопровождалось нарушением мира между Апостолами. *И слышавие десять, начаша негодовати о Иакове и Иоанне* (Марк. X, 41). Евангельская История не изъясняет, какого рода было сие

негодование: огорчились ли Апостолы неблаговременным служением Учителю своему о преимуществах во славе, когда Он приготавлился и приготавлиал их ко вступлению в трудное поприще креста; оскорблялись ли несправедливостию, которая обнаруживалась в том, что из двенадцати, которые равным образом оставили все для Иисуса, и пребыли с Ним в напастях Его, и которым потому всем равно обещаны двенадцать престолов в царствии Его, двое хотят восхитить некий особенный степень славы; или наконец и в прочих десяти действовал тот же дух превозношения, так как некоторые, по видимому, могли представить свои особенные права на предпочтение прочим, как на пример, другой Иаков то, что он был сродник Господень по плоти, Андрей то, что он первый решился последовать Иисусу (ибо и в одном и том же подвиге важнее подать первый пример, нежели последовать примеру других), – Петр то, что он первый исповедал Иисуса Христа Сыном Божиим. Но как бы то ни было: довольно ясно в наставление наше написано в сей истории то, что между Апостолами никогда не видно было взаимного негодования, доколе не являлось между ими желание первенства; но как скоро возникло сие желание, в след за ним открылось и взаимное негодование. Сие значит, что ближайшее порождение духа превозношения и честолюбия есть дух несогласия и раздора. Апостол, предрекая о последних временах, между прочим скажет, что тогда *за преумножение беззакония изсякнет любы многих* (Матф. XXIV, 12). Не много нужно проницания, чтобы усмотреть между нами сие печальное знамение: а с сим вместе можно примечать и то, что из всех беззаконий, едва ли не более всех, изсушается любовь гордостью и честолюбием. Роскошный легко дружит с роскошным; корыстолюбивый, если не в сообществе с корыстолюбивым, то убегает его: но честолюбивый честолюбиваго старается низринуть и истребить, и не оставляет в мире и покое никого, потому что последняя цель его есть видеть всех под ногами своими.

Познаем, Христиане, в страстном желании быть выше других, тяжкую и опасную болезнь человеческого духа и язву общества. Познав же сие, примем или к исцелению, или к предохранению нашему, и те врачевства, которыми врачевал оную Врач душ и телес в учениках Своих.

Иисус, призвав их, глагола им: весте, яко мнящиися владети языки соодолевают им, и велиции их обладают ими, не такоже будет в вас (Марк. X, 42. 43). Первым врачевством против духа превозношения и преобладания должна быть мысль, что это есть дух, свойственный язычникам. Это их несчастье, что они пленяются славой человеческою, потому что не знают славы Божией; усиливаются превознести себя на земли, потому что не имеют упования взыти на небо. Мы ли, Христиане, познав истинную славу, будем гоняться за ложною? Нет, братия! *Не тако да будет в вас.*

Но как же должны поступать Христиане? Божественный Наставник наш продолжает: *иже аще хочет в вас вящий быти, да будет вам слуга* (43). Желает ли превосходства и совершенства? старайся преимущественно и совершенно служить благу ближних. Если ты уже выше других по твоему званию; тем более старайся служить благу их, чтобы ты не был ниже своего звания: но если ты и ниже других; также ревностно старайся служить благу их, и тогда никто здравомыслящий не скажет, что ты в низком состоянии; поелику и высочайшая земная власть, по понятию Христианскому, не иное что есть, как *Божий слуга во благое* (Рим. XIII, 4).

Наконец, если, не смотря на сие, ветхий Адам, некогда восхотевший быть яко Бог, еще тоскует в тебе, когда ты умален пред человеками, или, когда ты возвышен пред некоторыми из них, вновь льстит тебе мечтою, что ты можешь быть Божеством над ними: то войди во лечебницу новаго Адама, и приими противу сей древней болезни вечноживотное врачевство. Иисус Христос предлагает тебе во врачевство Самого Себя:

ибо Сын человек не прииде, да послужат Ему, но да послужит, и даст душу Свою избавление за многи (Матф. XX, 28). Христианин! Не ужели ты думаешь вознестись выше Христа твоего? *Довлеет ученику, да будет яко учитель его* (Матф. X, 25). Но Божественный Учитель наш, будучи Господь всех, смиряет Себя и служит рабам Своим: кольми паче да смирим себя мы, и послужим друг другу любовью, *честью друг друга больша себе творяще* (Филип. II, 3). Аминь.

II.

23. СЛОВО

Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Благовещенской Церкви Чудова Монастыря;

напечатано в собр. 1822, 1835, 1844 и 1848 годов).

<1822>

*Рече же Мариамъ: се раба Господня:
буди мне по глаголу твоему.* Лук. I, 38.

Не великия, по видимому, слова, но великое дело в них заключается.

И все мы нередко называем себя *рабами*, даже рабами человеков, правда не всегда с готовностью на самом деле быть тем, чем себя называем; но иногда и самым делом, даже без нужды и обязанности, раболепствуем человекам. Трудно ли, по видимому, назвать себя *рабом* или *рабынею Господа*, Которому мы все, по необходимости, рабы, желаем ли, или не желаем быть и называться таковыми? *Глаголом Его* все сотворено в начале, и доньше, когда ни посылает Он глагол Свой на землю, глагол сей не может возвратиться к Нему тощъ. Посему не трудно, кажется, и то, чтобы на посланный от Него глагол отвечать изъявлением согласия, *да будет по глаголу Его*, так как сие уже должно быть непременно.

Разсуждая таким образом, без внимания оставили бы многие, а, может быть, некоторые и оставляют без внимания, слова Мариам: но дело, которое открывается в след за ея словами, должно пробудить все внимание каждого мыслящаго. Во дни творения мира, когда Бог изрекал Свое живое и мощное: *да будет*, слово Творца производило в мир твари: но в сей безпримерный в бытии мира день, когда Божественная Мариам изрекла свое кроткое и послушное *буди*, – едва дерзаю выговорить, что тогда соделалось, – слово твари низводит в мир Творца. И здесь Бог изрекает Свое слово: *зачнеши во чреве и родиши Сына* (Лук. I, 31); – *Сей будет велий* (32); – *воцарится в дому Иаковли во веки* (33): но, – что опять дивно и непостижимо, – самое слово Божие медлит действовать, удерживаясь словом Мариам: *како будет сие* (34)? Потребно было Ея смиренное: *буди*, чтобы воздействовало Божие величественное: *да будет*. Что ж за сокровенная сила заключается в сих простых словах: *се раба Господня: буди Мне по глаголу Твоему*, и производит столь необычайное действие? – Сия чудная сила есть чистейшая и совершенная *преданность* Мариам Богу, волею, мыслию, душею, всем существом, всякою способностью, всяким действием, всякою надеждою и ожиданием.

Христиане! О если бы каждый из нас, хотя помалу приобщился сей Богодейственной силы, молитвами Преподобных Девы! Се раби Господни, и раби Твои, Мати Господня! Буди нам по образу Твоему!

Да будет, братия, пример Пресвятыя Девы наставником нашим в *истинной Богу преданности*.

Преданность Богу есть такое расположение духа, по которому человек всего себя, все, что ему принадлежит, все, что с ним случиться может, предоставляет воле и провидению Божию, так что сам остается только стражем своей души и тела, как стяжания Божия. К сему расположению приготавливает человека внимательное наблюдение над собственными усилиями сделать себя совершенным и благополучным. Желает он сделаться мудрым; образует свои способности; напрягает силы ума; подкрепляет себя силами других избранных умов; составляет себе образ ведения: что же? Между тем, как он старается уяснить для себя в сем образе одну черту, другая в нем затмевается, пресекается, исчезает; по той мере, как расширяет круг своих познаний, за чертою знаемого еще обширнее открывается область неведомаго; истина, давно признанная за достоверную, приводится в **н**сомнение вновь открытою истиною; конец самостоятельных изысканий, по признанию безпристрастнейшаго из древних мудрецов, есть открытие того, что человек сам собою ничего не знает. Желает он сделаться добрым; старается познать закон справедливости; возбуждает сердце свое к добродетельным чувствованиям; предпринимает добрые дела: что же и здесь? Опыт доказывает, что желание быть добрым нередко бывает слабее страсти, влекущей к пороку, и ею побеждается; что познанный закон предлагает добро, но не дает силы творить оное; что добродетельныя чувствования, из жестокаго сердца, как огонь из кремня, высекаются с трудом, а легко угасают, в мягком же сердце, хотя и скоро возгораются, как огонь во льну, но так же тлятся слабо и не долго; что дела, внешнею своею стороною добрыя, со внутренней стороны своей часто бывают осквернены нечистыми побуждениями: своекорыстием, самоуслаждением, тщеславием; что природа человеческая, как принужден был признать в новейшия времена один из самых ревностных почитателей, так называемаго, нравственного разума, из самага корня своего зло производит. По таковым опытам, что могут обещать и усилия сделать себя благополучным? – Где недостает истиннаго блага: там истинное благополучие конечно невозможно. Правильное следствие сих опытов, тщательно и безпристрастно наблюдаемых, должно быть то, что человек потеряет надежду на самого себя, и, если не хочет погибнуть, – поелику вне действительнаго благополучия, и вне надежды, ничего не лъзя найти, кроме гибели, – как бы по необходимости вознесет желание и надежду свою к Богу, и, еще не предвидя, и не предчувствуя, каким образом она может совершиться, предаст себя Ему, как разстроенную собственность, которою владетель располагать не умеет.

Начав предаваться Богу, человек встречает другие опыты, совсем противоположные тем, которые имел он, управляя сам собою. Прежде собственные усилия познать истину едва производили в нем слабый, кратковременный свет, оставлявший по себе сугубую тьму: теперь из самой тьмы, в которой он повергается пред Отцем светов, рождается для него внезапный свет: а если остается он иногда и во тьме, то и в ней познает непостижимую близость Того, Который есть Свет превыше света. Прежде усилия делать добро или совсем подавляемы были в нем злыми склонностями, или производили несовершенное действие: теперь, когда он положил сердце свое в силу Божию, в самой немощи его начинает совершаться сила Божия, разрушающая зло и созидаящая благо. Прежде наилучше обдуманная предначертания его к устройению своего благополучия или не исполнялись, или в самом исполнении оказывались неудовлетворительными: теперь он не делает никаких собственных предначертаний, но со дня на день более усматривает

великий чертеж Провидения, по которому, не смотря ни на какие препятствия, – кроме одного препятствия, которое полагало прежде его упорство и неверие, – постепенно устрояется его спасение. Прежде успехи надмевали его, неудачи повергали в уныние, прошедшее терзало раскаянием, настоящее озабочивало, будущее устрашало: теперь и благоприятные события приемлет он с чистою радостью, потому что видит в них милость и дар Божий, и неблагоприятные с надеждою, потому что усматривает в них обличение своего недостойнства, наставление к смирению, очищение и приготовление к лучшему; раскаяние не есть уже огонь, пожирающий душу его, но тихий дождь, ее орошающий, потому что он погрузил грехи свои в кровь и воду, истекшую из ребра Спасителя; нет для такового человека слишком тяжелой заботы, потому что он всю печаль свою возверг на Господа; нет страха, потому что он живет под кровом Всемогущего; прошедшее для него не потеряно, настоящее безопасно, будущее верно, – в руках Вечного. Прежде в самых делах благоугождения Богу, он суетился, подобно изображенной в Евангелии Марфе, и производил много молвы, не приобретая тем совершенного благоволения Божия: теперь, подобно Марии, безмолвен и недвижим, пребывает он у ног своего Спасителя, и, с минуты на минуту наполняясь жизнью слова Его, во глубине души своей обретает свидетельство, что он *избрал благую часть, которая не будет отнята у него* (Лук. X, 42). Таким образом преданность Богу, зачатая от убеждения ума, перерождается в живое чувство сердца; вынужденная, так сказать, уступка того, чего не умели сберечь, превращается в свободное даяние того, что сим единственно способом надеются сохранить; человек повергает себя невозвратно, как убогую лепту, в сокровищницу Божества, не мечтая увеличить ею сокровище Божие, но веруя и уповая, что там она не будет потеряна, и, сколь ни малоценна, употреблена будет, вместе с безчисленными талантами, на созидание живаго храма живому Богу.

Говорят, что это значит сложить навсегда руки, сесть, и ожидать своего спасения. Совсем нет! Если кто в самом деле такое составил себе понятие о преданности Богу, и поступает по сему понятию: тот в заблуждении; он предается не Богу, но лени. Человек, не преданный Богу, не тем отличается, что он действует, но тем, что действует по собственной воле, полагаясь на собственный разум; подобно и преданный Богу не тем отличается, что не действует, но тем, что не действует по собственной воле и разуму. Как не преданный Богу может быть в бездействии: так напротив и преданность Богу не исключает действия, – действия по воле Божией и по Духу Божию. Положить талант свой в землю, без сомнения, не то, что положить его в руку торжника. Ты отдал сокровище свое в искусные и верные руки; ты себя обезпечил: но сверх того можешь сему самому торжнику предоставить и свои руки, дабы он употребил их по своему искусству к совершению своих оборотов; и тогда получишь сугубое приобретение. Так желающий стяжать душу свою, предает сие сокровище Икупителю душ, и успокоевается в Нем верою, надеждою и любовию: но в тоже время сему всеобщему Стяжателю все свои способности и силы представляет в деятельные орудия к совершению великаго оборота, чрез который ценою земнаго, тленнаго, ничтожнаго должно быть приобретено небесное, нетленное, Божественное.

||Если после сего найдет еще кто нужным спросить, почему собственно для усовершения и облаженствования человека требуется преданность Богу? вот ответ: – по тому, что человек потерял совершенство и блаженство, похитив себя у Бога, Который не только, по всеобщему праву Вседержителя, обладал им, но и особенно усвоил его Себе, положив на нем Свою печать, – Свой образ. Собственная воля твари отторгла третью часть неба, и зажгла в ней ад; собственная воля заразила природу человеческую грехом и смертию, и весь мир проклятием; и дотоле не престанет произраждать все виды зла, доколе не будет всецело предана Богу, Который един силен вновь проникнуть ее благословением, жизнью, святынею и блаженством небесным.

Посему слово Божие часто напоминает нам о сей преданности, в отношении ко внутреннему и внешнему, ко временному и вечному. *Открый ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворит* (Псал. XXXVI, 5). *Приблизь ко Господу дела твоя, и утвердятся помышления твоя* (Притч. XVI, 3). *Смиритеся под крепкую руку Божию, да вы вознесет во время, всю печаль вашу возвергши нань, яко Той печется о вас* (1 Петр. V, 6. 7). *Отче наш! Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли* (Матф. VI, 9. 10).

Все великое, что представляет нам слово Божие, совершилось великою преданностью Богу.

Кто не знает Авраама и его великой жертвы? Как возмог он поднять смертоносную руку на сына, о котором получил потомственные обетования? Как не усомнился он? Как не сказал Богу: не Ты ли, Господи, обещал, что *во Исааке наречется мне семя* (Быт. XXI, 12)? Где же будет сие семя, когда отрок Исаак сгорит на жертвеннике? Патриарх не имел в сие время ни помышления, ни желания, ни действия собственного; все предал он Богу, *паче упования во упование веруя* (Рим. IV, 18); и таким образом и вожденную жертву принес, и вожденного сына не лишился, и благословение над собою усугубил. *Воистинну, сказано ему, благословляя благословлю тя, и умножая умножу семя твое, — и благословятся о семени твоем вси языцы земнии* (Быт. XXII, 17. 18). Таким образом преданность есть лучшая Богу жертва и вернейший залог Его благословений.

Кто не слышал о Иове, котораго добродетель проповедывал Сам Бог пред собранием небесных сил? Но в чем состоит сила его добродетели, если не в преданности Богу, Котораго непостижимым судьбам с благодарностию предал он себя, и детей, и богатство, и здравие, и чрез то соделал ничтожными все усилия врага добродетели и блаженства человеческого? *Господь даде, Господь отъял: буди имя Господне благословено* (Иов. I, 21). Такая преданность Богу есть безопасная ограда от всех искушений.

Посмотрите и на Моисея в ужасную минуту, когда пред ним море, а за ним войско Египетское. Народ вопиет к Богу; ропщет на вожда: но что вождь? Он не приготовляет народ к брани, не ищет пути к бегству, не воздвигает чудодейственного жезла, не произносит даже ни одного молитвенного слова к Богу. Что сие значит? — Он предался Богу, и вводит народ в сию преданность: *Господь поборет по вас, вы же умолкните* (Исх. XIV, 14). Все умолкло: но молчание сие громко раздалось на небесах, и подвигло чудодейственную силу Божию. *И рече Господь к Моисею: что вопиеши ко Мне? рцы сыном Израилевым, и да путешествуют; — и да внидут сынове Израилевы посреде моря по суху* (Исх. XIV, 15. 16). Здесь видно, что преданность Богу есть самая крепкая и действенная молитва.

Но, — чтобы вкратце сказать все для христианина, — чем начинается высочайшее дело Христово? — Преданностию Сына Божия воле Бога Отца Своего. *Се иду сотворити волю Твою, Боже* (Псал. XXXIX, 9), глаголет Он, нисходя к воплощению. Чем оканчивается сие дело? — Тою же преданностию. *Не якоже Аз хочу, но якоже Ты* (Матф. XXVI, 39). *Отче, в руце Твои предаю дух Мой* (Лук. XXIII, 46). Итак преданность Богу есть и начало, и совершение Христианства и вечного спасения.

Заклучим сие учение увещанием, которым Церковь заключает большую часть молитвенных провозглашений, дабы непрестанно питать в нас дух преданности, которым дышет и живет истинное Христианство: *пресвятую, пречистую, преблагословенную,*

славную Владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию со всеми Святыми помянувшие, сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим. Аминь.

ЛIII.

24. СЛОВО

в день Святыя Пасхи.

(Говорено в Успенском Соборе апреля 2-го дня;

напечатано в собраниях 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

<1822>

Христос воскрес!

Сколь ни много уже раз повторяли мы ныне, но и еще не утомляемся повторять, уповаем же, что и вы не утомляетесь так часто слышать одно и тоже слово: *Христос воскрес!*

Какое чудесное слово! Как изменяется от него вид всего, что существует!

До сих пор многие из человеков знали только землю, на которой они являются на краткое время, и вскоре скрываются, неизвестно, куда; иные нечто еще слышали об аде, как о пропасти, которая всех угрожает поглотить, и никого не отдает обратно; не многие помышляли о небе, как о таком горнем жилище, к которому лестницу только во сне видел некто, и только такую, по коей видны были восходящие Ангелы Божии, а человеков не примечено.

Теперь, когда *Христос воскрес*, чем оказывается земля? – Она есть разсадник для неба; кратковременная и разрушением оканчивающаяся жизнь человека в теле, – скажем словами то, что наблюдаемый между нами при взаимном изъявлении радости воскресения обряд выражает вещь, – жизнь человека в теле есть начинающаяся жизнь птенца в яйце, которому, по сокрушении скорлупы, открывается высший и обширнейший круг жизни; надобно только, чтобы зародыш птенца объят, проникнут и возбужден был теплотою крови матерней; то есть, надобно, чтобы зародыш небесной жизни в человеке объят, проникнут и возбужден был животворящею силою крови Христовой.

Теперь, когда *Христос воскрес*, и когда Ему, яко Богочеловеку, *дадеса всяка власть на небеси и на земли* (Матф. XXVIII. 18), не только небо сделалось досягаемым, но даже соединилось с землею так, что трудно найти между ими предел и различие; ибо и на земли является Божество, и на небеси человечество; Ангелы, которых Иаков видел восходящих и нисходящих по лестнице небесной, теперь сонмами ходят по земли, как вестники Сына человеческого, Который владычествует на небеси.

Что и ад после того, как, по сошествии во ад, *Христос воскрес*? Крепость, в которую под видом пленника вошел победитель; темница, у которой врата сокрушены, и стражи разсеяны; вот подлинно, по изображению Христову, чудовище, которое поглотило сверженного с корабля Пророка; но, вместо того, чтобы пожрать и истребить его, сделалось для него другим, хотя не столь покойным, кораблем, чтобы вынести его на берег жизни и безопасности. Теперь становится понятным, как надеялся некто чрез самый ад пройти безопасно: *аще и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси*

(Псал. XXII, 4), – Ты, Который для нас сшел с неба, подобно нам, ходил по земли, и, подобно нам, низшел в сень смертную, дабы и оттоле проложить Твоим последователям путь во свет жизни.

Наконец, и нас самих не иными ли уже, противу прежняго, соделало воскресение Христово? – Поверим одному из верных свидетелей воскресения Христова, что и нас оно переродило, если не самым действием, по крайней мере, надеждою. *Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа*, восклицает Апостол Петр, *Иже по мнозей Своей милости породей нас во упование живо воскресением Иисус Христовым от мертвых* (1 Петр. I, 3)!

Но, если мы порождены воскресением Христовым только еще *во упование*; а за нашим упованием следует упование и вся твари, *чаяние бо твари откровения сынов Божиих чают* (Рим. VIII, 19): то все чудеса, которые произвело воскресение Христово, суть только еще начатки дальнейших чудес, которые оно будет открывать в продолжении, особенно в конце времен, и даже в безконечной вечности.

По сим неистощимым чудесам совершившимся, и долженствующим совершиться, воскресение Христово есть для нас источник размышления, созерцания, удивления, радости, благодарности, надежды, всегда полный, всегда новый, сколь ни давно, сколь ни часто из него почерпаем; оно есть вечная новость. И по сему-то, сколь ни уверены мы друг о друге, что каждому из нас известно воскресение Христово, еще однако желаем тысящекратно возвещать друг другу, как неслыханную весть, яко *Христос воскрес*; сколь ни удостоверены в истине сего события, засвидетельствованного очевидцами Воскресшаго, доказанного знамениями и чудесами, не оспориماго врагами Христианства, еще однако жаждем слышать подтверждение, яко *воистинну воскрес Христос*.

Если слово есть пища, по реченному, *яко не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих, жив будет человек* (Втор. VIII, 3): то слово о воскресении Христовом, подобно манне, как изображает ее Премудрый, есть *хлеб всякое услаждение в себе имеющий, и ко всякому сличный вкушению* (Прем. XVI, 20). Изнурен ли ты грехом, и алчешь правды? Прииди, насыщайся: *Христос воскрес, Иже предан бысть за беззакония наша, и воста за оправдание наше* (Рим. IV, 25). Утомлен ли ты безотрадным игом закона, и желаешь прейти от сего рабства в благодатную свободу? Приступи, вкуси пасху, тобою желаемую: *ибо пасха наша за ны пожрен бысть Христос* (1 Кор. V, 7); *свободою убо, еюже свободи нас Христос, стойте, и не паки под игом работы держитесь* (Гал. V, 1). Недугуешь ли ты страхом смерти? Приими врачевство против сей болезни: *Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1 Кор. XV, 20). Изнемогаешь ли во брани противу врагов твоего спасения? *Вкуси доброго глагола воскресения, и в нем победоносной силы грядущаго века; воскреснет Бог, и расточатся врази Его* (Псал. LXXVII, 2)! Прельщает ли тебя ложный вкус душевный, и побуждает искать пищи желаниям в тленных и суетных вещах мира? Исправь оный причащением силы воскресения: *еще воскреснуете со Христом, вышних ищите, идеже есть Христос, одесную Бога сидя* (Кол. III, 1). Или уже и возжадала душа твоя к Богу крепкому, живому, и томится желанием, *когда приидешь и явишься лицу Его* (Псал. XLI, 3)? Живое упование воскресения утолит томление сея жажды, и сохранит самую жажду, яко здравую и спасительную, представляя уму, что *егда Христос явится, живот ваш, тогда и вы с Ним явитесь в славе* (Кол. III, 4).

Видишь, христианин, какое обилие, какое разнообразие духовной пищи представляет нам Пасха наша, воскресший Христос. Питается ли теперь ею душа твоя? Действительно ли *вкушаешь ты, яко благ Господь*? Ощущаешь ли в себе внутренно силу Воскресения

Христова, разрешающую от грехов, и от проклятия за них, низлагающую страсти и похоти ветхаго человека, созидающую в тебе сердце чистое, и дух правый обновляющую во утробе твоей, подкрепляющую тебя в вере и надежде, воспламеняющую любовь к Жизнодавцу? Или при самой трапезе Господней ты гладен и жаждущ, и душа твоя не услаждена и пуста? – Впрочем, не хотим чрез сие испытание привести тебя в смущение и уныние. Нет! Хотя печаль, яже по Бозе, спасительна: но теперь не время печали, а радости, которая также может иметь свое спасительное действие: *ибо радость Господня, сия есть сила наша* (Неем. VIII, 10). И так, вкусил ли ты благодати Воскресшаго? *Да возрадуется душа твоя о Господе* (Псал. XXXIV, 9), и сия радость да подвигнет тебя к теснейшему с Ним соединению. Не вкусил ли еще ты благодати Его? Все однако возрадуйся, что Он не отлучает тебя от сего вкушения, но и призывает к сему, дая тебе слышать благовестие Своего воскресения, и быть между собравшимися во имя Воскресшаго, где по обетованию Своему и *Он посреде их* (Матф. XVIII, 20). Если чувствуешь себя и недостойным радости: возрадуйся о той дивной благодати, которая и недостойного не отчуждает от участия в радости. Радость же о воскресении Господа нашего да введет во всех нас и силу воскресения Его живоносную и спасительную. *Ибо радость Господня, сия есть сила наша. Аминь.*

LIV.

25. СЛОВО

при освящении храма Живоначальныя Троицы, созданнаго тщанием княгини Евдокии Николаевны Мещерской, и при открытии основаннаго ею,

Высочайше утвержденного Борисоглебскаго женскаго общежития.

(Говорено мая 4 дня; напечатано в собраниях 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.)

<1822>

*Аще кто Божий храм растлит, растлит
сего Бог:
храм бо Божий свят есть, иже есте вы.*¹
Кор. III, 17.

Слава Богу *дивному во святилище Своем!* Еще место соделалось Святым и Божиим; еще отверзлось небо на земли; еще дано прибежище молитвам; еще явился престол Благодати.

Некогда во всей вселенной был один только храм истиннаго Бога; и был некто, который восхищался от одной мысли, что он может идти в дом Господень: *возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем* (Псал. CXXI, 1). Как не радоваться теперь, когда, так сказать, дом Божий приходит к нам из невидимаго вездесущия Божия, чтобы нам ближе было приступать к Богу?

Давид, возжелав создать храм Богу, клялся не иметь покоя, доколе не найдет места угоднаго Богу: *клялся Господеви, обещаю Богу Иаковлю: аще дам очима моима сон, и веждома моима дремание, и покой скраниама моима, дондеже обрящу место Господеви* (Псал. CXXXI, 2. 4. 5); а до самого создания храма и дожить ему не суждено было. Как

приятно сердцу, которому не только желание создать храм Богу, но и совершение сего желания даровано, – как приятно пред Богом сердца успокоиться в любви и благодарности!

||Есть ныне здесь и еще радость. Вместе с обновлением сего дома Божия, обновляется близ его дом Богоугодного жительства; так что радость благочестия получает новое пространство, соединяясь с радостью человеколюбия, и радость человеколюбия приемлет освящение от радости благочестия. Знамение во благо сотворил Бог, устроив сие таким образом: благо убогим, когда они видят себя у Бога.

Соединим каждый свою радость в общее славословие. Благословен, дающий благия желания, укрепляющий в намерениях, устрояющий исполнение! Благословен *Бог, приближающийся* к нам Своею благодатию, когда мы не могли бы приблизиться к Нему по нашей немощи и недостойности! Благословен *Отец сирых и Судия вдовиц, Бог во святом Своем жилище* (Псал. LXVII, 6. 7), *Который вселяет одиноких в дом, Который, даруя пришельцам обитель, ищет в них обители Себе Самому!*

Впрочем, сколь ни чист источник нашей радости пред Богом, нам заповедано и *радоваться* Господу *с трепетом* (Псал. II, 11). И естественная осторожность побуждает, с радостью о желанном приобретении соединять заботу о том, как беречь и как употреблять приобретенное. И от Апостола слышим грозное слово на того, кто не сохранит столь драгоценного приобретения, как храм Божий: *аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог.*

И так великое внимание потребно на то, чтобы пользоваться храмом Божиим, и не повреждать его.

Обыкновенно потолику бережем вещь, поколику знаем ее достоинство. Посему Апостол, убеждая не разорять храма Божия, указывает на его достоинство, которое называет святостию: *храм бо Божий свят есть* (Псал. LXIV, 5).

Мысль о святости храма Божия он находит столь очевидною, что для удостоверения в ней не присовокупляет ничего, а самую сию мысль полагает в основание удостоверения. В самом деле, что храм Божий должен быть свят, сие столь же свойственно думать, как то, что день должен быть светел. День без света не был бы днем: храм без святости не был бы храмом, но или простым домом, или даже капищем.

Но что такое свет дня? Что такое святость храма? – Здесь под очевидностию скрывается тайна, которой иные не проникают, и либо в неведении остаются, либо уклоняются во мнения погрешительныя, и даже иногда, как говорит Апостол, *елика не ведут, хулят* (Иуд. X). Некоторые, на пример, особенную святость храма полагают в древности его, или находящихся в нем священных вещей. Почтенна древность, и мысль о ней величественна; в ней созерцаем мы образ вечности, которая сама в себе превышает наше созерцание: почему и Сам Бог в видении Пророческом является в образе, и нарицается именем *Ветхаго деньми* (Дан. VII, 9). Однако мысль о святости храма отнюдь не должна быть смешиваема с мыслию о древности. Храм Соломонов был нов, когда Бог явился Соломону, и сказал: *освятих храм сей, егоже создал еси* (3 Цар. IX, 3): храм сей был древен, когда сей же Бог предал его язычникам на осквернение и разрушение. Горница Иерусалимская соделалась первым новым храмом Христианским, по вознесении Господнем: но когда в ней получили Апостолы излияние Святаго Духа, тогда, без сомнения, она имела в себе несравненно более святости, нежели древний в то время храм Иерусалимский.

Чтобы взойти к истинному и общему началу святости, принадлежащей храму Божию, должно вспомнить, что первый создатель святого храма (который назван тогда скиниею, поелику был устроен по подобию шатра, так как и народ Божий в то время обитал в шатрах, странствуя в пустыни), – что создатель сего храма был Сам Бог; что чертеж сего первого храма принесен был с небес, как заповедано Моисею: *виждь, да сотвориши по образу, показанному тебе на горе* (Исх. XXVII, 8); что по сему же самому образу, только с новым великолепием, создан после храм Соломонов; что наконец после того, как с Христианством открылось, представленное прежде в чувственных видах, поклонение Богу духом и истиною, храм Христианский содержит ту же святыню в духе и силе, которая в храме Моисеевом или Соломоновом представлена была в образе и явлении. Что же было источником святыни в храме Моисеевом и Соломоновом? – Омовение и помазание, употребительныя и в древности, как ныне составляли только приготовительное освящение; самая Святыня ознаменовывалась тогда, когда чудесный облак осенял скинию или храм; когда небесный огонь нисходил на жертвы, словом, когда являлось присутствие Всемогущего Бога. Так святыню храма изъясняет Соломону Сам Бог: *освятит храм сей, егоже создал еси*. – Но как, Господи? – *Еже положити имя Мое тамо во веки, и будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX, 3). Посему и ныне в совершительном действии освящения возвещается присутствие Божие, когда возглашается вратам, чтобы *оне возвысили верхи свои, да внидет Царь славы* (Псал. XXIII, 7).

И так глубокое основание святости храма Божия есть присутствие Божие во храме, таинственное и непостижимое, но тем не менее истинное и действительное. *Господь Сам во храме святем Своем* (Псал. X, 4).

Напрасно люди, которые думают мудрствовать выше, нежели учит премудрость Божия, говорят, что им не нужно искать присутствия Божия во храме, потому что они познали вездесущие Божие. Что вы говорите? Разве Бог не знает Своего вездесущия? Не сказал ли Он чрез Пророка: *небо престол Мой, земля же подножие ног Моих; кий дом созиждете Ми, и кое место покоища Моего* (Иса. LXVI, 1)? Не ужели Он забыл о сем вездесущии Своем, когда Сам сказал Соломону о храме: *будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни!* Конечно никакое особенное место не нужно для вездесущия Божия: но для ограниченности человеческой нужно, по крайней мере до некоторого степени усовершения, иметь известный предел, где бы совершалось прикосновение к безпредельному. Знаем и мы, что будет некогда *святой град*, в котором не *видно будет храма; Господь бо Бог Вседержитель храм ему есть* (Апок. XXI, 22). Но град сей должен *сниту от Бога с небеси* (10): не созиждет его надменное мудрование человеческое, которое мнимым познанием вездесущия Божия хочет разрушить храм Божий; ничего не созиждет оно, кроме Вавилона.

|||Может быть, найдутся и такие, которые скажут: как найдем мы во храме присутствие Божие, когда оно уже не является ни в облаке осеняющем, ни в огне сходящем с неба? Таковым ответствуем на сие словом Христовым: *аще знамений и чудес не видите, не имате веровати* (Иоан. IV, 48)! Как-бы так сказал Он: бедные маловеры! Вы все требуете, чтобы вера ваша питаема была непрерывными видимыми чудесами, подобно как слабые растения сохраняют искусственную теплоту, вместо естественной солнечной. – Теперь уже не зима, или хладная древняя ночь; теперь лето Господне приятно, и ясный день спасения. Не то уже время, когда надлежало слабое растение веры сохранять и живить силою внешних чудес, время уже вере вашей, живой во Иисусе Христе, без внешних подпор укрепляться, и самой производить чудесные плоды. Веруйте, не требуя видимых чудес, и вы увидите несравненно высшей степени чудеса невидимыя. На что вам Синайские громы, когда вы слышите здесь в Евангелии живое слово живаго Бога? На что вам облак осеняющий, в котором древние, как говорит Апостол, *крестились в Моисея* (1

Кор. X, 2), когда здесь имеете вы крещение, облакающее вас во Христа, и осенение от Духа Святаго? На что вам огонь, ниспадающий с неба и пожигающий кровавые жертвы, когда здесь есть Божественный огонь, нисходящий на безкровную жертву, и ее, не разрушая, превращающий в Божественную плоть и кровь, в пищу жизни вечной? Найдите только здесь хотя одну общую молитву верных; и тогда вы нашли здесь истинное присутствие Божественного Спасителя, по Его непреложному обещанию: *идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь и Аз посреде их* (Матф. XVIII, 20). Веруйте присутствию Его: и тогда, если нужно будет, Он покажет вам Свое присутствие и видением, как показал многообразно многим, начиная от посещения Апостольской храмины, дверем затворенным. Но без нужды не домогайтесь видения: *блажени не видевшии, и веровавшие* (Иоан. XX, 29).

Христиане! В какой бы то ни было сокровенности, только, если мы имеем во храме такое сокровище, какого драгоценнее и небеса не имеют, то есть, святое и благодатное присутствие Божие: то с каким вниманием, с каким благоговейным страхом должны мы здесь обращаться, чтобы оно не было у нас отнято, чтобы не было сказано и нам, как некогда сказано поклонникам дома Божия в Иерусалиме: *се оставляется вам дом ваш пуст* (Лук. XIII, 35)!

Вы стоите здесь пред Богом: точно ли стоите вы непоколебимо в Его присутствии, не убегает ли мысль ваша за стены храма, не обращается ли сердце ваше от Бога к тварям, хотя и в доме человеческом вы почитаете неприличным оставить господина, и предпочтительно пред ним обращаться с рабами? Берегитесь, чтобы Великий Владыка сего высокаго дома в свою чреду не отвратился от вас, как вы от Него, и чтобы не остался для вас дом сей пуст.

Вы участвуете здесь в молитвах: изрекает ли внутренно дух ваш то, что внешне говорят уста? Чувствует ли сердце, что слышит ухо? Или вы думаете, что Бог будет внимать молитве, которой вы сами не внимаете? Берегитесь, чтобы дом молитвы не остался для вас пуст.

Что убо сотворим, предстоящие во храме, что сотворим, дабы не нарушить святыни храма? — Каждый из нас должен пещись о созидании, об освящении, о святом употреблении в общем храме своего собственного храма Богу. Ибо, говорит Апостол, *храм Божий свят есть, иже есте вы* (1 Кор. III, 17). То есть, вы признаете, что храм Божий свят, и что раздражает Бога тот, кто нарушает святыню его; но сей храм — вы. Если святыня его не имеет инаго начала, кроме Бога, то не имеет иной цели, кроме вас; в вас открывается дух, заключенный в образах его; в вас постигается значение знамений его. *Вы есте церкви Бога жива* (2 Кор. VI, 16). Тайна глубокая, *сокровенная*, как говорит тот же Апостол, *от век и родов в Боге и ныне являемая только святым Его, иже есть Христос в вас* (Кол. I, 26. 27)! Тщетно усиливались бы мы немотствованием плотскаго языка изъяснить духовныя и Божественныя чудеса, заключенныя в сей тайне. Не пытливостию, но верностию приобретается открытие тайны. Будем верны в том, что уже открыто нам: так приготавим себя и к высшему откровению сокровеннаго. Тебе уже сказано, что ты храм Божий: примечай же все, что есть, и что совершается, во храме Божиим, и сообразно с сим располагай себя, и наипаче свою внутренность. Видишь здесь изображения дел Божиих и Святых Его: наполняй и ты ум твой и память, яко духовными образами, назидательными помышлениями о великих делах Божиих, и о Богоугодных делах Святых Его. Видишь светильник пред святым изображением: старайся, чтоб и в тебе святыя помышления о Боге раждали свет веры, и возжигали огонь любви к Богу. Видишь курение кадила: *да исправится молитва твоя, яко кадило, пред Богом* (Псал. CXL, 2). Слышишь слово Божие: внимай так, чтобы оно *вселилось в тебя* (Кол. III, 16), чрез учение и

вразумление себя самого. Слышишь пение во славу Божию: *воспевай и ты в сердце твоём Господеву*. Видишь Священнослужителей предстоящих Престолу Таин, и возвещающих, что мы *изобразуем собою Херувимов*, предстоящих Животворящей Троице: *отлагай же и ты житейския попечения; да молчит в тебе все плотское*, и да навькнет дух твой с Давидом *зреть Господа пред собою выну* (Псал. XV, 8).

Тако, братия, *приходя, здесь ко Христу, камени живу, и сами зиждитесь в храм духовен, святительство свято, возносити жертвы духовны, благоугодны Богови Иисус Христом* (1 Петр. II, 5). Со Апостолом *молю вы, братие и сестры, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, чисту, благоугодну Богови, словесное служение ваше*. Аминь.

LV.

26. СЛОВО

в день Святителя Николая.

(Говорено в Николаевском Перервинском Монастыре,

мая 9 дня; напечатано в собраниях 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

<1822>

*Поминайте наставники ваша, иже глаголаша
вам слово Божие, ихже взирающе, на
скончание
жительства, подражайте вере их.* Евр.
XIII, 7.

Сие пишет Апостол Павел к Евреям, то есть, к обратившимся в Христианство из Еврейского народа, и вероятно, к тем, которые жили в Иудее. Посему догадываться можно, что наставники, которых он имел в мыслях, суть именно Апостолы Иаков, брат Иоанна, и Иаков, брат Господень. Первый из сих скончался от меча, подъятого на Церковь Иерусалимскую Иродом; а второй пострадал от Иудейскаго первосвященника Анны и его скопища. Естественно, что дети Церкви с горестию воспоминали столь бедственную потерю столь великих наставников. Сие-то расположение духа исправляет и возвышает Апостол, поучая вспоминать кончину благочестивых наставников не с печалию, но с благоговением, не для оплакивания, но для подражания. *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их.*

Поелику Апостолы говорили то, что подаваемо было им от Духа Святаго: то послушныя дети Церкви наставления их принимали как законы, и слово их обращали в дело. Отсюда обыкновение торжественно вспоминать отшедших к Богу наставников Христианских, и, когда уже не поучают они словом, поучаться их примером.

Иные наставники просияли словом мудрости, иные иными дарованиями духовными, на пользу Церкви. Воспоминаемый ныне наставник, Святитель Николай, ознаменовал себя преимущественно сильною верою и ревностию по вере.

Вспоминайте же его так, чтобы при том поучаться, и самым делом подражать его *ревности по вере*.

Ревность есть духовный огонь. Как мудрость светит в уме, как любовь согревает сердце: так ревность, сложное действие оных двух сил, воспламеняет все существо, в котором она есть. Она является в нем напряженною деятельностью, которая все, что может ей покориться, могущественно направляет к своей цели, – способное к очищению очищает, смешенное разделяет, нечистое и тленное разрушает, противоборствующее отражает и разсыпает. Так ревность Самого Бога изображает Апостол, когда называет ее *ревностию огня, поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. X, 27).

По сему образу, ревность человека в отношении к вере есть такое качество и расположение духа, по которому человек с пламенным желанием и живейшею деятельностью старается, истинную веру, которую он познал и возлюбил, сохранить, распространить, очистить от примешения суеверий и соблазнов, и врагов ея или умягчить и обратить, или довести до невозможности вредить ей.

Ревность по вере есть *алчба и жажда правды* в вере, которая поколику обретает веру правую, потолику насыщается и блаженствует; а когда или не обретает правых веры, или видит ее ослабляему нерадением ложных Христиан, колеблему раздорами, угрожаему бедами, тогда *снедает* (Иоан. II, 17) самого ревнителя. Соломон, изображая сию огненную или снедающую силу ревности, говорит: *жестока, яко ад, ревность* (Песн. VIII, 6). Аду ее уподобляет не потому, чтобы она хотела кого либо низринуть во ад; – ибо сего не может быть от истинной ревности, поелику в составе ея есть любовь; – но или потому, что она, видя возлюбленные творения Божия на пути ко аду, и с живейшим состраданием представляя себе погибель, им предстоящую, сама в себе чувствует их ад; или потому, что ревность, с избытком растворенная любовью, готова бывает разделить даже адскую участь с теми, по которым ревнует, дабы облегчить участь сию для них, и своею опасностью исхитить их от опасности. Так Апостол Павел, ревнуя по Израильтянах *ревностию Божиею*, побужден был сказать, что он *молилбыхся сам отлучен быти от Христа по братии своей* (Рим. IX, 3), то есть, дабы они во Христа уверовали.

По сему и подобным примерам, некоторые, может быть, думают, что сия святая ревность не есть общая и всегдашняя обязанность, но дар, низпосылаемый благодатию не многим, на некоторые особенные случаи, когда необыкновенные опасности веры требуют необыкновенных усилий для ея сохранения и утверждения. Подозрением в сем образе разсуждения не касаемся мы тех, которые охладели в вере до такой степени, что не исполняют и обыкновенных, всеми признанных, ея обязанностей: как искать ревности по вере у тех, у которых и самой веры в делах найти не можно? Нет ли таких, которые чтят веру, желают, и употребляют некоторые усилия исполнять ея обязанности, поколику знают их, но у которых ни в исчислении должностей, ни в списке добродетелей не найдешь имени ревности? Не думают ли, что нам нет нужды в ревности Павла, когда мы не назначены сражаться с упорством Иудеев, ни в ревности Моисея, или Финееса, или Илии, когда мы не живем среди мерзостей язычества?

Конечно, не всякому быть Моисеем или Финеесом, Илиею или Павлом; когда и Моисей в известное время не мог быть Финеесом, ни Финеес Моисеем. Но если Моисей в одном, а Финеес в другом случае, спасли целый народ Божий своею ревностию: не лучше ли было бы еще, когда бы таких ревнителей было более? А из сего уже и видно, что если святая ревность не есть необходимая обязанность, по крайней мере она есть желательная добродетель.

Но осмотримся внимательнее, не найдем ли мы ревности и между необходимыми нашими обязанностями. Что может быть необходимее и повсеместнее обязанностей, которые Сам ■Бог возложил на нас десятью заповедями? Здесь ищу я закона ревности, и сие искание нет нужды простираť далее первой заповеди. *Аз есмь Господь Бог твой; да не будут тебе бози инии*: слышите ли вы в сих словах, вместе с заповедию веры и любви, заповедь ревности? Вслушайтесь разборчиво. Когда небесный Законодатель провозглашает Себя *Господом* и *Богом*: Он возвещает Свою власть, и требует нашей покорности; возвещает Свое величие, и поставляет нас в благоговение пред Ним. Когда же *не стыдится*, как выражается в сем самом предмете Апостол (Евр. XI, 16), *нарицаться* Господом и *Богом нашим*: что являет Он нам в Себе, как не любовь, и что возбуждает в нас к Себе, как не любовь? Ибо что может быть полнее любовью от лица говорящаго, что любезнее для слышащаго, как сказать, как услышать говорящаго: *Я есмь твой*. И так вот заповедь любви. Но что далее? *Да не будут тебе бози инии, разве Мене*. Что сие значит, как не то, что Бог, постановив между Собою и человеком союз любви, желает укрепить его и возвысить до такого совершенства, чтобы любовь сия исключала всякую другую любовь, которая с нею не согласна, и ей не подчинена, или, что тоже, открывает Свою ревность, и ревность нам заповедует? И так вот заповедь ревности. Изъяснение сие не вымыслено, а дано Самим Творцем закона, в продолжении десятословия: *Аз бо есмь Господь Бог твой, Бог ревнитель* (Исх. XX, 5).

Из сего не трудно усмотреть, как то, что обязанность, быть ревностным по Боге и по вере в Него, лежит на каждом человеке, так и то, что обязанность сия простирается на все времена и случаи: поелику заповедь ревности неразрывно связана Высочайшим Законоположником с заповедию любви к Богу, которая никогда никакому исключению подвержена быть не может.

Но дабы ближе в самом действии усмотреть, как далеко может и должна простираť святая ревность, вопрошаю: должно ли быть ревнительну по таком Богослужении, которое хотя и было правильное и Богом установленное, но, по Его же судьбам, уже начало терять свое достоинство и значение, и вскоре совершенно должно быть разрушено? Как многия души, не воспламененныя Божественным огнем, подумали бы, что оне, не нарушая своих обязанностей, с хладным равнодушием смотреть могут на какое бы то ни было уничижение такого Богослужения! Не подумают ли некоторые, что в таком случае ревность была бы даже неуместна и неразсудительна, усиливаясь подкреплять то, что непременно должно быть разрушено? Примечайте же здесь, как много может обмануть нас мнимое благоразумие, лишенное живаго чувствования сердечнаго, или лучше сказать, нерадение, прикрытое видом благоразумия. Не так мыслил, не так поступал Тот, Который есть самая Премудрость, и вместе самая Любовь, и потому, чистейший образец ревности. Иерусалимское Богослужение, состоявшее из теней и гаданий, должно было прекратиться, когда явился Иисус Христос, Свет теней и разрешение гаданий; и самому храму вскоре надлежало быть предану язычникам для конечнаго разрушения. Но что в сие время чувствовал, что сказал, что сделал Иисус Христос, когда увидел во храме недостойное храма? Он чувствовал то, что изображено у Пророка: *ревность по доме Твоем снедает Меня. Не творите*, говорил Он, *дома Отца Моего домом торговли*. И самым делом *изгнал* продающих из храма (Иоан. II, 14–17).

Видите, Христиане, пример святая ревности в таком случае, по которому должно заключить, что и каждому из нас не будет недостатка в случаях к подвигам ревности. И сей образ ревности показан точно всем: ибо Иисус Христос поступил в сем случае, не яко принадлежащий храму, по особенной к нему обязанности, поелику известно, что Он никогда не поставлял Себя в такое положение, но во всех случаях, для исполнения

обязанностей установленного Богослужения, даже очудодетствованных Им, отсылал к Священникам; Он действовал здесь по свободной, всеобщей ревности.

И так, Христианин, если ты веруешь, и желаешь быть верен твоей вере: то надлежит тебе быть и ревнителем по вере. Не отрицайся от сего тем, что ты не видишь врагов веры, и не встречаешь предметов ревности. Иисус Христос нашел предмет ревности в самом храме истинного Бога. Встречается и в истинной Церкви Христианской то, что ревностного Христианина сдает ревностию.

Можно ли равнодушно видеть многих из чад веры, живущих в таком неведении о том, во что они веруют, что им точно можно сказать сказанное Самарянам: *вы кланяетесь, Егоже не весте* (Иоан. IV, 22)? Если Бог даровал тебе истинный свет веры и разумение тайны Христовы: то возревнуй по таковых со Апостолом *Божиею ревностию* (2 Кор. XI, 2), и *болезнью* спасительною болезнью, *дондеже вообразится в них Христос* (Гал. IV, 19).

Не встречаем ли Христиан, которые право так именовать себя основывают токмо на исполнении некоторых наружных, по легкости предпочтительно восприемлемых, обязанностей, без внутреннего исправления сердца, без очищения совести, без возвышения духа к общению с Богом? Если ты Христианин не по одному имени, но по духу и силе; скажи хотя одному из таковых, кому можешь: почто ты, Христианин сый, Иудейски, или даже язычески, живешь?

Трудно было бы окончить, если бы мы захотели продолжать исчисление подобных случаев к святой ревности, которые внимательный Христианин ежедневно может встречать, обращаясь с подобными себе Христианами. Но еще не далеко ли мы оных ищем, когда ищем далее самих себя?

Обратись, Христианин, в собственную твою храмину, войди в себя самого: не найдешь ли и здесь того, что должно сдаться тебе ревностию?

Если ум твой *прилагается в научения странна и различна* (Евр. XIII, 9), и не хочет отдать себя в свободный плен и блаженное послушание вере: то не нужна ли тебе против тебя самого ревность святых Отцев, которые силою веры *низлагали взимающихся на разум Божий возношения* (2 Кор. X, 5) гордаго разума ересеначальников?

Если корысть или суета наполняет сердце твое предметами мира, и оно занимается ими более, нежели Богом, для Котораго сотворено: то не нужна ли тебе против тебя самого ревность Моисея и Илии, обличавших и истреблявших идолослужение?

Если чувства твои отверсты к удовольствиям растлевающим и оскверняющим душу: то не нужна ли тебе против тебя самого ревность Финееса, дабы, если можно, решительным ударом *умертвить уды суция на земли, страсть и похоть злую* (Кол. III, 5)?

Ревнуя поревнуй по Господе Боже твоем (3 Цар. XIX, 10). Не одному Финеесу ревность принесла завет священства вечнаго. И нам, если будем чистыми и неизменными ревнителями и поборниками по царствию Божию в нас и в ближних наших, сия ревность принесет обет, или, лучше, самое исполнение обета, да *сотворит нас Христос цари и иереи Богу Отцу Своему. Тому слава и держава во веки веков, Аминь.* (Апок. I, 6).

LVI.

27. СЛОВО

в день Святого Мученика Благоверного Димитрия Царевича.

(Говорено в Архангельском Соборе,

мая 15 дня; напечатано в собраниях 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.)

*Темже и страждущии по воли Божией, яко
верну Зиждителю да предадут души своя во
благоволении. 1 Петр. IV, 19.*

<1822>

Для чего так часто Церковь возобновляет пред нами зрелища неповинного страдания, торжественно возобновляя память невинно пострадавших? Для чего само Провидение поспешествует в сем Церкви, – для чего и оно так долго и непрерывно представляет нам зрелища неповинного страдания, чудесно сохраняя, пред нами, нетленные останки невинно пострадавших?

Для чего, святое Отроча, багрянородное в жизни земной, по крови Царской, багрянородное и в жизни небесной, по крови мученической, – для чего еще оставляешь между нами твои разсеченные члены, и таким образом соделываешь потомков очевидцами того, как ты пострадал, без сомнения, не без воли Божией, хотя то было по воле и действием забывших Бога человек? – Домышляюсь. Губители принесли тебя в печальную жертву законопреступному властолюбию, на погибель законной власти Царской; и дивный в судьбах Своих Бог попустил быть сему, дабы беззаконием вельможи обличить и наказать грехи народа: но дабы не вотще пролита была чистая кровь твоя, Он сберег ее ко времени; повелел ей, как Авелевой, вопиать против мятежников и похитителей Царского венца; и таким образом соделал тебя священной жертвою, агнцем, закланным за спасение законной власти Царской.

Только сие нужно на время. Для чего же и теперь еще призываемся мы быть свидетелями, более, нежели за два века пред сим совершившагося неповинного страдания? Для чего так открыто, по изречению Церкви, *сеются мощи мучеников по всей вселенной*? Для того, как она же говорит, чтобы от них *прозябал плод исцелений*? – Правда. Но для чего и дар исцелений дается невинно пострадавшим, и притом иногда таким, которые не совершили великих подвигов добродетели, как сие, впрочем благословенное, Отроча? Для чего, повторяю, дар исцелений? Для тела ли только, когда самое тело не для себя, но для души?

Как одним концем нити разрешается многосплетенный узел: так все сии вопросы разрешаются одною простою мыслию, что Бог сохраняет и украшает дарованиями чудес останки невинно пострадавших, а Церковь, таинница путей и намерений Божиих, возобновляет и прославляет память их, на тот конец, чтобы приучить нас к мысли о неповинном страдании, и соделать нас готовыми предать на сие души наши, если на то будет воля Божия. Мне кажется, на каждой гробе мучеников написано то, что написал Апостол Петр при мысли о Стефане, Апостоле Иакове и других мучениках первенствующей Христианской Церкви: *и так страждущие по воле Божией, Ему, как верному Создателю, да предают души свои, делая добро.*

Должно признаться, что не легко привыкнуть к мысли о неповинном страдании. Против нея возстает некоторым образом вся природа, как человеческая, так и прочих тварей Божиих. Поелику все сотворил единый, премудрый и всеблагий Бог: то все сотворено в единстве, расположено по закону порядка и направлено к блаженству: *смерти же Бог и не*

сотворил (Прем. I, 13). И так естественно, что никакая вещь не расположена к тому, чем разсекается единство, чем нарушается порядок, что уклоняет от блаженства. Таким образом всякая жизнь любит жить, и не хочет смерти; всякое орудие познания или ощущения желает находить свою пищу и радость в предметах, сообразных с его устройством, а не страдать от тех, которые несообразны с его свойствами, и разрушительны для его состава.

В человеке, кроме естественного отвращения от страдания, против мысли о неповинном страдании возмущается чувство справедливости, свойственное высшей его природе. Если чувственная природа, по началу своего устройства, требует, чтобы жизнь пользовалась безопасностью: то нравственная природа, по началу свободы и правды Божией, в ней впечатленному, еще сильнее требует, чтобы невинный был безопасен. И потому как вид разрушения приводит в содрогание чувственную природу: так нравственную природу приводит в сугубый трепет и смятение вид незаслуженного страдания.

Но вот странность и противоречие природы самой себе, которое должно погрузить размышляющего в безутешное уныние и отчаянную скорбь, если он не откроет источника утешения и надежды выше природы! Та же природа, которая внушает отвращение и ужас от страдания, особенно неповинного, та же самая природа возвещает, что страдание, даже и неповинное, неизбежно. Пройдите по всем степеням видимых тварей, пройдите по всем областям земной природы: где нет страдания? Что не страждет? И не более ли страждет то, в чем более видны черты невинности? Агнец трепещет от волка, кроткая птица от хищной; сильнейшие животные, то по естественному побуждению и необходимости, то по случаю, истребляют слабейших, а иногда и сильнейших хитрейших; то, что есть лучшего в растениях, терзается и разрушается животными, составляя их пищу. Всякое благо, всякая радость, всякое удовольствие в природе, более или менее дорого, покупается страданием. Зерно должно прорасти, и совсем погибнуть, чтобы родилось растение и плод; чувство чадолюбия, источник живейшей радости в животной природе, очевидно растворено и в безсловесных тоскою и заботами; приятность питания и насыщения почти соразмерна бывает с предшествовавшим изнурением голода, и сладость сна, — с утомлением бдения. Во всех и самых благодетельных силах природы открыты источники страдания и разрушения. Солнце согревает, но и палит зноем; хлад укрепляет, но и убивает; вода орошает, но и потопляет; ветер освежает, но и наносит болезни; земля приносит человеку хлеб, но требует у него пота. Человек рождается, живет и умирает также под законом страдания, и еще более прочих тварей покорен сему закону. Раждающая мучится, раждаемое плачет; умирающий страдает, плачут оставшиеся после умершего. С начала жизни человек страждет от недостатка сил, от несовершенного развития способностей; под конец жизни, от утраты сил и способностей: если между сими крайностями есть какая середина, она через край наполняется страданиями от того, что человек никогда не находит способностей и желаний своих удовлетворенными. А сколько разнообразных случайностей! Болезни, страсти, оскорбления от людей, беспомощная бедность, обременительное богатство, тяжкая подчиненность, разстроенное управление, — сколько стрел, или точнее, сколько тулов, наполненных стрелами, на уязвление сердца человеческого!

Какая участь! Страдать не хочется; но страдать надобно! Несносно; а неизбежно!

Что же делать? «Тяжело, говорит один размышляющий язычник, но терпением облегчается то, чего переменить не можно». Сей пример показывает, что и язычники признавали необходимость приучать себя к мысли о страдании, и даже к готовности на страдание неповинное. Но *языцы, не имущие упования* (Ефес. II, 12), не знали *терпения*, которое *упование соделова*ет (Рим. V, 4), и учили терпению отчаянному. «Терпи охотно,

говорили они; иначе невольно терпеть будешь». Или: «погибай великодушно; потому что все погибает; приятно пасть под огромными развалинами». Горькие утешения! как будто горькая чаша может сделаться сладкою от соединения с морем той же горечи, и от той мысли, что она менее горька быть не может! Так мало может человек усладить чашу судьбы своей без познания Того, Который есть *утеха Израилева и чаяние языков* (Лук. II, 25. Быт. XLIX, 10)!

Только в истинном благочестии, одним словом, только в Христианстве можно найти чудесный камень, превращающий мрачное железо в чистое золото, горечь в сладость, зло в добро, смерть в жизнь, страдание в блаженство. *И так страждущие по воле Божией, Ему, как верному Создателю, да предают души свои.*

И от сей мысли, что мы *страждем по воле Божией*, неверующий ужаснулся бы, и возроптал бы на верного Создателя. Но верующий, углубляясь в сию мысль, обретает в ней обильный источник утешения, который растворяет сладостию всякую горечь. Одобряющая и обнадеживающая мысль о *воле Божией*, о *воле верного Создателя*, мирит верующего с угрожающею мыслию о неповинном *страдании*.

Мы страждем по воле Божией, по воле Того, от Котораго *всякое даяние благо и всяк дар совершен сходит свыше* (Иак. I, 17); по воле Того, Который питает птицу, не стоящую ассария, Который траву сельную одевает великолепнее, нежели Соломон облачался в славе своей, и Который чрез Единородного Сына Своего уверяет нас, что мы, даже мы малoverы, дороже у Него какогонибудь крина или врабья; по воле Того, Который *солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и неправедныя* (Матф. V, 45), и заповедует нам подражать совершенству Своего милосердия. Как же можно, чтобы Тот, Который есть, и от Котораго происходит, единое благо, имел волю поставить нас в такое состояние, в котором нет ничего кроме зла? Как можно, чтобы Тот, Который бережет врабья и травное былие, не хранил человека, хотя бы проводил его сквозь огонь и воду, когда то находит нужным? Как можно, чтобы Тот, Который являет милосердие Свое даже злым, не явил даже правосудия Своего невинно страждущим? Если Благий посылает страдание: то конечно и в страдании есть некоторое благо. Если Милователь и Питатель наш *питает нас хлебом слезным, и напаяет слезами* (Псал. LXXIX, 6): то конечно есть нужда и польза приготовить нам такую пищу, подобно как находят нужным, с туком или сладостию обыкновенной пищи соединять остроту соли, кислоту, или горечь. Если безконечно Милосердый безконечным милосердием не удерживается от того, чтобы *показать людям Своим жестокая* (Псал. LIX, 5): то конечно не может статься, чтоб Он допустил сие вопреки правосудию. Скажут: посему и не было бы несправедного и неповинного страдания? И не знаю, есть ли в отношении к Богу неповинное страдание, кроме страдания Того, Который *язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша* (Иса. LIII, 5). Кроме Его *вси согрешиха* (Римл. V, 5): и потому все повинны страданию; а вместе с виновными человеками и покоренная им тварь покорена суе неволею, и от того вместе с ними совоздыхает и сболезнает, в надежде очищения и освобождения вместе с ними. Если же и есть страждущие неповинно в отношении к себе и своим делам: правосудие и благость Божия с избытком являются над ними в делах Божиих чудесных и спасительных, совершаемых в воздаяние за неповинное страдание. Осязательный образ сего представлен нам в Евангельском слепорожденном: если слепота его была темною загадкою в отношении к понятию о правосудии наказательном: *сей согреши, или родителя его, да слеп родися* (Иоан. IX, 2)? то загадка сия совершенно разрешена правосудием воздаятельным: *ни сей согреши, ни родителя его, но да явятся дела Божия на нем* (3). Тяжко ли, не видеть несколько лет света телесного, чтобы в награду за сие узреть свет духовный, Божественный, просвещающий всякого человека к жизни вечной?

Но если мысль о Боге, *яко верном Создателе*, может облегчить для нас неповинное страдание: то мысль о Иисусе Христе, *яко возлюбленном Спасителе*, может сделать страдание любезным, сладостным, блаженным. Кто имеет сердце: тот знает, что есть страдание из любви и благодарности, и как сладостно сие страдание. Христианин! Кто может так любить тебя, и кто так достоин любви твоей и благодарности, как Тот, Который из любви к тебе оставил славу небесную, вкусил все скорби и горести земныя, пострадал на кресте, прошел даже сквозь адския мучения, дабы исхитить тебя из ада и возвратить в славу Божественную? Можешь ли ты отречься, если нужно из любви к Нему, вкусить несколько капель из чаши, которую Он для тебя испил без остатка? Что я говорю? Не чувствуешь ли ты неизъяснимой сладости сей чаши, которая так обильно растворена Божественною любовию, что горечь страдания составляет в ней едва приметную пряность? Ах! если ты сего не чувствуешь; то духовный вкус твой туп и мертв: болезнь, для уврачевания которой опять не иное что нужно, как умножить горечь в чаше твоей участи!

И так, ученики пострадавшего, в наказание ли, в залог ли милости, в наслаждение ли, или во исцеление, только непременно нужно нам приобщиться страдания. *Христу пострадавшиу за ны плотию, и вы в туже мысль вооружитесь: зане пострадавый плотию, преста от греха* (1 Петр. IV, 1). *Возлюбленнии, не дивитесь еже в вас раждежению ко искушению вам бываему, яко чужду вам случающуся: но понеже приобщаетеся Христовым страстем, радуйтеся, да и в явление славы Его возрадуетеся веселящеся* (12). *Аще укоряеми бываете о имени Христове, блажени есте: яко славы и Божий Дух на вас почивает. Да не кто от вас постраждет, яко убийца, или яко тать, или яко злодей, или яко чуждопосетитель: аще ли же яко Христианин, да не стыдится, да прославляет же Бога в части сей* (12–17). Аминь.

LVII.

28. СЛОВО

в день обретения мощей Святителя Алексия.

(Говорено в Чудове Монастыре мая 20 дня

напечатано в собраниях 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

*Прочее убо соблюдается мне венец правды,
егоже
воздаст ми Господь в день он, праведный
Судия, не
только же мне, но и всем возлюбльшим
явление
Его. 2 Тим. IV, 8.*

<1822>

Необыкновенно смелые слова! Можно подумать, что этот человек забывается и мечтает, когда прежде суда Божия пред Богом себя оправдывает, и сам себе назначает венец от Бога. Но так думать не позволяет известная его скромность и глубоко смиренное о себе мнение. Ибо сей самый человек в другое время называл себя *наименьшим из Апостолов, недостойным имени Апостола* (1 Кор. XV, 9), *гонителем Церкви, хульником и*

досадителем, единственно по благодати помилованным, первым из грешников (1 Тим. I, 13. 15).

Как же случилось, что человек, который так любит унижать себя, с таким дерзновением себя возвеличивает? – Без сомнения, вера дала ему предчувствовать то, что уготовано ему: а открыть сие предчувствие, думаю, любовь его побудила. *Злопостражди*, написал он пред сим возлюбленному чаду своему Тимофею: и тотчас, дабы сию горькую заповедь растворить утешением, указывает ему на пример своего злострадания: *аз уже жрен бываю*; и на свою несомненную награду: *прочее убо соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия*. Но едва любовь к ученику исторгла из сердца учителя тайну высокой надежды; немедленно приходит смирение, и поставляет высокаго учителя на ряду с последними учениками: *не токмо же мне венец правды, но и всем возлюбльшим явление Его*.

И все человеки Божии не любят быть в славе между человеками: а если являются между ими в славе, или являют в себе чаяние славы; то для того, чтобы, показуя им венец правды, привлечь их на путь правды. И ты, Духоносный преемник и подражатель Апостолов, *дело сотворивший благовестника, подвигом добрым подвизавшийся*, когда некоторыми лучами твоего небеснаго венца и здесь на земли сияешь, – и ты, Алексие, по кончине своей, как Павел пред кончиною своею, проповедуешь нам надежду венца небеснаго, и поощряешь нас искать его. *Не токмо мне венец правды, но и всем возлюбльшим явление Его*.

Достойно примечания, Христиане, что Апостол обещает венец правды *всем возлюбльшим явление Господне*. Чрез сие научает он нас, что, между прочими спасительными подвигами, для достижения венца от Господа, потребно то, чтобы мы *возлюбили явление Его*, то есть, прилежно размышляли о пришествии Христовом, ожидали его непрестанно, желали сердечно, готовились к нему деятельно.

Когда Иисус Христос возносился на небо, и Апостолы, хотя уже и предваренные о Его восхождении ко Отцу Своему, стояли с устремленными в след Его взорами, в изумлении ли от дивнаго события, в недоумении ли о его последствиях, в сетовании ли о разлучении с Божественным Спасителем: тогда успокоить их волнующая мысли и чувства, посланы были Ангелы. Что же они делают? Какое употребляют врачевство? – Как крепкое врачевство, употребляют они мысль о будущем явлении сокрывшагося от взоров Иисуса. *Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде придет, имже образом видесте Его идуща на небо* (Деян. I, 11). И как верно помогло сие духовное врачевство! *Возвратишися*, повествует Евангелист о Апостолах, по вознесении Господнем, *возвратишися во Иерусалим с радостию великою* (Лук. XXIV, 52).

Видно, что, приняв поданное Ангелами врачевство, Апостолы действительно и обильно вкусили в нем силы грядущаго века. От того так часто подают они тоже врачевство и другим человекам, то есть, дают вкушать надежду будущаго явления Христова, нужно ли очистить зараженных, или укрепить слабых, или облегчить страждущих. *Христос*, пишет Апостол Павел ко Евреям, *единою принесся, во еже вознести многих грехи, второе без греха явится, ждущим Его во спасение* (Евр. IX, 28). Наставляя Тита преподавать учение спасительной благодати, он говорит, что сия благодать *научает нас, да отвергшися нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце*: но как возможем исполнить столь великия требования благодати? – В ответ на сие он присовокупляет: *ждущие блаженнаго упования и явления славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (Тит. II, 11–13). Поощряя Тимофея *успевать в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости, подвизаться добрым подвигом*

веры, он завещает ему соблюдать сию заповедь чисто и неукоризненно, – долго ли? спросил бы, может быть, иногда изнуренный подвижник; и прозорливый наставник, предупреждая сие, указывает радостный предел подвигов: *даже до явления Господа нашего Иисуса Христа* (1 Тим. VI, 11–14). Подобно и Апостол Петр, воззывая пастырей к истинному пастырскому подвигу: – *образы бывайте стаду*, – возбуждает в них ревность к подвигу не иным чем, как мыслию о явлении Венцедателя Пастыреначальника: *и явльшуся Пастыреначальнику, примете неувядаемый славы венец* (1 Петр. V, 3. 4). Сею надеждою растворяет он и горькую чашу страждущих: *понеже приобщается Христовым страстем; радуйтесь, яко да и в явление славы Его возрадуетесь, веселящиеся* (1 Петр. IV, 13). Апостол Иоанн требует от Христианина высочайшего *очищения себя, якоже Сам Христос чист есть*. Каким же не разрушающим огнем, или какою огненною водою думает он произвести сие коренное очищение? Надеждою явления Христова. *Вемы, говорит, яко, егда явится, подобни Ему будем: ибо узрим Его, якоже есть: и всяк имеяй надежду сию нань, очищает себе, якоже Он чист есть* (1 Иоан. III, 2. 3).

Можно сказать, что мысль об ожидаемом явлении Христовом была в первоначальном Христианстве всеобщим основанием, которым поддерживалось все здание, всеобщую силою, которою одушевлялось все тело, всеобщим двигательным орудием, которым производились действия великия и чистыя. Но для чего я сказал: в первоначальном Христианстве? Когда и какое Христианство может стоять без сего основания, жить без сего силы, действовать без сего орудия? *Упованием спасохомся* (Рим. VIII, 24), говорит Апостол; мы спасены в надежде, а не в полном совершении спасения. Что значит *спасение в надежде*? – *Ожидание*, как определяет тот же Апостол, *блаженного упования и явления славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (Тит. II, 13). И так, где нет сего ожидания, там нет надежды; где нет надежды, там нет спасения; где нет спасения, там нет Христианства.

Если кому сии заключения кажутся не довольно ясны потому, что выведены из свидетельства наставника в Христианстве, а не из простых и очевидных начал разума; – хотя в делах веры гораздо надежнее полагаться на свидетельства знающих, нежели на собственные изыскания естественного разума, кичливого и суетного, который в таких случаях, со всеми своими вопросами и недоумениями, не заслуживает иного ответа, как обличительный ответ Христов Никодиму: *еже вемы, глаголем; и еже видехом, свидетельствуем; и свидетельства нашего не приемлете* (Иоан. III, 11)! – если, говорю, несмотря на сие, желает кто собственным рассуждением исследовать, до какого степени надежда и непрестанное ожидание явления Христова входит в существо Христианства: пусть советуется с лучшим своим разумением и совестью. Кто чувствует в себе грех: тому не существенно ли потребна твердая надежда совершенного прощения и очищения? Без сего не угрожало ли бы ему отчаяние, которое есть ад в душе, прежде нежели низведет во ад душу? Кто страдает: тому не существенно ли нужна отрадная надежда лучшего состояния? Кто испытывает, или хотя видит, несправедливость: тот, для успокоения сердца и совести, не имеет ли также нужды в надежде правосудия? Кто подвизается до изнурения: не имеет ли нужды в ободряющей надежде воздаяния?

Христианин знает, что прощение и очищение грехов приобретено ему кровию и смертию Христовою: однако чувствует и то, что корень греха еще не исторгнут из него, как признавался и Апостол, что он чувствует *живущий в себе грех*, и что *не живет во плоти его доброе* (Рим. VII, 17. 18). Можно даже сказать, что святой более грешника чувствует в себе грех, потому что сие внутреннее чувство не заглушается в нем ни внешними чувственными удовольствиями, ни усыплением совести: посему, что было бы с Христианином, если бы он не надеялся и не ожидал непрестанно явления Христова, которое во всех частях, даже до тела смирения, должно преобразить его в славный образ

Христов, при чем без сомнения и малейшие останки нечистоты греховной исчезнуть, и всякая брань греха, всякое искушение на веки прекратится?

Христианин страдает, и страдает едва ли не более прочих человек; ибо ему, сверх общих, для растленного естества человеческого неизбежных страданий, в особенный жребий дан крест, подобный тому, на котором пострадал Христос: сколь же несчастен был бы Христианин, если бы не думал, если бы не чувствовал в своем страдании, что *страданием Вошедший во славу* (Лук. XXIV, 26) ежеминутно приближается, чтобы осиять славою страдальцев?

Христианин и видит над другими, и над собою испытывает несправедливость мира, по предречению Истины: *якоже от мира несте, сего ради ненавидит вас мир* (Иоан. XV, 19); и чем яснее понимает он правду Божию, тем пламеннее *ревнует*, тем болезненнее сдается ревностию, *зря мир грешников* (Псал. LXXII, 3) и бедствия праведных: истаял бы он от собственной ревности, если бы, как глас хлада тонка, не дышала на него прохладная надежда правосудия: *се гряди скоро, и мзда Моя со Мною воздати комуждо по делу его* (Апок. XXII, 12).

Наконец Христианин подвизается; ибо с тех пор, как грех воцарил в мире зло, никакое добро не приобретается в нем иначе, как подвигом, бранию и победою; и должен подвизаться, по примеру Подвигоположника, иногда и до кровавого пота, и до истощения всех сил: что же необходимее для ободрения его в подвиге, и для обновления сил его, как то, чтобы оком надежды усматривать в конце поприща Самого Подвигоположника, являющегося уже Венцедавцем; – не потому, чтобы в истинном подвижнике была корысть или тщеславие, алкающее венца, но потому, что душа его жаждет Самого Возлюбленного Подвигоположника и Венцедавца, за Которого истинный подвижник *во всех претпобеждает, яко за возлюбльшаго ны* (Рим. VIII, 37)? Если бы истинный Христианин не имел сей единственной надежды: то всякая другая надежда могла бы привести его в отчаяние. *Аще в животе сем точию уповающе есмы во Христа: окаяннейши всех человек есмы* (1 Кор. XV, 19).

Все показывает, что с истинным Христианством существенно должно быть соединено упование и ожидание явления Христова. Что же посему должно сказать о тех, в которых или совсем нет сего упования и ожидания, или оно слабо и по большей части покрыто забвением? – То, что или в них нет истинного Христианства, или Христианство их слабо, и они забывают, чем обязаны сему имени. – *Еда аз есмь?* – может быть, помыслит при сем истинный ученик, страшись преступления. – *Еда аз есмь?* скажет и ложный, убегая обличения. Не можем никому подать обличительного знака: но, для имеющих очи, дела все обличают. *От плод их познаете их* (Матф. VII, 16).

Коснит Господин мой приити, говорит упоминаемый в притче злый раб, *и начинает бити клевреты своя, ясти же и пити с пияницами* (Матф. XXIV, 48. 49). *Коснит жених* (Матф. XXV, 5), думают юродивыя девы, и спят безпечно, между тем как последние капли елея догорают в лампадах их. Так в слабых или ложных Христианах забвение о предстоящем пришествии Господа и праведном суде Его влечет за собою все дела, противныя духу Христианства, и до конца истощает все добродетели Христианския. *Коснит Князь царей земных* (Апок. I, 5), говорит сильный земли, прельщенный властолюбием, и начинает попираť слабых. *Коснит*, вопиют мятежные народы, и замышляют безначалие. *Коснит Царь тернового венца*, говорит сын чувственных утех, и, увенчав себя цветами, засыпает на цветах, которые вскоре должны увянуть, и оставить по себе одно будущее терние. *Коснит Царь Заимодавец*, говорит раб сребролюбия или лености, и глубже зарывает в землю талант, котораго лихвою могло быть царствие.

Коснит Жених, говорит душа, обрешая себя небесному Жениху, и дремлет, не примечая, что в ея духовном сосуде елей умиления и любви Божественной оскудевает; а потому и свет разума вскоре угаснуть может. Коснит, кричат ругатели; *где есть обетование пришествия Его? отнележе бо отцы успоша, вся тако пребывают от начала создания; и в надежде на сие коснение, или лучше сказать, в отчаянии, ходят по своим похотех* (2 Петр. III, 3. 4).

Нет, лукавые рабы и рабыни легкомысленныя, *не коснит Господь обетования, якоже неции коснение мнят, но долготерпит на нас, не хотя да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут* (2 Петр. III, 9). И кто знает, не наполнилась ли уже мера Его долготерпения? – Примечайте, Христиане, как со дня на день умножаются знамения Его пришествия, Им Самим предназначенныя: туга языков, глады и пагубы и трусы по местом, множество соблазнов, предательство друг друга, умножение беззакония, изсякновение любви, – и то уже знамение, что так многие дремлют, не обращая внимания на поразительныя знамения времени; ибо, по преждедеченным глаголам от святых Пророков и Апостол ваших, *приидет день Господень, яко тать в нощи* (10).

Се грядет со облаки, и узрит Его всяко око (Апок. I, 7)! Блажен, кто может от всего сердца сказать: *ей, гряди, Господи Иисусе* (Апок. XXII, 20)! *Венец возлюбльшим явление Его!* Аминь.

LVIII.

29. СЛОВО

в неделю всех Святых, при посещении города Коломны.

(Говорено в тамошнем Успенском Соборе,

мая 28 дня; напечатано в собраниях 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

*Иже любит отца или мать паче Мене,
несть Мене
достойн; и иже любит сына или дочь паче
Мене,
несть Мене достоин.* Матф. X, 37.

<1822>

По неисповедимым судьбам Божиим, видя себя вновь посреди сего града, в котором суждено было мне в первый раз увидеть свет, и от которого течением происшествий увлечен я был так, что никогда уже видеть его не чаял, – сверх чаяния, вновь находясь посреди братий и ближних, в сообществе которых получил первыя приятныя ощущения жизни, – желал бы я совершенно предаться сильному влечению любви к отчизне, – любви, по которой, как изъясняется некто из Иерусалимлян, дети Иерусалима *благоволиша камене его, и персть его ущедрят* (Псал. CI, 15), то есть, самые камни отечественнаго града им любезны, мил даже прах путей его. Сердце мое готово теперь воспевать сему граду песнь, которую они воспевали своему Иерусалиму: *вопросите, яже о мире Иерусалима: и обилие любящим тя! Буди же мир в силе твоей, и обилие в столпостенах твоих. Ради братий моих и ближних моих, глаголах убо мир о тебе* (Псал. CXXI, 6–8). Но что слышу? Сию сладкую песнь пресекает грозный глас заповеди Христовой, которая, как будто по особенному намерению, ныне оглашает меня среди сего храма. *Иже любит*

отца или мать паче Мене, несть Мене достоин: и уже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин. Что же буду делать? Восприиму иную песнь песнопевца Израилева: *не Богу ли повинется душа моя* (Псал. LXI, 2)? Покорю любовь к ближним и братьям, – покорю любви к Богу и Христу; *забуду люди моя, и дом отца моего*, и потщуся помнить токмо людей Господних и дом Отца небесного. В сем расположении духа и прерванную Иерусалимскую песнь продолжать мне позволено: *дому ради Бога нашего взысках благая тебе* (Псал. CXXI, 9), Боголюбезный граде! Ради святая Церкви, которая есть дом Божий, ради православных чад ея, которые суть присные Богу, желаю я тебе благ; и поелику желаю для Бога, то и благ желаю Божественных, *мира Божия, превосходящего всяк ум, веры Божией*, которая есть *Божий дар, любви Божией, изливающейся в сердца наши Духом Святым.*

Но не оскорбляю ли братьев и ближних столь скорым отречением от любви отечественной? – Тотчас увидите, братия, что нет в сем несправедливости. Ибо и от вас не инаго требую расположения, как того же, в которое себя поставить желаю. Если желаете быть достойны любви Бога и Христа: возлюбите Бога и Христа паче отца и матери, паче братьев и сестер, паче всего, что вам любезно. *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин: и уже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин.*

Когда, последуя Евангелию, возвещаю вам священную обязанность любить Бога и Христа превыше всего: сие не значит того, чтобы я опасался найти в ком либо из слышащих сие прямую вражду против Бога и Христа. Есть и сего расположения люди, о которых *плача говорит* (Фил. III, 18) Апостол, о которых и я воспоминаю с ужасом, *враги креста Христова*, которые не хотят покорить ни разума своего вере Его, ни сердца закону Его, и говорят с изображенными в притче мятежниками: *не хотим сему, да царствует над нами* (Лук. XIX, 14)! Но не сомневаюсь, что против таковых каждый из правоверующих восприимет ревность Апостола, и не поколеблется, вместе с ним, отвергнуть их всю силу духа. *Аще кто не любит Господа Иисуса Христа: да будет проклят, маран-афа* (1 Кор. XVI, 22).

Есть иной род людей, между самыми верующими во Христа, и признающими над собою власть закона Божия, которые ужасаются мысли поставить себя врагами против Бога и Христа, но которые не довольно ясно познают, не довольно глубоко чувствуют, свою обязанность любить Бога и Христа, и потому не достигают всего блаженства, в сей любви заключенного. Они знают обязанность веровать, – с покорностию собственного разума принимать тайны, которая открывает Слово Божие, потому что разум человеческий, ограниченный и поврежденный, не может уразуметь ума Божия, всесовершенного и безконечного; приемлют обязанность жить по закону Божию, – служить истинному Богу известным образом Богопочтения, не обижать ближних хищением, татьбою и подобными несправедливостями; чувствуют обязанность приносить покаяние, – обличать себя пред Богом во грехах, в надежде прощения ради Того, Котораго Бог, *не ведевшего греха, по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем* (2 Кор. V, 21); признают обязанность молиться, – призывать имя Божие, дабы низвести на себя благословение и спасительную силу Божию; поражаются страхом суда Божия, когда видят себя нарушившими которуюнибудь из сих обязанностей; а когда думают, что исполняют оныя, тогда успокоивают себя надеждою царствия небесного, как заслуженного воздаяния. Не правда ли, что у некоторых, и, может быть, у многих Христиан, в сем заключается весь образ их благочестия, так что им и на мысль не приходит, что бы еще за сим оставалось. Нет, это не все еще, братия; много еще за сим остается, – так много, что без остающегося все прочее не приведет вас к истинной цели вашей, то есть, к вечному спасению вашему. Сколь бы ни высоко восходила лестница ваших добродетелей, она не возведет вас на небо, и, сверх опасения, бедственно может обрушиться с вами, если вверху ея нет последней степени,

которая одна крепко и непоколебимо прикасается к небу. Спросите ваше сердце, любит ли оно Того, Которого веру и закон приемлет, Которому приносит покаяние и молитву; чувствуете ли вы точно, что сия *любовь излилась в сердце ваше Духом Святым* (Римл. V, 5), подобно как вы точно чувствуете лиющуюся в сердце любовь детскую, родительскую, братскую, при виде родителей, детей и братьев? Если совесть и дух не свидетельствуют вам, что вы точно и живо чувствуете внутренне сие Божественное излияние Божественной любви: то нужно вам прилежно учиться сей любви у единого Божественного Учителя Иисуса Христа. *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин: иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин.*

Ты веруешь, и надеешься спастись верою. Не оспариваю сей надежды. Вере спасение предоставляет в удел Сам Спаситель. *Вера твоя спасе тя* (Матф. IX, 22), часто говорил Он тем, над которыми совершал чудесныя исцеления. И всем без исключения обещал: *иже веру имет и крестится, спасен будет* (Марк. XVI, 16). Но всякая ли вера одинакова? Нет ли различия между верою и верою? Какова, на пример, та вера, которую столь ужасною похвалою хвалит Апостол, когда говорит: *ты веруеши, яко Бог един есть; добре твориши; и беси веруют и трепещут* (Иак. II, 19). Кто может быть доволен такою верою? Какая же та вера, которая могла бы спасти человека? – *Вера, любовью поспешествуема* (Гал. V, 6), определяет Апостол. Если нет любви: то вера не имеет силы и успеха, и не достигает спасения. Вера без любви есть образ без жизни: любовь, как дыхание Святаго Духа, одушевляет веру и творит ее деятельною и спасительною. Если желаешь спасен быть верою: возлюби Того, в Кого веруешь.

Ты живешь по закону. В сем, кажется, есть уже и любовь: ибо Сам великий Наставник в любви Божественной сказал: *имеяй заповеди Моя, и соблюдая их, той есть любяй Мя* (Иоан. XIV, 21). Но вникай, и разумеи поистине то, что говорит Истина. Как любовь собственно есть чувство сердца; и как испытующий сердце Наставник провидит, что некоторые слабые ученики помыслят, будто чувство сие может быть сохранено и без помощи деятельности, с сим чувством сообразной: то, предупреждая сие превращение истинной любви во мнимую, и поучая *любить делом и истинною* (1 Иоан. III, 18), Он говорит, что *любящий Его есть тот, кто имеет заповеди Его, и соблюдает их*. А того совсем не мог сказать исполненный любви Наставник, будто для учеников Его довольно только внешне исполнять дела Его заповедей, и будто сие вменится им вместо любви к Нему, хотя бы они ее и не чувствовали: подобно как любящему детей родителю не свойственно сказать к своим детям, что он позволяет и не любить себя, только бы они делали, что он прикажет. И что значит без любви соблюдение заповедей? Кто столь не сведущ о самом себе, или столь не искренен, чтобы не признаться, что он иногда, в чемнибудь, погрешает против заповедей? Если же таким образом здание собственной правды, созидаемое на основании заповедей, имеет слабые места: то найдет гром проклятия законного, и одним ударом разрушит все здание: *проклят всяк, иже не пребудет во всех писанных в книзе законней, яко творити я* (Гал. III, 10). И еще сильнее: *иже весь закон соблюдет, согрешит же во едином: бысть всем повинен* (Иак. II, 10). Где же теперь спасение в исполнении заповедей? Оно есть; но для тех, которые исполняют заповеди не по писмени, а по духу: дух же закона есть любовь. Хочешь ли избежать проклятия законного? Желаешь ли иметь краткий и верный способ исполнить весь закон? Сей краткий и верный способ есть любовь. *Любая, говорит Апостол, закон исполни; исполнение закона любы есть* (Римл. XIII, 8–10). Не в том разуме сие сказано, будто любовь позволяет оставить закон без исполнения; нет! Она есть исполнение закона потому, что она есть душа закона; а душа и все тело оживляет и движет: так любовь исполняющему закон дает силу, и заповеди творит легкими к исполнению. Сын, который бежит увидеть возлюбленного родителя, чувствует ли усталость от пути? Так сынове Божии, любящие Бога человеки, не утомляются никакими подвигами на пути жизни,

поспешая к вечным обителям, где надеются узреть Отца, от Которого рождение дало им столь высокую область, – *чадами Божиими быти* (Иоан. I, 12), и Которого в них любовь сильнее всякой любви, земной и небесной.

Ты каешься. И в сем случае ты на добром пути; и сия стезя проложена ко спасению, по реченному: *покаяние нераскаянно во спасение* (2 Кор. VII, 10). Но примечай и здесь глубокий разум слова Павлова: *покаяние нераскаянно*, говорит он, то есть, покаяние, после которого человек не переменяет воспрятых им лучших мыслей опять на худшие, не возвращается на прежние грехи, не ослабевает в ревности жить по воле Божией, – такое покаяние, бывает *во спасение*. Здесь паки, братия, требую я для вас свидетельства от вас самих. Не примечаем ли мы за собою, что благия намерения, восприемлемыя нами в покаянии, по времени колеблются иногда и падают, и мы, частию от безпечности, а частию и при некоторой заботе о своем исправлении, впадаем во грехи, в которых многократно каялись? Какая же в сем случае надежда спасения в покаянии, если *нераскаянное* только *покаяние* бывает *во спасение*? И что делать нам с нашими духовными болезнями, когда самое врачевство, при частом их возобновлении часто употребляемое, как бы притупляется в своем действии? – И в помощь врачевству, и против возобновления болезни, – и в помощь покаянию, и против возобновления грехов, действительнейшее средство есть истинная любовь к Тому, *Который не хочет смерти грешника*, и Который даже умер за спасение грешника; истинная, говорю; ибо то не любовь, когда непотребный сын расточает имение родителя, в надежде на его снисхождение; но то любовь, когда нежный сын, и тем, что позволено ему, осмотрительно пользуется, сохраняя благоволение возлюбленного родителя. Евангельская История представляет нам разительный пример спасительной силы, которую истинная любовь дает покаянию. Жена, в целом городе известная, как грешница, приступает к Иисусу Христу, помазует миром ноги Его, оmyвает их слезами, отирает власами своими, словом, являет знамения покаяния, хотя не слышно из уст ея слов покаяния; и Тот, Которого Иудеи называли укорительно, а Христиане радостно называть должны *другом грешников* (Матф. XI, 19), разрешает ее, не смотря на множество ея грехов: *отпускаются греси ея мнози*. Но каким образом столь совершенно воздействовало покаяние, которое даже не разрешилось еще открытым исповеданием грехов? Оно воздействовало посредством совершенной любви к Решителю грехов: *отпускаются*, говорит Он, *греси ея мнози, яко возлюбил много* (Лук. VII, 47).

Ты молишься. Кто не похвалит и сего духовного упражнения? Но и о сем вопрошаю: какую молитвою ты молишься? Ибо есть и суетная молитва, о которой сказано: *приближаются Мне людие сии усты своими, и устнами чтут Мя: сердце же их далеке отстоит от Мене; всуе же чтут Мя* (Матф. XV, 8. 9). Что значит *приближаться* к Богу *устнами*, а *сердцем* далеко *отстоять* от Него? – Произносить устами, или принимать слухом из уст других – молитвенныя к Богу слова, но не соединять с ними сердечного внимания и духовной теплоты, короче, молиться без любви. Не трудно суетность такой молитвы обнаружить даже простым, естественным рассуждением и побуждением природы. Что делает дитя, только начинающее мыслить, дабы получить желаемую вещь от отца или матери? Не соединяет ли оно для сего с своими прошениями всех, какая знает, выражений детской любви и нежности? И так не должны ли мы признать себя несмысленными более самых детей, когда думаем нашими хладными, без внимания, без любви, без сердца произносимыми прошениями что-либо получить от Отца небесного, Который именно *зрит на сердце*, вместо того, что *человек зрит на лице* (1 Цар. XVI, 7)? Скажем ли, что небесный Отец благ паче земных родителей, и потому *даст блага просящим у Него*? Правда; но Он и праведен паче их, и потому не может дать недостойным; и даже, по самой благодати, не может дать блага зле просящим, дабы они не осквернили самого блага; но зле конечно просим мы, когда без любви просим, у Всеблагаго и Вселюбящаго. Но что еще говорит закон духовный? – Он показывает, что не

только исполнение молитвы, но и самая молитва, истинная и чистая, без истинной и чистой любви не возможна. *О чесом бо помолимся, учит Апостол, якоже подобает, не вемы, но Сам Дух ходатайствует о нас, въздыхании неизглаголаннми: испытаяй же сердца, вестъ, что есть мудрование Духа, яко по Богу ходатайствует о святых.* И дабы кто, слыша сие, не остался в недоумении о том, как можно приобрести сие высокое ходатайство, Апостол немедленно присовокупляет: *вемы же, яко любящим Бога вся споспешествуют во благое* (Рим. VIII, 26–28). Любовь к Богу все обращает в средства к нашему спасению и блаженству; без нея все средства не достигают сей цели. Не будет светить светильник без елея: и молитва не озарит духа без любви. Не взыдет без огня курение кадила: и молитва без любви не взыдет к Богу.

Что сказать о побуждениях к добродетели, которыми заменяют любовь не познавшие силы ея, – о страхе суда и надежде воздаяния? – Подпоры необходимы для созидających дом душевный: но не на них лежит высота и красота здания духовнаго. Работающий из страха есть раб; трудящийся за воздаяние есть наемник. Раб, говорит Иисус Христос, *не пребывает в дому во век*, – можно присовокупить: и наемник; – ибо только *сын пребывает во век* (Иоан. VIII, 35). *Страх муку имать*, говорит возлюбленный ученик; *бояйся не совершиши в любви: за то совершенна любви вон изгоняет страх* (1 Иоан. IV, 18). Другой Апостол Христианам, в противоположении с Иудеями, говорит: *не приясте духа рабства паки в боязнь, но Духа сыноположения, о немже вопиет: Авва Отче* (Рим. VIII, 15). И так дух рабства, – но также и наемничества духовнаго, – есть удел Иудеев: а жребий истинных Христиан есть дух сыновней любви к Богу и Спасителю. Можно даже, без прекословия Апостолу, сказать, что истинный дух и Ветхаго Завета был дух любви, если бы не облекла его рабством жестокость Иудеев. Свидетельствуюсь в сем самыми заповедями закона Моисеева. *Возлюбиши Господа Бога твоего*, пишет он. Дивлюсь особенно сей заповеди, когда сравниваю ее с заповедью о родителях: *чти отца твоего и мать твою*. Как? Отца *почитать*, а Бога *любить*? Мы обыкновенно любим то, что к нам ближе и нам подобнее; а что выше нас, то почитаем. Посему, кажется, свойственное было бы требовать *любви к отцу, и почтения к Богу*. Нет, говорит Божественный закон: *чти отца; возлюбиши Бога*. Как бы так сказано: отца любить тебе свойственно и без заповеди, также и чтить Великаго Бога; заповедь учит тебя тому, что трудно было бы тебе уразуметь без нея; и так отца не только люби по естеству, но и чти по воле Отца небеснаго; Бога не только чти по внушению естества и совести; но дерзай приступить к Нему ближе, чего не дерзнул бы ты сделать без благодатной заповеди; возлюби Бога, яко Отца; нареки Его *твоим Богом, Богом сердца твоего, и частию твоею во век* (Псал. LXXII, 26). О возлюбленная заповедь любви! Как достойно сожаления, что так долго не разумели силы твоей, сокрушали зубы о жесткую кору писмени, и не умели вкусить сладкаго зерна, в ней заключеннаго! – Так долго, что когда сама Любовь явилась на земли, Она обрела заповедь любви совсем забытою, и проповедала ее, как новую: *заповедь новую даю вам, да любите* (Иоан. XIII, 34); – *Якоже возлюби Мя Отец, и Аз возлюбих вас, будите в любви Моей* (Иоан. XV, 9).

Христиане! Бог влечет нас в любовь Свою более, нежели одною заповедью, одним повелительным изъявлением Своея воли: Он лучше нас ведает, что любовь не приобретается одними повелениями. Он ищет любви нас грешных и недостойных Своею святою и высочайшею любовию. *Тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный* (Иоан. III, 16). Надобно ли повелевать, или учить, чтобы мы любили Того, Кто умер для приобретения нам вечной жизни? Если чувствуем, что мы обидели бы отца, если бы больше, нежели его, возлюбили рабов его: как не чувствовать, что мы оскорбляем Отца Небеснаго, когда к человекам, которые все едва достойны нарециися рабами Его, наше сердце удобнее отверзается, и прилепляется теснее, нежели к Нему? Возревнуем быть достойными Его.

Скажем сердцу нашему: мы не отнимаем тебя у родителей, присных и ближних; но и тебя и их вместе, отдаем Богу сердца на веки. Аминь.

LIX.

30. СЛОВО

при посещении города Серпухова.

(Говорено в Высоцком Монастыре, июня 2 дня;

напечатано в собраниях 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

<1822>

Когда Святый Апостол Павел, с сотрудником Варнавою, быв воззваны Духом Святым из Антиохии для проповедания Евангелия в странах языческих, основали некоторые новые Церкви Христианския, и возвратились в Антиохию, где они жили: *по неких днех*, как повествует книга Деяний Апостольских, рече Павел к Варнаве: *возвращеся подобает посетити братию нашу во всех градах, в нихже проповедахом слово Господне, како пребывают.* И действительно Павел *проходяше Сирию и Киликию, утверждая церкви* (Деян. XV, 36. 41). Сие делал прозорливый наставник, или, лучше сказать, Сам Дух Святый побуждал его делать сие в предосторожность, чтобы новопросвещенные верою, или по привычке, не обратились к суевериям языческим, или по простоте, не были совращены с пути истины коварством лжеучителей, или по действию обыкновенных в мире соблазнов, не уклонились от святости жития Христианскаго.

Поелику же не в новых только, но и давно устроенных Церквах могут являться лжеучения; а соблазны мира и никогда не прекращаются, доколе мир есть то, что он есть: то преемники Апостолов, *назидая верующих на основании Апостол и Пророк* (Еф. II, 20), то есть, уча поступать, и сами поступая так, как учили и поступали Апостолы, заповедали всем пастырям Церквей, от времени до времени, *посещать братию свою во всех градах*, над которыми они поставлены право править слово истины, *как пребывают.*

Сей самый жребий служения, по священному преемству дошедший и до нашего недостойнства, привел нас и к вам, братия посетити вас, да увемы, *как пребываете*, верные, в вере истинной, – *как пребываете*, Христиане, в житии Христианском. И добрая о вас помышляти убеждает нас ваше ревностное стечение во храмы, ваше благоговейное внимание ко всему, что носит на себе знамение святыни, и частое воспоминание о Царствии небесном, слышанное нами в самых приветствиях ваших. Господь, Благодатию Своею да сотворит чтителей храма и святыни Его живыми храмами Святаго Духа, и с верою воспоминающих о Царствии Его да помянет во Царствии Своем, и да соделает истинными сынами сего блаженнаго Царствия!

Но когда я новопришедший, по долгу моему, вникаю в то, *как пребываете*, должно думать, что и вы, по долгу вашему, готовы внимать от меня тому, *как пребывать вам подобает*, дабы сим взаимным сличением учения и жития можно было и вам и мне *соутешиться*, как говорит Апостол, *верою общею, вашею же и моею* (Рим. I, 12).

Каким же кратким, но верным словом могу изобразить вам то, как подобает вам пребывать? – Слышу Божественнаго Пастыреначальника, Который говорит: *Мое учение несть Мое, но пославшаго Мя* (Иоан. VII, 16). Кольми паче нам человекам недостойт

преподавать учение, как наше. И так поставлю вам учителем верным и всякого приятия достойным – спасительную Благодать Отца небесного, посылающего земных учителей. *Явился бо*, говорит Апостол, *Благодать Божия спасительная всем человеком*. Если явилась спасительная Благодать: то конечно явным соделала она и путь спасения. И подлинно, продолжает Апостол: *явился Благодать Божия спасительная всем человеком, наказующи нас, то есть, научая нас*. Чему же научает спасительная Благодать? – *Да отвергшиися нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце, ждуще блаженнаго упования и явления славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (Тит. II, 11. 12. 13).

Благодать, прежде нежели вводит нас в спасительную жизнь, какую мы должны провождать, внушает нам, чтобы мы оставили жизнь погибельную, какую провождаем без Благодати. *Отвергшиися нечестия и мирских похотей*.

Как? – скажет человек, не испытавший благодатной жизни, а потому не чувствующий глубокого растрепания жизни обыкновенной, естественной, – не ужели вне благодати вся мирская жизнь наша состоит только из нечестия и похотей? – Сколь ни странно сие для такого человека: но истина Божия велит нам утверждать, что это так. Все, *еже в мире*, говорит Апостол Иоанн, *похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская* (1 Иоан. II, 16). Примечайте, как сильно изъясняется здесь Апостол. *Все, еже в мире, похоть*. Все, что ни есть в мире, есть одна похоть. Что не живет похотию, то уже не в мире, но в благодати, в Боге; что не в Боге, не во благодати, но в мире: то живет похотию.

Кто не совсем ослеплен пристрастием к самому себе, и не совсем увлечен от себя самого разсеянием в суетах мирских: тот может видеть сие сам в себе, и сам для себя быть свидетелем сей строгой истины. Испытатели естества человеческого знают, что мыслями управляет сердце (как и Слово Божие говорит: *от сердца исходят помышления* (Матф. XV, 19); а сердце управляется желаниями; и потому воля, или господствующее желание есть господствующее начало, или движущая сила всякой жизни. Смотрите же, какие желания управляют мирским человеком в мирской жизни? Многоразличны оне в отношении к частным случаям: но если взойти к общим их источникам, то усматриваются следующие коренные желания: желание собственного удовольствия чувственного, желание владеть тем, что видим, желание быть выше других; – тоже короче: плотоугодие, корыстолюбие, честолюбие, – тоже словами Апостола: *похоть плотская, похоть очес, и гордость житейская*.

Поелику похоть или не слушает разума, или слушает его только притворно: то плотоугодник ищет наслаждения, не разсуждая, что тем повреждает, и даже разрушает в себе создание Божие; корыстолюбец домогается приобретения, не разсуждая, что похищает у ближняго принадлежащую ему часть даров Божиих; честолюбец стремится к превозношению себя столь неудержимо, что если может взойти выше всего, что есть на земли, ни мало тем не удовлетворяясь, скажет, подобно изображенному Пророком царю Вавилонскому: *на небо взыду, выше звезд небесных поставлю престол мой* (Иса. XIV, 13); или подобно царю Египетскому: *кто есть Господь, Егоже послушаю гласа* (Исх. V, 2)? А из сего не трудно усмотреть, что вместе с *похотями* жизнь мирских человеков если не ознаменована явно, по крайней мере сокровенно заражена и *нечестием*.

И так, если желаем вести жизнь достойную истинных Христиан: то должны мы во-первых, как учит спасительная Благодать, *отвергнуться нечестия и мирских похотей*. По той мере, как мы стараемся успевать в сем учении отречения от жизни мирской, Благодать вводит нас в высшее познание и в самый опыт действительной жизни Христианской. *Да целомудренно, праведно и благочестно поживем*.

Жизнь человеческая в своей деятельности движется между тремя пределами, к которым приражаясь неправильно, приводит она в замешательство собственные движения, и повреждает сама себя. Сии духовные пределы суть: сам человек, ближний и Бог. Чтобы дать жизни во всех сих отношениях верное направление к истинной цели, то есть, к вечному спасению и блаженству, спасительная Благодать дарует, и научает употреблять три силы: *целомудрие*, чтобы человек плотоугодием не повреждал сам себя, *правду*, чтобы он корыстолюбием не приражался к *ближнему*, *благочестие*, чтобы он гордостью и нечестием не оскорблял *Бога*.

Под именем *целомудрия*, Благодать учит более, нежели одной телесной чистоте, как и Тот, Которым *Благодать бысть*, в учении Своем говорит: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделеши ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Матф. V, 28). Жить целомудренно, в точном знаменовании сего слова, значит жить под управлением *целого*, неповрежденного, здравого *мудрствования*, не позволять себе никакого удовольствия, которое не одобряется здравым рассуждением, соблюдать ум не оскверненный нечистыми мыслями, сердце не зараженное нечистыми желаниями, тело не растленное нечистыми делами.

И естественный разум мирских человеков не может не признать достоинства такой жизни. Ибо кто может утверждать, что не хорошо иметь чистую мысль, чистое сердце и чистые дела? Но это, говорят они, слишком строго, и даже невозможно. Бедные! не ужели это строго, что желают соделать вас подобными чистым небесным Силам и пречистому Богу? Не ужели вам приятно было бы то снисхождение, чтобы вас оставили в похоти плоти быть подобными безсловесным животным? Что касается до того, что совершенная чистота кажется вам невозможною: это правда; *у человек сие невозможно есть* (Матф. XIX, 26). Посему-то и поставляем мы наставником в сей чистоте не разум человеческий, но Благодать Божию: *явися Благодать Божия спасительная всем человеком, наказующи нас*. Благодать же Божия не имеет нужды спрашивать, что по силам человеку. *Невозможная у человек, возможна суть у Бога* (Лук. XVIII, 27).

Правду, по изъяснению весьма обыкновенному, полагают в том, чтобы *отдавать всякому свое*. Изъяснение правды, основанное на том не довольно твердом основании, что человек присвоил себе нечто, как свое, когда он *ничего не имеет, чего бы не приял* (1 Кор. IV, 7) от Бога. Не удивительно, что держась сего понятия, человеки не научаются сами собою правде Божией, которой научает Благодать Божия. Любить любящих, благотворить благотворящим, взаим давать для восприятия равного, почитают правдою. Фарисейскою правдою называет сие Правда Божия, и такую правдою, которая не вводит в Царство праведных. *Аще не избудет правда ваша паче книжник и Фарисей*, говорит Божественный Праведник, *не увидите в царствие небесное* (Матф. V, 20). Что сказать о правде, которую некоторые думают найти в том, чтобы воздавать оскорблением за оскорбление, ненавистию за ненависть, злом за зло? Если любовь к одним любящим названа Фарисейскою правдою: то ненависть и злобу против ненавидящих, должно признать ниже, нежели языческою правдою. Познайте истинную, небес достойную правду в благодатном учении Евангелия: *вся, елика аще хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им* (Матф. VII, 12). Хочешь, чтобы тебя любили человеки? люби человеков. Хочешь, чтобы тебе делали добро все без изъятия? делай и ты добро всем без изъятия. Приятно было бы тебе, если бы с тобою все обращались кротко и смиренно? будь сам кроток и смирен пред всеми. Кто не вкусил еще, сколь сладостна такая жизнь правды: тому можем мы только сказать, что если бы люди управлялись сею правдою; то не было бы ни обид, ни судов, ни хищений, ни убийств, ни распрей, ни войны, ни убожества. Какое благополучие для Христианина уже и в том, что он может надеяться увидеть сию жизнь правды, если еще не видит ея! *Мы ждем блаженного упования* (Тит. II, 13). *Будет*

едино стадо и един Пастырь (Иоан. X, 16). *Нова небесе и новы земли по обетованию Его чаем, в нихже правда живет* (2 Петр. III, 13).

Высочайший предмет учения спасительной Благодати есть *Благочестие*. До Бога высоко, говорит наше народное присловие. Жаль, если такая мысль имеет силу в народе, которому приближение к Богу открыто Благодатию Божиею. Но вне Благодати, Бог и Его достойное благочестие, то есть, истинное Богопознание и Богопочтение, подлинно есть высота недостижимая. В язычестве неспособность достигать сея высоты оказалась в такой крайности, что люди сделали себе богов из дерева и камня, или обоготворили презренных животных, и для изъявления им почтения, подобных себе людей закалали пред ними в жертву. Умы более тонкие едва вознеслись до того, чтобы принять за Божества небесные светила и тонкие силы телесного мира. Нашелся, по свидетельству Песнопевца Божия, нашелся безумец, который *рече в сердце своем: несть Бог* (Псал. XIII, 1). Примечаю, что не сказал он сего в уме своем, то есть, не мог убедить свой ум к принятию сей нелепости, но вопреки ему в сердце своем отверг Бога, Которого сие растленное сердце не хотело иметь, не желая покоряться Его законам. Какое впрочем ужасное растление сердца, которое, вопреки убеждению собственного ума, может отвергать Бога! Лучше ли и ныне поступают те, которые не хотят от Благодати принять учения благочестия? Не есть ли любимое их учение, что Божество, по недосызаемой высоте Своей, не имеет ничего общего с нашим земным благочестием. Слепые мудрователи! вы не видите, что даже телесная природа обличает ложь вашего учения. Солнце, по своей высоте, для земли конечно не досягаемое, не ужели не имеет ничего общего с землею? Не обращается ли она к нему непрестанно, чтобы для всего, на ней живущаго, принять от него свет и теплоту жизни? Почему вы можете думать, что духовное существо человека менее имеет нужды в духовном свете, и в духовной теплоте Высочайшаго существа, в просвещении и благодати Божией? А если оно имеет сию высокую потребность: то не должно ли обращаться свободно, и всею силою стремиться к своему вечному Солнцу? Или, – когда оно сего сделать не может, поелику *тело тленное тягощает душу* (Прем. IX, 15), и она, отягченная чувственностью, как птица с отягченными свинцом крыльями, только бьется о землю, вместо того, чтобы возноситься к небу, – не должно ли уповать, что Благодать Всеблагаго существа Божия снидет к немощному существу человеческому, и просветит омраченный ум, и согреет холодное сердце, и привлечет к Себе и упокоит обремененную разтлением душу? Так и действительно *явися Благодать Божия спасительная, наказующи нас, да благочестно поживем – да кланяемся Богу Духу духом, и истиною, да возлюбим Его всем сердцем, всею душею и всем помышлением*, да обыдем Его всем тем, чем не приявшие Благодати отвергают Его. Самая же утешительная, и собственно спасительная часть благодатного учения о благочестии, состоит в том, что в нем обретаем мы средство, которого никакой сотворенный ум не мог изобрести, – средство, не только благоугождать Богу достойным Его служением, но и в оскорблении Его нашими похотями и нечестием получить прощение; не только творить волю Божию, но и получать от Него все, чего просим, даже до причастия Его Божественного естества, – именем и ходатайством Единородного Сына Его, воплотившагося и умершаго за нас, дабы *вся нам Божественныя силы Его, яже к животу и благочестию, поданы были познанием призвавшего нас славою и добродетелию* (2 Петр. I, 3).

Таково, братия, *учение жизни*, которое преподает нам *Благодать Божия спасительная всем человеком*; и не только преподает, но и принимать оное дает способность, и исполнить дарует силу. О, если бы в каждом из вас сие Божественное семя прозябло, и возросло, и принесло плод, угодный Насадителю благих, и для вас сладостный и живоносный! *Молим, не вотще Благодать Божию прияти вам* (2 Кор. VI, 1). Последуем ея наставлению, не в некоторых только делах или упражнениях наших, но во всем *пробывании* нашем, во всей жизни нашей. *Поживем целомудренно, праведно и*

благодетно в нынешнем веке, ждущие блаженного упоения и явления славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Аминь.

LX.

31. СЛОВО

в день обретения мощей Преподобнаго Сергия.

(Говорено в лавре его,

июля 5 дня; напечатано в собраниях 1822, 1835, 1844 и 1884 гг.)

*Проидоша в милотех, и в козиях кожах,
лишени,
скорбяще озлоблени, ихже не бе достоин
весь мир,
в пустынях скитающесе, и в горах, и в
вертепах, и
в пропастьех земных. Евр. XI, 37. 38.*

<1822>

Что это за люди, которых столь несообразными, по видимому, чертами описывает Апостол? Он ценит их дороже целого мира: *ихже не бе достоин весь мир*; но в тоже время показывает, что они брошены так, как бы ничего не стоили, потому что не имеют ни порядочной одежды, ни пищи, ни безопасности, ни жилища: *проидоша в милотех, и в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени, в пустынях скитающесе, и в горах, и в вертепах, и в пропастьех земных.*

Может быть, мир не узнает, или не захочет узнать сих добровольных изгнанников мира: но вам не должно быть трудно узнать их, обитатели священной пустыни! Это наши предшественники, хотя, может быть, большая часть из нас отстали от них так далеко, что мы оскорбляем их, называясь их последователями. Если нужно указать на лица: таков был Илия Фесвитянин, котораго, как приметно, Апостол особенно имел пред очами, когда писал свое изображение великих странников мира; – Илия, который затворял и отверзал небо, низводил дождь и огонь, призывал глад и плодородие, а сам едва находил пропитание, иногда чрез пустынного врана, иногда чрез убогую вдовицу; словом истреблял живых, дуновением воскрешал мертвых, но сам убегал в *пустыню души ради своея*, то есть, по причине опасности жизни, и, утомленный преследованиями врагов, *просил души своей смерти* (3 Царст. XIX, 3. 4). Таков был Иоанн Креститель, котораго *болии не воста в рожденных женами* (Матф. XI, 11), по свидетельству самой Истины, но который жил в дикой пустыне, носил грубую одежду, питался акридами, окончил свое поприще темницею и мечем. Таковы были после Павел Фивейский, Антоний Великий, Макарий Египетский, Ефрем Сирийский и множество других, которые из мрака пустынь, как звезды, просияли светом духовным, и озарили вселенную.

Но на что, для очевидцев самага дела, собирать многих посторонних свидетелей? Таков и сей дивный муж, который пришел сюда в безлюдную и непроходимую пустыню; долго жил здесь во всяком лишении, один с единым Богом; потом, когда нашлись люди, которые, узнав цену его, предпочли миру его пустыню, и предали ему самих себя в послушание и управление, был первый в трудах и подвигах, и последний в успокоении,

носил одежду, которую отвергали другие; ел гнилой хлеб; вместо изгнания непокоривых, изгонял от них сам себя; и что же наконец? – По слову Пророка, *создались пустыни его вечныя; соделались основания его вечныя родам родов, и прозвался он здатель оград* (Иса. LVIII, 12). Не только немощные и сильные земли приходили в пустыню его просить от него благословения, советов, чудесных исцелений и побед на преобладавших врагов, но и Царица небес, ближними Царя царствующих сопровождаемая, нисходила в его святое уединение, чтобы утвердить в его пустыне благословение неба, которое в последствии времени враждебные силы мира, при всем видимом их могуществе, тщетно покушались разрушить.

Кто бросает драгоценности? – Почему же люди, *ихже не бе достоин весь мир*, которые, при высоком внутреннем достоинстве, собственно для мира должны быть драгоценны по многим благотворным для него действиям, – почему они, в таком, по видимому, небрежении, разсыпаны *по пустыням и горам, по пещерам и ущелиям земли*? Мир ли, не дав им цены, отвергнул их; или они, узнав его цену, не захотели принадлежать ему?

Гордость мира не позволяет ему признаться, что он оставлен, как недостойный: и потому он старается уверить тех, которые легковерно его слушают, что он сам, как ни к чему неспособных, отвергает тех, которые оставляют его; или что они, оставляя его добровольно, оставляют безразсудно. Но истина и опыт говорят вопреки ему, что не столько он их отвергает, сколько они оставляют его; и что он безразсуден и несправедлив, поколику отвергает их, а не они, поколику от него удаляются.

Думают упрекнуть нас, когда говорят, что некоторые из древних благочестивых пустынножителей приведены были к сему образу жизни страхом гонений. Но против чего возставали гонители? – Против благочестия. Для чего убегали в пустыни гонимые? – Для сохранения благочестия. Кто же здесь заслуживает укоризну? Воин, который, увидев себя одного в неприятельском стане, умел безопасно удалиться, и невинно сохранить знамя, ему вверенное, не ужели есть безчестный беглец? Не есть ли он некоторым образом победитель? Если мир хочет уничтожить нас, называя последователями таких беглецов: то пусть осмотрится, не поставляет ли он тем самого себя в достоинство – последователя гонителей?

Справедливо ли ненавидеть тех, которые всегда вам добра желают? И так справедлив ли мир, когда он ненавидит людей, которые, оставляя его на всю жизнь, в то же время на всю жизнь обреклись желать ему истинного добра в непрестанных молитвах? Не совершенно ли безразсудно отвергать тех, которые не только желают нам добра, но и могут самым делом доставить нам то, чего желают? Но не сие ли самое делает мир, когда отвергает тех, которые подвигами благочестия и чистыми молитвами отводят от него громы раздраженного неба, и низводят на него могущественные и действенные благословения? Если он не постигает тайны духовных благословений: укажем ему на благословения видимыя и чувственные. Смотрите, дикая пустыня превращается в цветущую, вековую обитель; безлюдная пустыня дает бытие многолюдному селению; пустынная обитель стоит непоколебимо против устремления врагов, уже низложивших столицу, становится щитом уже уязвленного царства и сокровищницею его спасения; и все сие – от одного пустынножителя! Дадим после сего миру судить о сем роде людей хотя по одним временным выгодам. Если он все еще отвергает их: он отвергает свою пользу. Если он еще почитает их ни к чему не полезными: он не знает собственных выгод.

Сколь несправедливо поступает мир в том, что унижает и отвергает сих людей: столь же напрасно льстит он себе тем, будто отчаяние в его благоволении заставляет их от него удалиться. Тщетно Фараон стал бы хвалиться, что он изгнал Израильтян в пустыню; хотя

подлинно *нуждаху Египтяне людей со тщанием изринуть их от земли* (Исход. XII, 33). Не отчаяние, но надежда вывела Израильтян из Египта; они воспользовались своим изгнанием, как средством своего избавления, и за свое бегство воспели Богу победную песнь. Истинно отрекающиеся от мира, если испытывают его неблаговоление, пользуются тем, как благоприятным случаем, чтобы тем безпрепятственнее удалиться от него; а часто, и не испытав от него никакой видимой неприязни, оставляют его совсем не потому, чтоб он отвергал их, но потому, что пустыня их призывает, и тихий, частью даже печальный, глас ея для них стократно вожделеннее, нежели шумные радости мира. Кто гнал из мира сие чудное отроча, которое оставило его прежде, нежели имело случай узнать его? *Отроча растяше, и крепляшеся духом, и бе в пустынях* (Лук. I, 80). Знал ли мир и сего Варфоломея, прежде нежели соделала его известным пустыня; и мог ли отвергнуть его, прежде нежели он сам отвергся мира? Мир узнал уже оставившаго мир Сергия, по его подвигам и чудодействиям; и не столько отвергал, сколько привлекал его: но даже и тогда, когда был он привлекаем в такое состояние, которое хотя и в мире, но не от мира, и не для мира, – самое послушание, столь свято хранимое Сергием во всех других случаях, не могло привести его к тому, чтобы разстаться с сладкою пустынею.

Какая же тайная сила влекла сих людей из мира, и заставляла их, оставя все в нем приятное, скитаться по пустыням в лишении, в скорбях, в озлоблении? Узнаем сию тайну от Апостола, который изобразил сих непостижимых для мира людей. Сия тайна есть *вера*. *Верую*, говорит он, *победивша царствия, содеявша правду*, – и далее: *проидоша в милотех*, – в пустынях скитающиеся; и паки заключает: *вси сии послушествовани верою* (Евр. XI, 33–39). Вера представила им, что они *страннии и пришельцы суть на земли* (13), мысль, которую знают и неверующие, но и слыша пропускают мимо ушей, или, лучше сказать, мимо сердца, и потому, хотя ежедневно, видят подобных себе умирающих, однако живут в такой безопасности о будущем, с такою привязанностью к земному, как бы им жить здесь вечно! – Вера вдохнула верным своим последователям глубокое чувство тленности мира и краткости жизни, а в следствие сего и пламенное желание отечества небеснаго; научила их *невидимому Богу предстоять, как бы видя Его* (27), *взирать на Начальника веры и совершителя Иисуса, Иже вместо подлежащая Ему радости претерпе крест, о срамоте нерадив, одесную же Престола Божия седе* (XII, 2); указала им на *мздовоздаяние* (XI, 26), и для них уготованное. При сих несродных миру чувствованиях, при сих высоких видах, красоты мира для них померкли, сладости чувственные преогорчились, земныя сокровища превратились в уметы, мир явился для них пустынею, а пустыня раем, – и они побежали. Побежали, как Израильтяне из Египта, как Лот из Содомы, как пленники из Вавилона. Побежали от мира, где сообщество с мирскими человеками, и тварь, суетою и злоупотреблением искаженная, непрестанно рассевали их мысль, порабощали желания, возмущали душу и совесть. Побежали в пустыню, где поколику более устранились от тварей, потоплику ближе могли ощущать Бога; отреклись от земнаго брака, дабы вместо того, тем свободнее, уготовлять себя к единому небесному *браку Агнца* (Апок. XIX, 7); облеклись мрачною одеждою, дабы желание украшения не имело инаго предмета, как *виссон оправдания святых* (8); осудили себя на глад и жажду, дабы чувственное насыщение не притупило глада и вкуса к *духовной вечери* (9) Царствия Божия; удалились, так сказать, на самую границу видимаго и невидимаго мира, и, в сообразность с назначением к невидимому, добровольно и благовременно перенесли туда и мысль и сердце; и если принуждены оставить здесь бренное тело, то по крайней мере стараются, постом, бдением и другими подвигами, очищать и утончать его так, чтобы не столько оно *отягощало душу* (Прем. IX, 15), сколько душа облегчала его и воскриляла, чтобы оно, сколько можно, менее препятствовало им подражать жизни безплотных, и принимать благодатныя посещения Святаго Духа.

Вот, братия и сообитатели пустыни, краткий, но истинный чертёж пути, которым истинные предшественники наши удалились от мира, и не на случай скитались по пустыням, но на верное странствовали *ко граду, основания имущему, егоже художник и содетель Бог* (Евр. XI, 10). Входить о сем в подробности не время теперь, и не нужно, может быть, для тех, которые сами деятельно идут путем сим. Но дабы нам, нерадением или прельщением духа заблуждения, не совратиться с истинного пути во след тех, которые блуждают *по непроходней, а не по пути* (Псал. CVI, 40), нужно нам прилежно всматриваться в следы наших предшественников, и поверять шествие наше. Очень нужно нам испытывать себя, точно ли потому мы удалились от мира, что возжелали благоугождать единому Богу, а не потому, что мир нам не благоприятствовал? В самом удалении от мира, не унесли ли мы с собою, как Рахиль из дома Лаванова, богов, которым служат в мире, – идолов гордости, корыстолюбия и плотоугодия? Или в самой пустыне, подобно Израильтянам, не слияли ль себе новых идолов, вместо тех, которых оставили в Египте? Чувствуем ли мы себя ближе к Богу внутренно, с тех пор, как наружно стали далее от мира? Отрекшись от преимуществ и обладания в мире, не искушаемся ли желанием преимуществ и старейшинства между собратиями? Жизнь, предназначенную исключительно для подвигов духовных, не обращаем ли в одно успокоение плоти? Благословен мирный сын пустыни, которому при таковом испытании *не зазирает сердце его: он будет иметь дерзновение к Богу* (1 Иоан. III, 21). Благо и тому, коему, при сознании некоторых претканий и падений, покаянная мысль и сокрушенное сердце обещают надежду прощения и утешения. Горе сеятелю соблазнов, который, в самую пустыню принеся с собою мир и его скверны, нарушает ея духовную святыню! Троякий суд падет на главу его: суд греха, суд нарушения обетов, и суд ядовитого соблазна.

Должно сказать нечто и к благонамеренным посетителям священной пустыни. Когда мы, последуя Апостолу, говорим о пустынножителях, что вера увлекла их из мира: не подумайте, будто вам, оставшимся в мире, мы уже не оставляем веры и надежды спасения. Нет! *Вера есть победа, победившая и побеждающая мир* (1 Иоан. V, 4. 5). Можно и жить *в мире*, но не быть *от мира* (Иоан. XV, 19). Не всем заповедал Иисус Христос то, что советовал некоему юноше: *аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси, и гряди в след Мене* (Матф. XIX, 21), то есть, для последования Христу, не только оставь беззакония и страсти мира, но и всякий с живущими в мире союз расторгни. Напротив того всем проповедывал Он покаяние, веру в Евангелие и надежду Царствия небеснаго. Он Сам жил и в мире и в пустыне: учил в мире, а для молитвы удалялся в пустыню.

Яже вам глаголю, всем глаголю (Марк. XIII, 37). Как никого не спасает одно внешнее пребывание в пустыне: так и не погубляет никого внешнее жительство в мире. Пустая пустыня, когда во внешней нет внутренней пустыни; для внутренней же пустыни есть, хотя не столь свободное, место и в мире, если кто найти его потрудится. *Егда молишися, вниди в клеть твою*, то есть, в уединенную храмину души твоей, *и затворив двери твои*, то есть, удержав от разсеяния твои мысли и чувства, *помолися Отцу твоему, иже в тайне* (Матф. VI, 6). – *Не любите мира, ни яже в мире* (1 Иоан. II, 15). Соделайте сердце ваше пустынею, в коей бы не было ни богатств, ни красот мира, ни нечистых плотских желаний, ни страстных помышлений. Вот и для пустынножителей, и для живущих в мире, общая священная пустыня, в которую *приходит*, и в которой *творит обитель* (Иоан. XIV, 23) Себе возлюбленный Господь наш Иисус Христос, со Единосущным Своим Отцем и Святым Духом, к истинному блаженству нашему, во славу имени Своего Трисвятаго. Аминь.

1823 год.

LXI.

32. РЕЧЬ

Благочестивейшему Государю Императору Александру Павловичу, пред вступлением Его Величества в Успенский Собор.

(Говорена августа 25 дня;

напечатана отдельно и в собраниях 1835, 1844 и 1848 гг.).

<1823>

Пред Богом сдвигаем Тебя, благочестивейший государь! и благодарим Его, что утешает нас Тобою; и молим Его, да утешит и Тебя нами.

Воззри еще на сей царелюбивый народ, и утешься его любовью, которая и сокрываемому в глубокой ноши пришествию Твоему не допустила утаиться, но восприяла Тебя гласом восторга.

Воззри еще на сей много-вековый царственный град, который дано Тебе, в краткое время, из развалин и пепла возродить; и утешься сим, как знамением того, что Бог, посетивший неправды наши, еще сохранил здесь благословение праведных: ибо в благословении правых возвысится град, говорит Слово правды (Притч. XI, 11).

Бог благословений да споспешествует Тебе выну и в важнейшем царственном зиждительстве Твоем, — в зиждительстве и возвышении нравственного и духовного порядка, в утверждении веры и правды, которыми и цари велики, и царства непоколебимы.

Господи! спаси царя, и благослови, и сохрани вхождение Его и исхождение Его, ко спасению царства.

LXII.

33. РЕЧЬ

Благочестивейшему Государю Императору Александру Павловичу, в день тезоименитства Его Величества.

(Говорена в Успенском Соборе,

августа 30 дня; напечатана отдельно и в собраниях 1835, 1844 и 1848 гг.)

<1823>

Благочестивейший Государь!

Тогда как вся Россия приносит Богу радость о благоденствии Твоем, и молитву о продолжении онаго, мы, обитатели сей столицы, имеем еще то дополнение радости, что

видим Тебя Самого участвующаго в нашей молитве, и что Ты можешь видеть нашу радость.

Тот, который обещал исполнить молитву двух или трех человек, приносимую в вере и единодушии, да совершит молитву, которую ныне единодушно приносят о Тебе многие миллионы Твоих верноподданных; а нам да дарует чаще наслаждаться сею полнотою радости в Твоем лицезрении.

LXIII.

34. СЛОВО

в день венчания на царство, и миропомазания

Благочестивейшаго Государя Императора Александра Павловича.

(Говорено в Успенском Соборе 15 сентября;

напечатано отдельно и в Христианском Чтении

1840 года и в собраниях 1844 и 1848 годов.)

<1823>

*Молю убо прежде всех творити молитвы,
моления,
прошения, благодарения, за вся человеки, за
царя, и за
всех, иже во власти суть: да тихое и
безмолвное житие
поживем во всяком благочестии и чистоте.
1 Тим. II, 1. 2*

О чем так настоятельно просит Апостол ученика своего Тимофея, Епископа Ефесскаго: или лучше сказать, что так непременно заповедует чрез Епископа и всей церкви: то самое, Христиане, с особенною торжественностию исполняем мы ныне в сем доме молитвы. Совершая молитвы, моления, прошения, благодарения за всех человеков, особенно мы приносим оныя за помазаннаго ныне Богом Царя нашего, который не только скипетром и мечем ограждает нашу жизнь и безопасность, но духом и всею жизнью своею подвизается, *дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте.*

Не благодарно было бы пред Богом и пред ним, не вспомнить теперь, какой не давно пример подал он нам в деле молитвы, когда, не смотря ни на утомление от пути, ни на многообразныя занятия кратковременнаго пребывания в обширном городе, в шесть дней четырехкратно посетил здешние храмы в часы возношения безкровной жертвы.

||Как приятно должно быть подданным молиться за Царя, который так прилежно молится за подданных!

Но между тем, как дело сие совершается усердием всех и каждого, Церковь не почитает излишним, часто среди самага дела молитвы, повторять нам заповедь Апостола о

молитве; *молю прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения, за вся человеки, за царя, и за всех, иже во власти суть: да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте.*

Посему неизлишним почел и я, не только повторить сию заповедь, но и разрешить ее на содержащаяся в ней особенныя наставления о молитве.

Первое наставление в изречении Апостола о молитве есть то, что он поставляет дело молитвы прежде всего: *молю прежде всех творити молитвы.*

Много дел благих, которых требует от Христианина Христианство, и которые оно в нем совершает: но дело молитвы должно быть прежде всех; потому что без него не может совершиться никакое другое дело благое. Найти и самым делом пройти путь Господень, уразуметь истину, увидеть жизнь, или иначе сказать, покаянием распять плоть со страстями и похотями, чтобы очистить себя от всякия скверны плоти и духа, посредством веры воскреснуть и просветиться в сердце светом Христовым, наконец Божественною любовью быть вознесены к соединению с Божеством и к обожению посредством сего соединения: вот в немногих словах сокращение великих дел, которых должны совершиться в Христианине; и как можно им совершиться, когда низшее из оных не может быть совершено без высших; а высшее, обыкновенно, недостижимо для того, кто не мог еще вступить на низший степен? Как может найти путь тот, кто не видит истины? Или, как может идти путем тот, в ком нет жизни? А истинною и жизнью не прежде может для нас соделаться Иисус Христос, разве когда соделается путем: ибо в сем точно порядке обещал Он нам открыться, когда сказал: *Аз есмь путь и истина и живот* (Иоан. XIV, 6). Как же разрешить сей многосплетенный узел, котораго все концы скрываются внутри его? Как отверзть сию заключенную сокровищницу, которая с перваго взгляда не представляет ни ключа, ни отверзтия, где бы оный влагался? Главная нить, которою разрешается весь узел духовных таин, и ключ, которым отверзаются все сокровища благодати, есть молитва. Молись с Давидом: *скажи мне, Господи, путь, в онъже пойду, яко к Тебе взях душу мою* (Псал. CXLII, 8): – и откроется тебе истинный путь Господень. *Аще кто от вас лишен есть премудрости,* или, что тоже, познания спасительной истины: *да просит от дающаго Бога всем нелицеприемне, и не поношающаго, и дастся ему* (Иак. I, 5). Если кто и живота просил есть у Тебе, Господи, молитвою крепкою и чистою: *дал еси ему* (Пс. XX, 5), и даруешь всегда, *исполняя во благих желания любящих Тебя* (Псал. CII, 5). И что есть самая молитва в сущности своей, как не дыхание Божественной жизни в человеке, по реченному: *сам Дух воздыхает в нас воздыхании неизглаголаннми* (Рим. VIII, 26)? Где есть хотя слабые начатки дыхания, там есть признаки жизни: а где нет дыхания, там нет и жизни. Так, в ком есть хотя начатки молитвы, в том есть признаки жизни духовной: состояние человека без духа молитвы есть состояние бездыханнаго по внутреннему человеку. Посему, как для жизни естественной прежде всего нужно возбудить дыхание: так для жизни духовной прежде всего нужно возбуждать дух молитвы.

Второе наставление в рассматриваемом теперь изречении Апостола заключается то, что он дает понятие о разных видах молитвы. *Молю, говорит он, творити молитвы, моления, прошения, благодарения.*

Молитвы должны мы приносить Богу, яко Богу, моления, как Судии, прошения, как Царю, благодарения, как Творцу и Подателю благ. Прощениями можем просить от Него благ, преимущественно вечных, а частию и временных; молениями нужду имеем умолять Его, да избавит нас от зол, от греха и от наказания за грех; за исполнением прошений и молений естественно следуют благодарения; молитва в собственном и высшем ея

знаменовании забывает некоторым образом и зло и собственное благо, и устремляется к созерцанию верховного и всеобщего блага в Боге, так что в ней душа человека, по выражению таинственного Песнопевца, *восходит к Богу, аки стебло дыма кадильного* (Песн. III, 6). Моления сетуют пред Богом и утешаются; прошения дерзают и смиряются пред Ним; благодарения веселятся и торжествуют; молитва благоговеет пред Ним, и горит в любви, как жертва всегда живая и всежожигаемая. Молитва вообще есть душа всех особенных молений, прошений и благодарений; впрочем и сии, смотря по состоянию Христианина, соединять с молитвою не только позволительно для него, но полезно и даже необходимо. – Кто не приносит молений о прощении грехов, тот или по невежеству не знает их, или закрывает их от себя гордостью, как Фарисей, и, в том и другом случае, не принадлежит к царствию Божию, которое, с тех пор, как *все согрешиши, и лишиши суть славы Божия* (Рим. III, 23), не приемлет никого, кроме умоляющих и помилованных. – Кто никогда не приносит Богу прошений, тот мало верует в Его благодать и силу, или совсем не верует. *Доселе* – так обличает в сем недостатке молитвы самих Апостолов Иисус Христос – *доселе не просите ничего во имя Мое: просите и примете, да радость ваша исполнена будет* (Иоан. XVI, 24). Кто не приносит благодарений, тот оказывает небесному Подателю всех благ такую несправедливость, которая и между людьми, в отношении к земным благодетелям, осуждается и наказуется общим презрением.

Третье наставление рассматриваемого изречения Апостольского состоит в том, что он определяет, за кого и в каком порядке должно совершать молитвы. *Молю, говорит он, творити молитвы за вся человеки, за царя, и за всех, иже во власти суть.*

Слыхал я некоторых, которые говорят: «где уже нам за других молиться, когда мы за себя умолить не можем?» Такие люди, конечно, думают, что за себя должно молиться прежде всего, а за других можно и не молиться. Что должны они подумать, что должны думать и все мы, когда слышим, что Богородица в молитве заповедует молиться за всех других без изъятия: *за вся человеки*; заповедует молиться за некоторых преимущественно: *за царя, и за всех, иже во власти суть*; а о молитве за себя самих совсем не упоминает? Что сие значит? То, что молитва о себе самих, взятая отдельно от молитвы за других, как плод духовного своекорыстия, не может составить чистой Христианской добродетели, а потому и не стоит особенной заповеди; между тем как молящийся о всех молится в то же время и о себе, и тем с большею чистотою и безкорыстием, чем менее отделяет свое особенное благо и спасение от всеобщего блага и спасения всех людей. Посему и Сам Иисус Христос дал всем нам одну молитву, не каждому за себя, но всем и каждому за всех, повелев просить у *Отца нашего* небесного *воли Его* для всей земли, и *нашего хлеба, прощения долгов, избавления от искушений* для всех нас (Лук. XI, 2. 3. 4). Даже в частных наших случаях Он желал, чтобы, по крайней мере, *два или три совещались просить о всякой вещи Отца небесного* (Матф. XVIII, 19). И так, не отрекайся от молитвы за других под предлогом опасения, что за себя умолить не можешь: но в самом деле опасайся, что не умолишь о себе, если за других молиться не будешь. Если каждый о себе только молиться будет; то каждый останется только с своею молитвою, хладный с хладною, немощный с немощною: но если каждый будет молиться за всех; то каждый вспомоществуем будет многомощною молитвою всея Церкви Христовы и всех Святых Божиих. *Молю убо творити молитвы за вся человеки.*

Что касается до молитв, предписанных в особенности *за царя, и за всех, иже во власти суть*: не бесполезно в настоящее время обратить внимание на то, что когда писал Апостол сию заповедь к Церкви Ефесской, тогда цари и власти, от которых могло зависеть ее внешнее благосостояние, были не христиане, а язычники, не защитники, а большею

частью гонители Церкви. Если за таковых молиться есть обязанность Христианская: то сколь противно было бы Христианству нерадеть о молитве за Царя, который есть Христов помазанник, и который властью и примером утверждает и распространяет благочестие! Нерадение сие не может остаться ненаказанным по той сокровенной связи, которою Провидение Божие в судьбе царей и народов не всегда близко, но всегда дивным образом точно соединяет благочестие с благоденствием, и пороки с бедствиями. Почему столь благочестивые и благодетельные цари, как Езекия и Иосия, не могли отвратить гибели царства Иудейского? – Потому, что недостойный народ не хотел вместить духа благочестия, который они в нем возбудить столь усиленно старались.

Четвертое наставление в рассматриваемом изречении Апостола есть то, что он постановляет для дела молитвы правильную цель: *да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте.*

Последствия молитвы, с неправильною целию приносимой, изображает другой Апостол, когда говорит: *просите и не приемлете, зане зле просите, да в сластех ваших иждивете* (Иак. IV, 3). Он показывает молитву бесплодную: *просите, и не приемлете.* Но почему она бесплодна? – Потому что не имеет потребной доброты и достоинства: *зане зле просите.* А почему она недостойна? – Потому что молящиеся имеют неправильную цель, дабы удовлетворить собственным вожделениям: *да в сластех ваших иждивете.* Предупреждая сие злоупотребление и, можно сказать, осквернение святыни, какова есть молитва, святой Павел предписывает, чтобы мы при молитвах и прошениях наших имели в виду не собственные вожделения, но общее всех Христиан житие, благосостояние Церкви и отечества; чтобы предметом желаний наших была не жизнь приятная, для угождения грубому или тонкому сластолюбию, не жизнь изобильная, для удовлетворения корыстолюбию, не жизнь блистательная и славная, которая питала бы нашу гордость и честолюбие; но жизнь тихая и безмятежная; чтобы наконец и сия самая не была последнею целию желаний, так как мы, не имея в сей временной, внешней жизни *пребывающего града* (Евр. XIII, 14), не можем здесь поставить последней меты для нашего стремления, но чтобы мы, достигая тихаго и безмятежнаго состояния временной и внешней жизни, тем безпрепятственнее простирались к достижению дальнейших успехов в жизни внутренней, для приобретения права на жизнь вечную в грядущем небесном граде: *да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте.*

Воспользуемся, братия, сими Апостольскими наставлениями, если кто до сих пор не довольно ими пользовался.

Не попустим, чтобы праздность или суетные увеселения удаляли нас от священнаго дела молитвы общественной и частной, церковной и домашней; не допустим самые дела мирския разрушать в нас сие дело Божие. Есть *время всякой вещи под небесем* (Еккл. III, 1): как не быть времени для молитвы, которая есть первая вещь под небесем? Есть время для зрелищ: как не быть времени для храма? Если поспешаешь и на добрые и на законныя дела: поспеши еще паче предварить их молитвою, чтобы доброе и законное соделалось святым; ибо *все освящается молитвою* (1 Тим. IV, 5). *Молю убо прежде всех творити молитвы.*

Будем, сколько можно, внимательны к разным случаям, к которым благоразумно применяемое дело молитвы становится полным и совершенным. Чувствуя себя повинными пред правосудием Божиим, принесем Ему моления, да простит нам долги наши; а если бы и все повеленное сотворили, не престанем и тогда умолять о милости, признавая себя рабами неключимыми, которые ничего еще не заслужили, исполнив только должное. Мысль, что небесный Отец знает наши нужды, сия сладкая пища

Христианской надежды, да не превращается у нас в пищу лености или неверия; то, что Отец всеведущ, да не препятствует чадам быть искренними; будем приносить Ему детские прошения наши, дабы Тот, Который по Своему всеведению предвидел оныя, мог исполнить оныя сообразно с правдою Своею. Но как чада послушания, получим ли просимое в полную меру прошения, или совсем не получим онаго, или даже лишимся и того, что имели, во всех сих случаях не престанем приносить наши благодарения Отцу, Который сколько щедр тогда, когда подает хлеб, столько же благ и тогда, когда не дает горящего угля несмысленному детищу, или отъемлет у него смертоносное орудие. Дерзнем приступать ближе и ближе к сему всеблаговому Отцу, даже без посредства наших нужд и Его даров: довольно услышать одно слово Его, или одно имя Его, *да изыдет душа наша в слово Его* (Песн. V, 6), и вся излиется пред Ним в молитве любви и радости. Тако *молю творити молитвы, моления, прошения, благодарения.*

Расширим сердце наше молитвою, и обыдем ею всех человеков. В ней и отдаленное да соделается близким, и чуждое собственным, высокое и низкое равным пред лицом Всевышняго; в ней да угаснет вражда, и любовь да воспламенится более сильным и чистым пламенем. Особенно взыщем чрез молитву блага тем, которых Бог поставил особенными подвигами созидать наше благо. Кто знает, сколько может молитва веры за Царя и отечество? Некогда молитва одного Елиссея для царя и царства Израильскаго была сильнее войска; ибо привела целое неприятельское войско пленным в столицу Израиля. *Молю убо творити молитвы за вся человеки, за царя и за всех, иже во власти суть.*

Наконец, будем остерегаться, чтобы нечистое намерение, как червь, не повредило плода молитвы в самой его внутренности. Как недостойна была бы, например, молитва за Царя, если бы кто предстал в ней с прочими только для того, чтобы исполнить обычай и гражданскую обязанность! Нет! Не того требует Христианство; не того достоин Царь. Искренним сердцем, и всею душою да приносим *молитвы за вся человеки, за царя, и за всех, иже во власти суть*, с чистым намерением, *да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте. Сие бо добро и приятно пред Спасителем нашим Богом* (1 Тим. II, 1. 3), Которому да воздается молитва непрестанно, благодарение за все, и слава во веки. Аминь.

LXIV.

35. СЛОВО

при открытии попечительства о бедных духовнаго звания.

(Говорено в Кафедральном Чудове Монастыре,

Декабря 2 дня; напечатано отдельно

в 1823 и 1824 гг. и в собраниях 1835, 1844 и 1848 гг.)

<1823>

*Да узрят нищии, и возвеселятся: взыщите
Бога, и жива
будет душа ваша. Яко услыша убогия
Господь, и окованныя
Своя не уничижи. Псал. LXVIII, 33. 34.*

Некогда богатый милостию Господь наш Иисус Христос возвещал о Себе, что Он послан *благовествовать нищим*; и не просто послан, но неким особенным тайным действием Святаго Духа *помазан*, или посвящен, в сие служение. *Дух Господень на Мне* – сии слова Пророка Исаии относит Он к Себе – *Дух Господень на Мне; Егоже ради помаза Мя благовестити нищим, посла Мя исцелити сокрушенныя сердцем* (Лук. IV, 18). Если небесное и Божественное посольство частию имело предметом благовествовать нищим; если Святейшему Посланнику Божества надлежало принять особенное посвящение для сего служения: то как важно служение – благовествовать нищим! Правда, Иисус Христос благовествовал преимущественно нищим духом, и предлагал им духовное богатство благодати: впрочем Он благовествовал также и нищим плотию, исцелял больных и разслабленных, милосердовал о народе не имеющем, чесо ясти, и не раз подавал ему хлебную милостыню, напатав пять тысячъ пятью, и четыре тысячи семью хлебами. Для чего Сам Он послан был от Отца Своего: для того же преемственно посылает учеников Своих. *Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы* (Иоан. XX, 21). Блажен, кто таким образом послан и помазан от Него, чтобы духовную нищету ближних исполнять духовным богатством благодати! Но и то не есть ли благое участие в Его посланничестве и в Его помазании, когда можем благовествовать хотя нищим плотию, облегчать их бедствие словом утешения и надежды, а по мере возможности, и делом помощи?

На сей раз дух человеколюбия Христова посылает меня благовествовать нищим, именно, вашим, братия, служители Олтаря. Сей дух в Благочестивейшем Помазаннике Господнем и в Святейшем Собрании Правительства церковнаго подвигся на помощь безпомощным вашим, изнуренным старостию, окованным болезнию, сиротствующим, вдовствующим; ныне полагается основание постоянного призрения их чрез составляемое для того из вас же Попечительное Сословие; средства для сего частию дало само Правительство, по мере его возможности, частию же оно уполномочило нас прибегнуть для сего к человеколюбию верных и послушных детей Церкви. *Да узрят нищии, и возвеселятся! яко услыша убогия Господь, и окованныя Своя не уничижи.*

Прежде нежели сие веселие нищих принесем мы пред Бога в благодарственном молении, как то заповедал нам Святейший Синод, бросим хотя легкий наблюдательный взор на многообразную скорбь нищих, ожидающую себе утешения.

Нищета есть один из горьких плодов проклятия, которое на лице вся земли грех человеческий посеял, а гнев Божий допустил произрастать. Как видимый предмет перваго греха составляла пища, – плод запрещеннаго древа; и первое обнаружение греховной заразы, проникнувшей человека, была искусственная одежда, – листовое смоковничное, вместо естественнаго одеяния света, от котораго человек обнажился грехом, – одежда также грехом оскверненная, потому что обнаруживала лукавое и лицемерное желание скрыть последствие греха: соответственно с сими действиями греха, на тех же двух предметах, на пище и одежде человека, особенным образом оказалось действие проклятия; так что он в отношении к сим предметам сделался беднее последних земных тварей. Жилище созидает себе человек; созидают себе и прочия животныя: в сем они равны между собою. Но для пищи – *птицы небесныя не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы*: а человеку в день проклятия сказано: *в поте лица твоего снеси хлеб твой*, и посеянное, сжатое, собранное в житницы, еще не пища для него, если не придет в помощь жерновный камень, сила дрождей, огня и многообразное искусство; самый дух благодати, упраздняющий проклятие, хотя разрешает нас от заботливаго попечения о пище: *не пецйтесь, что ясте*; но еще не освобождает от труда для снискания пропитания: *до нынешняго часа труждаемся*. И для одежды – *крины сельныя не труждаются, ни прядут*, также и безсловесныя животныя; их одежда, без всякаго их усилия, вырастает из самаго их тела, и таким же образом, когда обветшает, заменяется новою: а человек не

только не найдет себе в целом мире готовой одежды; не только имеет нужду в трудной и долговременной работе, чтобы составить себе одежду: но даже принужден для сего или грабить, или убивать других твари, на пример, обнажить овцу от естественной ее одежды, чтобы одеться ею волною, или совсем убить ее, чтобы одеться ее кожею. Но не станем более распространяться словом о всеобщей нищете человеческой, на которую я только мимоходом указываю для того, чтобы внимательные могли примечать, как самыми обыкновенными предметами в жизни обличаются действия первородного греха, и с самою природою смешенного повреждения человеческого рода; и дабы никто не осмеливался презирать нищеты, которая в некотором степени есть общий жребий человеков, всех без изъятия унижающий, пред самыми низкими тварями. Посмотрим ближе на частную нищету, происшедшую из того, что человеки всеобщую нищету свою, по неизбежному ли последствию общежития, или по действию корыстолюбия и других страстей, не по равну между собою разделили.

Скорбь нищеты есть одна из тяжких скорбей потому, что стесняет жизнь в самых необходимых ее требованиях: не так как многия другие скорби, которые рождаются от неудовлетворения случайным только, или даже только мнимым потребностям. Унижают меня, или возвышают надо мною низших меня: могу скорбеть и много и мало, почти столько, сколь велико или мало мое честолюбие; а могу и совсем победить скорбь, победив честолюбие; живут и в самом низком состоянии спокойно и благополучно. Клевещут на меня, лишают меня доброго мнения: и сие бедствие, когда не простирается далее мнения, есть мнимое: ибо мнение других обо мне, каково бы ни было, не отнимает у меня власти оставаться честным, если я честен, благомыслящим и боящимся Бога, если я таков; а для того, кто имеет сокровище, тяжка ли та скорбь, что другие думают, будто он не имеет? Но когда лишен я пищи, одежды: тогда никакая Философия не может уверить меня, что я не голоден и не наг: здесь одна вещественная помощь сострадания может облегчить вещественное страдание.

Собственная тягость нищеты увеличивается тем, что сие бедствие очень часто служит семенем или пищею других бедствий. Если с нищетою встречается болезнь: оне усиливают одна другую, чтобы совокупно подавлять бедное человечество: нищета не допускает отражать болезнь врачеванием; болезнь не оставляет места трудолюбию сражаться с нищетою. Если нищета постигает начальника семейства: тяжесть бедствия умножается над ним по числу домашних его, между тем как и над каждым из них тоже бремя тяготее; для сына его нет воспитания; для дочери его нет супружества. Не скажу, чтобы нищета прямо пролагала путь порокам, преступлениям и последующим за ними бедствиям; ибо неоспоримо сказанное, что *от сердца исходят помышления злая* (Матф. XV, 19), а не из пустаго влагалища: впрочем внимательно наблюдающие сердце человеческое, могут примечать, что тайное в нем слово беззакония, или подавляется внутри его, или произникает во внешния дела, при содействии внешних обстоятельств; таким образом крайняя скудость изоцряет искушение к несправедливому приобретению; привычка к неблагоприятной наружности, столь обыкновенной в нищете, представляет не слишком отвратительными неблагоприятные поступки, и, по странному превращению причины в ее последствия, от нищеты телесной иногда не менее бедствует душа, как и тело; — бедствует тем опаснее, чем менее чувствует тяжесть сего духовного бедствия в сравнении с телесным.

Понравится ли чадам изобилия, когда еще скажу? Скажу однако, повинуюсь истине, в наставление нам, не испытавшим нищеты, из которых многие смотрят на нее с большим, нежели должно, равнодушием, — что тяжесть особенно подавляющая нищих братий наших есть именно наше изобилие и роскошь. *Бог живой дает нам*, как говорит Апостол, *вся обильно в наслаждение* (1 Тим. VI, 17): от чего же иной не имеет даже насущного хлеба на

сей день? – От того, что другой запер у себя *много блага, лежаща на лета много*, или в один день истребляет более годового пропитания бедного. Не властен ли я, скажет он, беречь или употреблять по произволу законную собственность? – Властен; но и беречь и употреблять также законно, по закону надежды на Бога, Который употребленное для нищих приемлет в заем Себе, и без сомнения не оставит в нужде Своего заимодавца; – по обычаю, если можно, совершенных верующих, которые *раздаюху всем, егоже аще кто требоваше*, и от того *не быше нищъ ни един в них* (Деян. II, 45; IV, 34); – по крайней мере по законам благоразумия и умеренности, по законам человеколюбия и сострадания, которые не менее понятны для нищих, как для тебя твой закон собственности. Или, если угодно, не станем оспаривать у богатых права располагать законною собственностью так беспорядочно, как они хотят: желательно только, чтобы сердце их почувствовало, как иногда, думая невинно играть своею собственностью, глубоко пронзают они сердца нищих. *Вы весте*, говорит Моисей Израильтянам, побуждая их не оскорблять пришельца, – *вы весте душу пришельчу: понеже сами бысте пришельцы в земли Египетстей* (Исх. XXIII, 9). Мы, которые сами, по щедротам Божиим, не были нищими, знаем ли душу нищаго? Знаем ли, что он думает и чувствует, проходя, на пример, близ обширных хранилищ богатого, или близ огромного дома зрелищ, или встречаясь с одетым в драгоценную одежду, не по требованию звания, или обоня чад тучного пира, или слыша мусикийский гром из чертогов роскоши, и видя в них в полночь полуденный свет? – «Если бы – вероятно, думает он – если бы сии обширные хранилища не наполнялись тем, что богатому совсем не нужно: как многие, подобные мне, могли бы получить от него необходимое, которого теперь мы не имеем! Если бы сей широкий кров не был нужен на некоторые часы праздности, чтобы под ним собирались видеть притворство, и слушать вымыслы: сколько можно было бы собрать и водворить под ним таких, которые теперь не имеют, где главы подклонити, или не живут, а губят жизнь в нечистых, нездоровых, полуразрушенных и падением угрожающих жилищах! И тогда бы здесь не ложные действующие лица произносили вымышленные восклицания страстей, но непритворные действователи неухищренного зрелища возносили к небесам благодарственные восклицновения, и самые камни возвещали действительную добродетель человеколюбия. Если бы носящий сию редкую иноземную одежду согласился променять ее на обыкновенную отечественную: он и тогда был бы одет прилично, и помог бы многим из нас променять рубище на одежду. Если бы с сего стола, которого продолжительностию скучают собеседники, снять одну перемену пищи или питья: из сего можно было бы составить новый пир для нескольких, теперь алчущих и жаждущих. Сколько сладких или гремющих звуков в чертоге роскоши в час веселия: столько можно было бы утишить воплей и стонов бедствия, если бы на тот час отказать искусству, и отдать нищете то, что ему обещано. Там игра богатых несравненно дороже ценится, нежели труд бедных: и тем, которые платят сию цену иногда безпрекословнее, нежели плату работающему, или долг заимодавцу, не приходит на мысль, что за сию цену можно было бы выиграть благоденствие бедного семейства и несколько сердец признательных. У сего светлаго чертога можно бы отнять несколько «из многочисленных его светильников так, чтобы он еще оставался светлым: но чрез то можно было бы наполнить елеем утешения светильник жизни, который от нищеты истощается, и может вскоре совсем угаснуть». – Если в сих размышлениях сколько нибудь угадываю я душу нищаго: то помыслите, какова должна быть ея скорбь, когда он чувствует свое бедствие, видит вокруг себя средства, могущия прекратить оное, и удобность употребить их, но в тоже время видит и то, что употреблять их не хотят, и ему то не позволено; – стоит среди текущей реки чужаго изобилия; но вода чужая проходит близ уст его, и оставляет его жаждущим! Так и Евангелие в сказании о Лазаре самую сильною чертою бедствия его полагает то, что он бедствовал у прага изобилия: *лежаше пред враты его гноен, и желаше насытитися от крупы, падающих от трапезы богатого* (Лук. XVI, 20. 21).

Кто пожелает разсматривать нищету в разных общественных званиях, тот еще откроет разные черты страдания, и новые побуждения к состраданию: и в сем разсмотрении нищета нашего звания, думаю, представится внимательным наблюдателям особенно достойною сострадательного участия. В других званиях нищета не редко происходит от лени, от предприимчивой жадности к приобретению, от расточительности, и потому есть не бедствие, но наказание: в звании служителей Олтаря, почти всеобщий жребий его составляющая бедность превращается в нищету обыкновенно болезнию, старостию, или смертью начальника семейства, доставлявшего себе и ему пропитание. В ином звании сирота и вдовица безпрепятственно, по крайней мере, укрываются под осиротевшим кровом отца и супруга: в нашем звании сиротство и вдовство, даже болезнь и старость, заграждая источник пропитания, по большей части отъемлют у нищаго и жилище, которое, по установлениям, должно всегда принадлежать действительно служащему Церкви.

Наконец – *сей нищий воззва, и Господь услыша и* (Псал. XXXIII, 7). *Да узрят нищие, и возвеселятся!*

Правда, и теперь нищие наши могут видеть у нас только еще приготовление к облегчению их участи; могут веселиться только еще надеждою. Ибо средства призрения их меньшею только частию подает нам человеколюбивая рука Правительства, большею же частию оне скрыты еще в руках частного человеколюбия. Совершится ли и с сей стороны надежда убогих, и будет ли радость их действительно исполнена? Узрят ли они в участниках одного звания один дух братолюбия, и столь же искреннюю попечительность о бедности звания, как о бедности собственного семейства? Узрят ли в чадах Церкви возвещаемую Апостолом *веру чистую и нескверную пред Богом и Отцем, еже посещати сирых и вдовиц в скорбех их* (Иак. I, 27), и во-первых, сирых и вдовиц, оставленных служителями сея чистыя веры? При ходатайстве за сих вдовиц и сирых, вспомните ли вы, чада веры, что те, от которых оне остались, провели и окончили жизнь в молитвах за вас и в служении спасению душ ваших? Подумаете ли, что сии вдовицы и сироты пастырей ваших потому не получили наследства, и самые сии пастыри потому не собрали запаса на старость или болезнь, что *посещали стадо Божие не нуждею, но волею, и по Бозе, ниже неправедными прибытки, но усердно* (1 Петр. V, 2)? Пожелаете ли на ваше изобилие, на ваше великолепие, на ваши увеселения, которые поистине часто делает нечистыми неумеренность, – пожелаете ли положить на оныя добровольную очистительную дань человеколюбию и нищелюбию?

Будем надеяться, что Начный дело благо в нас, и совершит оное благодатию Своею, чрез благоугодныя Ему орудия. Возблагодарим Его за начало: воззовем к Нему о совершении. *Взыщите Бога, и жива будет душа ваша. Услыша – и еще услышит – убогия Господь, и окованныя Своя не уничижит.* Аминь.

1824 год.

LXV.

36. СЛОВО

в неделю по Воздвижении.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

*Иже бо аще постыдится Мене и Моих
словес в роде
сем прелюбодейнем и грешнем; и сын
человеческий
постыдится его, егда приидет во славе
Отца Своего
со Ангелы Святыми. Марк. VIII, 38.*

Отец Небесный не судит никому, но весь суд отдал Сыну Своему. Смотрите, как дивен суд Его. Как он точен и строг! Ибо наказание с преступлением измеряется одною и тою же мерою. Если человек постыдится Христа; вот преступление: – и Христос постыдится человека; – вот наказание. Но как вместе и снисходителен суд сей! Сколько дерзновенный раб захочет унижить пред очами своими Господа славы: столько, а не более, Господь славы хочет унижить пред Собою раба дерзновенного: *иже аще постыдится Мене: и Сын человеческий постыдится его.*

Но каким бы в сем случае ни являлся нам Верховный Судия, строгим ли, дабы утратить нас, и страхом спасти от преступления и осуждения, снисходительным ли, дабы устыдить нас, и стыдом спасительным предупредить стыд законопреступный, самое преступление, на которое произносится суд, кажется, может возбудить в нас весь ужас отвращения, и все внимание осторожности. Как? Будут люди, которые подумают, что Сын человеческий и слова Его, то есть, Христос и Христианство, делают им стыд? – К сожалению невозможно в сем сомневаться. Будет то, что предсказывает Истина. Всеведущий Судия не провозглашал бы наказания, если бы не предвидел преступления.

Чтобы некогда Господь наш не постыдился нас, Христиане, нужно нам, в предосторожность нашу, внимательно размыслить, что значит *постыдиться Сына человеческого и словес Его*, и как можно впасть в сие преступление.

Иже аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем: и Сын человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со Ангелы святыми.

Стыдятся обыкновенно нечистаго, низкаго, презреннаго. Как же можно постыдиться Иисуса Христа всечистаго, превознесеннаго, препрославленнаго? Что значит в сем случае *постыдиться*?

Дабы определить разум сего слова в устах Иисуса Христа, надлежит вспомнить, что пред тем говорил Он о кресте. *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет.* Но что был крест в очах людей, прежде нежели крестная смерть и воскресение Спасителя нашего, представили оный и по внутреннему знаменованию величественным, и чрез то купно и по внешнему знаменованию священным? Он был орудие смерти для осужденных, и между осужденными для рабов, или для людей, признаваемых достойными вместе и наказания и поругания. Посему вероятно, что люди, привыкшие ценить вещи ценою народного мнения, услышав учение о кресте, тотчас подумали, как трудно последовать Учителю, Который готовится и готовит учеников своих к такому необыкновенному позору; вероятно, что люди отличной образованности и изящнаго вкуса по своему времени, стыдились даже стоять между слушателями такого Учителя, Который преподает столь странное учение. На сии помышления и чувствования испытующий сердца Учитель отвечает: *иже аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем: и Сын человеческий по* **||** *стыдится его, егда приидет*

во славе Отца Своего со Ангелы святыми. Из сего можно заключить, что *стыдиться Сына человеческого* определительно значит стыдиться Иисуса Христа, яко распятого; и что *стыдиться словес Его* значит стыдиться учения о кресте. Предостережение против сего стыда очевидно нужно было для времен, в которых господствовало Иудейство и язычество, и в которых для опровержения Христианской веры, и для осмеяния Христиан, как безумных, довольным почитали сказать, что они веруют в Распятого; – как безумных, говорю я; ибо точно сие говорит Апостол: *слово крестное погибающим юродство есть; – мы проповедуем Христа распята, Иудеям убо соблазн, Еллином же безумие* (1 Кор. I, 18. 23); и посему тот же Апостол, вместо того, чтобы объявить себя приемлющим учение Христово, верующим ему, благоговеющим пред ним, почел довольным сказать, что не стыдится онаго: *не стыжуся благовествованием Христовым; сила бо Божия есть во спасение всякому верующему* (Рим. I, 16).

Должно заметить, что то же преступление, которое Иисус Христос называет стыдом имени Его и учения, иначе называет Он *отвержением Его*, или отречением от Него: *иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех*. Стыдиться Христа есть начало, а отречься от Него есть совершение одного и того же преступления. Как *сердцем веруется в правду; усты же исповедуется во спасение* (Рим. X, 10): так сердцем стыдятся Христа в осуждение, чувствуют тягость и затруднение от Его учения, как несообразного с понятиями гордаго разума, с похотями плоти, с обычаями века сего; и в следствие таковых внутренних расположений, устами, делами и всею жизнью отрекаются от Него к гибели.

Нет сомнения, что каждый благомыслящий Христианин чувствует важность сего преступления, рассматриваемаго во всем его пространстве: и может быть, некоторые думают, что самая тяжесть онаго избавляет их от опасения, чтобы не впасть в оное. Не удивляюсь, если благонамеренные, но не опытные в Христианстве, так думают. Так думал Апостол Петр, когда на предсказание Иисуса Христа, что все Апостолы соблазнятся о Нем в следующую ночь, сказал Господу: *аще и вси соблазнятся о Тебе, аз никогда же соблазнюся* (Матф. XXVI, 33). И еще на предсказание о его троекратном отречении от Христа: *аще ми есть и умереть с Тобою, не отвергуся Тебе*. Так и все Апостолы думали: *такожде и вси ученицы реша* (35). Но известно, что было в следующую ночь: *тогда ученицы вси оставльше Его, бежаша* (56). И Петр, который менее всех опасался падения, пал бедственнее всех прочих. Отчего же сие случилось? От того наиболее, что Петр не опасался пасть так глубоко; а того еще не изведal, как древний человекоубийца тростием и изгребием закрывает пропасти, чтобы навести на них и низринуть неосторожного. Если бы кто из явных и сильных врагов Христовых напал на Петра: он увидел бы опасность, и вооружился бы мужеством. Если бы прямо сказали ему: отречься от Христа: он ужаснулся бы сего преступления, и, может быть, подлинно решился бы в ту же минуту, до смерти стоять в исповедании осуждаемаго на смерть Иисуса. Вместо того, *приступи к нему едина рабыня*: чего тут опасаться? Она ничего не говорит, и вероятно, ничего не понимает, ни о вере во Христа, ни о исповедании Его; а только любопытствует о том, кого видали с Ним вместе: *и ты был еси со Иисусом Галилейским*. Петр подумал, может быть, что не стоит труда входить в разговор о Христе с людьми, которые так далеки от Его таин, и что сие значило бы метать бисер пред свиньями. По видимому, он старался только прекратить речь. *Не вею, что глаголеши*, сказал он; я тебя не понимаю: и не сведal, как постыдный для Апостола стыд Сына человеческого прокрался в сердце Апостола. Нападение повторено сильнее прежняго: ибо другая рабыня указала его *сущим тамо*. Надлежало усилить отпор: и Петр сказал *с клятвою, яко не знаю человека*. Таким образом уклонение от разговора о Иисусе не приметно превратилось в отречение от Его лица. Еще нападение и улика, – и Петр *начат ротиться и клятися, яко не знаю человека*, то есть, всеми силами отрицаться от Него. Сие нечаянное и глубокое падение Петра, горько им оплаканное,

попущено Провидением Божиим не для его только испытания, но и в наставление всем нам, Христиане. Он преткнулся, дабы мы научились осторожно ступать по пути спасения. *Мняйся стояти да блюдется, да не падет* (1 Кор. X, 12). Если мы думаем, что решились бы пожертвовать жизнью за Христа, когда бы то нужно было: то дабы сим приятным уверением, подобно Петру, не обмануть самих себя, мы должны тщательно смотреть за собою, как поступаем в тех случаях, когда для неизменного исповедания Христа нужно пожертвовать чем либо гораздо менее важным, нежели жизнь.

Подходит рабыня суетных приличий, и ни на чем добром не основанных обычаев, называемая в мире образованностию или людскостию (как будто без нея люди и людьми бы не были, и образа не имели), и говорит человеку, желающему быть последователем распятого Иисуса: не ужели подлинно ты хочешь оставить путь столь многих людей разумных, разборчивых, сильных, богатых, почитаемых, любезных, которых образ жизни столько же приятен для них самих, сколько и всеми одобряем? Не ужели откажешь себе в удовольствиях и некоторых вольностях, которые почти у всех почитаются невинными? Не ужели решишься быть странным в очах света и притчею общества? Не ужели будешь мучить себя подвигами, убивать постом, изнурять строгостями, которые в самых отшельниках суть действие излишней, может быть, и не разсудительной ревности? До кого из желающих идти путем Христовым не доходят такие речи? К кому не приходят иногда такие помыслы? Что же скажем на сие, Христиане? Кажется, здесь дело идет не о том, чтобы отречься от Христа; нас хотят только пристыдить подозрением, *не были ль мы со Иисусом Галилейским*, или не хотим ли вместо светского вечера, быть с Ним на всеобщем бдении Его в саду Гефсиманском, где и Сам Он был с тугою и скорбию с болезненным, хотя притом совершенно свободным и охотным жертвованием Своея воли. Нет, – говорят иные в тайных помыслах, я совсем не понимаю, что значит быть в саду Гефсиманском; я знаю, и хочу знать только такое Христианство, которое утешает, а не такое, которое учит лишаться, страдать, и каким-то непонятным образом умирать самому себе: *не вем, что глаголеши*. Ах! Поберегись, желающий спасти душу свою! Если так говоришь ты: то уже ты последователь не Иисуса, возставляющего падших, но Петра падающего. Если ты сказал теперь об отречении от мира и от самого себя, о участии в страданиях Христовых и о крестном слове: *не вем, что глаголеши*: можно ли быть уверену, что не скажешь вскоре о Самом Христе: *не знаю человека*?

Войдем в какое нибудь из обыкновенных собраний, в доме или *на преддвории*; поищем Христиан между сынами века сего; вслушаемся в разговоры. Тотчас услышим ласкательство, злоречие, голос тщеславия, корысти, смех легкомыслия, вопли нетерпеливости, суждения о всем, что знают, и чего не разумеют. Но скоро ли найдем беседу, и в беседе человека, который бы свободно произносил слово, солию мудрости Евангельской растворенное, разсуждал с чадами плоти о душе, и сынам века сего напоминал о вечности? От чего же так редко говорят Христиане языком Христианским? – Они боятся, чтобы их не узнали, как Христиан, и за то не поругались им сыны века сего; чтобы им не сказали: *беседа твоя яве тя творит*. И так они таятся и молчат; – и не примечают, что стыдятся Сына человеческого, и что их молчание иногда довольно внятно говорит миру о Иисусе: *не знаю человека*!

По сим примерам каждый может указать сам себе многие случаи в жизни, в которых мы более или менее приближаемся к опасности постыдиться Сына человеческого, или совсем отречься от Него. Будь осмотрителен, Христианин, старайся благовременно примечать, где враг спасения твоего ставит тебе ковы на пути следования Иисусу Христу, дабы или осторожно миновать оные, или мужественно разрушать. Или пусть бы не входил Петр во двор Архиереев на столь близкую опасность; или, вошедши, уже не отступал бы так далеко назад от Того, Которому хотел так близко последовать. И ты, Христианин, или не

приближайся, если можно, к людям, которые имеют безстыдство стыдить тебя тем, что составляет твою славу: или, если необходимо приблизиться к ним, *глаголи о свидениях Христовых* пред кем бы то ни было, *и не стыдися*. Не являй своего дела благочестия, не провозглашай своего слова о спасении, когда не призывает тебя к сему никакая обязанность, и не вызывает на то слава твоего Спасителя, чтобы тебе не впасть в лицемерие или тщеславие: но не оставляй Богоугодного дела потому, что миру кажется оно странным; и когда захотят отлучить тебя от участия в скорбях, страданиях и поношениях распятого Иисуса, скажи с благородною твердостью: *знаю человека*, и желаю с Ним жить и умереть, чтоб и по смерти жить с Ним как с моим Спасителем и Богом. Не постыдись, когда крестом Христовым хочет стыдить тебя *род прелюбодейный и грешный*, да не будешь постыжден *пред Ангелами Святыми, пред Сыном человеческим во славе Его, и пред Отцем Его небесным*, но да внидешь во славу Того, Которому подобает слава во веки. Аминь.

LXVI.

37. СЛОВО

В день Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Благовещенской Церкви Чудова

Монастыря 25 марта; напечатано

отдельно и в собраниях 1835, 1844 и 1848 гг.).

<1824>

*И рече Мариамъ: величит душа Моя
Господа,
и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем:
яко
призре на смирение рабы Своея: се бо
отныне
ублажат Мя вси роди. Лук. I, 46—48.*

Наконец безмолвная Мариамъ говорит; и слово Ея, исполненное духом, как река, течет и играет, как фимиам, восходит и благоухает, как молния, сияет и озаряет. Прочитанное теперь начало торжественного слова, произнесенного Ею, когда Елисавета в первый раз приветствовала Ее наименованием *Матери Господа*, как много уже в себе заключает! Она славит Бога, и возносит к Нему не глас, но самую душу Свою: *величит душа Моя Господа*. Радуется, и радость Свою превращает в молитву и жертву духовную: *возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем*. Смирятся, и проповедует снисхождение Всевышняго: *призре на смирение рабы Своея*. Пророчествует, и пророческий взор Ея проникает сквозь все времена до самого конца их: *отныне ублажат Мя вси роди*. Так и надлежало соделаться плодотворной словом Той, в Которую отныне вселилось Слово; прежде нежели Оно изыдет из Нея, как плод чрева, Оно является в Ней, как плод устен, исповедающихся Господеву: *рече Мариамъ*.

Дивно слово Мариамы: но величественно и Ея молчание. Предоставим благоговейным и внимательным, самым углубляться в разум слова Ея, которое так часто слышится в

Церкви: обратим внимание на то, что не столь открыто вниманию. Вслушаемся в молчание Мариино, и поучимся от Нея бережливо употреблять сокровище слова.

О безмолвии, в котором Пресвятая Дева возрасла и воспитана, говорить не буду: потому что сие закрыто молчанием Святых Евангелистов. Кто слышал, что говорит о сем предание: тот имеет образ совершеннейшаго благочестиваго воспитания, и может судить, соответствует ли сему образу, и обещает ли благословенные плоды, разсеянность, столь охотно позволяемая детям в наше время.

День *Благовещения*, то есть, радостнаго возвещения о предстоящем воплощении Сына Божия, начинает открывать сокровенную в Боге жизнь Богоматери. Слово Ангела обнаруживает в Ней добродетель молчания. Внезапно входит он в Ея уединение, и говорит Ей: *радуйся, благодатная: Господь с Тобою; благословенна Ты в женах*. Сколько вопросов представлялось при сем удивленной Мариам! Кто сей неизвестный? Какое имеет он право, нарушать уединение Девы? Что значит неслыханное приветствие, которое безвестную Деву поставляет превыше всех жен в мире? Но ничто не выводит Ея из обычного Ей безмолвия. Она чувствует движение духа: но уста Ея не движутся. Не спешит Она ответствовать на приветствие; молчит, и размышляет. *Смутися о словеси его, и помышляше*.

Ангел, успокоив дух Ея одним словом: не бойся, – ибо слова небесных Сил не бывают без силы, и потому не остаются без действия, – продолжает начатое благовещение. В изъяснение наименования *Благодатной*, присовокупляет, что Она *обрела благодать у Бога*. Потом предсказывает Ей зачатие во чреве, рождение Сына, Его спасительное имя, Его достоинство Божественное, воцарение чудесное, царство безконечное. Сколько еще предметов для испытания и разглагольствия! Но Благодатная не желает испытывать таин благодати. Благословенная не дерзает разглагольствовать о том, что выше слова и разума. И теперь не прервала бы Она Своего молчания, если бы любовь к девству не исторгла из сердца Ея краткаго слова: *како будет сие, идеже мужа не знаю?* Чтобы правильно разуместь сие слово, необходимо должно, во-первых предположить, как и предание скажет, что Мариамь еще прежде обязала Себя обетом, во всю жизнь Свою хранить девство: ибо не обязанная сим обетом, и обрученная мужу, какую имела бы причину вопрошать о возможности родить сына: *како будет сие?* Во-вторых, надлежит взять в соображение закон Моисеев (Числ. XXX), по которому обет девы или жены мог быть уничтожен одним словом отца или супруга, и только тогда становился твердым, когда отец или супруг слышал о нем, и не отверг онаго. Из сего соображения должно заключить, также согласно с преданием, что обет девства, который, на предсказание о рождении Сына, заставил Марию сказать: *како будет сие?* был уже тогда известен Иосифу, и признан им; и что он обручил себе Пречистую Деву с тем, чтобы, под именем супруга, быть стражем Ея девства, которому нужно было таиться под наружным покровом брачнаго союза в таком народе, который, привлекаясь видимым благословением брака, не постигал высоты девства. По сим обстоятельствам, сколь ни далека была Мариамь от того, чтобы не веровать, или сомневаться, или прекословить, или любопытствовать, принуждена однако была спросить Ангела: *како будет сие, идеже мужа не знаю?* Хотя имею мужа по обряду обручения: но у меня нет мужа по обету девства; обет сей произнесен, утвержден; сколько я не желаю отменить его, столько не позволяет закон, который говорит: *человек, иже аще обещает обет Господу, или закланется клятвою, или определит пределом о души своей, не осквернит словесе своего; вся, елика изыдут из уст его, да сотворит* (Числ. XXX, 3); Господь не нарушает Своих законов: как же будет то, что и обет девства сохранится, и закон исполнится, и сын родится? – Видите, что крайняя только необходимость расторгает священные узы Ея молчания, или лучше сказать, сама благодать изливается во устах Ея; открывается тайна Ея обручения с

Иосифом, дабы под сею тайною скрыть другую, глубочайшую тайну обручения с Богом; отречение Мариами от земного мужа подает Ангелу случай возвестить Ей достоинство Богоневесты, к которому Она предопределена: *Дух Святый найдет на Тя, и сила Вышняго осенит Тя.*

Благовещение принято; Ангел отшел; Слово воплотилось; Дева зачала; оказались признаки зачатия: *обретется имущи во чреве от Духа Свята. От Духа свята*, пишет Евангелист Матфей: но Иосифу долго не была возведена сия тайна, и он не знал более того, что являло чрево: *обретется имущи во чреве.* Ибо если бы он знал тайну Богоневесты: то мог ли бы он думать о Ея *обличении*, мог ли бы решиться *отпустить* Ее? А он думал о первом, и решился было на последнее. *Не хотя Ея обличити, восхоте тай пустити Ю.* Здесь столько чудес молчания, что не знаю, достанет ли у нас слова, чтоб изглаголать молчание. Иосиф видит в Мариами, чего не ожидал, и чего понять не может: но молчит, и не вопрошает Ея. Мариамь видит Себя в опасности подвергнуться тяжкому подозрению, и даже осуждению: но молчит, и не открывает Своей тайны. Где и Ангел благовестник Мариами? Почто молчит он, и не успокоивает Ея от новаго смущения? Где и Ангел хранитель Иосифа? Почто он так долго не является, и не предохраняет праведника, когда чистая душа его столь удобно может омрачиться мыслию несправедного, и даже богохульного подозрения? И – если не дерзновенно вопрошать о сем – почто так долго безмолвствует и Сам, Посылающий Ангелов? Почто медлит просвещать Своего праведника, и спасать Ту, в Которой спасение мира? – *Зри*, восклицает Святый Златоуст, указуя на Иосифа в сих обстоятельствах, *зри мужа кротость: не токмо, яко не мучи, но яко ниже изрече кому, ниже самой зазираемой, но в себе помышляше, и от самая Девы тцася укрыти вину. Ниже бо рече, яко отринуту Ю хотяше, но отпустить. Толико бе кроток и тих муж.* И еще: *егда бо держати Ю в дому, законопреступно быти видяшеся; обличити же и на судище вести, смерти предати нужда бяше: он же ничтоже от сих творит, но выше закона уже себе устрояет. Подобаше бо, благодати пришедшей, многим быти уже високаго жительства знаменам* (на Матф. Бесед. 4). Подлинно, видно, сердце праведника уже предчувствовало Христовы заповеди, чтоб иметь *око простое* (Матф. VI, 22) и *не судить, дабы не быть судимым* (Матф. VII, 1). Потому, он видит признаки матери, и однако не хочет предаться помыслам подозрения о Деве; имеет закон, уполномочивающий супруга, и однако не хочет судить обрученную. *Не хотя Ея обличити, восхоте тай пустити Ю.* Видите, какая возвышенная добродетель заключает в себе молчание Иосифа. Но еще выше молчание Мариами. Тот молчанием облегчает затруднение чужое, и в тоже время находит средство прекратить свое затруднение: а Сия в молчании носит Свою опасность, и с каждым днем молчания увеличивает Свое затруднение. Что же значит сей непонятный подвиг молчания? – То, что Мариамь есть совершенный сосуд Благодати. Ибо как вещественный сосуд негоден, когда он течет; так и духовный сосуд не достоин, если не хранит влиянной в него Благодати в ненарушимом, смиренном молчании, но течет и выдыхается без нужды и без пользы словом праздным, или нескромным, или нетерпеливым, или тщеславным: и напротив, как вещественный сосуд совершенный был бы тот, который бы не только влитое в него, но и самый дух онаго заключал во внутренности своей без малейшей утраты, и котораго бы ни удар не мог сокрушить, ни воздух или огонь разрушить: так совершенный сосуд духовный есть тот, кто *имея таинство веры в чистой совести* (1 Тим. III, 9), в мире сердца, и в безмолвии всего существа своего, хранит вверенную ему благодать с такою твердостью, которой никакие удары бед сокрушить, никакая страсть, никакое искушение разрушить не могут. Если Мария говорила о Своей тайне с Елисаветою: то потому, что Елисавете уже открыта была сия тайна Духом Святым, и Он Сам говорил устами обеих: а если бы Она стала говорить о сем с Иосифом; то или по человеческой доверенности, или по человеческому страху, и следственно не по Божественному побуждению говорила бы о тайне Божественной. Теперь Она таится от того, которому, вероятно, более всех на земли

открыто было сердце Ея, поелику Она избрала его стражем Своего девства; таится с явною для Себя опасностью не только *обличения*, но, как изъясняет Святый Златоуст, с опасностью *суда и смерти*: такое молчание достовернейшим образом свидетельствует, что Она восприятое в недра Свой Слово крепко держит, хранит совершенно, любит паче избранного и обрученного мужа, паче всякого земного утешения, паче самой жизни Своей; в сем молчании совершается непрестанная, чистая, великая жертва Богу Слово. Не удивительно, что и Божественное откровение на время безмолвствовало, чтобы дать созреть, и в наставление наше открыться, столь великим добродетелям. Безмолвная жертва Мариами совершилась; мысль Иосифа решительно утвердилась в безстрастии; тогда слово небесное приспело увенчать подвиг молчания, прекращением затруднения Мариами, и открытием Иосифу велией тайны благочестия. *Сия же ему помысливши, се Ангел Господень во сне явился ему, глаголя: не убойся прияти Мариамъ жены твоя; рождшеебоя в Ней от Духа есть Свята* (Матф. I, 20).

Кто будет иметь довольно постоянного внимания, чтобы следовать за Мариєю по всему пути жизни Ея: тот может усматривать в Ней всегда тот же характер глубокой молчаливости, совершенного безмолвия, ничем не развлекаемого сосредоточения во внутренности своей, словом – жизни, сокровенной в Бозе. Ни высочайшая радость, ни глубочайшая скорбь не могла изменить сей главной черты Ея духа.

Раждается Слово, Ангелы славословят; пастыри проповедуют; Матери ли Слова безмолвствовать и не торжествовать словом? Но Она безмолвствует, и не расточает слов, а только соблюдает слышанное. *Мариамъ же соблюдала вся глаголы сия, слагающи в сердцах Своих* (Лук. II, 19).

Симеон ли пронзает душу Ея грозным пророчеством; Сам ли Иисус, еще в юных летах, оставляет Матерь, и как бы отрекается от Нея, возвещая, что Ему *в тех, яже Отца Его, достоин быти*: Матерь Слова не прекословит, но безмолвствует. *Мати Его соблюдала вся глаголы сия в сердцах Своих* (Лук. II, 49. 51).

Наконец *стоит* Она при *кресте* (Иоан. XIX, 25) возлюбленного Сына Своего, и предреченное Симеоном оружие действительно проходит душу Ея. Чужие не могли оставаться равнодушными; и еще тогда, как Он только нес крест Свой, *идяше во след Его народ мног людей, и жены, яже и плакахуся и рыдаху Его*; и по распятии *вси пришедшии народи на позор сей, видяще бывающая, биюще перси своя возвращахуся* (Лук. XXIII, 27. 48). Чего надлежит ожидать от Матери Распятого, стоящей при кресте Его? Рыданий, жалоб, воплей, терзаний? – Ничего такого не видим и не слышим; самовидец не пересказывает нам даже ни одного слова Ея. Она страдала, без сомнения, как никто никогда не страдал на земли, кроме Самого Распятого: но бездна Ея страданий не обуревала и не потопляла Ея, непрестанно упадая в столь же неизмеримую бездну Ея терпения, смирения, веры, надежды, безусловной преданности судьбам Божиим.

Взирай, Христианская душа, на священный образ духовного молчания, представленный тебе Евангелием, частью и в лице Иосифа, наипаче же в лице Мариами, и познавай сокровенную, величественную красоту души Ея, о которой написал Пророк: *вся слава дочери царицы внутрь* (Псал. XLIV, 14); познавай, и возлюби сию духовную красоту; возлюби, и подвизайся, чтоб и тебе, хотя отчасти, облечься сею красотой дочери царицы, и по следам Ея добродетели достигнуть ея блаженства; ибо *приведутся царю девы во след ея*.

Встречаешь ли непонятное в вере? Не спеши любопытствовать или прекословить: но в молчании внимай глаголу веры, и терпеливо жди времени, когда глаголющий в притчах удостоит тебя изъяснения оных живым словом и опытом.

Примечаешь ли в словах или делах ближних нечто странное, и, как тебе кажется, неправильное? Не торопись обличать и судить, если не призывает тебя к сему должность отца, или пастыря, или наставника, или начальника. Не будь праведен, как Фарисей, который себя одного находил таким в целом свете: *несмы, якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы*; но будь *праведен*, как Иосиф, *сиречь*, – изъясняет Святый Златоуст, – *благ и кроток* (на Матф. Бесед. 4).

Опасаешься ли, что какое нибудь твое дело веры или любви подвергнется превратным суждениям и нареканию? Не провозглашай для сего твоей добродетели, чтобы, охраняя славу ея, не утратить чистоты ея. *Открой* не к человеку прекословием, но *ко Господу* молитвою *путь твой и Той сотворит: и изведет, яко свет, правду твою, и судьбу твою, яко полудне* (Псал. XXXVI, 5. 6).

Посещает ли тебя благополучие, и радость расширяет сердце твое? Не расширяй уст для тщеславия; но слагай в благодарном сердце глаголы благодеющего Провидения.

Постигает ли тебя бедствие, и скорбь наполняет душу твою? Не умножай воплей и стонов, во множестве которых по большей части слышны бывают отголоски упорства и непокорности судьбам Вышняго; но *потерпи Господа, мужайся, и да крепится сердце твое* (Псал. XXVI, 14).

Ни в каком случае не расточай безразсудно слова, словесная тварь Слова Творческого! Если Словом Бог сотворил все; а человек сотворен по образу Божию: то какая величественная действия надлежало бы производить слову человека! В самом деле, оно исцеляло болящих, воскрешало мертвых, низводило с неба огонь, останавливало солнце и луну, и, что всего важнее, соделавшись орудием Воплощенного Слова Божия, оно претворяло и претворяет растленных грехом человеков в новую тварь, чистую и святую. Так действует слово человеческое, когда крепко быв заключено в горниле благоговейного молчания, и разжигается тайною внутреннею молитвою, получает свойственную ему чистоту и силу, или лучше сказать, становится причастным силы Слова Божия и Духа Святаго. И сие ли могущественное, зиждительное, священное орудие, мы обращаем на действия нечистые, разрушительные, святотатственные, – на злоречие, клевету, хуления; или легкомыслием раздробляем оное в легкий прах, и разсыпав по ветру в суетном празднословии?..

Некто сказал о себе: *девять помышлений ублажих в сердцах моих, а десятое изреку языком* (Сир. XXV, 9). Так берегут слово знающие цену его. По крайней мере, Христианин, *не скор буди усты твоими* (Еккл. V, 1); давай себе размыслить, во благо ли тебе и другим будет слово, которое ты раждаешь в мир, и которое, как бы ни казалось малым или ничтожным, будет жить до последнего суда и предстанет на нем во свидетельство или о тебе, или против тебя. Прими совет Апостольского слова: *всяко слово гнило да не исходит из уст ваших, но точию еже есть благо к созиданию веры, да даст благодать слышащим; и не оскорбляйте Духа Святаго Божия, Имже знаменаетесь в день избавления* (Ефес. IV, 29. 30). Аминь.

LXVII.

38. БЕСЕДА

О нищете духовной.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.).

<1824>

*Блажени нищии духом: яко ваше
есть царствие Божие. Лук. VI, 20.*

Вот начальное учение, которое преподавал Божественный Учитель и Господь наш Иисус Христос, когда на некоем *месте равне* окружал Его *народ ученик Его, и множество много людей от всея Иудеи и Иерусалима, и помория Тирска и Сидонска, иже приидоша послушати Его, и исцелитися от недуг своих* (ст. 17. 18).

И мы здесь *на месте равне*: потому что здесь и высокий вельможа не выше прочих, и низкий простолудин не ниже прочих, пред Богом, Который в вышних живет, и на смиренныя призирает. И здесь *народ ученик Его*: ибо все Христиане суть ученики Христовы. Сие *множество много людей* пришло сюда, чтобы приблизиться, и, поколику можно, прикоснуться святыне и силе Божией, и чрез то *исцелитися от недуг своих*, какие кто чувствует душевно или телесно: надеюсь, что пришло, или, по крайней мере, должно было притти, и с тою мыслию, дабы *послушати* учения Христова.

Не постыдитесь, давние, и, так сказать, природные ученики Христовы, если предложим вам начальное учение Христова: но тем с большим вниманием *послушайте* учение, которое давно пора вам исполнить, и в котором остаться незнающими не только стыдно было бы, но и погибельно.

Блажени нищии духом: яко ваше есть царствие Божие.

Благословен возлюбленный Учитель за сие начало учения! Если бы Он, предпринимая говорить народу о царствии Божием, всем без различия вдруг сказал то, что наедине сказал человеку, который сам почитался *учителем Израилевым: аще кто не родится свыше, не может видети царствия Божия*: то к вопросам Никодимовым: *како может человек родиться стар сый? еда может второе внити во утробу матере своея и родитися* (Иоан. III, 3. 4)? сколько бы еще присоединилось вопросов неудоборазрешимых для плотских человеков! Или, если бы не приготовленным ученикам предложил Он учение о кресте, которое, и после приготовления, самые Апостолы с трудом уразумели *не разумеша глагола сего, бе бо прикровен от них, да не оуют его* (Лук. IX, 45): как трудно было бы слушать Его, и принимать слышанное! Теперь снисходя к немощи слушающих, Он не поражает высотой, не устрашает трудностию учения: но прежде всего делает оное любезным, и привлекает к нему сердца сладкими именами *блаженства, царствия Божия*.

Кто не ищет блаженства, где и как умеет? Кто не желает царствия Божия? Какой безумный или безчувственный может быть холоден или невнимателен, когда ему предлагают блаженство, когда ему обещают царствие Божие? Смотрите же. Вот путь к блаженству; вот дверь в царствие Божие – нищета духа. *Блажени нищии духом: яко тех есть царствие Божие*. Не правда ли, что можно бросить целый мир, чтобы приобрести сию нищету, которая доставляет блаженство и царствие Божие?

Христианин! Ученик блаженства! Ученик царствия Божия! Не пронзают ли уха твоего сии первые звуки учения Христова? Не расширяется ли сердце твое, чтобы поглотить оное! Не

жаждет ли ум твой познать, что такое нищета духа? Не пробуждает ли тебя дух к спасительной заботе, как бы тебе соделаться одним из блаженных нищих духом? Слушай и учись.

Блажени нищии духом: яко ваше есть царствие Божие.

Паки благословен Премудрый Учитель, что премудрое учение облакает простотою слова, так что утаенное от премудрых и разумных открывается даже младенцам. Что более загадочно, как блаженство, которого все везде ищут, и никто нигде не находит? Что непостижимее царствия Божия, потому что все Божие непостижимо? Просто ли по сему изъяснить способ достигнуть блаженства и Царствия Божия? Напротив того, что знакомее и простее, как нищета, которую повсюду между собою встречаем? И ею-то безпримерный Учитель изъясняет тайну, как достигнуть блаженства и царствия Божия. Смотри на бедственную нищету плоти, размышляй, и уразумеешь блаженную нищету духа.

Нищий не имеет ничего, а всего ищет у других, и, как милости, просит необходимаго для жизни, как-то: пищи, одежды, жилища. Если дух твой, вспоминая райское жилище, из которого он в прародителях изгнан, райскую одежду света, от которой грехом обнажен, райскую пищу от древа жизни, которой лишен, чувствует себя в крайней скудости всякого добра, и в опасности умереть вечною смертию; а потому непрестанно прибегает и припадает к Богу, ищет и просит себе духовнаго жилища – в Церкви Его, духовной одежды – в благодати Сына Его Иисуса Христа, дабы, в Него крестившись, в Него и облещись, духовной пищи – во всяком слове, исходящем из уст Божиих: по таковым расположениям Бог, богатый милостию, видит и приемлет тебя, как нищаго духом, и, даруя тебе просимыя блага, дарует в них самое царствие Божие. Признать, что в нас, и для нас в мире, нет истиннаго духовнаго блага, и усердно просить духовной милости от Подателя всех благ Бога есть дело нищаго духом. Смиренная молитва и молящееся смирение составляют нищету духа.

Если судить по тому, что лишение райских и духовных благ есть общий от прародителей жребий всех живущих на земли: то надлежало бы, кажется, всем без изъятия быть нищими духом. И подлинно, по сему разсуждению богатых духом собственно нет между человеками: но, что всего хуже, есть *богатящиеся*, то есть, нищие, которые выдают себя за богатых. Они бывают, если можно так изъясниться, богаты гордостью, тщеславием, лицемерием, невежеством и слепотою; и потому не приходят в спасительное ощущение духовной нищеты. Один сделал несколько добрых или благотворительных дел; и думает, что уже обогатился добродетелями. Другаго похвалили; и он уверяет себя, что уже достиг совершенства. Иной умел только скрыть свои пороки: и за тем уже не нуждается в добродетелях. Иной, привыкши удовлетворять только требованиям плоти, почти не знает потребностей духа, изобилием благ земных закрывает от себя недостаток благ небесных, удовольствиями чувственными притупляет вкус духовный, и, если дом его полон, одежда украшена, тело насыщено или пресыщено, он весьма доволен; и, точно как богатый на нищих, смотрит на людей, которые говорят ему о гладе духовном, о наготе греховной, о бедственном земном изгнанничестве нашем из нерукотвореннаго и нетленнаго дома Отца небеснаго. *Имей ухо, да слышии, что на сие Дух глаголет. Глаголеши, яко богат есмь, и обогатихся и ничтоже требую, и не веши, яко ты еси окаянен, и беден, и нищ, и слеп, и наг* (Апок. III, 13. 17). Да слышим и то, какая судьба определена от Бога таковым ложно и мечтательно богатящимся. *Алчущия исполни благ, и богатящиеся отпусти тщи* (Лук. I, 53). Чему и быть иному! Кто думает, что он богат; тот не чувствует нужды: кто не чувствует нужды; тот не просит: кто не просит; тот не приемлет, по реченному Апостолом: *не имате, зане не просите*: ибо небесный Податель благ, как нам не велит метать бисер пред свинями, так и Сам сего не делает; и с другой стороны, не просящий

от Бога благодати не способен принять ее, имея заключенное сердце. Посему сказано еще: *просяй приемлет, и ищай обретает, и толкующему отверзается* (Матф. VII, 8) внутрь сокровенное царствие Божие.

Христиане! Тот, Который в Евангелии поучает нас нищете духовной, *нас ради, богат сый, обнища, да мы нищею Его обогатимся* (2 Кор. VIII, 9). Если бы из послушания к Нему, из благодарности, для участия в приобретенном Им для нас безчисленном богатстве, то есть, в безконечном блаженстве царствия Божия, надлежало нам из богатых сделаться нищими: чего жалеть? Но нам нечего терять по внутреннему нашему, духовному человеку, если не обогатила нас благодать Христова; соделаться нищими духом значит только познать ясно, и признать искренно нищету, которая с нами родилась и живет с нами. Можно ли нерадеть о сем? Можно ли упорствовать против сего? Если тебе и кажется, что ты стяжал некоторые добродетели: *что имаши, его же неси приял*? Не от Бога ли приял ты закон добра, свет ума, в котором ты увидел сей закон, чувство сердца, которым ты возлюбил его, свидетельство совести, которое не позволило тебе отречься от него, или забыть его, силу воли, которою ты подвигся к исполнению его, средства, которыми ты мог исполнить его? *Аще же приял еси; что хвалишиися, яко не приемь* (1 Кор. IV, 7)? Оточи и отложи из присвояемого тобою духовнаго богатства то, что приял ты от Бога: и осмотришь, остается ли у тебя что, кроме твоей наследственной нищеты? А что, если плоды правды твоей, как внутренним червем, повреждены нечистыми намерениями и побуждениями? Что, если против нескольких динариев, которые ты считаешь в духовном твоём сокровище, Бог и ближние могут считать на тебе многия тысячи динариев долгов, то есть, грехов и неправд? Не должно ли в сем случае признаться, что ты из нищих нищий? Если, вместо сего признания, ты заглушаешь чувство сей нищеты, полагая свое удовольствие в тленном земном богатстве, или отягчая сердце свое объядением и пьянством, и предаваясь другим чувственным и скотским вожделениям: ты делаешь то, что изображенный в Евангелии распутный сын, когда он в недостатке пищи, свойственной человеку, *желаше насытитися от рожец, яже ядяху свиния* (Лук. XV, 16).

Возчувствуем, участники всеобщей нищеты, возчувствуем каждый во своем духе нищету нашу в благах духовных и смиримся; признаем нашу греховность, и покаемся; будем часто прибегать к дому Отца небеснаго, и просить от Него духовной милости, ради Христа, Единороднаго Сына Его для нас обнищавшаго, и нам богатство благодати стяжавшаго кровию Своею; нет сомнения, что по сему ходатайству *даст Он Духа Святаго просящим у Него* (Лук. XI, 13) с верою, и сей Утешитель паче слова опытом научит нас, как *блажени нищии духом, и что воистину их есть царствие Божие*. Аминь.

LXVIII.

39. СЛОВО

Вознесения Господня.

(Говорено в Архангельском Соборе 15 Мая;

напечатано отдельно и в Христианском чтении

1838 года и в собраниях 1844 и 1848 гг.) .

*И егда взирающе бяху на небо, идущу Ему, и се
мужа два стаа пред ними во одежде
беле, иже
и рекоста: мужие Галилейстии, что
стоите зряще
на небо? Деян. I, 10. 11.*

А мне удивительным кажется то, что вы, светоносные мужи, вопрошаете сих мужей Галилейских, для чего смотрят они на небо. Как им не смотреть на небо, куда вознесся Иисус, куда перенесено их сокровище, куда взята их надежда и радость, где жизнь их сокрылась? Если бы теперь смотрели они на землю: тогда надлежало бы спросить их, – и надлежит спросить всех последователей Иисуса Христа, которые пристрастным оком смотрят на землю: что смотрите на землю? Чего вам искать на ней после того, как единственное ваше, и ея, Сокровище, найденное в Вифлееме, разсыпанное по всей Иудеи и Самарии, прошедшее чрез руки разбойников в Гефсимании, в Иерусалиме, на Голгофе, скрытое под камнем в саду Иосифа Аримафейского, взято и отнесено в сокровищницу небесную? Вам сказано, и так должно быть, да *идеже есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Матф. VI, 21): и так, если сокровище ваше на небесах, там должно быть и сердце ваше; туда должны быть устремлены взоры ваши, помышления ваши, желания ваши.

Два мужа во одежди беле, которые тотчас, по вознесении Господнем, явились Апостолам, и вопрошали их, для чего смотрят они на небо, без сомнения, сами были небесные жители: потому не лзя думать, чтобы сие было им неприятно, и чтобы они куда нибудь инуды хотели обратить взоры мужей Галилейских. Нет! Они хотят только прекратить бездейственное изумление Апостолов: *что стоите зряще на небо?* Пробудив их от сего изумления, они вводят в размышление, и наставляют Апостолов, – и нас, с какими мыслями должно взирать на небо во след Господа Иисуса, Который туда вознесся. *Сей Иисус*, продолжают они, *вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо.*

Хотя многократно Господь наш, по воскресении Своем, являлся Апостолам, и становился невидим; и потому они могли некоторым образом привыкнуть к сим чудесным нечаяностям: но когда, разлучаясь с ними на горе Елеонской, не просто удалился Он, или сделался невидим, а восходя видимо превыше облаков, только по причине безмерной высоты, престал быть видим ими; нет сомнения, что сей новый образ отшествия Его показался им, и после привычки к чудесному, необычайным, и особенно знаменательным. Им представилось тогда ясное исполнение слов Его, которые им пересказала Мария Магдалина: *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Иоан. XX, 17). Должно было заключить, что сии радостныя посещения Его, сии поучительныя собеседования с Ним, сии ощутительныя общения с Его Богочеловечеством, продолжавшияся сорок дней, прекращает настоящая минута. Когда руки и голос не могли уже достигнуть Возносящагося: Его преследовали взорами, желающими удержать Его. *Взирающе бяху на небо, идущу Ему.* Можно вообразить, какое безмерное лишение должны были ощутить Апостолы, по удалении на небо Иисуса, Который Един был для них все в мире. И сие-то безмерное лишение поспешают восполнить небесныя силы. *Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, приидет.*

Христианин! Если ты сколько нибудь познал Господа Иисуса, и *вкусил, яко благ Господь* (Псал. XXXIII, 9): то конечно более или менее примечаешь, какая без Него пустота в мире, чувствуешь, какая без Него пустота в сердце. Так и должно быть: потому что все,

что есть в мире, *суета суетствий*; а суета не может наполнить сердца, сотворенного Истиною для истины: *все, еже в мире, есть похоть*, или предмет, приманка похоти в разных видах; и как *мир преходит и похоть его* (1 Иоан. II, 16. 17), или иначе сказать, предметы, возбуждающие похоть, вскоре исчезают, то сколь ни велик мир, сколь ни разнообразны блага его, сколь ни обильны потоки удовольствий его, все сие не может наполнить малаго сосуда сердца человеческого, которое, будучи бессмертно, только вечною жизнью наполнено быть может. Если, при таком ощущении пустоты в тварях, тебе кажется, что Господь, Который есть твоя истина, твоя жизнь, твое желание и полнота всех желаний, удаляется от тебя, скрывается, оставляет тебя не только без утешения, но и в скорби, не только одиноким, но и среди врагов твоего спасения; если утомленный взор твой не проникает небес, закрытых облаком, и недомыслимая судьбы Всевышнего представляют тебе одну неизвестность: прими от небесных Сил исполненное силы слово, которое может наполнить твою пустоту, облегчить скорбь, прекратить одиночество, прояснить мрак, разрешить неизвестность, оживить дух твой надеждою необманчивою и нетленною. *Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, – придет.*

К утешительному и спасительному свидетельству о будущем пришествии Вознесшагося Господа, небесные вестники Его присовокупляют некоторое изъяснение того, каким образом последует сие пришествие. Они сказывают, что пришествие Господа подобно будет отшествию Его, или вознесению. *Такожде придет, имже образом видесте Его идуща на небо.* Небесные проповедники верно не празднословят, как иногда мы земные; но и малым словом подают великое наставление внимательным. Будем внимательны!

Такожде придет, имже образом видесте Его идуща на небо. По сему указанию, обращаясь к обстоятельствам отшествия Иисуса Христа на небо, во-первых, можем заметить благословение, в то время Им преподанное Апостолам. *Бысть, повествует Евангелист Лука, егда благословляше их, отступи от них, и возношашеся на небо* (Лук. XXIV, 51). Сие обстоятельство восшествия Своего на небо, и разлучения с избранными Своими, Господь Сам приведет им на память, *егда придет во славе Своей, и вновь сретясь с ними, будет призывать их к действительному обладанию царствием Его: ибо тогда речет Царь суцим одесную Его: приидите благословеннии Отца Моего* (Матф. XXV, 34).

Какой безконечный ток благословения Христова открывается пред нами, Христиане! Он начинает благословение, и, не окончив оного, возносится. *Бысть, егда благословляше их, – возношашеся.* Таким образом и вознесшись, Он еще продолжает невидимо преподавать благословение. Оно течет и нисходит непрестанно на Апостолов; чрез них преливается на тех, которых они благословляют во имя Иисуса Христа; получившие Христово благословение чрез Апостолов распространяют оное на других; таким образом все принадлежащие ко Святой, Соборной, Апостольской Церкви, делаются причастными единого благословения Иисуса Христа и Отца Его, *благословляющего нас всяцем благословением духовным в небесных о Христе* (Ефес. I, 3); как роса *Аермонская, сходящая на горы Сионския* (Псал. CXXXII, 3), сходит сие благословение мира на всякую душу, восходящую выше страстей и похотей, выше сует и попечений мира; как неизгладимая печать, знаменует тех, кои Христовы суть, так что в кончину века по сему знамению вызовет Он их из среды всего рода человеческого: *приидите благословеннии!*

Помыслим, братия, как нужно нам попещись ныне, чтобы приобрести и сохранить благословение Вознесшагося Господа, нисходящее и на нас чрез Апостолов и Церковь Апостольскую. Если мы получили и сохраним оное: то и мы со Апостолами и со всеми Святыми в будущее пришествие Иисуса Христа призваны будем к участию во царствии Его: *приидите благословеннии!* А если тогда, как Он призывать будет *благословенных*

Отца Своего, или не обрящется на нас благословения, или мы будем иметь только ложное благословение людей, которые сами не наследовали благодатно и таинственно благословения Отца небесного: то что будет с нами? Ей, глаголю вам, помыслим и попечемся о сем благовременно!

Другое обстоятельство вознесения Господня, примечаемое в соображении с ожидаемым пришествием Господним, есть то, что Господь вознесся пред очами учеников Своих явно и торжественно. *Зрящим им взятся, и облак подъят Его от очю их*. Что за облак? – Облак света и славы, какой осенял и наполнял некогда скинию Моисееву и храм Соломонов. Там видели славу, но не видели Господа славы; после и Его видели, но не в славе, и потому не узнали Его, и не прославили: здесь и слава не скрывает Славимаго, и Славимый не скрывает славы. Апостолы зрели славу Вознесшагося Господа: Пророк также и слышал ее, когда и сам торжественно воскликнул: *взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубне* (Псал. XLVI, 6). И так, когда светоносные проповедники возвестили нам, что Он так же придет, как видели Его идущим на небо: чрез сие они дали нам разуметь, что Он придет явно и торжественно. Так точно предрек и Господь о Себе, что *придет Сын человеческий во славе Своей, и вси святии Ангели с Ним* (Матф. XXV, 31). Так и Апостол изъясняет, что *Господь в повелении, или по предвозвещении, во гласе Архангелов, и в трубе Божии снидет с небесе* (1 Сол. IV, 16).

Но для чего, подумает иной, замечаются сии подробности, по-видимому, более возбуждающие любопытство, нежели подающие наставление: ибо предсказывают для того, чтобы можно было узнать, и принять с верою, посылаемое от Бога событие; а славного пришествия Христова кто не узнает, хотя бы и не был предварен о его подробностях? – Не спеши, возлюбленный, заключать о излишестве сих подробностей. Нет! Апостолы, Ангелы, Сам Господь не говорят ничего для любопытства, но все для наставления. Что пришествие Христово будет явное и торжественное, – сие предсказано для того, что будут провозвестники противного сему, когда на недостойных, неверных и развращенных Христиан послан будет дух оболъщения. *Грядет час, или время искушения* (может быть *и ныне есть*) когда скажут: *се zde Христос, или онде! Се в пустыни есть! Се в сокровищах* (Матф. XXIV, 23. 26)! Вот Он у нас, говорят отщепенцы, которые, оставя град Божий, духовный Иерусалим, Апостольскую Церковь, убегают не в истинную пустыню мира и тишины, но в запустение духовное и чувственное, где нет ни здравого учения, ни святости таинств, ни добрых правил жизни частной и общественной. Вот Он у нас, говорят скрытно еретичествующие, указуя на свои тайные сборища, как будто солнцу должно светить только под землею; как будто не Он сказал и повелел: *еже глаголю вам во тьме, рцыте во свете; и еже во уши слышите, проповедите на кровех* (Матф. X, 27).

Слыша таковые вопли или шептания, вспомните, Христиане, Ангельский глас и проповедь о Вознесшемся Господе: *такожде придет, имже образом видесте Его идуща на небо*, так же явно, также торжественно. И потому, *аще кто речет вам: се zde Христос, или онде: не имите веры*. Ни грубые вопли, ни хитрые шептания, не походят на провозвещение Архангела и на трубу Божию. *Не исходите* в след зовущих вас из града Господня; оставайтесь на месте своем, и берегите веру вашу для истинного пришествия Христова, славного и торжественного.

Третье обстоятельство Вознесения Господня, примечательное для будущего, есть то, что оно было для учеников Его нечаянно и непредвиденно. Сие произошло, сколько можно узнать из кратких повествований Евангельских, таким образом, что Он, являсь им в Иерусалиме, как бывало многократно, и отходя, вел их за Собою, как сопровождающих, беседуя с ними, как обыкновенно, о царствии Божием, и наипаче о приближающемся сошествии Святаго Духа; *извед же их вон из Иерусалима до Вифании, и воздвиг руце Свои,*

и благослови их; и бысть егда благословляше их, отступи от них, и возношашеся на небо. Не только по собственному изволению не предварил Он их о сем великом событии; но даже на вопрос их о временах великих событий царствия Его, решительно им отказал в сем познании. *Рече же к ним: несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во Своей власти* (Деян. I, 7). Сей отказ в разумении времен, очевидно, простирается и на времена будущего пришествия Христова, и преимущественно к сему относится. Еще и прежде Он внушал ученикам Своим внезапность сего события, уподобляя оное молнии, которая есть разительнейший в природе образ совершенной внезапности. *Якоже молния исходит от восток, и является до запад, тако будет пришествие Сына человеческого* (Матф. XXIV, 27). Подобно сему и Апостол изъясняет: *приидет день Господень, яко тать в нощи* (1 Сол. V, 2).

Из сей внезапности будущего Своего пришествия Господь Сам извлекает для нас, Христиане, спасительное предостережение. *Бдите убо, глаголет, яко не весте, в кий час Господь приидет* (Матф. XXIV, 42). Не увлекайтесь любопытством, или легковерием, когда Христиане, думающие знать более, нежели сколько дано от Христа, будут исчислять вам времена царствия Его, и определять лета чаемого явления Его: *несть ваше разумети времена и лета*; старайтесь лучше познавать грехи свои, исчислять падения, и находить им пределы в покаянии. Наипаче же берегитесь, если услышите, что скажут предсказанные Апостолом ругатели: *где есть обетование пришествия Его? Отнеле же бо отцы успоша, вся тако пребывают от начала создания* (2 Петр. III, 4). Берегитесь, чтобы мрачные грезы сынов века сего, смежающих очи от света грядущаго века, не омрачили вашего сердца, не ослепили ума, не усыпили духа к тому возжеленному и страшному часу, когда *приидет день Господень, яко тать в нощи*.

Возлюбленнии! сих чающе, потщитесь нескверни и непорочни Тому обрестися в мире (2 Петр. III, 14). Аминь.

LXIX.

40. РЕЧЬ

при открытии дома трудолюбия в Москве.

(Говорена августа 10 дня;

напечатана в собраниях 1844 и 1848 гг.).

<1824>

Блудите, да не презрите единого от малых сих:

глаголю бо вам: яко Ангели их на небесех выну

видят лице Отца Моего небеснаго. Прииде бо

Сын человеческий взыскати, и спасти погибшаго. Матф. XVIII, 10. 11.

Предприемлющие ныне призрение малых сих, знают, кто сей Великий Сын Человеческий, который так заботится о малых детях человеческих, что не просто запрещает презирать

их, но велит беречься сего презрения, как беды, или преступления, и следственно заповедует пещись о них с любовью и уважением.

Как же скоро вы знаете, кто дает сию малую заповедь пещись о малых: сего уже довольно, чтобы она соделалась для вас великою и любезною. Если приятно услышать и исполнить благодетельствованному слово благодетеля, помилованному слово помилователя, избавленному от гибели слово спасителя: то как должно быть приятно услышать и исполнить Христианину слово Христово? Благочестивые предки наши знали силу и увлекающую сладость сего чувствования. От слова: *подай Христа ради*, отверзались железныя двери сокровищниц. От слова: *прости Христа ради*, сокрушались оковы, и мечь упал из руки правосудия. Уповаю, что и предприемлющим сие призрение бедных детей, дело сие приятно, как исполнение заповеди Того, Который, будучи *Бог Благословенный во веки*, нас ради соделался не только сыном человеческим, но беднейшим на земли младенцем.

Но не оставим без особеннаго внимания тех побуждений к призрению малых, которыя Он предлагает.

Первое побуждение не презирать малых: *яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца небеснаго*.

Смотря на детей очами плоти, мы усматриваем в них немощь, несовершенство, часто даже неблагообразие и нечистоту. От того люди, склонные к неге, мало иногда пекутся даже о тех детях, с которыми связаны узами природы. От того лучшее в отношении к малым сим естественное чувствование, может быть, есть жалость о их беспомощности, а не уважение к сему малому и слабому существу: но сего-то уважения требует Господь. *Блюдайте, да не презрите*. Что же делает Он, дабы вдохнуть сие Благодатное чувствование человеколюбия? – Отъемлет завесу плоти; отверзает пред нами духовный мир, и, на месте младенца и няни, показывает нам душу и Ангела ея. Теперь осмелимся ли пренебрегать? И что еще сказывает он? – *Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего небеснаго*. Почему говорит Он о их только Ангелах? А мы возрастные разве не имеем также Ангелов? Разве наши Ангелы не *выну видят лице Отца небеснаго*? *Не вси ли суть служебнии дуси, в служение посылаеми, за хотящих наследовати спасение*? Ах! трудно говорить о наших Ангелах так, как об Ангелах младенцев. Кто знает, не уклоняются ли уже от нас Духи света, будучи отражаемы темными делами и помышлениями нашими? Может быть и тогда, когда они приближаются к нам для некоего служения, принуждены ограждать себя облаком от нашей нравственной нечистоты, несносной для них и не могущей сносить прикосновения чистаго света их. Но Ангелы Хранители младенческаго сердца, еще не омраченнаго страстию, не растленнаго пороком, без препятствия обращаются между малыми сими и Отцем небесным, и приемлемым от Него светом ограждают их от мрачных сил, и своим сообщением с ними дают им то, что в детях и незнающие Ангелов признают Ангельским. Итак благо человекам, которые Христианским попечением о малых сих входят в участие небеснаго Ангельскаго служения, охраняя их и руководствуя со стороны видимаго мира, подобно как Ангелы охраняют их и руководствуют со стороны мира невидимаго. Сие значит дружитья с их и своими Ангелами небесным содружеством.

Другое побуждение не презирать малых: *прииде бо Сын человеческий взыскати и спасти погибшаго*.

Помышление о цели пришествия Сына Божия на землю есть самый обильный, самый чистый источник благотворительных расположений во всяком роде. Если Сын

человеческий *прииде взыскати и спасти погибшее*, то, что уже погибло: то можно ли последователям Его, то, что Им так чудесно спасено, по нерадению вновь предавать опасности погибнуть? Если Он с небес пришел на землю искать погибшаго: простительно ли было бы нам не перейти от одного состояния человеческого к другому состоянию, дабы приблизиться к тому, что имеет нужду в помощи или сохранении? Если Он оставил Божественное блаженство, чтобы доставить спасение бедному человечеству: велико ли, когда мы уделим часть дарованных от Него временных благ на призрение малых сих, которые равно с нами суть наследники вечного блаженства? И как великое дело, сим малым средством, совершиться может! Спасенные Великим Спасителем становятся орудиями спасения, и, так сказать, малыми спасителями для малых сих, и, если не дерзновенно сие сказать, некоторым образом благодетелями своего Спасителя: ибо Он сказал: *понеже сотвористе единому сих меньших, Мне сотвористе*. Если вы призрением и попечением спасли жизнь, здравие, благоденствие, чистоту сердца, одному из малых сих: вы сделали благодеяние Мне. *Мне сотвористе*.

Да благословит Господь открывающееся здесь ныне учреждение к призрению и воспитанию малых сих. Да даст благодать всем участвующим в деле сего призрения и воспитания, чтобы они творили дело сие в Духе Христовом. Да даст благодать призираемым, чтобы они познали Отца небеснаго, Который дал им земных родителей, и теперь дарует еще других, в замен первых, и чтобы, возрастая по внешнему человеку, сохранили младенческую чистоту и простоту сердца, любезную человекам и Ангелам, и которой Царь и Судия небесный присудит право на Царствие Небесное.

LXX.

41. РЕЧЬ

к Преосвященному Епископу Дмитровскому

Кириллу, по рукоположении его.

(Говорена в Успенском Соборе,

октября 26 дня; напечатана в собраниях 1844 и 1848 гг.).

<1824>

Многое и великое совершилось ныне над тобою: и от тебя востребовалось многое и великое. Ты принял великий дар: и дал великие обеты. В преподанном тебе даре заключает^{ся} для тебя залог многих благ: а данные тобою обеты призывают тебя ко многим подвигам. Приветствую тебя, ущедренного великим даром Божиим: страшусь вместе с тобою, испытую бремя общих нам обетов.

С какими же помышлениями, с какими чувствованиями отпущу тебя отсюда, после совершившагося над Тобою тайнодействия? С помышлениями страха? Но церковь, призвавшая тебя в служение мира для нея, не имела намерения взять от тебя твой собственный мир; и притом возмущение духа страхом трудностей и опасностей не уменьшает трудностей, не отвращает опасностей, если не приближает и не увеличивает оных. С чувствованиями радости? Боюсь на земли радости, которая думает, что ей нечего бояться. Умер страх верою во благодать, тебя посетившую, и надеждою на Того, Который избрал и принял тебя: умерь радость, недоверием к самому себе, и ненадеянием на

собственные силы, и между страхом и радостью, как между двумя оградами от уныния и дерзости, узким, но безопасным путем, *иди в мире!*

Дабы вернее утвердиться на пути служения, на который ты ныне поставлен, обрати взоры твои туда, где путь сей начинается. Начинается он, сколько я могу видеть, от Иерусалима, и в нем от некоего дома, *идеже, сущу позде, во едину от суббот, и дверем затворенным, бяху собрани ученицы* (Иоан. XX, 19) Пастыреначальника нашего. Виждь Его тамо, ставшаго посреде их, оглашающего их миром, дающего им осязать Его воскресшее тело, исполняющего их страхом и радостью, дышущаго на них Духом Святым, и таким образом, убитых смертью Его воскрешающего и возраждающего в причастие воскресшей Его жизни, и тотчас указующаго им путь, который они в сей силе Духа протекать должны. *Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы* (21). Виждь потом сих посланников, протекающих вселенную, сеющих слово истины и спасения, раздающих сокровище благодати Святаго Духа, и, по достижении предела своего земного поприща, тоже посланничество предающих Богоносным Отцам нашим. Виждь Богоносных Отцев, простирающих Апостольское предание из рода в род, из века в век, непрерывно и неизменно, так что и до тебя ныне дошедший жребий есть тот же, который вышел из рук Апостольских; и тебе предлежащий ныне путь есть продолжение того же пути, который проложили первые посланники Христовы. Какая дивная цепь посланничества! *Якоже посла Отец Небесный Сына Своего Единороднаго; и Единородный Сын Божий послал Апостолов; и Апостолы, или паче Дух Святыи чрез Апостолов, послал Богоносных Отцев наших, а сии паки других, преемствовавших им; и таким образом наконец и мы, аще и бранные или скудельные, присоединены к златой чистой, и Божественной цепи посланников Господних. Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы.*

Мысль о Божественном посланничестве Господа нашего Иисуса Христа, как первоначальном образе восприемлемаго ныне тобою служения, да будет тебе всегдашним напутствием в прохождении онаго. *Отец посла Сына Спасителя миру:* подвизайся, последуя Единому Верховному Спасителю, быть орудием спасения душ человеческих. *Сын человеческий не прииде, да послужат Ему, но послужити, и дати душу свою избавление за многих* (Матф. XX, 28): по сему совершеннейшему примеру, тщися и ты, как можно более служить ради любви, а ради смирения, как можно менее допускать, да послужат тебе; восприими дух пастыря доброго, душу свою полагающего за овцы. *Аз, говорит Господь Пилату, на сие родихся, и на сие приидох, да свидетельствую истину* (Иоан. XVIII, 37): дерзай и ты за Ним на сие идти, да свидетельствуешь истину, не страшись врагов ея, и не смущаясь видом сильных земли: *глаголи о свидениях Его пред цари, и не стыдися* (Псал. СХVIII, 46). По образу кротости Его, берегись, чтобы *и трости сокрушенны не преломить, и льна курящаяся не угасить* (Матф. XII, 20): а если обрящешь продающих и купующих в Церкви, тебе вверенной; помяни снедавшую Его ревность Дома Божия. Если бы затруднения и даже опасности тебя встретили: вспомни, что и пред Ним была чаша, которая еще прежде крестнаго страдания испивала кровь Его; и однако ни крайняя опасность не была Ему смертоносна, ни даже самым делом совершившаяся смерть не была Ему опасна; притом помысли, что Прошедший сквозь всякую опасность и самую смерть в жизнь воскресения и ныне посреде нас; что Его дуновение, подающее Духа Святаго, и сюда простирается от Иерусалима; что слово: *Аз посылаю вы*, не умолкло до ныне, а сие слово есть творческое, следственно, когда мы *по Христе посольствуем* (2 Кор. V, 20), должно несомненно веровать и уповать, что Посылающий нас в тоже время творит нам силу, и приготовляет истинную, духовную безопасность: *Жезл силы послет тебе Господь* (Псал. СІХ, 2).

Таковыми размышлениями укрепляясь, благодумствуй, возлюбленный о Господе брат, вступая на поприще тебе открытое; и помощью твоею облегчай мне часть бремени,

столько же и мне, как тебе, страшного, но вместе, ради Возложившаго и ради тех, которых тяготы носить нам должно, возлюбленного бремени.

Се вручаю тебе и жезл, как знамение силы, посылаемой тебе от Господа, частью как знамение пастырского попечения о словесном стаде, от тебя ожидаемого.

Возмогай о Господе, и нестесненным сердцем, возноси к горнему Престолу Его молитвы о святой Церкви Его, и о Благочестивейшем Помазаннике Его, и о послуживших настоящему твоему освящению.

LXXI.

42. СЛОВО

на Рождество Христово.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.).

<1824>

*Сие же все бысть, да сбудется реченное от
Господа
пророком глаголющим: се Дева во чреве
приимет, и
родит сына, и нарекут имя Ему Еммануил:
еже есть
сказано, с нами Бог. Матф. I, 22. 23.*

Неоднократно замечает Святый Евангелист Матфей, что все обстоятельства и происшествия, которыми ознаменовалось рождение на земли воплощенного Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, были не просто стекшиеся обстоятельства и происшествия, но точные события пророческих предсказаний. Замечание, важное не для одних Иудеев, которые и на то, что можно рассмотреть простыми глазами, не иначе хотели смотреть, как сквозь зрительное стекло Пророков, но и для всякого, кто желает в перепутанных случайностями путях человеческих открывать следы Провидения, и в происшествиях мира усматривать дела Божии. Не очевидно ли Божие дело, когда предсказанное за несколько столетий точно сбывается, и особенно, когда сбывается то, что по обыкновенным понятиям и соображениям представлялось несбыточным?

Как будто на предстоящую пред очами, указывает Исаия на преблагословенную Деву Марию: *се дева*, тогда как не только сие дева, но и ея родители и прародители не произошли еще на свет. *Се дева*, говорит Он, *во чреве приимет, и родит сына*. Что глаголеши, Пророче? Может ли дева приять во чреве? Может ли родившая быть девою? Если сие и сбыточно: как сбудется сие у народа, которому ты предсказываешь сие событие? Если даже и сбудется: как может быть сие *знамением*, очевидным, удостоверительным, какое ты предвещаешь: *даст Господь Сам вам знамение* (Иса. VII, 14)? Если? ты подлинно видишь сию дочь Давидову, на которую указываешь: *се дева*; если видишь ее в отдаленном от родины Давидовой, и в презренном *Назарете*, в сиротстве, в убожестве, без всяких знамений царской ея породы, обрученную древоделю: скажи, как *даст Господь сие знамение*, чтобы она явилась девою рода Давидова, раждающею в доме и отечестве Давидовом, именно, по назначению другого пророка, в *Вифлееме*?

Смотрите же, как подлинно *Господь Сам* отвечает за верность слова пророческого. *Дух Святый найде* на Марию, и *сила Вышняго осени* ее (Лук. I, 35): и она прияла во чреве, пребывая девою, и соделавшись матерью Сына, тем не менее осталась девою. Чтобы незнающие тайны сего зачатия не могли оскорбить зачавшую, она обручена мужу прежде сего зачатия: а дабы всякому здравомыслящему явно было сие знамение Господне, что дева зачала без мужа, зачатие последовало за обручением *прежде даже не снитися има* (Матф. I, 18), прежде нежели Иосиф *приял жену свою* (24) в дом свой. Иосифу, чтобы он не остался в недоумении, открыть сию тайну, и указать сие знамение, послан был Ангел: а для прочих, которые не могли видеть и слышать Ангелов, не менее Ангела верным свидетелем знамения и вестником тайны, был самый Иосиф, всем известный, как *праведный* (19), который потому не мог обманывать людей, и тем еще более не мог клеветать на Бога и на Святаго Духа. Но как сделать, чтобы знамение, уже открывшееся в языческом почти *Назарете*, дано было, по предречению Исаии, *дому Давидову* (Иса. VII, 13); чтобы дева, которая, по приятии во чреве от Духа Свята, и после трехмесячного пребывания в доме одной родственницы, до последнего времени чревоношения оставалась жить в *Назарете*, не помышляя ни о каком путешествии, ни о каком переселении, – чтобы Она родила Вождя Израилева, по пророчеству Михея, в *Вифлееме* (Мих. V, 2)? Подлинно здесь, как намекает опять Исаия, *труд дан Господеву* (Иса. VII, 13), то есть, надлежало произвести трудные, по человеческому понятию, и необъятные дела, чтобы предсказанное знамение совершилось. Дабы Марию, по совету Ангела, наконец принятую в дом Иосифов, привести из Назарета в Вифлеем, и достоверно и торжественно показать происхождение Сына ея от Давида, к сему избрана средством всенародная перепись, но как такая перепись в народе Божием не была в употреблении, даже запрещена была законом, то надобно было народ Божий предать власти другого народа. И так Бог поколебал почти все царства мира, и покорил их Риму; над Римом воздвиг Августа; Августу дал всемирный мир, чтобы полномочие и удобство подали ему мысль, и чтобы от него вышло *повеление, написати всю вселенную* (Лук. II, 1), пред тем временем, когда надлежало родиться Сыну девы; сия перепись сколько нечаянно, столько же необходимо повлекла Иосифа в отечественный ему город Вифлеем; Мария должна была следовать за Иосифом; земный род Еммануила открылся в то самое время, как пришло Его рождение; и, – что не многими днями ранее казалось еще несбыточным, – Он родился точно, по предсказанию пророческому, в Вифлееме.

Подлинно, все сделано, чтоб исполнилось предсказание, и чтобы сквозь малые и великие дела человеческие видно было единое великое знамение господствующаго над ними дела Божия. *Сие все бысть, да сбудется реченное от Господа пророком глаголющим: се Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, еже есть сказуемо: с нами Бог.*

При сем разсуждении о точном исполнении пророческих слов, относящихся к Рождеству Господа нашего Иисуса Христа, может кто-либо спросить: почему не столь, по видимому, точно исполнилось предсказание о Его имени? Поелику пророк Исаия преднарек Ему имя *Еммануила*: но вместо того Ангел повелел нареци Ему имя: *Иисус*.

На сие, во-первых, отвечаю, что если прочия предсказанные подробности о Сыне Девы, а в числе их и менее существенные, каковы, например, есть назначение места рождения Его, сбылись в точности: возможно ли, чтобы Творец Пророчества, Дух Святый, допустил оному быть неточным в том, что составляет сущность, дух и цель всех предсказанных подробностей, именно, что в Сыне Девы сближается *с нами Бог*, или иначе сказать, что мы *Им спасаемся!*

Во-вторых, признаю, что при сличении Пророчества о имени Еммануила с событием, усматривается нечто неточное, по наружности, в словах: но при сем не обинуясь утверждаю, что сия видимая неточность не только не есть недостаток или несовершенство в пророчестве, или в событии, но даже принадлежит к совершенству, и новым образом открывает Божественное происхождение того и другого. Приведите себе на мысль то, что Еммануил и предсказан, и пришел на землю по предсказаниям, для верующих; а где вера, там не все должно быть ясно видимо, но должно нечто предполагать сокровенное, поелику *вера*, по Апостолу, *есть обличение невидимых* (Евр. XI, 1), открытое же и полное видение не оставило бы места вере. Посему вы согласитесь, что Еммануил, в пришествии Своем на землю, долженствовал быть и столько видим, чтоб Его можно было узнать, и столько сокровен, чтобы в Него можно было веровать, и чтобы неверующие не могли проникнуть в тайны Его, и повредить делу Божию, которое совершить Ему надлежало. Посему, что Пророк открывал верующим в необыкновенном имени Еммануила, то же самое Ангел представил миру под покровом не столь необыкновенного для слуха Евреев имени Иисуса, которое имели уже прежде один Судия, и один Первосвященник, также не без таинства для верующих, и также утаенного от неверующих.

В-третьих, если, не останавливаясь на одном видимом, с помощью веры, или прозрения в невидимое, сличим назначенное в пророчестве имя *Еммануила*, и явившееся в событии имя *Иисуса*: то не трудно усмотреть в них не только точную, взаимную сообразность внутреннюю, но и единство. Что препятствует нам человекам, да будет *с нами Бог*? *Греси ваши* (Иса. LIX, 2), говорит Пророк, *разлучают между вами и между Богом*. И так разлучение от Бога, и состояние греховное, есть одно и то же. Следственно, приближение к Богу, и спасение от грехов, суть опять одно и то же. Следственно *Еммануил* – *с нами Бог*, и *Иисус* – *Спаситель от грехов*, также есть одно и то же. Следственно, и пророчество точно, и событие верно пророчеству. *Еммануил* есть *Спаситель*; *Иисус* есть *с нами Бог*.

Познаем, Христиане, глубокую мудрость сего пророчества, и восчувствуем высокое блаженство сего события!

С нами Бог во *Иисусе*, по самому воплощению: поелику в Нем естество *Божеское* и *наше* человеческое, не только сближены, но соединены нераздельно, впрочем и неслиянно, во единое лице Богочеловека; и потому Он *не стыдится* (Евр. II, 11), как говорит Апостол, *братию нарицати нас*.

С нами Бог во *Иисусе*, по искуплению: поелику без Иисуса с нами был грех, который мы и от Адама наследовали, и сами творить не преставали; а *всяк творяй грех, раб есть греха* (Иоан. VIII, 34); с нами был диавол, ибо *творяй грех* (1 Иоан. III, 8) *от диавола есть*; но Иисус, пришедши на землю, жизнью Своею исполнил закон Божий, который мы нарушали; страданием Своим загладил грех, который мы творили; смертью Своею умертвил смерть, на которую мы за грех осуждены были; сошествием Своим во ад освободил нас от темных власти диавола; воскресением Своим вновь приобрел нам *жизнь Божию* (Ефес. IV, 18), от которой мы грехом *отчуждены были*.

С нами Бог во *Иисусе*, по дару Святаго Духа: поелику Сын Божий, пришедший на землю для искупления нас, возвратился на небо, *да умолит Отца, и иного Утешителя даст нам, да будет с нами в век, Дух истины* (Иоан. XIV, 16).

С нами Бог чрез *Иисуса*, в нашем уме и познании: поелику *Бога никтоже нигдеже виде; Единородный Сын, сый в лоне Отчи, Той исповеда* (Иоан. I, 18).

С нами Бог чрез Иисуса, в нашем сердце и чувствии: поелику Христос вселяется верою в сердца наши (Ефес. III, 17), и с тем вместе любви Божия изливается в сердца наши Духом Святым, данным нам (Римл. V, 5).

С нами Бог чрез Иисуса, во всей нашей жизни и делах, если только мы совершенно предаем себя Ему: поелику тогда живем не ктому мы, но живет в нас Христос (Гал. II, 20); и Бог действует в нас еже хотети и еже деяти о благоволении (Филип. II, 13).

С нами Бог чрез Иисуса, если только желаем того, во всех состояниях и приключениях жизни нашей; так что даже, страждем ли, можем с Ним страдать, да и с Ним прославимся (Римл. VIII, 17); умираем ли, можем умирать Господеву (XIV, 8).

О имени Господа нашего Иисуса Христа, с нами Бог, Христиане, всегда и во всем; только мы да не престанем быть с Богом, чрез памятование о Нем, чрез молитву к Нему, чрез веру и любовь, чрез непрестанное упражнение в том, что угодно Богу, и что к Богу нас приближает. Аминь.

1825 год.

LXXII.

43. СЛОВО

в неделю Вайй.

(Говорено в Чудове Монастыре 22 Марта;

напечатано в Христианском Чтении

1837 года и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1825>

*Сие же все бысть, да сбудется реченное
Пророком,
глаголющим: рцыте дщери Сионове: се Царь
твой
грядет тебе кроток, и всед на осля и жребя,
сына
подъяремника. Матф. XXI, 4. 5.*

Как приятно видеть образ солнца в чистом потоке, где он, хотя не столь сильным, как в небесах, но за то более приступным для зрителя светом сияет: так приятно в чистых источниках Израилевых, то есть, в проистекших от Духа Божия глаголах пророческих, духовным оком, то есть, Богомыслящим умом, созерцать образ Солнца правды, Господа нашего Иисуса Христа, представленный хотя не в таком полном свете, как в Евангелии, впрочем в таких чертах, в которых внимательный созерцатель удобно может усматривать Его Божественныя свойства, чудесныя действия, глубокия и спасительныя таинства.

Сам святой Евангелист Матфей почел не излишним для Евангелия показать славу и таинство настоящего дня в изображении Пророка Захарии. Прочитаем точные слова Пророка, несколько сокращенные Евангелистом. *Радуйся зело, дщи Сиона, проповедаю дщи Иерусалима: се Царь твой грядет тебе праведен и спасающий, тот кроток, и всегда на подъяремника и жребца юна* (Зах. IX, 9). Два предмета можно здесь рассматривать: дивное событие пророчества, и новое пророчество события.

Если бы еще и не открыто было событие пророчества Захариина: по самому сему пророчеству можно примечать, что им обещается дивное событие. Кто бы мог ожидать, чтобы какой-нибудь царь, в царственный город, торжественным шествием вступил на юном жребяти, рожденном от подъяремной ослицы? И если бы кто явился в таком виде с именем царя: можно ли было думать, что его примут с искренним веселием и торжественными восклицаниями, а не с посмеянием или пренебрежением? Издревле цари победоносные шествовали на конях; мирные вельможи, по простоте древних обычаев, путешествовали, правда, на ослицах; но на осли, рожденное от *подъяремной*, то есть, от работной, носящей тяжести ослицы, и притом на осли юное, необученное, не отвыкшее от матери, царю возвестить, свойственно ли, вероятно ли было? Как же пришло на мысль Захарии предсказывать торжественное шествие и сретение Царя, *всегдашнего на подъяремника и жребца юна*? Как могло исполниться такое предсказание? И то и другое не могло быть иначе, как необыкновенным, от Бога устроенным образом. По сей необычайности предсказываемого действия, самые Иудеи признают издревле до ныне, что пророчество Захарии о кротком Царе относится к Мессии, или иначе ко Христу, хотя не узнают Его, бедные, в кротком Иисусе.

Но если в самом пророчестве Захарии уже можно усматривать необычайность события, им возвещаемого: то внимательное рассмотрение самого события еще более может открыть чудесного и прямо Божественного.

Когда какому царю надлежит торжественно вступить в царственный город: торжественность сия составляется посредством предварительных распоряжений и приготовлений. Но ничего такого не видим у Господа нашего, до самого дня, — почти до самого часа, царского вшествия Его в Иерусалим. Вчера Он вечерял в Вифании, где воскресил Лазаря; и при помазании ног Его миром, говорил о предварительных распоряжениях не к воцарению, а к погребению Своему. Было там не мало народа, но *не Иисуса ради токмо, но да и Лазаря видят* (Иоан. XII, 9). Сегодня поутру идет Он в Иерусалим, сопровождаемый учениками, также как и в другие дни. *Идущие предиди*, пишет святой Лука, *восходя во Иерусалим* (Лук. XIX, 28). Нет никаких приготовлений. Никто не думает о Его воцарении. *Сих же не разумеша ученицы Его прежде* (Иоан. XII, 16). Внезапно сие начинается, и вдруг совершается. *И бысть*. Не доходя до Вифсфагии, не далеко уже и от самого Иерусалима, дает Он неожиданное повеление: *и бысть, яко приблизися в Вифсфагию и Вифанию, к горе нарицаемой Елеон, посла два ученика своих, глаголя: идите в прямую весь: и в ньюже входяща обряцете жребя привязано, на неже никтоже николиже от человек вседе* (Лук. XIX, 29. 30), — по другому Евангелисту обстоятельнее: *осля привязано, и жребя с ним* (Матф. XXI, 2). Примечайте внимательно, как поистине Божественно действует Божественный Царь наш. Он видит пророчество; видит близкую минуту, когда ему надлежит исполниться: но еще нет орудий к исполнению оного. Он взирает не телесным оком Своим, но Своим всеведением: и потребное тотчас обретается. *Абие обряцете осли привязано и жребя с ним*. Чудесно, как найдено сие орудие, но и то не менее чудесно, как оно взято. *Отрешивши, приведите Ми*, глаголет Он двум ученикам. Господи! — могли бы сказать посылаемые, — как можно сие сделать, — отрешить чужое осли, неизвестным посланникам, и вести, куда не знает хозяин? Подлинно, сие могло затруднить Апостолов; подлинно, видимая несбыточность

повелеваемого могла сопровождаться непослушанием посылаемых, если в другом случае встреченное ими затруднение сопровождалось и бегством и отречением от Господа; и тогда бы дело разрушилось, и пророчество не исполнилось. Но и здесь Божественное ведение Царя нашего провидело готовность посылаемых, а Божественная власть Его над сердцами укрепила их против всякого сомнения. То же ведение провидело вопрос хозяина осляти: *почто отрешаета?* Та же власть над сердцами предварительно дала на сие, по видимому, ни мало не убедительный для незнакомаго, но на самом деле непреодолимым оказавшийся ответ: *Господь требует* (Лук. XIX, 31). И посланные взяли, и привели осля, не зная, чье; и хозяин осляти отдал его, не зная, кому и на что. Между тем народ мног, не царски созданный, но *пришедый в праздник* (Иоан. XII, 12) не по гласу провозвестника, но по славе воскресения Лазарева, исходит в сретение Иисусу; и, объятый внезапным восторгом, вместо приготовленных украшений, постилает ему ризы, вместо царских знамений и оружия, возьмет ветви древесныя; предшествует, последует, восклицает кроткому Царю, без всякой царской пышности несомому спокойно ослатем, которого никакая человеческая рука не приобучала до сей минуты ни к какому бремени. Как произошли все сии нечаянности? – Поистине, сие все бысть, да *сбудется реченное пророком*. Сбылось несбыточное, дабы ясно было видно, что действует Тот, у Которого *не изнеможет всяк глагол* (Лук. I, 37).

Видим дивное событие пророчества Захариина. Изошрим взор, и увидим в самом событии новое пророчество еще более дивнаго события.

В самом деле, что значит царский вход Господень в Иерусалим? Для чего столь дивное предсказание? Для чего такое множество чудес? Какое намерение столь необычайных распоряжений? Какое последствие сих Божественных действий? Какой плод столь величественнаго, но столь скоропреходящаго явления Царя Сионскаго? Как молния, открывается над Иерусалимом царствие небесное, и как молния, поглощается областью темною. Только еще собирается народ, чтобы идти в сретение Царю *праведному и спасающему*; неправда уже замышляет погибель и Ему, и прославившему Его Лазарю: *совещаши же Архиерее, да и Лазаря убьют* (Иоан. XII, 10). Еще отроки от полноты чистых сердец восклицают в церкви: *властители и мудрецы, Архиерее и книжницы уже негодуют* (Матф. XXI, 15), и от избытка злобы не могут скрыть своего негодования. Сегодня говорят дочери Сионой: *се Царь твой грядет тебе*: а чрез несколько дней таже дочь Сионова, то есть, народ Иерусалимский скажет: *не имамы царя* (Иоан. XIX, 15), и самый сей Царь отречется от видимаго призрака царства: *царство Мое*, скажет Он, *несть от мира сего* (Иоан. XVIII, 36). Сегодня: *осанна сыну Давидову* (Матф. XXI, 9), а вскоре после сего: *распи Его* (Иоан. XIX, 15)! На что же сие блистательное, но исчезающее зрелище! Ты сказал уже, возраят мне, что *сие все бысть, да сбудется реченное пророком*. Я сказал, что сие так дивно предсказано для того, чтобы можно было узнать в предсказании слово Божие; и так дивно исполнилось, чтобы можно было узнать в событии дело Божие. Но почто и слово Божие предваряло, и дело Божие последовало? Когда Бог, Который *рече, – и быша* (Псал. XXXII, 9), и *се вся добра зело* (Быт. I, 31), посылает слово Свое, да сбудется потом и самое дело Его: надобно, чтобы от сего произошло некое существенное и твердое благо, а не один мгновенный призрак. Иначе, почто предприимается дело Божие? Почто исходит слово Божие, и почто нисходит оно даже до таких ничтожных, по видимому, подробностей, как возраст осляти? Но, может быть, изысканныя сии вопрошения начинают уже казаться дерзновенными, а еще не обретают искомаго. По крайней мере, не примечаете ли, что в славе настоящего дня должна быть сокрыта некая тайна, хотя мы не дошли еще до ея открытия? Не имеете ли уже загадки, хотя еще не угадываете ея разрешения? Дойдя до сего, чтобы не выйти из пределов вашего вероятия, умолкаю. Пусть говорит вместо меня, и разрешит вам загадку, и откроет вам тайну, святой Златоуст.

Зде, говорит он, изъясняя таинство входа Господня в Иерусалим, Церковь чрез жребя изъясняется, и новые люди, прежде убо нечистиши, егда же вседе Иисус, чисти соделавшиися. И зри всюду подобие соблюдаемо. Ученицы бо отрешают ослята: от Апостол бо и онии (то есть, Иудеи), и мы (то есть, Христиане из язычества), призвахомся. От Апостол приведохомся, понеже и наше благоискуство оных к ревности подвиже. Сего ради является осли, последуя жребяти. Егда бо всядет Христос на языки, тогда приидут и Иудее ревнующе им. И сие являя Павел глаголаше: яко ослепление отчасти Израилеви бысть, дондеже исполнение языков внидет, и тако весь Израиль спасется. Яко бо пророчество бе, явственнo есть от реченных. Не бо было бы тщание пророку, с толиким опасством осляти возраст реци, аще бы не сие было. Не сия же токмо изъясняются реченными, но яко и со удобством их приведут Апостоли. Якоже бо zde никтоже сопротив рече хотящим взяти: тако и о языцех никто же возможе возбранити емлющим их Апостолом прежде. Не вседает же на нагаго жребца, но на ризы Апостольския. Понеже бо жребя от инех прияша, то и своя уже вся отдают, якоже Павел глаголаше: аз же в сладость иждиву и иждивен буду по душам ваших. Смотри же послушность жребца, како не обучен сый, и узды не искусен, не возскака, но благочинне идяше. И сие пророчество будущегого есть, покорность язык являющее и незапное их к благочинию преложение. Ибо вся содела слово глаголюще: отрешившиа приведита Ми: да безчинная благочинна, и нечистая уже чиста будут (На Матф. бесед. 66).

До zde святой Златоуст. Повторим учение сего таинства Христова так, чтобы, если можно, сделать оное более внятнм. Вход Господень в Иерусалим не есть простое изъяснение настоящего, но паче пророчество и предзнаменование будущего воцарения Его. Царство Его не есть сей Иерусалим, который вскоре разрушат, или земля Иудейская, которую вскоре поработят и опустошат, но Церковь, которой и *врата адова не одолеют* (Матф. XVI, 18). Осли и жребя, на котором Он восседает для царскаго Своего шествия, означают два рода людей, над которыми Он пришел духовно царствовать, – Иудеев и язычников. Осли подъяремное есть образ Иудеев, долго носивших на выях своих иго закона, *игу, его же* – признается лучший из них – *ни отцы наши, ни мы возмогохом понести* (Деян. XV, 10), и которое потому нужно было переменить на иго Христа благое, и бремя Его легкое. Жребя необученное знаменует язычников, неукротенных учением, незнающих закона. Апостолы безпрепятственно берут осли и жребя: то есть, Апостолы, не смотря на препятствия, покарят царствию Христову Иудеев и язычников. Господь восседает на жребя; осли за ним последует: то есть, сперва покарятся царствию Христову большею частию язычники, а когда предопределенные из язычников войдут в полноту Церкви, тогда и отставшие Иудеи обратятся и постигнут их. Необученное жребя благочинно несет на себе Царя: то есть, невежественные и своевольные прежде язычники вскоре образуются учением и заповедями Христовыми. Ризы постилают Царю: то есть, совершенные последователи Христовы все свое отдают Ему. Дети приемлют и славословят Царя: то есть, сердца, детские по простоте и искренности, приемлют Христа верою, прославляют Его любовию.

Христиане, сынове царствия Христова! Если видим славу, или проникаем тайну настоящего торжества: не попустим, чтобы оно прошло мимо нас, как постороннее для нас зрелище; ибо в сем случае мы остались бы посторонними и чуждыми для царствия Христова. Посылает ли кого из нас Господь на какое служение? Будем без испытания послушны, как Апостолы. Требует ли от нас чего? Предадим Ему все безпрекословно, как неизвестный, при имени Господа, отдал свою собственность, предадим добровольно, хотя бы то было с лишением потребнаго для нас, как то сделали постилавшие ризы свои. Ходил ли кто до ныне в воле сердца своего? Преклонись отныне под иго Христово. Думает ли кто, что образовал себя исполнением нравственного закона? Последуй за Христом, *аще хоцещи совершен быти* (Матф. XIX, 21). Все воззовем детским, искренним

сердцем: *осанна сыну Давидову! Хотим сему, да царствует над нами* (Лук. XIII, 14) во веки. Аминь.

LXXIII.

44. СЛОВО

в день Святыя Пасхи.

(Говорено в Успенском Соборе 29 марта;

напечатано в Христианском Чтении

1842 года и в собраниях 1844 и 1848 годов).

<1825>

Христос воскрес!

Тогда отверзе им ум. Лук. XXIV, 45.

Сколько храмин отперто, сколько дверей отворено ныне одним *ключем Давидовым*, и одним его движением!

В доме укрепляют и запирают двери, чтобы не допустить татя, или чтобы удержать буйнаго домочадца. Так и в доме Божиим. Когда возделыватель и страж рая Божия похитил плод с древа познания: тогда он изгнан, рай от него заперт, и у входа поставлен сильнейший его страж с пламенным оружием. А поелику, сверх того, преступника надлежало наказать, притом и после его изгнания продолжал господствовать в роде его дух преступнический и мятежный: то как он, так и его потомки, один по другому, чрез дверь смерти, препровождаемы были в темницу, где заключались не на дни, но на веки. Отсюда само-собою видно и то, как загражден и заключен был от недостойнаго домочадца самый дом Господень, то есть, небо, к которому надлежало итти чрез сад Едемский

Наконец Единородный Сын Домовладыки небеснаго, по Его милосердию и по Своему человеколюбию, приходит освободить заключенных, и возвратить изгнанных. *Ключ Давидов*, отпирающий все двери, есть Богочеловечество И. Христа, Которым как Божество проникает во все состояния человечества, так и человечество входит во внутренняя Божества. Всеотверзающее движение сего ключа есть воскресение Христово. Им отверзается темница, и отдает заключенных; отверзается рай, и приемлет изгнанных; отверзается небо, и ожидает избранных. Что сказал я теперь во уши ваши, то говорит церковь и глазам вашим, представляя вам здесь, во все продолжение настоящего праздника, отверзтыя двери к престолу Божественных таинств.

Приметим и еще дверь, которую тот-же ключ Давидов, и в то же время, отверзает, дверь, может быть, не большую, но которая ведет в великую сокровищницу Божию. *Тогда отверзе им ум*, пишет святой Евангелист. Тогда отверз Господь ум Апостолам. Когда? Тогда, как воскрес, явился им, показал им раны Свои, яде пред ними, когда совершенно утвердил веру их во Свое воскресение. *Тогда отверзе им ум, разумети писания; и рече им: яко тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути от мертвых в третий день, и проповедатися во имя Его покаянию и отпущению грехов во всех языцех,*

начение от Иерусалима. Да отвержется ум каждого слышащего сие, дабы принять открывающуюся важную истину, что воскресение Христово, и вера в сие воскресение, отверзает заключенный ум человеческий к истинному разумению высоких и спасительных предметов знания.

В самом деле, как давно уже *начат Иисус проповедати и глаголати: покайтесь, приблизися бо царство небесное* (Матф. IV, 17)! И ранее всех прочих начали слушать сию проповедь Апостолы. Как давно и сами они посланы с такою же проповедию: *ходяще, проповедуйте глаголюще: яко приблизися царствие Божие* (Матф. X, 7)! Итак они долго и слушали проповедь о покаянии и о царствии Божием, и сами о сем проповедывали: но еще ум их был заключен? Почти не вероятно, и однако, по слову Господню, справедливо. Не прежде, как по воскресении Своем, – *тогда отверзе им ум, разумети писания, и уже как разумевающим, рече им: яко тако подобаше проповедатися во имя Его покаянию и отпущению грехов*. До сего времени они знали покаяние, как подвиг: теперь глубже познают *покаяние во имя Иисуса*, как дух и силу подвига. Они знали покаяние более, как нужду и должность: теперь совершеннее познают его плод и награду, *отпущение грехов*. Они могли проповедывать *приближение* царствия небесного: теперь могут свидетельствовать о действительном его явлении пред ними и в них самих.

Как рано также, как многократно и как подробно предсказал Господь Апостолам и страдание Свое и воскресение! Иногда облакал Он сие предсказание притчею, как на пример, когда сказал Иудеям: *разорите церковь сию, и тремя денми воздвигну ю* (Иоан. II, 19). Они при сих словах думали о храме: *Он же глаголаше о церкви тела Своего* (21). Впрочем и притча о сем была у него иногда почти столько же понятна, как простое слово, как на пример: *якоже бе Иона во чреве китове три дни и три нощи: тако будет и Сын человеческий в сердцы земли три дни и три нощи* (Матф. XII, 40). Но сего не довольно. Так говорил Он при Апостолах посторонним, а самим Апостолам неоднократно говорил о сем без притчи, ясно, точно, подробно, на пример: *се восходим во Иерусалим, и скончаются вся писанная Пророки о Сыне человеческе; предадут бо Его языком, и поругаются Ему, и укоряют Его, и оплюют Его, и бившие убьют Его, и в третий день воскреснет* (Лук. XVIII, 31–34). Можно ли говорить яснее? Можно ли, кажется, не понять сего? И не ужели, скажете вероятно, не ужели сего не поняли? Святой Евангелист предвидел сие сомнение; и потому с особенным напряжением слова удостоверяет, что подлинно не поняли. *И тиши*, говорит он, – то есть, Апостолы, *ничесоже от сих разумеши, и бе глагол сей сокровен от них, и не разумеваху глаголемых*. Другой Евангелист повествует, что некогда, услышав от Господа о воскресении Его, Апостолы так затруднились в разумении слов Его, что, как будто на неразрешимой притче, остановились на них, и состязались между собою о их знаменовании. *И слово удержаша в себе стязавшися, что есть, еже из мертвых воскреснути* (Марк. IX, 10). Итак, точно не прежде, как по воскресении Господа, – *тогда отверзе им ум разумети писания, яко тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути от мертвых в третий день*.

Опасаясь, что, не смотря на столь ясные свидетельства Евангельския, столь закрытое состояние ума в Апостолах прежде воскресения Христова, и столь внезапное озарение целой области разума их одним лицезрением воскресшаго Христа, будет для некоторых глаголом сокровенным. О, если бы Господь и нам отверз ум, – сказать нечто вразумительное, и услышать нечто наставительное о том, как отверзается ум светом воскресшаго Христа и верою в Него!

Слово Божие ум называет оком, разумение видением, неведение слепотою, как на пример в сем изречении Господа: *на суд Аз в мир сей приидох, да невидящии видят, и видящии слепи будут* (Иоан. IX, 39). Известно, что пришествие Христово в мир никого не сделало

слепым глазами, но многие оказались во время онаго слепы умом. Последуем же указанию слова Божия на состояния и действия ума чрез состояния и действия ока. Око видит вещи, частью по свойству самых вещей, как на пример: свет видит светлым; частью по образу своего устройства, и по своему особенному состоянию, как например: око слепаго, постепенно отвержаемое, *сперва видит человеки, яко древие ходяща*, по совершенном же исцелении, *зрит ясно все*; частью по действию общего посредствующаго между зрителем и зримыми вещами света, как на пример: иное видеть вещи при свете лунном или звездном, а иное – при солнечном. Подобно сему духовное око видит духовные предметы, или, иначе сказать, ум понимает их, частью по свойству самых предметов, – так *невидимая Божия от создания мира твореньми помышляема видима* суть умом; частью по образу своего внутреннего устройства и по своему особенному состоянию: так младенчествующий ум видит предметы более чувственно, поверхностно, большею частью без союза и порядка в понятиях, а ум образованный видит менее чувственно, более углубляется в предметы, и открывает между ими союз и порядок; частью по действию посредствующаго между умом и предметами света, который может быть или естественный, или сверхъестественный, или свойственный миру, в котором мы живем, смешенный из чувственного и духовнаго, или чисто духовный и даже Божественный, по реченному: *во свете Твоем, Господи, узрим свет*. Устройство ока телеснаго не ко многим родам и степеням света приспособлено, так что некоторое уменьшение света лишает оное силы видения, и некоторое увеличение света ослепляет оное. Устройство ума, как орудия духовнаго, несравненно пространнее и разнообразнее. Один и тот же ум человеческий может сделаться или своего рода ночью птицею, которой только темнота дает зрение, и у которой свет отъемлет оное, или зверем, который при лунном и звездном свете ходит восхитить пищу себе, или, как свойственно человеческому естеству, при свете дня делать дело свое и рассматривать многообразныя красоты мира. Он нисходит, и заключается в области чувственной; восходит, и становится способным к свету духовному, очищается и отвергается для принятия света Божественнаго.

Кто желает видеть духовные предметы, для того, без сомнения, не довольно открыть глаза телесные и зажечь светильник телеснаго света. Чем возвышеннее предметы видения, тем возвышеннее должно быть состояние ока и свет, который ему посредствует в видении. Следственно для созерцания предметов Божественных потребен и свет Божественный, и устройство ума с тем сообразное. *Во свете Твоем, Господи, узрим свет*.

Слово Божие, тайны царствия Божия, спасительное учение и спасительныя дела Христовы, без сомнения, суть предметы Божественные: следственно, чтобы созерцать оные ясно и чисто, потребен человеку свет Божественный, свет Христов, свет Духа Святаго и отверзтие ума силою сего света. Доколе сие не совершилось в человеке, дотоле он, хотя и слышит слово Божие, и даже видит его действующим, не постигает его пространства, высоты и глубины, поелику духовное око его стоит в низшем свете естественном, и к сему только свету приспособлено. Вот почему Апостолы после того, как уже видели телесными очами воскресение сына вдовы Наинской, не могли еще возвыситься созерцающим умом до разрешения вопроса: *что есть, еже из мертвых воскреснути*. Вот почему и Господь сказал Апостолам: *еще много имам глаголати вам, но не можете носити ныне*. Когда же, Господи, могут они носить слово Твое и разуметь дела Твоя? Он отвечает: *егда же придет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину* (Иоан. XVI, 12. 13). Но что препятствует скорее приити Духу истины? Опять отвечает Евангелие: *не у бе Дух Святый, яко Иисус не у бе прославлен*. Наконец Он воскресает. Вместо того, что до сего времени Божественное в Нем погружалось в человеческое, с сего времени человеческое в Нем восходит в Божественное. Таким образом отвергается Его человечество и преисполняется уже не сокровенным, но

являемым светом Божества, и разливает оный окрест себя; Богочеловек является солнцем всего человечества, и начинает разделять облака и мрак, облегающий оное; Божественный свет Его ударяет в очи, которая вера в Его воскресение отверзла и устремила к созерцанию, и еще отверзает оныя, или возвышает к новому, небесному, Божественному зрению или разумению слова Божия и дел Божиих. *Тогда отверзе им ум разумети.*

Если сие отверзтие ума, или духовное озарение, представляется скорым и внезапным, сие не только не должно казаться странным, но и весьма свойственно свету, особенно духовному. Солнце, когда восходит, отверзает целый мир разнообразных красот: удивительно ли, что и свет благодатный, свет Духа Святаго, котораго действие *в сердцах* Апостол уподобляет *дню озаряющему и деннице возсиявающей*, скоро и внезапно отверзает безпредельную область духовнаго разума. Впрочем как естественный свет, так и свет Божественный, – имеют в отношении к освещаемым свою зарю и свой полный день: для Апостолов ясная зоря взошла тогда, когда Господь *дуну, и глагола им: примите Дух свят* (Иоан. XX, 22); полный же день открылся в сошествии Святаго Духа в огненных языках.

Но, если око наше еще слабо, чтобы в полноте наслаждаться светом, которым воскресший Господь отверзает умы: обратим на минуту взоры на противоположную оному тьму, чтобы тем паче возлюбить *чудный* поистине свет, в который мы призываемся. Посмотрите, как в то самое время, когда вера в Воскресшаго отверзает ум Апостолов, неверие в Воскресшаго заключает ум Иудеев во тьму осязаемую, до невероятности грубую. Что думают, что говорят они о воскресении Господа? *Промчесь слово сие во Иудеех даже до сего дне.* Какое слово? – слово, которому их Архиереи со старцами научили воинов, стражей гроба Господня: *ученицы Его нощию пришедшие украдоша Его, нам спящим* (Матф. XXVIII, 13). Итак сие-то слово промчалось между Иудеями, и они ему поверили? Возможно ли? Как можно было украсть Его, когда вы окружили гроб Его воинами? Они спали, говорят Иудеи. Военные стражи спали! Так, по мнению Иудеев. Не ужели все до одного? Так. Не ужели ни один не проснулся, когда для взятия тела необходимо было отвалить камень *велий зело*, для чего потребно было несколько человек, и что не могло быть без шума? Ни один не проснулся. Но кто же свидетельствует о том, что тело украдено? Те же стражи. Как? те же стражи, которые спали и не проснулись, свидетельствуют о том, что произошло во время сна их, и чего они не слышали? Кто может иметь дерзость разглашать такую баснь? Неверующие Иудеи. Кто может иметь безумие верить ей? Неверующие. Спросим еще, как могло стать, чтобы ученики Иисуса, которые, при первом виде предстоящей Ему опасности, обратились в бегство, – как могло стать, чтобы они решились на дерзкое и бесполезное предприятие, – украсть тело умершаго Учителя своего из гроба запечатаннаго и окруженнаго стражею, по повелению правительства? Неверие не разсуждает; оно мчит по всему свету слова, которая ему нравятся потому только, что дышат неверием. Но если сделалось известно, что сделано похищение из-за стражи, из-под печати правительства, и похитители известны: то преданы ли суду стражи и похитители? Отнюдь нет. Военный начальник стражей не заботится, стражи безпечальны, мнимые похитители не менее осьми дней остаются в Иерусалиме, и никто из строгих до сего времени начальников Иудейских не требует их к суду за столь важное похищение. Возможно ли, чтоб и после сего баснь о похищении тела Иисусова еще носилась между Иудеями, как нечто достойное выслушания? Возможно, потому что закоснелый в неверии ум, как ночная птица, видит только во тьме неверия, любит только свои грезы, и убегает от света истины, который жжет ему глаза. *Промчесь слово сие во Иудеех даже до сего дне.*

Христиане! Воскресший Христос отверз ум Апостолам, и чрез веру просветил их светом Божественным, не для них только самих, но и для того, чтоб они отверзли нам ум, и чтоб

мы чрез веру сделались сынами света. Он допустил, чтоб и до нас донеслось нелепое слово, обличающее крайнюю слепоту неверующих Иудеев, дабы мы страшились неверия. Не говорите с Фомою: *еще не вижу, не иму веры*. Помните слова Господа: *веруеши, больше сих узриши; блажени невидевиии и веровавшие. Веруйте во свет, да сынове света будете* (Иоан. XII, 36). Вера и любовь да привлекут к вам возсиявший от гроба свет животный; сей свет да отверзет ум ваш к разумению таин вашего спасения, и сердце – к ощущению царствия Божия, которое внутри вас есть; в отверзтом царствии Божию сердце да отверзется вам и рай и небо. Да не затворим сами от себя грехом и неверием того, что для нас отверзает ключ Давидов. Аминь.

LXXIV.

45. СЛОВО

в день Вознесения Господня.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 годов).

<1825>

*Зрящим им взятся, и облак подъят Его
от очию их. Деян. I, 9.*

Зрящим одиннадцати Апостолам вознесся Господь. Без свидетелей воскрес: при свидетелях возносится. Каменный, запечатанный гроб скрывал славу воскресения во мгновение воскресения: светлый, прозрачный облак являет славу вознесения, когда оно совершается. От чего сия разность? – От того, может быть, что, как воскресение Господа, после сошествия Его во ад, было шествие из ада в Рай, то негде было поставить свидетелей, а надлежало свидетелями онаго быть отшедшим от земной жизни Патриархам и Пророкам: вознесение же Господа, как шествие от земли на небо, естественно могло иметь свидетелями Апостолов, стоящих на земле, и взирающих на небо. Притом, довольно было видеть Воскресшаго после воскресения, чтобы свидетельствовать о самом воскресении: а вознесение с земнородною плотию на небо, надобно было видеть в самом действии, чтобы после о том свидетельствовать. Возможно ли, скажет плотский разум, чтобы земнородная плоть вознеслась на небо? – Мы отвечаем: нет нужды умствовать о возможности дела, когда самое дело видели и засвидетельствовали люди, которые за истину сего свидетельства умереть не отреклись. *Зрящим им взятся*. Но только ли для уверения неверующих показал Господь Свое вознесение? – Без сомнения, и для поощрения верующих. *Аще убо воскреснете со Христом*, говорит Апостол; если, – скажем еще, – вы видели Его возносящагося на небо, и в сем новом торжестве Его также участвовать желаете: *вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога сидя; горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. III, 1. 2).

Что значит *горняя мудрствовать*? Не правда ли, что сие не довольно понятно? А если ты сего не понимаешь: то, хочешь или не хочешь, ты должен признаться и в том, что сего не делаешь, то есть, не мудрствуешь горняя: ибо кто делает, тот уже знает дело, которое он делает. Если же не мудрствуешь горняя, то и не взойдешь в горняя, туда, *идеже есть Христос одесную Бога сидя*. Но если ты не взойдешь туда, где Христос одесную Бога: то подумай, земнородный, что с тобою будет, когда видимыя небо и земля прейдут, и вне горняго царствия Христова ничего не останется, кроме ада? Смотри, как земля под тобою рушится, и ад разверзается: нет инаго средства спасения, как всею силою держаться за горнее. Надобно учиться *горняя мудрствовать, а не земная*.

Учиться *мудрствовать*! – Не устрасился бы кто сего требования. Не подумал бы, что его хотят подвергнуть многообразным трудностям, с которыми сопряжено приобретение того, что на земли называют мудростию; и к которым должно причислить самые средства мирской мудрости, – множество учителей, один другому противоречущих, множество книг, не редко действующих как на глаз, так и на ум, только вредною пылью. Не опасайтесь. Учиться мудрствовать по Евангелию не то, что учиться мирской мудрости. Мудрствование горнее не столь зависимо от внешних средств, не требует столь многих пособий, не так ограждено трудностями, как мудрость мирская, хотя и оно пользуется внешними средствами, не отвергает пособий, не изъято и от трудностей своего рода. Апостол, который написал нам заповедь, *горняя мудрствовать*, пользовался средствами и пособиями земной мудрости, быв *воспитан при ногах ученаго Гамалиила*: но потом все сие, равно как и другия преимущества, отверг, как *тищету* и *уметы*, за *превосходящее разумение Христа Иисуса, и да Христа приобретает* (Фил. III, 7. 8); следственно, возвышался в мудрствовании горнем, не смотря на то, что в то же время отвергал средства и пособия земной мудрости. Другие Апостолы только рыбарския сети вязать, а не книжныя мудрования распутывать учились: но сие не препятствовало им, не только успевать в мудрствовании горнем для себя, но и соделаться наставниками онаго для самых мудрецов. Так и после Апостолов. Василий Великий приобрел мудрость Афинскую, и отдал ее в рабыню мудрованию Евангельскому. Арсений, также Великий, обладая ученостию Еллинскою и Римскою, находил себя довольно несведущим, а старца, необразованного Египтянина, довольно сведущим, чтоб учиться у него начаткам духовной мудрости. И так мудрствование горняго, хотя и для мудрецов, еще высоко, но вместе и для младенцев довольно просто. *Яко Ты, Отче Господи небесе и земли, утаил еси сия от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцем* (Матф. XI, 25).

Что же значит *горняя мудрствовать*? – Повторяю: если ты сего не понимаешь; то видно, что ты сего не делаешь. А если ты не мудствуешь *горняя*: то нет сомнения, что мудствуешь *земная*, и следственно это ты уже знаешь. И так, что ты делаешь, когда мудствуешь земное, на пример, когда умудряешься, как бы сделаться богатым? – Ты желаешь богатства; часто думаешь о нем; вымышляешь средства для приобретения и умножения онаго; самым делом употребляешь сии средства; что ни делаешь, делаешь с намерением приобрести и умножить богатство; в обладании богатством полагаешь свое благополучие. По сему примеру, можно сказать вообще, что *мудрствовать земная*, значит земнаго желать, о земном думать, земное делать, земное иметь в намерении, в земном полагать благополучие. Перемени предмет, и окажется, что значит *мудрствовать горняя*. Сие значит горняго, то есть, небеснаго, или иначе, духовнаго и Божественнаго, желать, о небесном думать, небесное делать, или, по изречению Евангельскому, *делать дела Божия*, небесное иметь в намерении, в небесном полагать блаженство.

Как трудно! – подумают некоторые. Чтобь небесное иметь и в мыслях, и в желаниях, и в делах, для сего надобно земному человеку переменить и дела, и желания, и самую мысль. Не спорю, что это нужно, и что это не совсем легко. Но что же делать? Взойти на высоту труднее, нежели упасть в бездну. И так лучше ли упасть в бездну?

Трудно мудрствовать горняя: но не трудно ли мудрствовать и земное? Легко ли, например, для человека любостыжательнаго принятое им мудрование? Он трудится день и ночь; лишает себя пищи и покоя; иногда оставляет дом; удаляется от близких сердцу; проходит сушу; пускается в море; нисходит в глубину земли; мучится то алчбою приобретения, то заботою сбережения, то страхом возможной, или отчаянием действительной потери. Если такая трудности заставляет переносить мысль, обогатиться на земли сокровищем тленным, на краткое время: не ужели не стоит подвига мысль, приобрести горнее сокровище, нетленное, на веки?

Трудно земному человеку мудрствовать горняя, однако ж и зерно пшеницы, погребенное в земле у ног твоих, не мудрствует ли горняя своим образом? Оно разверзается; пробивается ростком сквозь землю вверх, борясь с ея и своею тяжестью; растет выше и выше; и, стремясь непрестанно горе, процветает и приносит плод. Не ужели ты думаешь, что земному человеку, меньше, нежели пшеничному зерну, дано силы возникнуть в горнюю область по роду своему?

Трудно земному человеку мудрствовать горняя: но полно земной ли ты, человеке? То ли собственно человек, что из земли берется, и в землю возвращается? Не есть ли сие только одежда твоя, или, если угодно, темница твоя? А ты сам, истинный человек, – ты дыхание жизни, происшедшее из уст Самого Бога, по реченному: *вдушу в лице его дыхание жизни, и бысть человек в душу живу* (Быт. II, 7). И так если, как земному, трудно, то, как горнему, не легко ли тебе мудрствовать горняя? Трудно ли огню итти горе, где его естественная область? Трудно ли камню падать на землю, где он родился? Трудно ли духу человеческому стремиться к горнему, приближаться ко Всевышнему? Если падение ветхаго Адама превратило стремление человека от горняго к дольному и преисподнему: то воскресение и вознесение новаго Адама, Богочеловека, Иисуса Христа, не с сугубою ли силою обратило сие стремление в первоначальное направление, не поставило ли лестницу к небесам? Сошествие Святаго Духа не возжгло ли в человечестве духовно горящий огонь, естественно горе идущий, и горе влекущий то, в чем он обитает?

Еще ли трудно и после сего мудрствовать горняя, хотя бы для сего надлежало и дела, и желания, и мысли переменить?

Но как оставить земныя дела, желания и мысли, когда земное нас окружает, когда земное нам необходимо для земной жизни? Примечай за собою, как оставляешь ты горнее, для земнаго мудрования, и найдешь очень простой способ оставлять земное для горняго. Ты сокращаешь для себя время дел благочестия, чтобы иметь более времени для дел мирских; иногда идешь во храм Божий, а между тем еще думаешь о том, что занимает тебя в доме твоём, даже иногда в то время, как стоишь телом во храме молитвы, мысль твоя уходит туда, куда влечет ее земное мудрование, или страсть в тебе господствующая; самыя духовныя упражнения твои повреждаются приходящими среди их земными воспоминаниями. Поступай противным сему образом. Делай дела, необходимыя для земной жизни: но старайся не простираť их далее необходимости, и по мере возможности освобождать себя от сей работы, в свободу дел благочестия. Не только предстоя Богу во храме, удерживай мысль от уклонения к земным вещам, но и вне онаго, когда по необходимости занимаешься вещами земными, отвлекай от них мысль и желание, и возводи к небесам и к Богу. Когда идешь на дело мирское: – воспоминай Бога, и проси Его благословения и помощи; когда входишь в покой от сего дела, воспоминай Бога, и благодари Его за помощь в труде и за дар покоя. Так можно со всяким земным, закону Божию не противным, упражнением соединять духовное мудрствование, и, так сказать, все земное и видимое превращать в горнее и духовное. *Егда воззриши на солнце*, учит свяťтый Макарий, *ищи истиннаго солнца, яко слеп еси. Когда простреши взор на свет, обратися оттуда очами к душе твоей, и виждь, имеши ли в ней истинный и благий свет, сиречь Господа* (Беседа 33).

Свет Господа нашего Иисуса Христа да просвещает, дух Его да укрепляет, последование слову и житию Его да возводит каждаго из нас к мудрствованию горнему на земли, а чрез то и к блаженному лицезрению Его на небесах, идеже есть Христос одесную Бога сидя. Аминь.

46. БЕСЕДА

о прикосновении веры ко Христу.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.).

<1825>

*И весь народ искаше прикасатися Ему: яко
сила
от Него исхождаше, и исцеляшеся. Лук. VI,
19.*

Чудное зрелище показывает нам Святой Евангелист Лука. Господь Иисус, после всенощной молитвы на горе, и по избрании себе утром двенадцати Апостолов, сходит на равнину; Апостолы следуют за Ним; собор прочих учеников Его, встречает и принимает Его; великое множество людей, не только из многолюдного Иерусалима, но из всей земли Иудейской, и даже из приморских мест Тирских и Сидонских, окружает Его. Хотят слышать Его учение; хотят получить от Него исцеления: но как обыкновенно многолюдство затрудняет само себя; то что делает народ? Он теснится к Учителю и Целителю, уже не для того, чтобы слушать, или вопрошать, не для того, чтобы просить исцелений, и ожидать, или возложения рук, или слова, разрешающего грехи; но бросается к Нему, как кому случится, только чтобы достигнуть до Него, и прикоснуться или к живоносному телу Его, или к освященным и, так сказать, напоенным текущею из Него спасительною силою одеждам Его. *Весь народ искаше прикасатися Ему: яко сила от Него исхождаше, и исцеляше вся.*

Зрелище по истине чудное, и достойное не просто удивления, но и благоговейного размышления, и не только размышления, но и поревнования. Кто не возжелал бы спасительного прикосновения к Господу, от Котораго исходит сила исцеляющая все? Посмотрим же в Евангелии, как достигали сего желавшие, и увидим, как и нам достигать сего должно.

Дабы желавшие спасительного прикосновения к Иисусу Христу могли самым делом сего достигнуть, для сего нужно было со стороны Его снисхождение, и снисхождение крайнее. Когда Он был на горе; они не могли прикасаться к Нему: ибо, вероятно, даже не знали, где найти Его, и как приблизиться к Нему. Надобно было, чтобы Он сошел с горы на место ровное, где ожидал Его народ: и сие сошествие было только малый, чувственный образ Его великаго и многообразнаго снисхождения. Подумайте, что надлежало Ему оставить на горе: – сладкое и блаженное молитвенное собеседование с Отцем Своим небесным: однако ж Он нисходит. А что найдет Он внизу? – смешенное многолюдство, в котором иные хотят слушать Его, а иные, может быть, уловить Его в слове; в котором каждый готов приступить к Нему с своим требованием, но, вероятно, есть и не ведающие, чего просят; во множестве ищущих прикоснуться к Нему, вероятно, есть и такие больные, к которым мы, подверженные подобным немощам, не захотели бы приблизиться, есть и такие грешники от которых мы, будучи также грешники, удалились бы, если бы видели сердца их, как Он видит. Однако ж Он нисходит; Он приближается. И что еще? Сии несчастные и погибающие, которые имеют в Нем нужду, как в Помощнике и Спасителе, поступают с Ним, повидимому, с нарушением должнаго к Божественному Чудотворцу благоговения, и очевидно с нарушением обыкновеннаго человеческого уважения и приличия. Они, как в другом случае о подобном действии народа изъяснился один из самых Апостолов, *одержат* Его *и гнетут*; обезображенные болезнями, покрытые ранами,

вергнутся на Него без разбора, беснуемых влекут и привергают к Нему другие: все терпит Он; всему снисходит. Как чистая и глубокая река приемлет всех почерпающих из нея, не возмущаясь и не истощаясь: так бесконечная спасительная сила Его допускает всех приступающих к Нему, не истощаясь множеством их, не возмущаясь их недостойнством. *Сила от Него исходящая, и исцеляющая вся.*

Христиане! Если нужно снисхождение Божественного Спасителя, как и без сомнения оно нужно, – дабы и мы могли спасительно прикоснуться к Нему: то со стороны Его не будет в сем недостатка. Не с горы только сошел Он на место, равное для нескольких тысяч народа Иудейского и соседственного с Иудеею: Он сошел с высоты небес для всех миллионов людей живших, живущих, и когда бы то ни было, имеющих жить на земле. Поелику Божественная сила Его, будучи выше самых небес, и чище самых небес, недостижима была низкому и недостойному естеству человеческому: Он низвел ее в самое человечество; влиял ее в сосуд плоти подобострастной нам, кроме греха, для исцеления от коего и потребна нам особенно сия сила; по избытку милосердия Своего к нам, Он, так-сказать, переполнил сосуд пречистой плоти Своею Своею Божественною силою, так что ею оросилась самая одежда Его, и уврачевала кровоточивую; а когда, по воскресении, *дадеся Ему всяка власть на небеси и на земли* (Матф. XXVIII, 18), когда восприятую Им плоть нашу вознес Он с Собою, и посадил одесную Бога Отца, тогда *сшедый и возшедый превыше всех небес, исполнил всяческая* (Ефес. IV, 10), следственно, и всю землю, на все времена, Своею Божественною, спасительною, не только телесно, но и наипаче духовно *вся исцеляющею силою*. Желаете ли и ныне даже чувственного доказательства близости и снисхождения к нам Иисус-Христов? – Мы имеем оное каждый день на сем Олтаре, где Он всегда ту же, как и прежде, Божественную и спасительную силу Свою, сие *исполнение Божества живущее в Нем телесно* (Колос. II, 9), покрывает видом хлеба и вина, и допускает нас не только прикоснуться к Нему, но Плоть Его ясти, и Кровь Его пити во исцеление и жизнь вечную.

Но мы видим далее в Евангелии, что для достижения спасительного прикосновения к Господу Иисусу, нужно было не только со стороны Его снисхождение, но и взаимно со стороны желающих сего блага, – искание и приближение. *Весь народ искаше прикоснуться Ему*. Искание же не должно разуместь здесь просто; и приближение не должно воображать только телесно. Были ищущие, которые искали Иисуса – убить; были приближающиеся к Нему, – чтобы ударить Его в ланиту: без сомнения, не для таких людей исходила от Него всеисцеляющая сила. Сам Христос ясно различает приближение ко всеисцеляющей Его силе, от всякого другого к Нему приближения, когда, теснимый множеством окружающего народа, не чувствует ничего приближения, кроме приближения одного человека: *прикоснуся, говорит, Мне некто; Аз бо чух силу изшедшую из Мене* (Лук. VIII, 46). В чем же состоит сей особенный образ приближения ко Христу, сопровождаемый не мертвым приражением, но живым прикосновением, извлекающим из Него спасительную силу? – Сие также ясно показывает Господь в лице кровоточивой, которая, из множества теснящегося к Нему народа, одна умела к Нему приблизиться и прикоснуться, и чрез прикосновение получила исцеление. Ибо что говорит Он ей? – *Дерзай дщи, вера твоя спасе тя* (48). И так то, что пред очами телесными было приближение и *прикосновение*, по созерцанию духовному, Господь называет *верою*. Так должно разуместь и то искание, приближение, прикосновение, в следствие которого над множеством народа ознаменовалась сила Господня исцеляющая всех. По вере искали Его, с верою приближались к Нему, верою духовно прикасались к Его силе, прикасаясь телесно к Его пречистому телу или ризам. Так *весь народ искаше прикоснуться Ему*, или, по крайней мере, те из народа, которые по вере своей послужили образцом для других. И какая вера видна в сих людях! Не та малая и как-бы неприметная, которой бы нужно было доискиваться, как и подлинно Господь Сам искал ее в двух слепцах, просивших зрения,

вопрошая их: *веруета ли, яко могу сие сотворити* (Матф. IX, 28)? Не та вера слабая и колеблющаяся, с которою отец отрока беснуемаго и просил от Господа помощи, и в то же время не надеялся: *аще что можеш, помози*; которую он и признавал в себе, и в то же время не верил собственному признанию: *верую, Господи, помози моему неверию* (Марк. IX, 22. 24). Не та вера медленная и полумертвая, которая в слепце Вифсаидском, после живоносного плюновения Господня на очи его, по двукратном возложении рук Его, едва пробудилась к принятию совершенного исцеления. Вера искавших прикасаться Иисусу не ожидает себе возбуждения от Него, не колеблется сомнением о Его силе, не смущается мыслию о своем недостойнстве, не требует от Него никакого действия, ниже слова; прямо, твердо и свободно идет Она к Источнику благодати, и почерпает из него; как будто силою похищает она всеисцеляющую силу Спасителя. *Сила от Него исхождаше и исцеляше вся*. Но что в таком чрезвычайном избытке открывало сию целебную силу? – Не иное что, как чрезвычайное дерзновение веры народной: *народ искаше прикасаться Ему*.

После сего, Христианин, если скажешь, что и ты желал бы сподобиться спасительного прикосновения ко Господу; ответ на сие не труден. Ищи, приближайся, прикасайся: только по вере ищи, с верою приближайся, верою прикасайся. Где мне, скажешь, искать Господа? как приближаться и прикасаться к Нему? Ищи Его мыслию – на небесах, любовью – в сердце, благоговением – в храме, везде ищи Его – делами, для Него предприемлемыми и совершаемыми. Приближайся к Нему, как оный верующий народ, желанием послушати Его, и желанием исцелитися, то есть, поучением в слове Его, и молитвою к Нему. Прикасайся к Нему в священных знамениях и Таинствах, которыми Он, как ризою, облекает в Церкви свою Божественную и спасительную силу, наипаче же прикасайся Ему в таинстве Тела и Крови Его. От тебя самого зависит более или менее успевать в таковом искании; в твоей воле более, или менее воспользоваться таковым приближением и прикосновением ко Господу, для твоего спасения и блаженства. Каковы бы ни были твои душевные недуги: чем совершеннее уверуешь, тем совершеннее получишь от них исцеление силою Христовою, которая и слепотствующее око ума твоего просветит познанием истины, и разслабленные силы духа твоего укрепит для добродетели, и от духов искусителей тебя избавит, и от мертвых дел воскресит в жизнь духовную и святую. Но если ищешь Его невнимательно, приближаешься к Нему только устами, прикасаешься святыне Его только наружно, без живой веры и усердия: то ты уподобляешься тому народу, который только угнетал идущаго Иисуса, но не достигал Его спасительной силы.

Горький упрек сделал Сам Господь некоторым неправильно, то есть, не по вере искавшим Его: *Аминь, аминь глаголю вам, ищите Мене, не яко видесте знамение, но яко яли есте хлебы и насытитесь* (Иоан. VI, 26). О, если бы никто из пришедших ныне взыскать Господа во храме сем, не заслужил подобного упрека, невниманием к сокровищу веры и благодати, исканием только видимых и временных благ и чувственных утешений! Присоединим к воспоминанию Господня обличения, Господне и наставление: *делайте брашно не гиблющее; делайте дела Божия; се есть дело Божие, да веруете в Того, Егоже посла Он* (27–29). Аминь.

LXXVI.

47. СЛОВО

в день Святителя Алексия.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.).

Тече ко гробу, и приник виде ризы едины лежащя. Лук. XXIV, 12.

Евангелие, повествуя о воскресении Господа Иисуса, излагает между прочим сии обстоятельства, что камень от гроба Его был отвален Ангелом, котораго сошествие для сего с неба сопровождается было землетрясением; что жены Мироносицы нашли сей гроб открытым; что Петр, и после него Иоанн, посмотрев во гроб, увидели лежащя ризы Господа, то есть, плащаницу, которою при погребении обвито было тело Его, сударь, или плат, который был на главе Его, и, вероятно, препоясание, которое было на Нем во время Его распятия. *Петр же встав тече ко гробу, и приник виде ризы едины лежащя.*

Что значит, что Евангельское повествование так занимается ризами Господа, которые уже не нужны Воскресшему? Что значит, что и Воскресший оставил и сохранил ризы Свои во гробе, чтобы их видели? – Сие значит то, что и ризы Господа должны были быть в числе свидетелей Его воскресения. Если скажут Иудеи, что тело Господа украдено учениками; если бы самые ученики подумали, как на время думала Магдалина, что тело Господа перенесено кем-то: ризы Его вопиют против клеветников, и вразумляют погрешающих. Время ли похищающему тело развивать с него плащаницу и сударь, и опять свивать их, и укладывать порознь в порядке? Какая нужда переносящему тело погребенное, обнажать оное, когда напротив и обнаженное одеть надлежало, как для удобнейшаго перенесения, так и сообразно с мнением Иудеев о прикосновении к мертвым? Таким образом и безжизненные ризы Господа проповедывали Его воскресение.

И мы, собравшиеся здесь ныне, притекли ко гробу Христова служителя и подражателя. И сей гроб открыт в следствие потрясения, которое трудно вообразить сбывшимся без содействия руки Ангельской: ибо деревянный храм, под которым несколько десятилетий скрыт был гроб сей, внезапно пал во время священнослужения, но сим падением никто не поражен, а только подан случай к открытию гроба сего. И что видим мы в открытом гробе сем? – Не погрешим, если скажем, что *видим ризы лежащя*, не ризы тела, но самое тело видим, как ризы только, как облачение безсмертнаго духа, которое он оставил здесь, восходя в жизнь небесную; видим ризы лежащя благочинно, не поверженные и не раздранные, то есть, видим тело, не подверженное тлению и разрушению, но не вредимо и мирно почивающее.

Что же значит, что подражатель Христу в жизни, подражает Ему и по смерти в том, что и гроб Свой открытый, и нетленную ризу плоти Своя видимую, нам представляет? – Как безмолвные ризы Господа возвещали Его воскресение: так безмолвные нетленные останки сего подражателя Христова, не как неизвестное возвещают, но как в суете настоящей жизни не редко забываемое, приводят нас на память будущее наше воскресение.

О безсмертии души человеческой, и о будущем воскресении самого тела человеческого, если бы надлежало говорить к незнающим: то, для составления понятия о безсмертии, можно было бы обратить внимание на самое существо и естество того, что в человеке живет, и что умирает. То, что видим умирающим, есть видимое, грубое тело: а то, что живет в человеке, есть невидимая, тонкая сила, которую обыкновенно называем душою. Тело само изъясняет свою смертность; поелику очевидно на части делится, и разрушается: душа не только не показывает в себе никаких признаков делимости, разрушимости, но являет совершенно противоположное тому свойство в способности разсуждения, которая разделенныя понятия о вещах представляет в нераздельном и неслиянном единстве, никак несовместном со свойствами делимаго вещества. Тело еще в продолжение жизни умирает,

и конечно несколько раз, по частям, ежедневно отделяя от себя часть своего вещества мертвую; между тем душа, во все продолжение жизни, чувствует в себе одно постоянное бытие. Тело участвует в жизни, как бы по неволе, будучи приводимо в движение силою души, и всегда более или менее тяготя ее своею ленью: душа и в то время, когда деятельность тела воспящается сном или болезнью, продолжает свою, не зависимую от тела, жизнь и деятельность.

Свидетелями бессмертия души человеческой можно бы поставить лучшую, и наибольшую часть рода человеческого, и целые народы, от наиболее просвещенных, до наименее образованных, так что в сем случае самые заблуждения могут некоторым образом свидетельствовать о истине. Сколь ни чувственны понятия о будущей жизни у последователей Магомета; сколь ни грубы сказания об оной у язычников; сколь ни поразительна власть духа тьмы и злобы над некоторыми из сих, у которых почитается за добродетель живому отдать себя на сожжение для умершего; но и в сем превращении и смещении понятий и чувствований, и в сем преобладании скотских и зверских свойств над человеческими, еще, как искра в гряде пепла, не совсем угасла истина, – та истина, что после настоящей есть для человека жизнь будущая. Если древние, или новые, Саддукеи сияются отвергать сию истину: то потому только, что она препятствует им быть Саддукеями, то есть, безпечно наслаждаться чувственными удовольствиями; поелику мысль о бессмертии требует и смертной жизни, сообразной с будущею бессмертною.

Можно бы, для удостоверения о будущей жизни человека, заставить говорить даже бессловесную и безжизненную природу. Ибо в целом мире нельзя найти никакого примера, никакого признака, никакого доказательства уничтожения какой бы то ни было ничтожной вещи; нет прошедшего, которое бы не приготавлило к будущему; нет конца, который бы не вел к началу; всякая особенная жизнь, когда сходит в свойственный ей гроб, оставляет в нем только прежнюю, обветшавшую одежду телесности, а сама восходит в великую, невидимую область жизни, дабы паки явиться в новой, иногда лучшей и совершеннейшей одежде. Солнце заходит, чтобы взойти опять; звезды утром умирают для земного зрителя, а вечером воскресают; времена оканчиваются и начинаются; умирающие звуки воскресают в отголосках; реки погребаются в море, и воскресают в источниках; целый мир земных прозябений умирает осенью, а весною оживает; умирает в земле семя, воскресает трава или дерево; умирает пресмыкающийся червь, воскресает крылатая бабочка; жизнь птицы погребается в бездушном яйце, и опять из него воскресает. Если твари низших степеней разрушаются для возсоздания, умирают для новой жизни: человек ли, венец земли, и зеркало неба, падет во гроб для того только, чтобы рассыпаться в прах, безнадежнее червя, хуже зерна горчицы?

Можно бы еще от внешних вещей обратить человека во глубину сердца его, и там дать услышать ему предвестие о жизни по смерти. Все живущее на земли, кроме человека, по внушению природы, печется только о настоящей жизни; кроме того случая, когда действует предчувствие жизни будущей, как на пример, в черве, который устроит себе шелковый или паутинный гроб, в надежде воскреснуть бабочкою: от чего происходит, что человек, даже тогда, как забывает о собственной будущей жизни, многое делает для, так называемого, бессмертия в потомстве? Сие стремление человеческого сердца не есть ли отрасль от корня истинного бессмертия, – отрасль неправильная, но обнаруживающая силу корня? – Также, всякое сердце человеческое признает, а чем оно благороднее, тем сильнее любит добро и правду, не смотря на то, что, в настоящей жизни, добро и правда очень часто страждут от зла и неправды: откуда же происходит сие глубокое в естестве человеческом признание достоинства добра и правды, или совесть, если не от глубочайшего, сокровенного ощущения царства добра и правды, которое граничит с настоящею жизнью посредством гроба?

Но, может быть, погрешаю я и в том, что мимоходом говорю сие пред Христианами, для которых будущее воскресение не требует никаких исследований и удостоверений, как дело верного, засвидетельствованного и признанного опыта. *Аще бо веруем, говорит Апостол Павел, яко Иисус умре и воскрес, тако и Бог умерших во Иисусе приведет с Ним* (1 Сол. IV, 14). *Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1 Кор. XV, 20). Если кто, имея сей опыт воскресения, вздумает сам себя затруднять сомнением, как может оно совершиться, когда образ разрушения многих умерших тел, по видимому, не оставляет места для мысли о их возобновлении: тот же Апостол уполномочивает меня не только разрешить сие затруднение разсуждением, основанным на естестве известных вещей, но притом изъявить негодование за сомнение, которое и веру оскорбляет, и разуму, его изобретшему, чести не приносит. *Безумне, ты еже сееши, не оживет, аще не умрет: и еже сееши, не тело будущее сееши, но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного от прочих: Бог же дает ему тело, якоже восхощет, и коемуждо семени свое тело* (36–39).

Думаю, что не изъяснять, или доказывать нужно нам безсмертие, воскресение и жизнь будущего века: но напоминать о сих важных предметах, которые, как можно примечать, многих, в продолжение многого времени, меньше занимают, нежели самая мелочи.

Апостолы называют себя *свидетелями воскресения* (Деян. II, 32) Христова, хотя должность их была свидетельствовать не о воскресении только, но и о всем учении Его. Так важною почитают они истину воскресения. И подлинно, как скоро утверждена сия истина, то сим самым утверждена истина всего, что творил, и чему поучал Господь наш. Но как важна истина воскресения Христова для веры: так истина воскресения нашего важна для жизни. Как скоро утверждена сия истина: то сим самым непоколебимо утверждены все правила жизни святой и Богоугодной.

Да ямы и пием, утре бо умрем (1 Кор. XV, 32). – Сие правило, которое Апостол, от лица не знающих, или не желающих знать воскресения мертвых, произнес в поругание им, которое очень годилось бы для нравственной философии безсловесных, если бы они имели преимущество философствовать, в самом деле составило бы и у людей всю мудрость, всю нравственность, все законы, если бы удалить от них мысль о будущей жизни. Тогда, не прогневайся, ближний и брат, если и ты сделаешься пищею людей, которые любят ясти и пити: ибо если не стоит труда благоучреждать собственную жизнь, потому что *утре умрем*; то также не стоит труда щадить и жизнь другого, которую завтра без остатка поглотит могила. Так забвение о будущей жизни ведет к забвению всех добродетелей и обязанностей, и превращает человека в скота, или зверя.

О человек, непременно безсмертный, хотя бы ты о том не думал, хотя бы и не хотел того! Берегись забывать твое безсмертие, чтобы забвение о безсмертии не сделалось смертоносною отравою и для смертной жизни твоей, и чтоб забываемое тобою безсмертие, не убило тебя на веки, если оно тебе, не ожидающему его, и не готовому, внезапно явится.

Не говори отчаянно: *утре умрем*, чтобы тем необузданнее устремляться за наслаждениями смертной жизни: говори с надеждою и страхом: *утре умрем* на земли, и родимся или на небесах, или во аде; и так надобно поспешать, чтобы положить, надобно подвизаться, чтобы питать и укреплять в себе начало к небесному, а не к адскому, рождению.

Что есть начало к небесному рождению? – Слово и дух, и сила воскресшаго Христа, Который есть и наше воскресение и жизнь. Принимай сие Божественное семя вечной

жизни верою; полагай оное в сердце любовию; углубляй смирением; согревай молитвою и Богомыслием; питай или напаяй слезами умиления; укрепляй подвигами добродетели.

Чтоб истребить в себе плевельныя семена жизни адской, и жить наконец чистою и полною жизнью Воскресшаго: умирай всему, кроме Его жизни, то есть, не действуй ни в каком качестве, Ему противном; не живи миру и плоти, страстям и похотям; не прилагай сердца к богатству; не возносись гордостью житейскою. С Павлом *вменяй вся уметы быти, да Христа приобретаешь, то есть, яже верою Иисус Христовою, сущую от Бога правду, или праведность, в вере, еже разумети Его, и силу воскресения Его, и сообщение страстей Его, сообразуясь смерти Его, дабы достигнуть в воскресение мертвых* (Филип. III, 8–11). Если так поживешь и умрешь: то и ты, оставив во гробе обветшавшия ризы земныя, получишь на небесах новыя, убеленныя в крови Агнца, и в день брака Его *облечешься в виссон чист и светел: виссон бо оправдания святых есть* (Апок. XIX, 8). Аминь.

LXXVII.

48. СЛОВО

в день первоверховных Апостолов Петра и Павла.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 годов).

<1825>

Первоверховным Апостолам празднуем: вникнем в дух и силу настоящего празднования.

Под именем *первоверховных Апостолов* Церковь соединяет Петра и Павла.

Что сие отличительное наименование приличествует Святому Петру, в том не трудно убедиться из Евангельской истории. Во всяком собрании, даже равных между собой людей, обыкновенно ктонибудь имеет некоторое первенство, или по избранию и назначению, для порядка, или по превосходству своих способностей и особенному присутствию духа: и во многих случаях, когда Евангельская история представляет Петра в собрании Апостолов, имя его первенствует в порядке имен Апостольских, и лице его первенствует между Апостолами, то в слове, то в действии. Когда, на пример, Святой Матфей хочет составить список избранных в звание Апостольское; он пишет: *Дванадцатих же Апостолов имена суть сия: первый Симон, иже нарицается Петр* (Матф. X, 2); – и потом именует прочих Апостолов. Когда Сам Божественный Учитель, по некотором времени учения, испытывает избранных учеников Своих в главном предмете Своего учения, и вопрошает: *кого Мя глаголете быти?* – Петр предупреждает всех Богомудрых ответом: *Ты еси Христос Сын Бога живаго*; и за то первый не только похваляется, но и ублажается: *блажен еси Симоне*; ему первому скажется: *на сем камени созижду церковь Мою*, хотя впрочем не исключительно ему, потому что Церковь *назидается на основании Апостол и Пророк сущу краеугольну самому Иисусу Христу* (Еф. II, 20); он первый получает ключи Царства Небеснаго и власть вязать и решить (Матф. XVI, 16–19), хотя впрочем в след за сим и всем Апостолам таже власть дарована (Матф. XVIII, 18). И в то бедственное время, когда, при поражении Пастыря, разсеялись овцы стада, когда самые столпы ея поколебались, самые камни основания подвиглись от мест своих, потому что сатана просил, дабы сеять их, яко пшеницу; – что тогда камень Петр? – Правда, не устоял и он, даже бедственнее других был низринут: но с тем вместе имел преимущество особенною молитвою Христовою быть воздвигнут на прежнее место свое, и ему предоставлено утвердить братию. *Аз, сказано ему, молихся о тебе, да не*

оскудеет вера твоя; и ты некогда обратишься, утверди братию твою (Лук. XXII, 32). Подлинно, когда воскресение Господа прежде всех открылось Мирноносицам; сие не утвердило Апостолов в веровании оному: *и явишася пред ними яко лжа глаголы их* (Лук. XXIV, 11). Но когда Воскресший явился Петру: то и прочие Апостолы, прежде общего всем им явления, уже с твердостью говорили: *воистинну воста Господь, и явился Симону* (34). Наконец должно ли наполнить пустоту, оставленную в лике Апостольском чрез отпадение Иуды? – Первый примечает сие Петр, и первый печется о сем. Должно ли, непосредственно, по сошествии Святого Духа, торжественно начать проповедь Евангельскую? – *Став Петр со единонадесятьми*, первый из них *воздвигше глас свой* (Деян. II, 14). Должно ли положить основание Церкви Христианской между язычниками, также как между Иудеями? – Петр крестит Корнилия; и уже не в первый раз просто изъясняется событиями, много затрудняемое толкованиями слово Христово: *ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь Мою*.

Но чем яснее таким образом первенство Святого Петра между Апостолами: тем более требует исследования то, что Церковь и Святого Павла присоединяет к нему под общим для обоих наименованием Первоверховных Апостолов, – Павла, очень мало, по видимому, соединенного с Петром в Апостольстве. Известно, что Господь избрал сперва двенадцать Апостолов, а потом других семьдесят. Двенадцать, в сравнении с семидесятью, все могут быть названы верховными Апостолами. Но известно также, что Святой Павел не был в числе сих. Когда они в продолжение нескольких лет учились науке Апостольства у Божественного Учителя: тогда, вероятно, Павел продолжал еще учиться у законоучителя Иудейского Гамалиила. Когда они воплощенною Премудростию Божиею торжественно произведены в учителя всех народов: *шедшие научите вся языки*: Павел все еще оставался только учеником Гамалиила. Когда они единодушно ждали, и все совокупно получили Духа Святого, и соделались Его непосредственными орудиями и верховными на земли раздаятелями даров Его: и тогда Павла между ими не было. Когда они начали созидать и распространять Церковь Христову: Павел еще был ее гонителем и разрушителем. Как же случилось, что столь далеко, по видимому, отставший от сонма верховных Апостолов, приемлет ныне от Церкви честь, не только равную с верховными, но и преимущественную, вместе с первоверховным из них?

Посмотрим, нет ли способа сблизить сих двух мужей, и уразуметь помышление Церкви, которая соединяет их в настоящем праздновании.

Нет нужды пространно изъяснять, или доказывать, что Апостольство Павла столь же величественно и Божественно по своему началу, как Апостольство Петра и прочих Апостолов. Довольно для сего сказать, что Призвавший Петра и прочих к Апостольству во время пребывания Своего на земли, – Сам призвал к тому же Павла, преклонясь к нему из отверстых небес. *Павел Апостол, ни от человек, ни человеком, но Иисус Христом и Богом Отцем*, или как еще он изъясняется, *явлением Иисус Христовым* (Гал. I, 1. 12).

Если велик тот, кто из глубокого неведения в краткое время восходит к высокой и Божественной мудрости: менее ли велик и тот, кто из смертельной вражды против Божественной истины вдруг предлагается в любовь к ней, также, яко смерть, крепку? Вчера рыбарь; а ныне первый и единственный Богослов: *Ты еси*, говорит, *Христос Сын Бога живаго*: – вот величие Петра! Вчера гонитель Христов, а ныне Апостол Христов; – *гоняя нас иногда, говорят верные, ныне проповедует веру, юже иногда разрушаше* (23): – вот величие Павла! Если верховность духа Петрова над прочими Апостолами видна в том, что он некогда утвердил братию свою, поколебавшуюся в вере: не также ли видна верховность духа Павлова над самим Петром, когда Павел приметил непримеченный Петром соблазн, предстоящий Церкви, по причине его устранения от верующих из

язычников, в угождение верующим из Иудеев, и исправил в сем случае действия Петровы? *Егда, говорит, прииде Петр во Антиохию, в лице ему противу стах, яко зазорен бе* (Гал. II, 11). Если Апостольское действие Петра является преимущественно великим в том, что как между Иудеями, так и между язычниками, он полагает первыя основания Церкви Христовы; чрез него наипаче, как чрез сильнейшее орудие благодати, собор Апостольский действует из Иерусалима не только на все Церкви Палестинския, но и на многия другия: не обширнее ли еще область Апостольства Павлова, простирающаяся от Иерусалима и Сирии до Македонии, до Греции, до Иллирика, от Антиохии до Рима, и, может быть, до Испании, при том так, что и он большею частию *не на чужем основании созидал* (Рим. XV, 20), но проповедывал там, где до него не было произносимо имя Христово? Посмотрите, как сии, без войска и без оружия всемирные завоеватели, делят между собою народы, не уступая друг другу, не в том, кому более владеть вселенною, но кому более страдать за спасение вселенныя: *уверено ми бысть*, скажет Павел, *благовестие необрезания*, то есть язычников, *якоже Петру обрезания* (Гал. II, 7), то есть Иудеев. Поелику же во время сего, не разделяющего, но соединяющего раздела, во вселенной не было ничего, кроме *обрезания* и *необрезания*, кроме Иудеев и язычников: то Петр и Павел разделили ее между собою без остатка, и потому в целом мире некому оспаривать у них достоинства первоверховных.

Впрочем, и тогда, как действительно есть некоторая первоверховность Апостольская в превосходстве даров, высоте добродетелей и обширности подвигов, можно еще спросить: для чего так торжественно возвещается первоверховность проповедников веры, которые полагали, и других научали полагать свое торжество не в верховности, но в смирении, и первенство в служении другим? – Дабы на сие ответствовать, вспомним притчу Христову: *не может град укрытись верху горы стоя* (Матф. V, 14). Град на верху горы, здесь означает душу возвышенную, наполненную и украшенную совершенствами и добродетелями: подобно как в других случаях Слово Божие душу Боголюбивую и благочестивую называет обителию Божиею, или домом Божиим. Как град на вершине горы стоящий, сколь ни скромны его здания, тем не менее виден издалека: так душа, отвергшая мир и плоть со страстями и похотями, долу влекущими, приближенная к небесным Силам, вознесенная на гору Закона Божия, чистотою, верою и любовию в Боге обитающая, и соделавшаяся обителию благодати Божией, сколь ни скромно ея слово, сколь ни смиренны ея действия, и в смирении своем открывает свою возвышенность, и скромностию не может скрыть своей внутренней славы от очей сколько нибудь очищенных. И как путешествующие, усматривая град на горе, останавливаются и сами на некотором возвышении, откуда удобнее видеть его, указуют его друг другу, замечают особенныя возвышенности его, беседуют о красотах его, наслаждаясь величественным зрелищем, а иногда и управляя им путь свой, и поощряясь достигнуть видимаго вдали: так Богомудрые Отцы и руководители наши в пути спасения, останавливают нас на известном поприще времени, чтобы, как два величественные града, указать нам великия души Петра и Павла; замечают нам преимущественную возвышенность их совершенств и добродетелей; дают случай чистым душам насладиться созерцанием двух высоких обителей Святаго Духа, или единой высокой благодати Апостольства, обитающей в двух телесных обителях; побуждают очищаемых, по возможности, хотя издалека, разсматривать сие духовное зрелище и по нему направлять и ускорять путь свой ко спасению ревностным подражанием усматриваемым подвигам и добродетелям; а дабы и неочищенных от праха мирских сует очистить некоторым предварительным очищением, и от брения плоти возвысить, для удобнейшаго умным оком разсматривания духовных высот, они старались как бы на некое духовное возвышение возвести нас стезею поста, настоящий день предварившаго.

Ничего не скажу чистым и возвышенным созерцателям, чтобы не препятствовать им наслаждаться тем, что ныне видят они на горе Божией, на высоте Церкви Христовы. Станем добре и мы, едва, может быть, возникающие духом от плоти и мира; воспользуемся высоким духовным зрелищем, которое Церковь ныне нам представляет и указывает. — Если ты еще привязан к миру, к мирским стяжаниям или удовольствиям, к мирским знаниям, к мирской чести: воззри на Петра, который оставил все, чтобы следовать за Христом; воззри на Павла, который, повидимому, и не совсем мирския знания Иудейского законника и Фарисея, и славу сих знаний, вменил за уметы, чтобы приобрести спасительное буйство и поношение Христово. Если не можешь оставить имения: оставь по крайней мере любостяжание и скупость. Если не можешь еще возлюбить поношение: отвергни по крайней мере любочестие. Иначе какой ты ученик Апостолов? Какой сын Апостольской Церкви? — Если ты грешник, знающий свое беззаконие; и грех твой, будучи пред тобою выну, не дает покоя твоей совести: хотя и низко в сем случае ты стоишь, но и ты воззри на высоких Апостолов. И первоверховный Петр не был ли на время отрекшимся от Христа? И первоверховный Павел не был ли некогда гонителем Церкви? Но слезы покаяния и глубоко падшаго Петра возстановили в верховное Апостольство: а покаяние Павла, еще и не начатое, но провиденное, принято простертыми с небес объятиями Спасителя грешников: что же ты унываешь, грешник, и отягчаешь себя отчаянием? Возми крест покаяния и надежды, и лети на высоту благодати.

Довольно сего для примера, как можем и мы, униженные в Церкви, разсматривать высокие совершенства Апостолов, и размышлением о них питать душу свою, и одушевлять жизнь свою. В сем состоит истинный праздник Апостолов. Благословение Святых Апостолов и Святыя Церкви Апостольския почиет на празднующих сим образом. Аминь.

LXXVIII.

49. СЛОВО

в день Преподобнаго Сергия, о суде Святых.

(Говорено в Троицкой Сергиевой Лавре Июля 5;

напечатано в собраниях 1844 и 1848 годов.)

<1825>

Не весте ли, яко святии мiрови имут судити? 1 Кор. VI, 2.

Мiрови имут судити! — Слово Апостольское весь мир предает суду Святых: кто же и куда может уклониться от суда сего? Весь человеческий род представляется разделенным на две части: на судей, которые суть *Святые*, и на подсудимых, которые суть все прочие человеки, под именем *мира*. Некуда уклониться из числа подсудимых, как разве в число судей. Если не поставим себя самопроизвольно в сан судей, что было бы весьма дерзновенно, и без дальнейшего суда достойно осуждения: то по необходимости мы должны увидеть себя во множестве подсудимых.

Святии судити имут! — Что же о суде сем должны подумать мы грешные? О суде человеческом, обыкновенном говорят, что не должно бояться суда, но судьи бояться должно; потому что суд, по существу своему, как действие правосудия, угрожает только

некоторым из подсудимых, то есть, виновным, а судья, по невежеству, по лицеприятию, по мздоимству, и невинных, не менее виновных, опасности подвергает: о суде Святых – не знаю что и сказать, судей ли более, или самого суда страшиться должно. Чем менее могли бы невинные опасаться сих судей, в которых нельзя предполагать ни неведения, ни пристрастия, превращающих суд: тем более грешные должны страшиться сих судей; ибо в них не лзя предполагать ни непроницательности, которая бы не заметила греха, ни лицеприятия, которое бы покрыло грешника. Если они не страшны потому, что благи и милосерды: то страшны по тому самому, что суть Святые, а потому совершенною ненавистью ненавидят грех, и конечно с совершенною правдою осудят его. Если же сии судии мира строги в правде; а *мир весь во зле лежит* (1 Иоан. V, 19); и *никтоже чист от скверны* греха и неправды, *аще и един день житие его на земли* (Иов. XIV, 4. 5): то как страшен должен быть по необходимости суд Святых над миром!

И Ты, у котораго мы ныне витаем и покоимся, как птенцы под крилами кокоши, к которому прибегаем, как врачу немощей, как утешителю в скорбях, как сокровищехранителю милосердия, как раздаятелю щедрот, как предстателю за нас пред Всевышним Судиею, – и Ты наконец должен быть одним из сих грозных судей над нами!

О ищущие милости! Устрашимся суда, котораго избежать не можем, и пред которым устоять не имеем силы. Устрашимся же не страхом малодушия, ведущим к отчаянию, но страхом благоразумия, внушающим осторожность. Ураним поставить себя мысленно пред сим судом, чтобы не опоздать нам оправданием пред ним, когда он откроется внезапно и торжественно. Не весте ли, *яко святии мирови имут судити?*

Апостол Павел Христианам своего времени кратко напоминает о суде Святых, как о деле, в котором он полагается на их собственное знание. *Не весте ли?* Не ужели вы не знаете? Без сомнения вы сие знаете. Спрашиваю: можно ли и Христианам настоящего времени повторить напоминание Апостольское с такою же благонадежностью? Можем ли мы на сие ответственовать: да, мы знаем суд Святых? Или, посоветуясь с своею совестью, не большая ли часть из нас должны признаться, что мы почти ничего не знаем об оном? В сем случае, опять спрашиваю: что значит сие незнание? Незнание о суде означает или простоту невинного человека, которому нет дела до суда; – но сие не есть наше состояние в отношении к суду Святых, как уже из вышесказанного разуметь можно; – или нерадение и закоснение грешника, который избегает мысли о неизбежном суде потому, что всегда занимается помыслами и делами греховными. О суд, котораго познание устрашает, и котораго незнание обличает и посрамляет нас; о котором размышление угрожает осуждением, и о котором забвение ведет прямо к осуждению! Откройся нам со страхом твоим, прежде нежели откроешься с неизбежным осуждением нашим.

Не весте ли, говорит Святой Апостол ведающим о суде Святых. Мы с неведущими обратимся к источнику ведения. Первое и главное сведение о суде Святых почерпаем из слов Самого Сына Божия, Которому Бог Отец *весь суд даде, да вси чтут Сына, якоже чтут Отца* (Иоан. V, 22. 23), и Который в Свою чреду разделяет суд Свой с Апостолами: *аминь глаголю вам, яко вы шедши по Мне, в пакибытие, егда сядет Сын человеческий на престоле славы Своея, сядете и вы на двюнадесяти престолах, судяще обема надесеате коленом Израилевом* (Матф. XIX, 28). В сем изречении должно заметить, во-первых, что суд Святых откроется торжественно *в пакибытие*, во вторичное бытие человеков, то есть, по воскресении мертвых, и следственно, суд сей будет всемирный не только в отношении к человекам последних времен, но и в отношении к роду человеческому от начала времен до конца их. Во-вторых, что суд сей откроется торжественно, *егда сядет Сын человеческий на престоле славы Своея*: но как сие будет, по другому изречению Его, тогда, *егда приидет Сын человеческий в славе Своей, и вси святии Ангели с Ним*

(Матф. XXV, 31); следственно суд Святых произведен будет не только пред родом человеческим, но и пред Ангелами Божиими. В-третьих, что последователи Христовы *сядут на престолах для суда в тоже время, егда сядет Сын человеческий на престоле славы Своея*: следственно суд их будет соединен с Его судом; они порознь будут орудиями, или подчиненными, частными действателями Его единого, всеобщаго и верховнаго суда. В-четвертых, что Апостолы *сядут на двюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленом Израилевома*: но как за сим остается еще множество народов и племен, которые предстанут всемирному суду; то можно из сего заключать, что кроме сих дванадесяти судей, и еще многие судии должны будут явиться. Сие догадочное заключение оказывается ясною и утвержденною истиною в изречении Апостола, который говорит, что не одни Апостолы, но вообще *святии мiрови имут судити*. Пророк еще с большею определенностию сказует, что все Святые Божии без изъятия возведены будут в достоинство судей, дабы произвести суд над языками и людьми, над царями и славными их: *сотворити в них суд написан: слава сия*, то есть, слава быть судиями в сем суде, *будет всем преподобным Его*. Присовокупим к сему свидетельство очевидца сего суда: ибо Святой Иоанн уже видел оный в откровении. *Видех*, пишет он, *престолы и сядущия на них, и суд дан бысть им* (Апок. XX, 4).

Трудно вообразить, как произведется один, согласный и неподверженный никакому пререканию суд толикаго множества судей, над еще большим множеством подсудимых, по столь многим разнообразным и тонким предметам суда, каковы суть все явныя и тайныя дела, слова, желания, и помышления каждого человека в продолжении всей его жизни. В изъяснение сего находим нечто у Псалмопевца, который говорит, что преподобные сотворят *суд написанный*, и у Тайновидца, который пишет так: *и видех мертвецы малыя и великия стояща пред Богом, и книги разгнушася; и ина книга отверзеся, яже есть животная; и суд прияша мертвецы от написанных в книгах по делом их* (Апок. XX, 12). Как обыкновенно между людьми употребляется написанный суд, частию для удобства в отношении к высшим судиям, поелику он не только слова и действия подсудимых, со всеми их обстоятельствами и подробностями, но и множество в разных местах находящихся свидетелей и других доводов суднаго дела представляет в нескольких написанных листах; частию для верности, поелику слово сказанное мгновенно скрывается, и может быть пересказано иначе, а слово написанное остается видимым и неизменным: так и суд Святых представляется написанным в книгах, и особенно в книге жизни, в ознаменование того, что им дан будет от Верховнаго Судии способ так же удобно и верно, или лучше сказать, несравненно удобнее и вернее, видеть всю внешнюю и внутреннюю жизнь каждого судимаго ими, нежели как обыкновенный судия видит поступки подсудимаго в написанном полном судном деле; и что потому судимым грешникам не останется никакого способа не признаться в том, в чем обличат и осудят их Святые. Но кто, и когда пишет книгу нашей жизни для будущаго суда Святых? – Думаю, что пишем ее мы сами, и пишем непрерывно, в то самое время, когда что делаем или говорим, желаем или помышляем: так должно быть для того, чтобы мы не имели предлога отрицаться от нея на суде, и говорить, что в ней кем-то, когда-то написано, чего мы не знаем, и чего от нас не было. Но где лежит сия книга? – Кто знает, в каком месте хранит Судия написанный суд, доколе придет время открыть его всенародно? Впрочем надеюсь, не погрешим, если скажем, что в сердце каждого из нас лежит книга жизни для будущаго суда нашего, – там, где не только знающие Бога, и закон Его, и благодать Его, но и язычники *являют дело законное написано, сосвидетельствующей им совести, и помыслом друг друга осуждающим или оправдывающим* (Рим. II, 15), ибо сие внутреннее явление не иное что есть, как – большее или меньшее открытие книги жизни, которая наконец вся, от начала до конца, откроется, и из нашей же внутренности осветится или тихим светом, или пожирающим огнем, *в день, егда судит Бог тайная человеком*. Можно еще сказать, что и в самом теле нашем, которое под покровом тленнаго уготовляется к воскресению, как-бы

в некоей книге, мы пишем жизнь нашу не приметными ныне, но явственными для будущего суда нашего чертами: *каковая бо ныне, говорит Святой Макарий, сокровища внутри себе стяжала душа, таковая откроются и явятся тогда на теле* (Бесед. V, 8), может быть, также и на других созданиях Божиих; – ибо у Тайновидца сказано, что кроме особенной книги животной, есть еще книги, которые должны разгнуться для суда по написанному в них, – может быть, говорю, и на других созданиях Божиих, нами незаконно употребляемых, оскверняемых, повреждаемых, окажется по частям написанный суд настоящей жизни нашей, на пример, наши грубые нечистоты на земле и воде, наши праздные слова на воздухе, следы злобы нашей в том, что было предметом или орудием злобных действий, улики соблазнов наших в тех, которых мы соблазнили. Так необличенное живыми свидетелями братоубийство Каиново написано на земле кровию Авеля: и небесный Судия точно сими кровавыми, не только явственными для прочтения, но даже говорящими писменами, уличил непризнававшегося преступника: *глас крове брата твоего вопиет ко мне от земли* (Быт. IV, 10). Так один из будущих судей Божиих ржу золота и серебра предварительно принимает в качестве свидетеля против сребролюбцев: *ржа их, говорит, в послушество на вас будет* (Иак. V, 3). Наконец самая благодать, вселившаяся во Святых, которой мы не приняли не по чему другому, как по самопроизвольному нерадению или упорству, их вера, их подвиги, их добродетели, которые мы долго имели пред очами в сих подобострастных нам людях, но которым не подражали, являсь в день суда в полном свете, произведут то, что действие суда Святых само собою окажется над нами, посредством совести нашей: подобно как Ной, не поставляя судилища, не производя судебного исследования, тою самою верою, которою сам спасся от гибели в потопе, осудил неверовавший первый мир: *верою, говорит Апостол, ответ приим Ное, о сих, яже не у виде, убоявся, сотвори ковчег во спасение дому своего: ею же, то есть, верою, осуди весь мир*.

Вот некие малые, какие с глубоким неведением нашим совместны, начатки познания о великом суде Божием и Святых Божиих над всеми нами: малые для того, чтобы ввести нас в тайны будущего, но может быть, уже не малые для того, чтобы возбудить нас к спасительному страху будущего. Если мы страшимся обнаружения некоторых, не совсем уже тайных, грехов наших пред некоторыми человеками, подобно нам грешными; если смущаемся пред тайным свидетелем и судиею нашей совести, котораго Церковь дает нам не столько для осуждения, сколько для изглаждения грехов наших: то как снесем мы обнаружение всех, даже в самой глубине души нашей сокровенных грехов, пред вселенским по истине Собором Святых, при всех известных и неизвестных человеках пред чистейшими взорами Ангелов, в открытом присутствии сидящего на престоле славы Своя, тогда как обнаружения грехов наших требовать будут не покаяние и прощение, но ад и огонь вечный? Если один лучь строгой истины, осветивший одно слово беззакония в книге совести нашей, как стрела, пронзает нашу внутренность: то каковы должны быть наши ощущения, когда вся книга жизни нашей, отверзется, все, по видимому, изгладившийся черты греха в ней сделаются явственными, все, что есть в существе нашем, представит написанный суд нашей прошедшей жизни, а все, нас окружающее, явится полчищем свидетелей против нас? О суд, о котором помышление колеблет и потрясает меня! Как устою я, когда ты в самом действии откроешься? – *Что сотворим, мужие братие?*

Если толико страшен суд: устрашимся греха, который один виною того, что суд толико страшен. А поколику мы уже виновны во грехе: то как угрожаемые явным и торжественным судом человеческим предварительно иногда прибегают к имеющему власть судить, и, чтобы избежать явного и строгого суда и наказания, добровольно подвергают себя тайному и снисходительному суду и исправлению, так и мы ускорим прибегнуть к имеющим судить миру, и к Самому Верховному Судии, взыскав себе суда

тайнаго прежде явнаго, суда милосердия прежде суда правосудия, суда исправления прежде суда наказания. Подлинно, есть предварительный суд Святых, суд милосердия и исправления, чрез который предупреждается и отвращается страх последнего суда их, суда правосудия и наказания. *Что убо есть, вопрошает Святой Макарий, еже Господь рек: сядете на двоюнадесяте престолах, судяще обеманадесяте коленом Израилевом?* И отвечает: *сие находим исполнившееся уже на земли, по вознесении Господнем на небеса: низпослал бы Он Духа Утешителя на обанадесять Апостолов и святую силу, яже пришедши вселилася в них, и возсела на престолах разумов их. Но зане предстоящи глаголаху быти их пияных; сего ради нача Петр судити их, глаголя о Иисусе, яко мужа сильна в словесех и знаменних вы распясте, повесивши на древе* (Деян. II). – Чего ради, продолжает Святой Макарий, *покаялися многие, научившиеся от Петра, дабы быти им новым и Богу избранным миром. Видиши ли, како явилось начало суда? Тамо бо показася новый мир. И хотя и еще будут сидети и творити суд в пришествие Господне, в воскресение мертвых: обаче и zde сие сбытся, Духу Святому возседишу на престолах разумов их* (Бес. VI).

Как Петр, один из Судей Божиих над коленами Израилевыми, повинный Богу род Израильский, исполненным духовной силы словом судил не к осуждению и гибели, но к покаянию и спасению: так Ты, Судия Божий в языке нашем, Преподобне Сергие, исполненным благодати примером жития твоего суди исполненную грехами жизнь нашу к очищению, исправлению и обновлению. Твоим воздержанием и умерщвлением плоти суди нашу роскошь и негу, и исправи нас по крайней мере в здравую умеренность и простоту в удовлетворении потребностям телесным. Твоим неусыпным трудолюбием суди нашу леность и праздность, и возбуди нас к полезной деятельности и к безропотному исполнению наших обязанностей. Твоею кротостию и смирением суди нашу гордость и презорчивость, и научи нас не мудрствовать о себе паче, еже подобает мудрствовать. Твоею вольною нищетою суди нашу любостыжательность, и наставь нас быть довольными тем, что кому дарует Промысл Божий, и не прилагать сердца к богатству, аще и течет оно. Наипаче, живущим в тебе духом благодати суди и осуди плотское наше мудрование, и мудрованием сим угашиваемый дух благодати возжги в нас неугасимо. Предстательствуй о нас пред престолом Верховнаго Судии, Господа нашего Иисуса Христа, да примем участие в искуплении от суда смертнаго животворящею Его кровию, и, если не может перейти нас суд и наказание, пусть ныне судими от Господа наказуемся временно, да не с миром осудимся (1 Кор. XI, 32) на веки. Аминь.

LXXIX.

50. БЕСЕДА

о упокоении труждающихся и обремененных.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 годов).

<1825>

Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Матф. XI, 28.

Слышите, зовут: надобно ли кому итти на сей зов? Призывают *труждающихся и обремененных*: есть ли здесь таковые? Или нам легко и не трудно, и потому нет дела до сего призвания? Обещают *упокоить*: надобен ли кому покой? Или не стоит труда итти за ним; а хочется нам радости, веселия, забавы?

Спросим несколько иначе: желаете ли вы быть благополучны? Без сомнения, никто не отречется от сего. Но как назовете вы душевное состояние человека благополучного? Мне кажется, нет сему приличного имени более, как одно из двух: спокойствие, радость. Но действие радости, обыкновенной на земли, подобно действию вина; состояние радости есть состояние упоения; а упоение не продолжительно, и оставляет по себе чувство лишения, или даже тягости. Спокойствие есть состояние души здоровой и трезвой; оно чувствуется не так живо, как радость, но за то более постоянно. Итак не прогневайтесь, любители радости, веселия, забавы: мы желаем, – и думаем, что для вашего благополучия обязаны желать вам, – более спокойствия, нежели радости, веселия, забавы. А кто так приучил свой вкус к земным радостям, так легко находит веселие, так неутомимо заменяет труд забавами, что ни в какую цену не ставит спокойствия: тому, – хотя, может быть, сие уже и слишком суровым покажется, – желаем даже того, чтобы он несколько испытал состояние *труждающихся и обремененных*. В сей суровости желания мы подражаем некоторому, весьма доброжелательному впрочем мужу: *исполни*, так молил он Бога – *исполни лица их безчестия, и взыщут Имени Твоего, Господи!*

Но может быть, состояние труждающихся и обремененных, и не редко, и не чуждо многим из нас: а в таком случае и успокоения искать нужно, и к Упокоителю поспешить должно.

Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, – воззвал Господь Иисус, когда пред очами Его находились Иудеи, среди которых Он проповедывал. Какое на них Он мог видеть иго, которое бы затрудняло их, и бремя, которое бы их отягчало? – Во-первых, бремя грехов, под которым и сильный Царь Израилев изнемогал подобно рабу, страждущему болью в костях от несоразмерного силам ношения тяжестей: *несть мира в костех моих*, говорил Он, *от лица грех моих; яко беззакония моя превзыдоша главу мою; яко бремя тяжкое, отяготеша на мне* (Пс. XXXVII, 4. 5). Во-вторых, иго закона *Моисеева*, который Апостол Петр именно называет *игом*, *его же* – говорит Он в изъяснении сего названия – *ни отцы наши, ни мы возможем понести* (Деян. XV, 10); которого при том тяжесть, в последние дни Иудейства, удвоена и утроена была учениями и заповедями человеческими от книжников и фарисеев; *связуют бо*, глаголет о них Господь, *бремена тяжка и бедне носима, и возлагают на плеча человека* (Матф. XXIII, 4). В-третьих, иго и бремя многих и различных зол и бед, лежавших на Иудейском народе вообще, и упавших на многих из онаго порознь: например, иго власти языческой, из-под которого хотя и силились гордые Иудеи восклонять голову, и вопиять: *семя Авраамле есмы, и никому же работам николи же* (Иоан. VIII, 33), но которое тем не менее тяготело на вые их, и восходило выше головы их, поелику – лежало даже на Первосвященстве их, и на самом облачении первосвященническом, которое Римляне держали запертым в своей крепости; – иго Синагоги, которая преследовала исповедающих истину, не угодную ей предразсудкам и властолюбию; – наконец, частныя бремена нищеты, угнетения от сильных, несправедливого суда, болезней, печалей.

Таковыми и подобными бременами отягченных, трудностями утомленных, всех призывал к Себе Господь Иисус Христос: и поелику призывал всех без изъятия; поелику Бог *Отец* послал Его *Спасителя миру* (1 Иоан. IV, 14), а не одному народу или времени, поелику *слова Его не прейдут* даже и тогда, когда *прейдут небо и земля* (Мар. XIII, 31); то и теперь Он еще глаголет, и между нами *труждающихся и обремененных* ищет, и к Себе призывает.

Человек, знающий за собою грех! Не *труждаешься* ли ты? Не *обременен* ли? Чувствуя уязвленную совесть, не усиливаешься ли ты бежать сам от себя, бесплодным однакож усилием: подобно как ураненный елень бежит по лесу, но уже не может убежать от раны,

которую несет с собою, а только истощается в силах? Не мечешься ли иногда, как рыба поглотившая уду, бесполезными однако же порывами: потому что иго, тебя вяжущее, и бремя тяготящее, находится внутри тебя? Не есть ли для тебя грех, частию бремя; поколику тяготит душу воспоминанием соделанного; частию иго, поколику лишает тебя свободы, затрудняет, изнуряет привычкою, подобно как ярмом связуется, затрудняется, изнуряется работное животное? Если же тогда, как живешь во грехе, ты еще не знаешь и не чувствуешь в нем ига и бремени: тем не лучше. В сем случае ты подобен дикому под ярмом и бременем животному, которое несется по стремнинам, и чем менее испытывает затруднения, чем менее чувствует тяжесть, тем скорее может низринуться в пропасть, и совсем погибнуть: и потому в сем случае, – как сказано и прежде, – желательно, чтобы ты лучше вошел ощутительно в неприятное состояние *труждающихся и обремененных*, нежели оставался в опасном состоянии необузданности. Но ты, знающий беззаконие свое, как иго и бремя, не медли узнать и надежду облегчения: *прииди, труждающийся и обремененный*.

Человек, подвизающийся в добродетели! Не *труждаешься* ли и ты? И ты не *обременен* ли? Правда, если участь грешника есть иго и бремя: то уделом добродетели должна быть легкость и свобода. Но как иго и бремя греха ощущается уже после того, как он сделан: так и добродетель дает чувствовать легкость и свободу тогда, когда уже совершена будет. А легко ли достигнуть в ней совершенства? Путь ее идет на гору; крут, узок, усеян тернием. И познавать путь духовного совершенства, и действительно восходить по нему, трудно уже и по тому одному, что, как говорит опытный подвижник мудрости и добродетели, *тело тленное отягощает душу, и земное жилище обременяет ум многопопечителен* (Прем. IX, 15). Тело же, кроме того, что тленно, и потому не выдерживает всего напряжения бессмертной души, но, или ее в ее стремлении задерживает, или подвергается опасности отторгнуться от нея и разрушиться, – кроме сего, заражено грехом, связано привычками, противными добродетели: а также и ум, кроме того, что развлекается попечениями о земном жилище своем, – кроме сего связуется предразсудками, помрачается и увлекается страстями сердца, вводится в обман призраками чувств и воображения. А сколько еще посторонних препятствий подвигу в добродетели! Обилие благ земных прельщает, недостаток их искушает, примеры совращают с пути; неправые суждения людей полагают претыкания; гонения устрашают; там, где, по видимому, кончится *брань к плоти и крови*, вновь начинается *брань к началам, и ко властем, и к миродержителем тьмы века сего духовом злобы поднебесным*. Кто подвизается не для того только, чтобы достать венец добродетели от людей, но для того, чтоб одержать истинную, внутреннюю победу над страстями и пороками: тому понятны жалобы, которые слышим из уст одного из самых ревностных подвижников: *не живет во мне, сиречь во плоти моей, доброе. Еже бо хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе не обретаю. Не еже бо хошу доброе, творю, но еже не хошу злое, сие содеваю. – Обретаю убо закон, хотящу ми творити доброе, яко мне злое прилежит. – Окаянен аз человек* (Рим. VII, 18–24). Познай же и ты, для которого самый закон добра есть, как бремя на хребте безсильного, – познай и нужду и надежду твоего или облегчения, или укрепления: *прииди, труждающийся и обремененный*.

Человек, постигнутый бедствием, страданием, печалию! Тебя не нужно испытывать, находишься ли ты, и полагаешь ли себя, в числе *труждающихся и обремененных*. Опасаться должно не того, что ты не доволен сие знаешь, но того, не чрезмерно ли сие чувствуешь; и избытком сего чувствования не затрудняешь ли сам для себя познание средств успокоения. Единственное верное средство само себя тебе открывает; собери остатки расточенных сил; приближись узнать и принять оныя: *прииди труждающийся и обремененный*.

Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз – глаголет Иисус Христос – упокою вы. Прибежище верное! Пристанище безопасное! Помощь всесильная! Защита всепобеждающая! Облегчение небесное! Покой Божественный! Только приидите. Только не отрекитесь.

Иисус Христос облегчает отягченных бременем грехов: ибо хотя бы грехи целого мира на тебе лежали, Он подымет с тебя все сие бремя, переносит оное на Себя, и тем уничтожает. *Се агнец Божий, возмем грехи мира.* Если ты побежден грехом: Агнец Божий побеждает его в тебе. Если ты продан под грех: искупляет тебя. Если ты связан грехом, как ярмом: разрешает тебя. Если ты падаешь под бременем греха: возставляет тебя. Если даже ты умерщвлен грехом: Бог воскресивший Христа, и мертвого тебя *прегрешеньми сооживит Христом* (Еф. II, 5); *кровь Христова, иже Духом Святым себе принесе непорочна Богу, очистит совесть твою от мертвых дел, во еже послужити тебе Богу живу и истинну* (Евр. IX, 14).

Иисус Христос успокаивает труждающихся под игом закона, тех, которые, подвизаясь в добродетели, более испытывают тягость и препоны подвига, нежели успехи онаго, и с продолжением онаго более, повидимому, изнемогают, нежели возмогают: ибо Христос, Божия сила и Божия Премудрость, дарует и свет чистаго познания, и силу совершеннаго исполнения, и подвиг облегчает, и подвижника укрепляет, и препоны отъемлет, и помощь посылает, и сквозь опасности безвредно проводит, и врагов наших в нас побеждает, и Свою в нас победу венчает. Подвижник, который недавно в изнеможении, почти без надежды, вопиял: *окаянен аз человек!* приближается ко Христу, и уже не находит в себе инаго чувства, кроме благодарности к Нему за свое успокоение: *благодарю Бога моего,* восклицает он, *Иисус Христом Господем нашим!* Со Христом подвизующемуся, *заповеди Божии тяжки не суть* (1 Иоан. V, 3). *Иго бо Христово благо, и бремя Его легко есть.* С Ним и самый бессильный может сказать: *вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе* (Фил. IV, 13).

Иисус Христос облегчает и успокаивает бедствующих, страждущих, печальных: ибо не только, яко избавитель, всегда может Он отвратить или пресечь бедствие, прекратить страдание, уничтожить причину печали; но, яко совершенный победитель зла, в самой области зла устрояющий Собственное царство блага, Он может среди самого бедствия открыть в человеке чувство благополучия, самое страдание растворить удовольствием, самой печали дать вкус радости. Его сие дело, что Иов, после безвинной потери имения и детей, благословляет Бога, и в несносной болезни, на гноище, не соглашается роптать; что Петр, в темнице, и в оковах, как будто в праздник, поет всеобщую песнь; что Павел радуется в страданиях; что Киприан, на смертный о себе приговор, отвечает: *слава Богу!*

Таков, Христиане, поистине еще на земли небесный, и прежде смерти бессмертный и блаженный *покой душ наших*, который *обретается* во Христе; и которого искать, если бы мы собственную нуждою нашею не вразумились, то всеблагий и всемилостивый Спаситель наш Сам ищет и призывает всех нас, чтобы даровать нам покой Свой.

Можно сказать, что мы и приведены уже, и неоднократно приводимся к покою душ наших во Христе: когда приведены к Нему крещением, и каждый раз, когда приходим к Нему в молитве, в покаянии, в общении Тела и Крови Его. Что ж? Вкусили ль мы покой сей? Сохранили ль, и сохраняем ли в себе силу онаго? Или опять мы безпокойны, опять *труждающиеся и обремененны*? Долго ли же? Не ужели дотол, как наконец, столь долго тщетно призывавший нас Христос, оставит не внемлющих, или непостоянных; а напротив ад, в угодность которого мы труждаемся в суете, и обременяемся грехами, приступит, и

скажет: довольно вы для меня трудились, и носили мои бремена; теперь придите, я упокою вас, как знаю: постелю под вами огонь не угасающий, и покрою вас червем не умирающим?

Последуем лучше, братия, благодатному призыванию Христову; перестанем откладывать; последуем решительно; перестанем возвращаться вспять. *Да убоимся*, со Апостолом говорю, *да не когда оставлену обетованию внити в покой Его, явится кто от вас лишився* (Евр. IV, 1). *Днесь*, говорил Дух Святый еще в Давиде; – *днесь*, говорил Он чрез несколько веков потом в Павле; – дивно Божие долготерпение, что и теперь еще есть время сказать: *днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших* (Евр. III, 7).

Приидем отныне ко Христу ревностным и не уклонным последованием Его учению и житию; *внидем в покой Его веровавши* верою сердечною, живою и деятельною, предшествуемые сущими от века подвижниками веры и добродетели, истинными последователями Иисуса Христа, от всякого ига и бремени земного обретшими у Него покой небесный, к которому и нас примером своим приглашают, да купно с ними славим Единого Упокоителя и *Спасителя всех человеков, паче же верных*. Аминь.

LXXX.

51. БЕСЕДА

из притчи о плевелах.

(Говорена 8 ноября; напечатана в собраниях 1844 и 1848 годов).

<1825>

Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе твоем?

Откуда убо иматъ плевелы? Матф. XIII, 28.

Под руководством притчи Евангельской *о плевелах* нечто говорить хочу: призовем в помощь верховного Сеятеля добраго семени, чтобы не плевелы посеялись чрез слово сие, но чтобы в ничтожных плевелах наших обрелось зерно добраго семени, способное прозябнуть в мягкой земле послушных сердец, и принести плод для жизни вечной.

А на чтобы и говорить о плевелах? – подумает кто-либо. Призванному сеять доброе семя не лучше ли и заниматься только добрым семенем, а не плевелами негодными? – И я желал бы поступить таким образом. *О, да не возлаголут уста моя дел человеческих* (Псал. XVI, 4)! О если бы я мог не говорить о делах человеческих, суетных и погибельных, а только о делах Божиих, благих и спасительных! Дерзаю догадываться, что и Сам Творец и первоначальный Истолкователь притчи о плевелах не желал бы говорить о плевелах. Но что делать? Если есть опасность, что тогда, как сеется доброе семя, родятся и плевелы; или, если тогда, как посев уже взошел, действительно явились и плевелы: как в сих случаях не заниматься и плевелами? Как не подумать, что с ними делать?

Рабы, не знающие таин небеснаго земледелия, хотели бы тотчас полоть, силою исторгать и истреблять плевелы: но Премудрый Господин поля не позволяет. *Ни: да некогда восторгающе плевелы, восторгнете купно с ними и пшеницу*.

Что же однако делать, чтобы плевелы не усилились, и не заглушили пшеницы? – О сем думаю я извлечь некоторое наставление из рассматривания того, что такое плевелы, и откуда они взялись на поле.

Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе твоем? Откуда убо имать плевелы?

Что такое плевелы? – В изъяснение сего Сам Творец притчи плевел сельных глаголет: *плевелы суть сынове неприятели*; или, по ближайшему предложению изречения Господня, как оно написано у Евангелиста Матфея на Греческом: *плевелы суть сынове лукаваго*. В сем изъяснении не трудно приметить, – и приметить сие нужно для дальнейшего разумения, – что притча под именем плевел заключает некоторых человек, не по существу человеческому: подобно как и в другом изъяснении, что *доброе семя, сии суть сынове царствия*, наименования доброго семени и сынов царствия относятся не к существу человеческому. По существу своему все человеки равно происходят первоначально от Бога Творца, последовательно от подобных себе человек родителей: в жизни разделяются они на доброе семя и плевелы, становятся сынами царствия, или сынами лукаваго. *Сеявший доброе семя* не новое поколение на земли посеял; но в том поколении, какое нашел в мире, посеял сынов царствия, и распространил их во все поколения мира. Из сего должно заключить, что доброе семя означает дух и свойство сынов царствия; почему и сказано, согласно с сим изъяснением, в изъяснении другой притчи, что *семя есть слово Божие* (Лук. VIII, 11); поелику от слова Божия происходит в человеках дух и свойство сынов царствия. А посему и в противоположную сторону притчи также должно заключить, что плевелы означают дух и свойство сынов лукаваго в некоторых человеках. Как развитие доброго духовного семени в человеке есть истина веры, благо любви, сила надежды, чистая мысль, непорочное желание, здоровое слово, праведное и святое дело, духовная, небесная, Ангельская, Христова жизнь: так напротив прозябение душевных плевел есть ложь неверия или суеверия, зло нелюбления, ложная сила самонадеяния или безсилие отчаяния, нечистая мысль, порочное желание, не верное или не целомудренное слово, несправедное и незаконное дело, жизнь плотская, земная, скотская, адская, или, – тоже одним словом, – не Христианская.

Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? Ты сеял на земли то, что принес на нее с Собою с небес: а принес Ты с Собою на землю дух Божественный, свойство небесное. Селом Твоим, или полем Твоим были сердца избранных человек; Ты посеял в них слово Божие; согрел оное в них теплотою Духа Святаго; напоил Твоею Божественною кровию. Оно прозябло, процвело, принесло плод в жизнь вечную, *ово сто, овоже шестьдесят, ово тридцать*, в Апостолах, в Мучениках, во Святых всякаго рода; чрез них засеяло страны, народы, веки. Сверх сего, чтобы семя Твое, для поля Твоего, сохранить всегда чистым, и никогда неоскудным, Ты *завещал наполнить гомор от манны сея в скров в роды наша* (Исх. XVI, 32), – наполнить, то есть, определенную меру священных Писаний словом Божиим, так, чтобы, как некогда, из Божественных рук Твоих, от немногих хлебов, брали и насыщались тысячи алчущих, но количество хлеба от того не уменьшалось, а увеличивалось, подобно сему, из немногих Книг Божественных, тысячи тысяч научились, но тайны, и откровения таин премудрости Твоея от того не истощались, а непрестанно становились обильнее.

Господи! Коль доброе семя, и с каким премудрым попечением о его доброте и чистоте, сеял еси на селе Твоем!

Откуда убо имать плевелы? На Твоем, Господи, поле, откуда взялись плевелы? Если бы они явились там, где ничего не сеяно; или если бы злое растение возшло там, где злое и семя сеяно: не чему дивиться. Если между язычниками заблуждения и пороки: чего иного

и ждать от сей земли дикой и не возделанной? Но на поле Христианства, которое возделано крестом Богочеловека, засеяно Словом Божиим, откуда плелевы языческие? Откуда заблуждения ума между вами, ученики Слова Божия? Откуда пороки сердца между вами, питомцы Духа Святаго?

На сии не легкие, но не бесполезные вопросы, есть у нас легкие, но весьма вредные ответы. Заблуждения, говорят, от ограниченности человеческой; пороки от слабости человеческой. Прекрасное родословие заблуждений и пороков, – прекрасное для того, чтобы люди, преданные заблуждениям, и погрязшие в пороках, люди, которых Евангельская притча называет *сынами лукаваго*, могли уверять себя и других, что они не худаго рода! Невинное дело быть ограниченным; не стыдно признавать слабость сил человеческих: а из сего заключают, что и быть суеверным или безверным, также невинное дело; что и в пороках пребывать также не стыдно.

Заблуждения от ограниченности? – Полно правда ли, что ограниченность есть мать заблуждений? Ограниченность есть неплоды; она не рождает ничего; потому что и сама не есть нечто, а только предел, край, недостаток сущности. Возьмем в пример способность зрения. Глаз твой ограничен: по сей причине удаляющийся от тебя предмет в известном разстоянии ты перестаешь видеть, и более ничего. Но если глаз твой вводит тебя в заблуждение, представляя окружающие тебя предметы в ложном движении кружащимися и падающими, от чего и ты падаешь: напрасно стал бы ты искать сему причины в ограниченности глаза; причины сему должно искать в твоём головокружении, происшедшем от употребления одуряющего зелия, или вина в излишестве. По сему разсуждай и о духовном зрении ума. Ум твой ограничен: по сей причине удаленные от мысленных взоров его предметы для него неизвестны, или непонятны, и более ничего. Но если в уме твоём оказываются понятия, которые противны естественному, всеми здравомыслящими согласно примечаемому и признаваемому порядку вещей, которыми ты думаешь всю вселенную обратить вверх дном, но вместо того низвергаешь сам себя в нелепости: можно ли сие изъяснить ограниченностию, которая не есть начало действующее, и которая есть недостаток, общий всем человекам? Не должно ли, напротив, по необходимости производить сие от упоения нечистым и бродящим вином, или одуряющим зелием такой мудрости, которая хотя по области явления ея называется земною и человеческою, но которой источник хуже, нежели что нибудь просто земное, которой корень ниже человечества?

Пороки от слабости! – По этому, чтобы добродетельным быть, надобно быть исполином! А мы, напротив, как из священных сказаний знаем, что когда *исполини бяху на земли, тогда умножишася злобы человеков на земли* (Быт. VI, 4. 5); так и ныне видим не редко, что люди, и крепостию духа более других хвалящиеся, и менее других имеющие причины жаловаться на телесныя слабости или недостатки, впадают в пороки более тех, которые и телесным немощам и недостаткам более других подвержены, и отличной крепости духа себе не приписывают. Пороки от слабости! – А напротив, даже язычник заметил, что *мы тогда бываем лучше, когда немощнее*. Пороки от слабости! – Согласимся, что и сие бывает в некоторых случаях: например, когда голодный нищий крадет кусок хлеба у богатаго. Но когда напротив того видим, что богатый, не только отказывает в куске хлеба нищему, но и грабительствует, и разоряет бедных, между тем как есть нищие, которые сохраняют безкорыстие: как можно изъяснить сие одною слабостию человеческою? Не видны ли здесь две противоположныя силы: в одном сила добра, может быть выше, нежели человеческая, в другом сила зла, без сомнения хуже, нежели человеческая?

Перестанем обманываться; отложим о происхождении наших заблуждений и пороков такая мнения, которая способны только уполномочивать заблуждения и пороки; не будем

почитать плевел обыкновенным порождением и естественною принадлежностью пшеницы. И если не можем догадаться, откуда они подлинно: то спросим о сем Господа, и от Него примем вразумление. *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? Откуда убо имать плевелы?* – Он ответствует: *враг человек сие сотвори, – спящим человеком прииде враг его, и всея плевелы посреде пшеницы, и отыде; – враг всякий их есть диавол.*

Мне кажется, что если бы мы чаще и с большею верою думали о сем происхождении наших душевных плевел: то не так легко попускали бы им раздражаться и разрастаться. *Враг всякий их есть диавол:* он посеял их в легкомысленных или зломысленных сочинениях, в изнеженных песнях, в соблазнительных зрелищах, в вольном обращении, в нескромных и не постоянных обычаях. За сим враг скрывается: *всея плевелы посреде пшеницы, и отыде.* Ты думаешь, что позволяешь себе невинныя, только не совсем строгия, удовольствия зрения, слуха, воображения, чувствования: но будь внимателен; сквозь сии удовольствия сеются плевелы лукаваго, адское семя внедряется в сердце; возчувствуй отвращение; убойся; возприими осторожность.

Осторожность: ибо притча говорит, что *спящим человеком прииде враг.* Что значит здесь сон, сего Творец в притчи не изъясняет: но без опасения погрешности полагать можно, что сон значит здесь безпечность и недостаток бдительнаго внимания к себе самому, и к своим действиям. Спят человеки духовно, когда безпечно смежают очи ума, и не стараются взирать на свет истины Евангельской и закона Божия, чтобы непрестанно им просвещаться, и просвещать пути жизни своей; когда, подобно во сне мечтающим, не управляют мыслями своими, не обуздывают желаний своих, попускают воображению своему блуждать по предметам чувственным и суетным. Так спят они: а враг между тем не дремлет; он крадется во тме забвения о Боге и законе Его, и сеет в пшенице плевелы, во сне человеком мечты адския, в легкомысленном нерадении о добродетели и спасении, мысли нечистыя, желания греховныя, дела незаконныя и погибельныя. Не спи, или пробудись, возлюбленная душа; изошряй выну око твое ко свету Божию; ходи в присутствии Божиим; смотри бдительно не только за делами, но и за желаниями и за помышлениями своими; просвещайся внутренно Словом Божиим и молитвою, дабы и во время сна телеснаго заря духа не угасала в сердце твоём, и не допускала до тебя врага темнаго, сеющаго плевелы.

Сынове царствия, в которых посеяно семя доброе! Притча скажет, что плевелы становятся виднее, по мере возрастания и созревания пшеницы, по мере приближения жатвы. О, как уже ныне видны плевелы на ниве Господней! Не близка ли потому и великая жатва? Ибо точно, по сказанному: *соберите первее плевелы, и свяжите их в снопы,* – плевелы уже начинают сами себя готовить к последнему связанию в снопы для сожжения: люди, которые предавались нечестию и беззакониям каждый по себе, время от времени более и крепче связываются в сообщества, в скопища, в соумышления. Да не спим, братия, но да бодрствуем; и да стережем и возвращаем каждый в сердце своем зерно духа, которое Божественный Сеятель посеял в нас крещением и поучением Евангельским.

А вы, небесные жатели, Ангели Божии! Прежде нежели явитесь пред нами с трубным гласом, возвестить жатву, вожделенную и страшную, глаголите к нам тихим гласом кроткаго возбуждения к покаянию и бдению духовному, *да не когда уснем во грехе в смерть. Ополчайтесь окрест нас,* и избавляйте нас от врага, сеющаго в нас плевелы, пищу огня геенскаго. Аминь.

52. СЛОВО

в день знамения Пресвятыя Богородицы.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 годов)

<1825>

*И воздохнув духом Своим, глагола: что род сей
знамения ищет? Аминь глаголю вам, аще
дастся
роду сему знамение. Марк. VIII, 12.*

Роду Иудейскому, неверному и развращенному, Господь угрожает, что не дастся ему знамение. А мы, Христиане, род избранный, не должны ли уповать напротив, что дастся нам знамение во благо и во спасение?

Да! Было время, когда Христиане обильно сеяли не в землю и в плоть, но в дух и в небо; и соответственно с тем в обилии получали плоды духовные и небесные: сеяли веру, и пожинали знамения и чудеса, благотворныя и спасительныя, питающия и укрепляющия дух для жизни вечной. И взаимно Бог сеял с небес знамения и чудеса; и они приносили на земли, между человеками, плоды покаяния, исправления, веры, надежды, благодарения Богу, добродетелей всякого рода. Бог не редко творил чудеса, не только чрез святых человеков, но и чрез святыя знамения, или чрез видимые знаки и воспоминательные образы святыни, как то, чрез чистыя тела Святых, чрез святыя иконы: и творил Он чудеса столь очевидно и торжественно, что Церковь торжественному воспоминанию некоторых чудес или чудодейственных знамений особенные дни посвятила.

А ныне, уже не по воспоминаниям ли только известны нам знамения? Не ищем ли мы оных, как редкости? Не тщетно ли оных ищем?

Итак не опять ли сетует Господь на род сей? Не опять ли с грозною решительностию отказывает в знамении? *Что род сей знамения ищет? Аминь глаголю вам, аще дастся роду сему знамение.*

Замечание, что мы не видим ныне чудес, так обыкновенно, и столь разными, не редко странными, сопровождается суждениями, что не бесполезно размыслить, от чего мы ныне чудес не видим.

Некоторые говорят решительно, что мы не видим чудес, поелику их нет, да и быть им в наше время не должно. Ибо чудеса употреблены Богом, как средство для распространения и утверждения веры: и потому, когда вера довольно распространена, и утверждена безопасно, то и чудеса для нея сделались не нужными.

Соглашаюсь, если угодно, с сими умствователями, что чудеса употребляются Богом, как средство для распространения и утверждения веры. Но должно ли заключить из сего, что чудеса уже не нужны в наше время, предоставляю разсудить безпристрастным. Если есть неверующие: то не излишни средства для распространения веры. Если есть враждующие против веры, и силящиеся поколебать ее: то не излишни средства для утверждения веры. Но как неверующие и враждующие против веры, к прискорбию и к опасности верующих, действительно в наше время есть, и даже в самом недре видимого Христианства, как змия

в пазухе: то должно ли, повторяю, заключить, что чудеса, как средство для распространения и утверждения веры, в наше время уже не нужны?

Но, чтобы не угодить самонадеянным умствованиям с оскорблением истины, исследуем их мысль, что чудеса употребляются Богом, как средство для распространения и утверждения веры. Есть чудеса, которые очевидно направлены к распространению веры. Таково, например, *дарование языков*, или чудесно сошествием Святого Духа дарованная Апостолам способность говорить неизвестными им дотоле языками. Очевидно, что намерение сего чуда было, дать всем народам ближайшую удобность услышать учение веры. История Христианства показывает, что дарование языков сильно действовало в начале Христианства, что посредством онаго вера с скоростью молнии проникла во все народы мира; но что вскоре, когда каждый принявший веру народ начал иметь в себе знающих ея учение, и могущих сообщать оное на природном языке, при пособии обыкновенного изучения языков, на которых писали человеки Божии, чудесное дарование языков скрылось. В сем случае не без основания утверждать можно, что чудо прекратилось, как уже не нужное. Но есть другия чудеса, которые не столь тесно связаны с распространением веры; которые и там, где вера уже распространена и утверждена, могут быть употреблены во благо и спасение человеков. Таково, например, дарование исцелений, или чудесная способность исцелять от болезней молитвою, словом, возложением рук, и при посредстве некоторых других знамений. Для чего Царь Езекия поднят со смертного одра чрез Пророка Исаию, и возвращен к жизни на пятнадцать лет? Для того ли, чтобы слава о сем знамении веры дошла до неверного Вавилона, и привлекла оттуда сколько ласкательное, столько же опасное посольство, которое ввело Царя в искушение тщеславия и было случаем к предсказанию страшных событий? Не о сем молился и плакал Езекия. *Господи, взывал он, помяни, яко истинною ходих пред Тобою, и сердцем совершенным, и угодная пред очима Твоими сотвори.* И Бог ему отвечал чрез Пророка: *услышах молитву твою, и видех слезы твои: се Аз исцелю тя* (4 Цар. XX, 3. 5). Итак сие знамение было со стороны Божией дело неизреченного человеколюбия и крайняго снисхождения, в отношении к Езекии награда веры и добродетели; для других верующих, но немощных в вере, побуждение к крепкой вере и упованию на Бога. Почему и Сам Иисус Христос воскресил сына вдовицы Наинской? Евангелист не показывает иной сему причины, кроме той, что Господь сжалился над вдовицею. *Видев ю Господь, милосердова о ней* (Лук. VII, 13). Когда могут быть излишними такая чудеса, по таким побуждениям, для таких целей? Когда Апостол Иаков, предписав *болящему призывать пресвитеры церковныя, да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем, во имя Господне*, присовокупляет обещание, что *молитва веры спасет болящаго, и воздвигнет его Господь* (Иак. V, 14. 15): что сие значит, как не то, что он увековечивает в Церкви Христовой дарование исцелений, данное от Господа в начале Апостолам? На время ли и Сам Господь дал верующим сей закон и сие право: *веруяй в Мя дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больши сих сотворит* (Иоан. XIV, 12)? *Веруяй – сотворит*: следственно, доколе есть на земли верующие, дотоле должны быть творящие дела Христовы, и *больши сих*, а в числе сих великих дел, без сомнения, заключаются и знамения или чудодействия. Скажем еще свободнее: как всегда есть Бог, так всегда есть и чудеса: ибо как всегда Бог существует, так всегда же и действует; если Он действует, то очевидно есть дела Божии; дела собственно Божии суть чудеса. *Ты еси Бог творяй чудеса* (Псал. LXXVI, 15)! Тщетно дерзновенное мудрование твари хочет похитить у Тебя сие вечное преимущество и выражение Творческого всемогущества. *Ты еси Бог творяй чудеса!*

Но если посему и ныне можно и должно быть чудесам, от чего же мы их не видим? Не станем изъяснять сего догадками, которые обманчивы. Посоветуемся с опытами, которые верны.

В то время, которое все называют временем знамений и чудес, во время земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, видели ль знамения? Были ль чудеса? Вы можете смеяться над сими вопросами. Но спросите Фарисеев того времени, спросите вообще людей рода того: видели ль они знамения? Были ль тогда чудеса? – Не видали; не было. Так по необходимости должно им ответствовать. Ибо, если бы они видели знамения: то на что бы им *искать знамения*, и сим исканием *искушать Господа*, как они сие делали: *изыдоша Фарисеи, и начаша стязатися с Ним, ищуще от Него знамения с небесе, искушающе Его* (Марк. VIII, 11)? Если не удостоверяет вас притворное искание Фарисейское: пусть удостоверит вас непритворный отказ Иисусов. *Что*, глаголет Он, *что род сей знамения ищет? Аминь глаголю вам, аще дастся роду сему знамение*. Если Он сказал, что не дастся чуда роду тому: то верно так и сделал, и потому не было чуда для рода того.

Что глаголеши Господи? Как *не дастся роду сему знамение*? Не дал ли Ты ему безчисленных Божественных знамений? Не слышиши ли, как исповедует их один от рода того: *никтоже может знамений сих творити, яже Ты твориши, аще не будет Бог с ним* (Иоан. III, 2)? И что же, как не знамения и чудеса, указуешь Сам Ты ученикам Иоанновым: *слепии прозирают, и хромии ходят, прокаженнии очищаются, и глушии слышат: мертвии встают, и нищие благовествуют* (Матф. XI, 5)?

Что же все сие значит? Мы думали разрешить вопрос примером; но в сем примере нашли новый мысленный узел. Видят знамения и чудеса Христовы, и не видят их; оне есть, и нет их. Найдем концы сего узла: и все развяжется. Никодим видит чудеса Христовы. Фарисеи не видят их. Немногим ученикам Иоанновым дает Господь многия знамения: но роду тому или ни одного, или одно *знамение Ионы Пророка*, то есть, Свою крестную смерть и воскресение. Не трудно из сего усмотреть, что так должно быть и во все времена. Для верующих есть знамения и чудеса, и они видят их: для неверующих частию не даются знамения, частию и совершающихся чудес они не видят, как-бы их не было.

Одна из причин, по которым чудеса бывают невидимы, находится в самих Чудотворцах. Истинные Чудотворцы не любят показывать чудеса свои. Сам Иисус Христос, Глава и совершеннейший образ чудотворцев, Который для того и пришел на землю, чтобы чрез Него человеки познали спасительно чудодействующую силу Божию, Который, действуя открыто для славы Божией, не имел нужды остерегаться искушения славы человеческой, имея против сего искушения силу и славу Божественную, – и Он однако не столько, по видимому, открывал, сколько сокрывал Свою чудодейственную силу. Кроме торжественно-обещанного и данного всему роду тому, или и всем родам и народам *знамения Ионы Пророка*, то есть, чуда смерти и воскресения Христова, которое необходимо нужно было поставить в свете и славе, как солнце на тверди чудес, и кроме немногих еще знамений, каковы на пример, воскрешение Лазаря и небесный глас над Сыном Божиим, прославляющий в Нем имя Божие, в которых видна открытая торжественность чудодействия, – большая часть чудес Христовых совершена не только без усилия огласить оныя, но и с некоторым старанием скрыть оныя. Исцелил прокаженного: и тотчас *глагола ему Иисус: виждь, никому же повеждь* (Матф. VIII, 4). Воскресил дочь Иаира, и когда родители дивились, и готовы были прославлять Его, – *Он же повеле има никому же поведати бывшаго* (Лук. VIII, 56). Преобразился на Фаворе во славу, пред тремя только избранными учениками: но и сим *сходящим с горы заповеда Иисус глаголя: никому же поведите видения, дондеже Сын человеческий из мертвых воскреснет* (Матф. XVII, 9). Для чего такая скрытность? – Для того, чтоб, по Его притче, *не метать бисера пред свиньями* (Матф. VII, 6), чтобы святые дела Божии не были оскорблены нечистыми и хульными устами грешников или попораны презрением невежд; – для того, чтобы действию тайны, глаголанной ко уху, не повредить преждевременным

проповеданием на кровях; – для того, чтобы нам оставить образ, не вдаваться славе человеческой, опасной для добродетели. Сей премудрой и святой скрытности чудодействующаго Богочеловека, и по долгу, и по страху искушения, последуют все чудодействующие человеки, во все времена, во всем мире. Укажем на домашний пример: пока жил Преподобный Сергей, хотя по некоторым его действиям не укрылась в нем чудодейственная сила, но его важнейшее чудодействие, – воскресение отрока, закрыто было строгою заповедию отцу воскресеннаго.

Другая причина, по которой чудеса не только не бывают видимы, но и совсем не совершаются, есть неверие, или маловерие – или тех, которым надлежало бы совершать оныя, или тех, для которых бы они совершались, или тех и других вместе. Сказано, что *вся возможна верующему* (Марк. IX, 23): чрез сие сказано и то, что маловерному мало возможно, а неверующему невозможно ничего такого, для чего нужна мощь, высшая человеческой. Однажды Апостолы не могли изгнать беса. *Почто мы не возмогохом изгнати его?* вопрошали они Господа. *Иисус же рече им: за неверствие ваше* (Матф. XVII, 19. 20). Но, что еще удивительнее, и Всесильный Господь Иисус, пришед некогда во отечествие Свое, *не сотвори ту сил многих, за неверство их* (Матф. XIII, 58). Не ужели и всемогущество изнемогает против неверия? Нет! Оно всегда остается всемогуществом: но или ожесточенное сердце не приемлет благодатной силы, подобно как грубый, неблагородный камень не приемлет в себя света; или святая сила, по милосердой предосторожности, не прикасается к недостойному, как огонь – к соломе, чтобы она в нем не исчезла.

Сии общия разсуждения о чудесах обратите, если угодно, в особенности на наше время, и на себя самих.

От чего мы не видим чудес? – Кто может, пусть ответствует иначе: а мне кажется, что мы по необходимости приведены к сему ответу: не видим чудес, или редко видим их, или потому, что они скрываются от нас, как недостойных доверенности, или потому, что и не совершаются по нашему неверию или маловерию.

Как чудодействовать над нами молитве, когда молитва наша и кратка, и хладна, и невнимательна, и не столько по вере и сыновней любви к Богу, сколько по некоторой невольной покорности закону Его приносится?

Как чудодействовать над нами слову духовному, когда сердце наше, как одичавшая нива плевелами, тесно засеяно и зарощено словами суеты, желаниями плоти, помыслами беззакония?

Как чудодействовать над нами таинствам, если мы приступаем к ним только по неизбежной необходимости, без тщательнаго предварительнаго очищения, без пламеннаго стремления к соединению с Богом? Апостол Павел, обличая Коринфян в недостойном причащении Тела и Крови Христовы, заключает: *сего ради в вас мнози немощни и недужливи, и усыпают довольни* (1 Кор. XI, 30), то есть, многие поражаются внезапною смертию за оскорбление святыни. Мне кажется, для многих из нас и то уже есть чудо милосердия Божия, если в подобных случаях подобныя казни нас не постигают.

Прибегнем, братия, к чудодействующему непрестанно во спасение наше Господу, и каждый о всех, и все о каждом, воззовем к Нему со Апостолами: *Господи, приложи нам веру* (Лук. XVII, 5). И потом уже с Давидом: *сотвори со мною знамение во благо: и да видят ненавидящии мя, и постыдятся, яко Ты, Господи, помог ми и утешил мя еси* (Псал. LXXXV, 17). Аминь.

53. СЛОВО

пред присягою для избрания судей.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 годов).

<1825>

*Рече же Моисей: молюся ти, Господи;
избери
могуща иного, егоже послещи. Исх. IV, 13.*

Так отрицался Моисей, когда избираем был в представителя и вождя народа Израильскаго. Хотя избирающий был Бог, всеблагий, следственно избрание без сомнения имело цель благотворную, — всеведущий, — следственно не мог Он погрешить в избрании, — всемогущий, — следственно мог дать избираемому все потребные средства оправдать избрание; хотя Бог, открывая Свое избрание, и спасительное намерение сего избрания Моисею открыл, и Свое присутствие и помощь ему обещал, и познанием Своего имени просветил его, и чудодейственною силою вооружил: не смотря на все сие Моисей отрицался от избрания. *Молюся Ти, Господи; избери могуща иного, егоже послещи.*

Но к чему сие теперь, думают, может быть, предстоящие здесь, собравшиеся испросить от Бога помощь и произнести пред Олтарем обет верности в начинающемся деле избрания? Надобно ли, чтобы те, на которых падет избрание, отреклись от избрания, и привели в затруднение избирателей?

Знаю, что если бы все отреклись от избрания в должности начальников и судей; то некому было бы начальствовать и судить, и жизнь общественная лишилась бы благородных орудий, посредством которых она правильно движется и сохраняется от повреждения и разрушения. Но и напротив, должно знать, что если бы все захотели начальствовать и судить; сие вело бы к тому, чтобы не было подчиненных, следственно и управления, не было бы признающих над собою суд, следственно не было бы места правосудию.

Между сими крайностями, — от которых да сохранит нас Бог! — посмотрим, не укажет ли нам безопасной середины отречение Моисеево, которое однакож кончилось покорностию избранию, и не даст ли сей пример полезных наставлений, не только избираемым, но и самым избирателям.

Расположение избираемого в общественную должность может быть троякое в отношении к избранию: или он ищет и домогается избрания, или уклоняется от онаго и убегает, или, в ожидании куда падет жребий избрания, остается равнодушным и спокойным.

Кто в сем случае равнодушен и спокоен: того беспокоить и колебать не станем. Пусть его душевные силы и склонности стоят в безмятежном равновесии. Желаем только, чтобы средоточием, на котором сие равновесие должно покоиться, была доверенность к избранию видимому, но с тем вместе и невидимому жребию, который никогда не падает слепо, и которому, приметно ли, не приметно ли, следует, слепой иногда, шар видимаго избирателя.

А кто ищет и домогается избрания в общественные должности, особенно высшие: тому не обинуясь скажем: вот к чему приводится пример Моисея; вот к чему повторяются его слова: избери могуща иного!

Еще до избрания можно было примечать, а по избрании открылось ясно, кто был Моисей, и к чему Он был способен. Он был Мудрец и Пророк. Он был способен одною рукою и жезлом, защитить целый народ угнетенный, отразить целый народ угнетающий. Он был способен не только руководствовать народ, и судить по законам уже принятым, но и начертать, под непосредственным руководством Всевышнего Законодателя, новые законы, и ввести их в употребление. Дух его был чреват необъятно великими делами: а чувствовал себя малым и ничтожным, подобно как желудь не знает, что из него родится дуб.

Таково свойство людей, истинно способных, и душ возвышенных. Чем больше их способность, чем возвышеннее их понятия и чувствования: тем в большем свете, тем выше над собою, представляют они то, что называют совершенством; следственно тем далее от совершенства внутренно видят себя самих, тем менее на себя полагаются, тем более смиряются, тем менее ищут видимого возвышения, и даже иногда уклоняются от онаго и убегают. *Избери могуща иного!*

Желательно, чтобы в сие зеркало пристально посмотрелись отважные и неутомимые искатели начальственных должностей, дабы лучше узнать, каким представляется образ духа их в чистом свете истины. Почему они усиленно ищут начальствования? Не потому ли, что сильно чувствуют свою способность к оному? Но истина показывает, что присутствие отличной способности оказывается совсем иным, даже противоположным тому образом. Испытатель природы спокойно разсматривает луну, определяет ее путь, исследывает свойства и действия; младенец со слезами требует, чтобы ее сняли с неба, и дали ему в руки: от избытка ли способности происходит в сем случае нетерпеливое желание?

Нет ли таких искателей права начальствовать или судить, которые не затрудняют себя заботливым размышлением, способны ли они начальствовать, или судить, а довольствуются приятными мыслями, что будут носить почетные звания начальников, или судей, достигать преимуществ, пользоваться выгодами? Не станем и мы, если так им угодно, затруднять их дальним исследованием их образа мыслей; удовольствуемся подать им легко понимаемую мысль, что суд не есть торговля, и почетные звания и преимущества учреждены для должностей, достоинств, заслуг, а не для тщеславия.

Если не принимаем труда размышлять: примем по крайней мере готовое размышление и совет, который давно для нас обдумал мудрый и опытный муж. *Не проси у Господа владычества, ниже от Царя седалища славы. – Не ищи, да будеши судия, егда не возможеши отъяти неправды: да не когда убоишися лица сильного, и положиши соблазн в правости твоей* (Сир. VII, 4. 6).

Впрочем, кто и *не ищет, да будет судия*, и даже уклоняется от начальствования: и тому, чтобы сим безопасным, повидимому, путем, не уклонился он в соблазн, и не впал в неправду, не бесполезно указать надежного предшественника в пути отречения, опять того же, который сказал: *избери могуща иного*.

Почему отрицается Моисей от избрания? Не потому ли, что имеет много собственных дел, которых дает ему возрастающее семейство его, управляемое им хозяйство сродника, и нужда помышлять о устроении собственного хозяйства? – Нет. Не потому ли, что сей

воспитанник дочери Фараоновой, быв так близко к престолу, и добровольно удалясь от него, находит после сего уже скучным, или низким для себя, предводительствовать не славным племенем скотопитателей и плинфodelателей? – Нет. Стараясь отклонить избрание от себя *иному могущему*, он признает чрез сие свою немощь, и на сем признании основывает свое отречение. Притом он не отвергает избрания дерзновенно и упорно: а просит освобождения от онаго кротко и смиренно: *молюся Ти, Господи!* Как же скоро Всевышний Избиратель явил Себя непреклонным в Своем изволении: тотчас избранный преклонился пред Его судьбою, пошел, и оправдал избрание.

Так люди достойные оказывают в себе новое достоинство, когда отрекаются от достоинства. Они уклоняются от общественных должностей не потому, что находят их не довольно сообразными с своею личною пользою, не довольно приятными, не довольно почетными: но по чистому смирению. Они не смеют принять избрания, когда оно приближается: но также не смеют не принять избрания, когда оно совершилось.

Судите посему, на правом ли пути тот, кто без особенной нужды, по желанию только собственной выгоды, или покоя, убегает от дел общественных к своим личным и домашним. Скажите, благородные и просвещенные мужи, просвещенный ли то образ мыслей, благородный ли то образ чувствований, если для меня мое важнее общественного, и я дороже отечества? Неужели я удобнее могу обойтись без общества, нежели общество без меня? Могут ли быть устроены и приведены в безопасность мои дела, если общественные будут пренебрежены и допущены до разстройства?

Как не высока и сия мысль, когда некоторые люди, некоторые степени общественного избирательного служения находят низкими для себя, и потому не принимают избрания! О, Боже Всевышний! Как же для Тебя не низко управлять сим дольным миром? *Что есть человек, яко помниши его? Или сын человек, яко посещаеши его* (Псал. VIII, 5)? Если бы Ты положил в уме твоём, что сие низко: Ты бы его забыл, и он исчез! Но когда для Всевышнего Бога не низко, помнить и посещать, хранить и терпеть, миловать и спасать сию бrenную и грешную, и потому конечно весьма низкую, тварь: ты, сын человеческий, который думаешь, что пещись о некоторых подобных тебе человеках, и даже начальствовать над ними, для тебя низко, – не ужели ты выше Всевышнего?

Кто любит высокое: тот пусть узнает истинное средство сделать высоким свое общественное служение. *Иже аще хочет в вас вящий быти: да будет вам слуга* (Матф. XX, 26).

Сего, по скудости нашей, довольно для избираемых. Обратим остаток слова на избирающих.

Не раз Моисей отрицался от избрания: даже до того, что за сие *разгневался яростию Господь на Моисея* (Исх. IV, 14). Но гнев на отрицание не победил благоволения к достоинству; и отрицание избираемого не воспрепятствовало Всевышнему Избирателю совершить дело избрания. Моисей отрицался; напротив того Корей, Дафан, Авирон, с целым сонмом единомысленников, домогались: отрицавшийся избран, а домогавшиеся отвержены.

На сии образы, прилучавшиеся древним, а написанные в наставление наше, взирайте, благонамеренные избиратели, внимательно: и поучайтесь важному делу избрания. Для великаго ли, для малаго ли общества, не малая разница, Моисея избрать, или Корей. Старайтесь узнать Моисея, или ему подобных: умейте от них различить Корей, или его подражателей. Не редко Моисей убегает и скрывается: надобно найти его, и узнать

достоинство сквозь покров скромности и смирения. Может случиться, что он будет отрицаться от избрания: не должно тотчас мстить за сие отвержением, должно разсудить спокойно, справедливее ли уважить отрицание, или полезнее настоять на избрание. Корей, напротив, ходит из кущи в кущу; набирает соумышленников для своего избрания; старается предупредить в свою пользу *начальников сонма*, и для всех простирает сети льстивых речей, *яко весь сонм, вси святы* (Числ. XVI, 3): будьте осторожны, не дайте уловить себя. Избирайте не того, кто ищет должности, но кого должность ищет. Дайте обществу верных блюстителей порядка и правосудия: а не предайте общества искателям власти, либо корысти.

Какое доброе учреждение, какая доверенность верховной Власти к сословиям подданных, когда им даровано право избирать для себя непосредственных блюстителей порядка и правосудия из среды себя! Упрочьте доброе учреждение добрым исполнением; оправдайте доверенность; употребите данное право так, чтобы верховная Власть не имела причины раскаяваться, даровав оное. *Усмотрите себе*, скажу наконец с одним из древних советников, *усмотрите себе мужи сильны, Бога боящиеся, мужи праведны, ненавидяция гордости* (Исх. XVIII, 21).

В намерении такового избрания произнесите ныне обет ваш пред сердцеведцем Богом. Он, непогрешительный во временном, как в вечном своем избрании, да благословит и совершит предприемлемое избрание, ко благу всех и каждого. Аминь.

LXXXIII.

54. РЕЧЬ

**при всенародном открытии, хранящегося в Московском
Успенском Соборе, завещательного акта в Бозе почившаго
Государя Императора Александра Павловича, о назначении на
наследственный Всероссийский Престол Его Императорского
Величества Благочестивейшаго Государя Николая Павловича
Императора и Самодержца Всероссийскаго.**

(Говорена декабря 18 дня; напечатана отдельно,

и в Московских Ведомостях 1825 года и

в собраниях 1835, 1844 и 1848 годов).

<1825>

По собрании в большом Успенском Соборе Правительствующаго Сената, Военных и Гражданских Чинов и народа, Архиепископ Московский, в полном облачении, в предшестве прочаго духовенства, вышел из святаго Олтаря, неся над головою серебряный ковчег, остановился у приготовленного на предолтарном Амвоне стола, и, имея пред собою ковчег, говорил:

Внимайте, Россияне!

Третий год, как в сем Святом и освящающем Царей Храме, в сем ковчеге, который вы видите, хранится великая воля Благословенного Александра, назначенная быть последнею Его волею. Ему благоугодно было закрыть ее покровом тайны: и хранители не смели прежде времени коснуться сего покрова.

Прошла последняя минута Александра; настало время искать Его последней воли: но мы долго не знали, что настало сие время.

Внезапно узнаем, что Николай, с наследованною от Александра кротостию и смирением, возводит старейшего Брата; и в тоже время повелевает положить новый покров тайны на Хартию Александра.

Что нам было делать? Можно было предугадывать, какую тайну заключает в себе Хартия, присоединенная к прежним Хартиям о наследовании Престола. Но не лзя было не усмотреть и того, что открыть сию тайну в то время, значило бы раздрать на двое сердце каждого Россиянина. Что же нам было делать?

Ты видишь, Благословенная Душа, что мы не были неверны Тебе: но верности нашей не оставалось инаго дела, как стеречь сокровище, которое не время было вынести на свет, — как оберегать молчанием то, что не позволено было провозгласить. Надлежало в сем ковчеге, как бы во гробе оставить Царственную тайну погребенною, и Небесам предоставить минуту воскресения.

Царь Царствующих послал сию минуту. Теперь ничто не препятствует нам сокрушить сию печать, раскрыть сей, Государственную жизнь сокрывающий, гроб. Великая воля Александра воскреснет.

Россияне! двадцать пять лет мы находили свое счастье в исполнении Державной воли Александра Благословенного. Еще раз вы ее услышите, исполните, и найдете в ней свое счастье.

После сего снята с ковчеге печать, вынут из него пакет, и по освидетельствовании на нем печати и собственноручной надписи в Бозе почившаго Государя Императора Александра Павловича, открыт и прочитан Архиепископом Высочайший Манифест в Бозе почившаго Государя Императора Александра Павловича с приложенным при нем оригинальным Его Императорского Высочества Государя Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича отречением от права на наследование Престола. За сим приступлено к присяге на верность подданства Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу, с установленною торжественностью.

LXXXIV.

55. СЛОВО

к новоизбранным судиям пред произнесением присяги.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1825>

*Боящиеся Господа обрящут суд, и
оправдания,
яко свет, возжгут.* Сир. XXXII, 18.

Избрание искало судей, и обрело их: теперь избранным судиям надлежит искать суда, и – о, если бы они *обрели суд, и оправдания, яко свет, возжгли!* О, если бы нашли они для себя, и употребили для общества, такое искусство судить, чтобы оправдание невинного, и обвинение виновного, ясно было, как свет; чтобы верное познание истины возжигало в них самих живую ревность к порядку и благу общественному, и распространяло сей священный огонь во всем круге их действия!

Народ ищет суда у поставленных судей: где же поставленным судиям искать суда, так чтобы он был у них готов для всякого человека, для всякого дела, для всякого случая? Не в законах ли? Без сомнения, всего ближе искать онаго там. Ибо для чего и написаны законы, если не для того, чтобы судии обретали в них готовый суд, который бы оставалось им только прилагать к известным лицам, делам и случаям?

Но мне кажется, что искание суда в близком, по видимому, хранилище, каковы суть книги законов, не без затруднения для судии новопоставленного. Чтобы обрести суд в законах, надлежит изучить их; но вероятно, что не каждый новоизбранный судия изучил законы предварительно, так как не каждый предназначал себя к званию судии: как же скоро кто избран в сие звание, он должен тотчас вступить, не в училище судей, а в самое судилище; а судилище не позволяет судить сперва, как случится, доколе научатся судить, как должно. Кроме сего, разнообразное множество законов не редко затрудняет и сведущих и опытных в законоискусстве; а ежедневно рождающиеся новые законы, в изъяснение и дополнение прежних, показывают, что разнообразие дел и случаев, простираясь гораздо далее разнообразия законов, ежедневно представляет, и будет представлять, новые дела и случаи, на которые готового суда в законах не находится.

Где же поставленным судиям искать более готового суда? Не в здравом ли разуме? Подлинно, разум судил людей, когда ни одного закона не было еще написано; потом разум же написал законы для суда; и наконец в тех, которые обязаны судить по законам писанным, живет еще тот же человеческий разум, который произвел все человеческие законы.

Но мне кажется, и в разуме, хотя каждый носит с собою сию сокровищницу истины, – и в собственном разуме найти готовый суд не без затруднения. В самом деле, если бы удобно было каждому судии обрести суд в собственном разуме: то не для чего было бы писать законы. Поелику же найдено нужным написать законы: то сие показывает, что найдено неудобным почерпать суд из одного собственного разума: так как сей источник у иных не открыт, у иных безводен, у иных наполнен брением, или засыпан прахом, то есть, иным недостает образования, иным способности, у иных предрассудки или страсти заглушают здравый смысл и естественное чувство справедливости. Закон есть опытом утвержденный разум не одного человека, но правительства, целого народа, многих поколений: как может сравниться с ним личный разум одного какого либо человека? Закон тем чище видит умственно, тем вернее показывает отрешенную истину суда, что он не развлекается видом чувственной личности подсудимых и прикосновенных к суду; для него нет ни лица сильного, ни врага, ни друга, ни даров: напротив того личный разум судии тем удобнее ослепляется духовно, чем более видит чувственно; при виде сильного возмущается страхом, для друга смягчается, и, думая снисходить, впадает в слабость; на врага раздражается, и строгость простирает до жестокости; дарами прельщается, и, преследуя воздаяние, не приметно теряет из вида правосудие.

Где же и легко, и верно, найдут судии суд законный, при обыкновенных неудобствах со стороны законов, благоразумный при обыкновенных несовершенствах человеческого разума? Кто постигнет сию тайну суда? Кто, подобно Высочайшему и Совершеннейшему

Судии Богу, *изведет, яко свет, правду*, которую затьмевать между человеками соединяются искусство и неведение, сила и немощь, живущая в судии страсть и мертвый разум законов? Да не оскорбятся законоведцы и мудрецы; но паче да вразумятся; не их собственно званию поверяет Верховный Судия великую тайну суда; есть другое, более действительное звание, тайных Его советников, звание боящихся Господа. *Боящихся Господа обрящут суд, и оправдания, яко свет, возжгут.*

Боящийся Господа имеет закон, в котором все множество законов заключается, все разнообразие законов согласуется. Ибо если цель всех законов есть правда, порядок, благо: и если всеобщее основание всякого блага, порядка, правды лежит во благой, премудрой и святой воле Божией: то всеобщее основание и корень законов есть не делать и не попускать ничего противного воле Божией, а сие-то и есть бояться Господа.

Боящийся Господа находится у самого источника разума и премудрости: поелику *начало премудрости страх Господень*.

Боящийся Господа в суде не страшится сильного: ибо страшен ли стук колесницы во время грома? И старший между рабами велик ли в присутствии царевом?

Боящийся Господа не повредит суда по любви к другу или по ненависти к врагу: поелику он никого не любит паче Бога, и по любви к Нему хранит суд; а врагов он не имеет, потому что, боясь Бога, боится и закона Божия, повелевающего любить врагов.

Боящийся Господа в суде не прельстится дарами: поелику он боится потерять благодать Божию и Царство небесное; где же найти такое сокровище, для которого бы он мог решиться на такую потерю?

Так важен для праваго суда и правосуднаго начальствования страх Господень. Посему-то, приавшие жребии общественных служений судебных и начальственных, посему-то и поспешают вас оградить страхом Господним, чрез священную клятву пред Словом Господа, пред крестным изображением Господа, пред олтарем Господа, пред лицом невидимаго, но видящаго сердца и помышления Господа.

Со страхом Божиим приступите к клятве: с усугубленным клятвою страхом Божиим отыдите на служения ваши. Страх Господень да вспомоществует вам *обретать суд, и оправдания возжигать, яко свет*. Аминь.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

СЛОВА И РЕЧИ,

напечатанные

при жизни проповедника, но не внесенные

в собрания 1844, 1848 и 1861 годов.

(Находящееся здесь слово взято для печати из журн. «Христианское Чтение»).

1824 год.

24. Слово в день Святыя Пасхи.

(Говорено в Успенском Соборе апреля 6 дня;

напечатано отдельно и в Христианском Чтении 1836 года).

<1824>

Христос воскрес!

Воистину верен Господь во всех словесех Своих (Псал. CXLIV, 13). Сказал ученикам, отходя на вольное страдание: *паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возмет от вас* (Иоан. XVI, 22); и вот, после страдания, смерти и воскресения, когда дело Его на земле совершено, когда самая плоть не удерживает Его на земле, будучи освобождена от смертности, когда во всем существе Своем Он чувствует стремление взйти к Отцу Своему небесному, *восхожду*, говорит, *ко Отцу Моему* (Иоан. XX, 17), – Он медлит однако на земле, чтобы дать обещанную радость Своим земным братьям. Является ученицам, которые одержимы были то печалию, то страхом; и врачует болезни сердец их словом радости: *се Иисус сrete я, глаголя: радуйтесь* (Матф. XXVIII, 9). Является ученикам, которые от невидимой брани сатаны, *просившаго, дабы сеял их, яко пшеницу* (Лук. XXII, 31), и от видимого нападения Иудеев, обратились было в бегство, рассыпались, скрылись; и прекращает опасности брани вестию мира: *прииде Иисус, и ста посреде, и глагола им: мир вам* (Иоан. XX, 19). Точно, по Его предсказанию, они видят Его, и сердце их радуется: *возрадовашася убо ученицы, видевшие Господа* (Иоан. XX, 20). Если же хотите видеть и то, что радость их точно неотъемлема: посмотрите, как сии люди, которые недавно собственным малодушием побеждены были, прежде нежели сделанное на их Учителя нападение дошло до них, из которых самый твердый от ничего незначащаго слова рабыни, как лист от ветра вострепетал и пал, – как после сии же люди идут из верховнаго судилища своей земли, получив от него раны и запрещение говорить о имени Иисуса: *они же убо идяху радующеся от лица собора, яко за имя Господа Иисуса сподобилиася безчестие прияти* (Деян. V, 41).

Что радость воскресения Христова никем и никогда неотъемлема у тех, которым дарует ее Воскресший, не можно ли видеть и теперь на самом опыте, когда после столь многих оборотов времен, после столь различных перемен людей, родов и народов, и ныне, также как в первый свой день, она жива, полна и совершенна в сердцах истинно верующих?

Блажен, чье сердце обрело неотъемлемую радость Воскресшаго Спасителя своего, и не теряет ея! Ибо всегда имеет сию радость собор всех учеников Христовых, или одним словом, Церковь: но каждый ученик в особенности, или что то же, каждый член Церкви, может иметь оную, и не иметь, может найти ранее и позже: так из самых Апостолов Фома осмью днями позже прочих обрел полную радость воскресения Христова. Никакою силою не может быть отнята сия радость у тех, которые благоразумно и крепко хранят ее в сердцах своих: но волен безразсудный променять сию безценную Божественную радость на какуюнибудь мирскую, ничтожную, или потерять оную нерадением.

Христиане! если судить по признакам наружным: то можно заключить, что мы все, или по крайней мере из всех наибольшая часть, обрели радость воскресения. Она в нынешнюю священную полночь просветила всю Церковь полуденным светом, дала каждому из нас горящий светильник, и поставила нас в чине мудрых дев, исходящих во сретение Жениху

■небесному; она почти всему Богослужению нашему дает ныне образ торжественного пения и воскликновений; она цветет на лицах, на одеждах, часто является написанною на устах, и запечатлевается лобзаниями.

Приятны знамения: но той ли точно радости, которую обещал Виновник нашей радости? Есть ли в нашей радости тот признак истинной радости, что она неотъемлема: *радости ваша никтоже возмет от вас?* Продолжится праздник; и, может быть, продолжится только в том, что мы будем оставаться праздными от дел общественного звания, и от телесных работ, или еще обратимся к упражнению неблагородным, к удовольствиям чувственным, к забавам суетным; а не в том, чтобы мы, упразднившись от всякого заботливого или пристрастного занятия тварями, праздным от чувственных впечатлений умом принимали свет Божий чрез молитву и духовное учение, и неработающим никакому земному вожделению сердцем успокоивались в любви Божией, посредством веры и надежды. Пройдет праздник; настанут будни, которые будут нас рано будить на дела мирския и плотския, для потребностей и выгод нашей смертной жизни: тогда, может быть, радость воскресения не только воздремлет, но и умрет в сердце нашем, и погребена будет в прахе и брении житейских попечений. Не должны ли мы признаться, что может сие случиться с нами? А если так: то должно признать, что нынешняя обыкновенная радость наша есть не более, как видимый, несовершенный образ, или только тень истинной, внутренней, совершенной, неотъемлемой радости, которую дарует Воскресший Господь верным рабам, или из рабов избранным друзьям своим. Блажен, скажу паки, кому даровано *внити в сию радость Господа своего* (Мат. XXV, 21); кто и тогда, как угасают праздничные светильники, не остается во мраке духом своим; и тогда, как умолкает торжественное пение, не престаёт *воспевать и петь в сердце своем Господеву* (Ефес. V, 19)!

Может быть, завидуя ли тем, которые наслаждаются сею бессмертною радостью, или сожалея о тех, которые лишаются столь вожделенного наслаждения, ктонибудь спросит: почему же не всем дарована сия радость? – Ответствую: единственный Виновник всеобщей радости с Своей стороны предоставляет ее всем без изъятия; поелику Он за всех умер, и для всех воскрес, а потому и плод Его смерти и воскресения, – бессмертная радость есть достояние всеобщее: но не все достигают того, что всем предоставлено; не все вступают в обладание всеобщим достоянием. – Можно ли, кажется, не воспользоваться благом, которое предлагают, и отдают во власть? – Но нет места сомнению о том, что видно на самом деле. И Фоме прочие Апостолы преподавали радость воскресения: но он сказал: *не иму веры* (Иоан. XX, 25); и тем самым не принял радости дотоле, как наконец дивный в правде и милости Господь, наказав малое неверие кратким лишением радости, но видя, что при всем том Фома не уклоняется от прочих учеников Его, и от слова Его, и от любви Его, явился особенно для Фомы; позволил ему собственными, так сказать, руками взять радость воскресения из живоносных ран воскресшаго тела; обратил кратковременное неверие в вечное доказательство истины, и оскверненные словом неверия уста Апостольския очистились сильным исповеданием веры: *Господь мой и Бог мой* (Иоан. XX, 28)!

Сие приключение Фомы подает случай к новому вопросу: почему бы и для многих не употребить тогоже средства удостоверения и обрадования, какое для него употреблено, то есть, ощутительного присутствия или очевидного откровения Воскресшаго, так как Он Сам радость полагает непосредственным действием Своего присутствия: *узрю вы, и возрадуется сердце ваше* (Иоан. XVI, 22)? Вопрос дерзновенный! Кто может требовать от Господа отчета в образе Его действования, или дать сей отчет вместо Его? И где же возьмем мы ответ, который однако нужен для укрощения дерзости некоторых вопрошающих, гораздо более, нежели Фома, зараженных неверием? Слышу почти тот же

вопрос, о котором говорим, из уст Апостолов: *Господи, и что бысть, яко нам хоцещи явитися, а не мирови* (Иоан. XIV, 22)? Что лучше, как услышать на сие ответ из уст Господа? Но и Он не дает прямого на сие ответа; и Апостолы, когда славу совершившагося воскресения мир хотел затмить ложью и клеветою, не вопрошали уже Господа, почто не является Он миру. Странное дело! Вопрос предложен; ответа не дано; и однако видно, что вопрос разрешился; ибо в другой раз не предлагали его и тогда, когда крайняя нужда того требовала. Как же он разрешился? Остается догадываться, что он разрешился для Апостолов, какими либо другими наставлениями Господа, просвещением от Духа Святаго и самым опытом чудесных действий и явлений Господа. В самом деле, положим, что Господь явился бы, на пример, той самой Синагоге, которая из зависти предала Его на смерть. Думаете ли, что такая очевидность воскресения обратила бы ее к вере, и привела ко спасению? Напрасно! Противное сему дознано уже опытом. Воскресение Лазаря совершилось всенародно, и воскресшаго Лазаря мог видеть всякой, кто хотел. Но какое действие произвела сия очевидность воскресения в членах Синагоги? – Они только более ожесточились в злобном неверии. *Совещаша же Αρχiereе, да и Лазаря убьют* (Иоан. XII, 10). Итак Господь не хотел явиться им, и другим подобным не является, потому, что сие для закосневших в неверии было бы бесполезно, и послужило бы им только к большему ожесточению и к тягчайшему осуждению. Или предположим, если угодно, что и они, будучи поражены зрением Воскресшаго Иисуса, были бы принуждены нареши Его своим Господом. Что же бы последовало? – Вместе с Петром, который так восхвален за исповедание Христа Сына Божия, вы увидели бы Христовым исповедником и Каиафу, изобретателя Христоубийства; он пришел бы таким образом в царство Христово, не как покающийся и желающий исправления грешник, но как уловленный преступник, не имеющий, куда убежать. Таких ли сынов царствия ожидает царствие небесное, которых и земное царство не признает достойными себя членами, когда знает их расположения? Итак премудр Господь в том, что не хочет до времени явиться миру в славе Своего воскресения: Он дает о Себе столько знамений, чтобы желающие могли познать и обрести Его; но не поражает всех чудесами, чтобы с достойными сынами царствия, приемлющими его искренно и свободно, не смешать неключимых рабов, только принужденно и притворно покаряющихся. О сем предварил Он Апостолов, когда сказал: *не приидет царствие Божие со усмотрением* (Лук. XVII, 20). Наконец можно еще полагать не без основания, что Господь щадит сынов мира, когда им не является. Ибо может ли сухая трава также выдержать присутствие огня, как выдерживает золото, которое им очищается и совершенствуется? Не превратит ли он ее мгновенно в пепел и прах? Подобно сему присутствие Божественного Иисуса, которое слабых в вере укрепляет, верных и праведных более и более очищает и просвещает, если бы открылось неверующим и тлеющим во грехах, не попалило ли бы их, и не разрушило ли бы своею чистотою и силою? Что сразит самага сильнаго противника Христова, *егоже есть пришествие по действу сатанину во всякой силе и знамених и чудесех ложных* (2 Сол. II, 9)? Какая высочайшая сила? Какое Божественное оружие? Одно дыхание, или слово уст, одно присутствие Господа Иисуса: *Господь Иисус убьет духом уст Своих и упразднит явлением пришествия Своего* (2 Сол. II, 8). В Савле гонителе Христианства скрыт уже был избранный сосуд Христов: но и он едва не разрушился, когда сила явления Христова нечаянно коснулась его, прежде нежели он был приготовлен к тому. От света Христова он пал на землю, трепетал, ужасался, и отверстыми очами никого не видел.

Перестань, сын персти, дерзновенно искушать и раздражать Господа славы состязанием с Ним, почто не является Он для твоего удостоверения или утешения; обрати вопрос твой на себя, и себя истязи: что делает тебя не способным принять Его радостотворное явление, и что может тебя приготовить к сему, и сделать сего достойным? Сей вопрос правилен: и потому есть на него прямой и ясный ответ Божественного Учителя, преданный нам Его Богодохновенными учениками. *Аще кто любит Мя*, сказал Он, *слово*

Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим (Иоан. XIV, 23). Вот закон и чин блаженнотворных посещений Божественного Спасителя! Как стеклянный сосуд, дабы выдержать сильный жар, должен быть чист и согрет постепенно: так удобосокрушимый состав естества человеческого, чтобы соделаться приятелищем осязательного присутствия Божия, должен быть прежде очищен поучением в слове Божиим, и постоянным упражнением в исполнении заповедей Божиих, и согрет любовью к Богу: тогда Бог, хотя и есть *огнь поядающий* (Евр. XII, 29), не разрушит его святым Своим присутствием, но *свет Христов, просвещающий всякого человека грядущаго в мир* (Иоан. I, 9), как из ночного мрака воскресающий *день, озарит* его, и как *денница возсияет в сердце* его (2 Петр. I, 19); тогда возможен он *откровенным лицом взирать на славу Божию* во Христе, и не только радоваться о ней, но и *в тойже славный образ преобразаться, якоже достоин от Господня Духа* (2 Кор. III, 18). По сему закону и чину открылись явления Господа в день Его воскресения. Ученик, *егоже любяше Иисус* (Иоан. XX, 2) преимущественно пред другими, также преимущественно пред другими любил Его глубокою любовью духа: потому, кажется, он прежде всех приял во глубине духа своего посещение и радость Воскресшаго, когда увидев во гробе Господнем *ризы едины лежаща*, поверил воскресению: *и виде и верова* (Иоан. XX, 6, 8); потому, на него же, кажется, во первых тайным благодатным мановением указал возлюбленный Спаситель, когда Фоме сказал вообще: *блажени не видевшии, и веровавшие* (Иоан. XX, 29). Магдалина, из которой Господь *изгнал семь бесов* (Мар. XVI, 9), которой следственно *отпущены греси мнози, много возлюбила Его* (Лук. VII, 47), живою и пламенною любовью сердца; потому первая привлекла Его видимое явление: *воскрес Иисус завтра в первую субботу, явися прежде Марии Магдалины, из неяже изгна семь бесов* (Мар. XVI, 9).

Христианин! веруешь ли слову Господню: *се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Матф. XXVIII, 20)? Если веруешь: то ты должен верить и тому, что и в нынешние дни, подобно как в первый день воскресения, Господь является верующим в Него, и любящим Его, более или менее осязательно, по мере их способности и готовности, и дарует сердцам их Свою Божественную радость и Свой премирный мир. Подвизайся же и ты в сии святые дни, чтобы привлечь благодатное посещение усердною молитвою, прилежным поучением в слове Божиим, благими делами по заповедям Господним, наипаче же пламенною любовью к Умершему за тебя и Воскресшему. Зови Гостя небеснаго прилежнее, готовься ко принятию Его тщательнее, нежели как сие делаешь для бесполезнаго большею частию принятия земных гостей. И если Он посетит тебя Своим Божественным утешением: берегись, да *никтоже возмет от тебя радости твоея* (Иоан. XVI, 22). Не погружай сердца твоего в удовольствия мира и плоти: как светильник уроненный в воду или в брение угасает; так если уронишь сердце свое в похоти плотския и страсти земныя, свет радости духовной угаснет, и изверженную из брачнаго чертога душу вновь обьет мрак и смерть. Да сохранит от сего всех нас Господь Иисус Христос, свет, и жизнь, и радость наша во веки. Аминь.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

СЛОВА И РЕЧИ,

ненапечатанные при жизни проповедника.

(Печатаются с рукописнаго сборника М. М. Евреинова).

1823 год.

7. СЛОВО

по возвращении к своей пастве из Санктпетербурга.

(Говорено в Московском Успенском Соборе августа 15 дня).

<1823>

Что мне сказать? Откуда начать, или куда обратить слово, которому и предшествующее время, и настоящий день и побуждение сердца, и обязанность служения, вдруг представляют многие предметы; и указывают различные пути.

Первое всего — *благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя Имя Святое* (Псал. СII, 1)! Благословен сохраняющий полноту Церкви Своея, Небесный Пастырь, и Посетитель душ, и в отсутствии земных пастырей пасущий стадо Свое; и пастырей, яко агнцев, водящий жезлом невидимым, призывающий и посылающий, удаляющий и возвращающий, разлучающий и паки соединяющий!

Величает душа моя и Тебя, Благословенная Матерь Божественного Агнца и Пастыря, дивно некогда Успением Твоим собравшая полный Собор Апостолов, и ныне к сему торжественному воспоминанию Твоего Успения сподобившая меньшого из служителей Церкви сея приити в полноту сего священного собора.

Обращаясь к вам, Боголюбезные братия и чада Церкви сея, не умолчу ныне о том, о чем умолчал здесь за год ..пред сим, — о скорби разлучения с вами, которую тогда понес отсюда в стесненном сердце; не хотел я прикосновением раздражать рану, которой не мог вылечить. Поелику не в моей было власти отвратить самое разлучение: то не стал уже я расточать слова бесполезного сетования о том; и в безмолвной покорности вручил недавно воспрियाтое стадо благодати Пастыреначальника и молитвам пастырей: Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, которых помощь также благодарно исповедую и паки призываю к соблюдению стада, с вящим преспеянием, даже до дня Иисус Христов.

Что касается до продолжительности отсутствия моего, скажу со Апостолом: *не хочу не вести вам, братие, яко множицею восхотех приити к вам, и возбранен бых доселе* (Рим. I, 13). Чем возбранен был? Возбранен тою же священою властью, тем же законом послушания, которые и в начале меня сюда привели и вскоре отсюда воззвали; возбранен бых тем же самым делом служения, которым возбуждалось и желание приити к вам. Неволя святая! Беззаконно было бы рваться из нея в свою волю с нетерпеливостью, или упорством.

Наконец пользуюсь дарованною свободою приити к вам, и притом не на краткое время. Скажу ли, что пользуюсь оною с радостию? Не скажу: потому что не знаю, послужит ли сие к истинной радости вашей, а без сего радость моя была бы неосновательна и суетна: ибо, как нас учили нашу радость и самую жизнь нашу полагать в вашей радости о Господе, и в вашей жизни по вере: *ныне живи есмы, аще вы стоите о Господе* (1 Сол. III, 8). Таким образом после минувшей скорби разлучения, после окончившихся трудностей отсутственного попечения о Церкви, у меня остается одна беспокойная забота, забота неизвестности — будет ли продолжение служения моего благоугодно Богу, полезно Церкви, спасительно душам вашим. Итак скажу паки со Апостолом: *исполните мою радость* (Филип. II, 2). Облегчайте до всех вас касающуюся заботу, впервых общими

молитвами, в которых, облегчайте сию необъятную заботу – малыми заботами, каждый о своей душе, не теряя данного для спасения ее времени, которого каждому из нас остается не более, как несколько десятилетий, а иному только несколько лет, или даже, может быть, несколько дней, и которое быв однажды потеряно, ниже ценою вечности выкуплено быть не может.

Кстати вспомнить о смерти: ибо время обратить слово к настоящему празднованию, а сие должно нас обратить к размышлению о смерти.

Теперь ли говорить о смерти, скажет невнимательный любитель праздника, день веселия омрачать размышлением о смерти? Иди с сим размышлением туда, где оплакивают умершего. Нет! кто бы ты ни был, желающий отгнать от себя мысль о смерти, как неблагоприятную, еще более неблагоприятна будет она для тебя, если, неприспособленного размышлением, вдруг поразит тебя самое зрелище смерти. Нет! теперь, когда смерть, повидимому, не угрожает тебе, когда ты спокоен, когда ты празднуешь, теперь именно нахожу я благоприятным расположить тебя, если можно, к внимательному размышлению о смерти, дабы ты мог размышлять о ней в полном присутствии духа, и дабы дня веселия, забыв о смерти, не употребил на дела мертвых. Или лучше сказать, не я ищущу ввести кого-либо в размышление о смерти: но всех нас к оному ведут ныне Богомудрые учредители церковного чиноположения, которые смерть сделали предметом настоящего празднования.

Дивны вообще праздники Христианские! Иногда, например, мы празднуем временное рождение – Вечного, иногда крещение Того, на Котором никогда не было ни какой скверны, и Которого именем очищаемся и возрождаемся мы в крещении нашем, иногда Божественный образ Преображения – Того, Который всегда был и есть *сияние Славы Бога Отца, и образ Ипостаси Его* (Евр. I, 3), иногда страдание, смерть и воскресение Того, Который есть Единый всегдашний источник жизни и блаженства для всего, что может жить и блаженствовать. Впрочем при всей таинственности, которою ознаменованы сии предметы празднования, не трудно усмотреть то, с какою точностью они все определяются историею Христианской веры, и в какой тесной состоят связи с ее спасительным учением. И между празднествами, в которых воспоминается Матерь Господня, сего рода есть, например, Благовещение, то-есть, принесение Архангелом Деве Марии радостной вести о предстоящем зачатии от Нея Спасителя мира. Но после того, как таинства веры Христовой достигли своей полноты, и запечатлелись сошествием Святого Духа на Апостолов в присутствии Матери Господней, каким образом Ея Успение, то-есть окончание земной жизни Ея, хотя и Святое, и знамение будущей славы Ея сопровождаемое, впрочем разрешающее только личную Ея историю, – каким образом сделалось предметом одного из всеобщих праздников Христианских и притом высшего чина? Каким образом событие, в котором Церкви представляется, по видимому, только лишение видимаго общения с Материю Света, сделалось предметом светлого праздника? Какое в сем имели намерение древние священно-начальники? Мне кажется, что сии вопросы всего удобнее разрешаются тем, что я сказал, то есть, что учредители настоящего празднования желали сим приятным путем вести нас к постоянному, благоговейному и, поколику то возможно, к радостному размышлению о смерти.

Издrevле памятование и размышление о смерти одобряемо было как сильное средство мудрости к улучшению жизни. *Помяни*, говорит Еврейский мудрец, *помяни, яко смерть не замедлит и завет адов не показан ти бысть* (Сир. XIV, 12). И, положив мысль о смерти в основание, тотчас на сем основании созидает он правила добродетельной и благополучной жизни. *Прежде неже умреша ты*, говорит он, *добро твори другу, и по силе твоей прости, и даждь ему. Не лишися от дне добра, и часть желания блага да не*

прейде тебе. Не инем ли оставиши притяжания твоя и труды твоя, в разделение жребия? Дажь и возми, и освяти душу твою (Сир. XIV, 13–16). Если ты колеблешься, принять ли сие учение деятельной мудрости: наставник не колеблется в изыскании средств убеждения; он обращается вновь на размышление о смерти и продолжает: *Яко несть во аде взыскати сладости; всяка плоть яко риза обетиаает, завет бо от века: смертию умреши. Яко лист расплощаяся на древе чаете, ов убо спадает, другой же прозябает: такожде и род плоти и крови, ов убо умирает, ов же родится. Всякое дело гниющее исчезает, и делаяй е с ним отыдет* (Сир. XIV, 17–20). В другом месте тот же наставник предлагает памятование о смерти, как вообще предохранительное „врачевство против грехов: *во всех словесех твоих поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши* (Сир. VII, 39). Пророк Иеремия, оплакивая разрушение Иерусалима, одною из первых причин сего страшного падения полагает то, что Иерусалим не памятовал о смерти. *Не помяне последних своих, и низведется пречудно* (Плач. Иер. I, 9). Каким образом от столь малаго, по видимому, начала, как мысль о смерти, или забвение о смерти, происходят столь великия последствия добрыя или злыя, благополучныя или бедственные? Не оскорблю ли я мудрости Христианской, обращая в вопрос то, что еще прежде Христианства утвердительно полагали, как известное и очевидное; но когда вижу, как многие из нас не любят всего, что каким нибудь образом напоминает о смерти, как самым обыкновенным явлением ея поражаются, или обращаются в бегство: то само собой обличается, что мы слишком мало, или совсем не знакомы с правильным или основательным размышлением о смерти; а потому, к стыду нашему, не излишне для нас и такое о сем изследование, какое употребляют в предмете новом и неизвестном.

Итак спрашиваю, что лучше: оставить ли жизнь свою на произвол течения дней, как ладью – стремлению волн, понесут ли ее к берегу, сокрушат ли о камень, погрузят ли в бездну, – или напротив, назначить себе пристанище, избрать удобнейший путь и по направлению сего править кормилом? В веке, который хвалится образованностию и усилиями привести в порядок все части знания и деятельности, можно надеяться, что и основательный и легкомысленный согласно скажут: лучше начертать план жизни, поставить себе известную цель, и действовать сообразно с нею. Возмем же для понятнаго всякому примера один из обыкновенных мирских планов жизни. Желает кто-либо устроить и обезпечить благополучие жизни приобретением богатства; чтобы усилить ход приобретения он *лишается*, по вышеприведенному выражению Еврейскаго мудреца, *от дне добра, и часть желания блага проходит мимо его*, то-есть, он отказывает себе в покое, в удовольствии, и иногда в необходимых потребностях; исполнение: *даждь и возми*, дай неимущему, и возми себе из отложеннаго в хранение, он отлагает дотоле, доколе, по его мнению, обилием приобретеннаго не приведет себя в совершенную безопасность „от скудости. Поступая таким образом, если не вспомнит он о смерти, *яко не замедлит*, то будет изнурять и мучить себя заботами приобретения, не пользуясь плодами приобретения, дотоле, пока наконец сокровенная судьба явится внезапно, и делом совершит над ним слово притчи Евангельской: *безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе; а яже уготовал еси, кому будут?* (Лук. XII, 20). Так даже мирской план жизни, для самого мира оказывается негодным, если в нем не принята в соображение мысль о смерти. Возвысим план жизни, и опять посмотрим, может ли он стоять, если не будет поддержан соразмерно возвышенными понятиями о смерти. Желает кто-либо утвердить блаженство жизни на основании добродетели. Известны давния усилия человеческой мудрости доказать, что добродетель сама для себя может быть достаточным основанием, побуждением и наградою. Учение сие не оказало истинных успехов, или потому, что истина в сем случае не благоприятствовала усилиям, или потому, что гордость мудрователей наводила на истину неестественный блеск, который одних ослеплял, но не просвещал, а для других обнаруживал поддельный вид истины, или, что наиболее вероятно, внутреннее достоинство и блаженство добродетели известно только тем,

которые достигли в ней совершенства, не возбуждало тех, которые при первых в ней опытах встречали только подвиги, которые совершить, препятствия, которые преодолеть, удовольствия, которыми пожертвовать надлежало. Посему нужно было подкрепить отинуду основания самой добродетели, на которой хотели основать блаженство: и хотя не озаренные светом откровения Божия не могли ясно созерцать того, что находится по ту сторону смерти, однако и они видели себя в необходимости углубляться во мрак гроба, чтобы там хотя, так сказать, ощупью искать оснований, для утверждения на них нравственного порядка в жизни. Если за пределом настоящей жизни, – так рассуждали они, нет ничего кроме тления и ничтожества: то добродетель, которой так часто в настоящей жизни не отдают справедливости, навсегда лишается венца за подвиги, вознаграждения за жертвования, и ободряющей надежды в искушениях. Но если, – так как мы во всей познаваемой природе вещей не находили такого места, где с бытием было бы сопредельно ничтожество, и всюду за пределом одного встречаем другой образ бытия, – если за пределом настоящей есть другая область жизни, если, – как требует понятие о Творце мира Премудром и Праведном, – там, где кончится тленность, начинается бессмертие, там, где кончится смешение зла и добра, начинается царство порядка, в котором добро по существу своему всегда блаженно, а зло по свойству своему всегда злополучно: то знающему и памятующему сие можно ли не быть всегда готову, чтобы недолго подвизаться, немного пострадать, немного лишиться, и чрез то водворить в себе добро, которое на веки водворит его в блаженстве? Если бы даже сия надежда, – повторяю, что я говорю сие по понятиям рассуждающих без помощи откровения, – еслибы надежда блаженной жизни по смерти не была выше сомнения, и тогда она еще достаточна к тому, чтобы возбудить здравомыслящего подвизаться для нея со всею ревностью: и в том случае, когда бы она не сбылась, подвизавшийся не теряет ничего, в сравнении со всеми прочими; потому что ничтожество для всех одинаково. Но когда она совершится самым делом, тогда нет меры, коею можно было бы определить: сколько приобретает подвизавшийся, и сколько не подвизавшийся теряет; и не только теряет он безпредельныя блага, но, что еще ужаснее, наследует безконечное зло. Так древние нелицемерные любители деятельной мудрости, при помощи естественного разума и рассуждения, из размышления о смерти извлекали сильнейшие, по их состоянию, побуждения к добру и, следственно, средства к блаженству.

Что сказать о Христианине? Сколько план жизни, начертанный для него в Евангелии, возвышеннее, нежели всякий другой: столько яснее, нежели какому бы то ни было мудрецу, сияет ему руководящий и возбуждающий свет из гроба. Он знает будущую жизнь не по заключениям и догадкам, но по опыту, в котором ее видели, и осязали: *Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1 Кор. XV, 20). Пристально смотря в живоносный гроб Христов, как в открытое окно будущего века, и приемля оттоле в храмину земной жизни небесный свет, он ощущает непонятную для других легкость – бодрствовать, как сын света, подвизаться против царства тьмы, и совершать живыя дела света. Ты должен умереть миру, заповедует ему Евангелие. Он говорит: повинуюсь, потому что *мир преходит, и похоть его: а творяй волю Божию, пребывает во веки* (1 Иоан. II, 17). Ты должен распять плоть со страстями и похотями. И как иначе? отвечает он; потому что *сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление: а сеяй в дух, от духа пожнет живот вечный* (Гал. VI, 8). Ты должен распяться со Христом. Не отрицаюсь: *аще бо с Ним умрохом, то с Ним и оживем; с Ним страждем, да и с Ним прославимся* (2 Тим. II, 11; Рим. VIII, 17). Угрожайте ему страданиями, он скажет: *недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явиться в нас* (Рим. VIII, 18). Угрожайте ему смертию, – он будет отвечать: *желаю разрешиться, и со Христом быти... мне еже жити, Христос: и еже умерети, приобретение есть* (Филип. I, 23, 21). Прилежным, глубоким размышлением о смерти, он не только разрушает все ее ужасы, но сообразуясь с своими понятиями и чувствованиями, отъемлет у ней последнюю черту

грознаго вида ея, отъемлет у смерти самое имя смерти, и называет ее успением, то есть, отхождением ко сну по трудах сея жизни, или, если угодно, можно назвать ее рождением в лучшую жизнь, или воскресением от сей мертвенной жизни – в смертной плоти, в истинно живую – бессмертного духа. Так благоговейное Христианское размышление о смерти, особенно при постоянном в нем упражнении, становится, наконец, истинным праздником духа, в котором он в то же время и собирает силы для спасительных подвигов настоящей жизни, и наслаждается предвкушением будущего блаженства.

Спроси себя, слушающий сие, умеешь ли таким образом *праздновать Успение*, или ты только боишься смерти, или совсем не хочешь думать о ней? Вопрос не маловажный; он может показать тебе, в каком состоянии душа твоя, и чего подлинно ты можешь надеяться или бояться. Если ты часто, хотя и без страха призываешь к себе смертный помысл, дабы поставить его судиею твоих дел и стражем твоей совести: благо тебе! Он может соделаться для тебя Ангелом, которому заповедано будет сохранять тебя на всех путях твоих. Но если ты совсем не помышлял до ныне о смерти, и бегаешь всего, что напоминает о ней: горе тебе! Сие расположение духа не обещает чистаго добра в настоящей жизни, и не предвещает блаженства в будущей, котораго впрочем при употреблении средств, дарованных благодатию, всех нас да сподобит Господь наш Иисус Христос, истинная жизнь наша, предстательством Преподобнословенныя Девы Марии, Матери жизни. Аминь.

LXXXVII.

8. СЛОВО

на память Преподобнаго Отца нашего

Сергия Радонежскаго и всея России Чудотворца.

(Говорено в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, сентября 25).

<1823>

*Ищите прежде Царствия Божия и правды
Его и сия вся приложатся вам. Матф. VI, 33.*

Сколь многого ищет человек в мире, и, как кажется ему, ищет по необходимости. Например: пищи, одежды, жилища, безопасности, – а для приобретения и обезпечения сих первых потребностей, – денег, изобилия, власти, чести. Сколько разнообразных средств употребляет для достижения своих целей! Как-то разум и труд, силу и хитрость, дерзость и низость. И как часто жалуется он, что искомое не находится, или найденное не удовлетворяет, что средства не приводят к цели, и достигнутая цель не вознаграждает за средства, для нея употребленные! Какое же было бы счастье – найти тайну: одним способом удовлетворять всем потребностям, одним средством достигать всех вожделенных целей!

Сию тайну, действительно, открывает нам Иисус Христос, когда говорит: *ищите прежде царствия Божия... и сия вся приложатся вам*. Позаботимся, как бы нам утвердиться в сем учении, которое должно избавить нас от всякой заботы. *Не пецйтесь*, говорит Он, *душею вашею, что ясте, или что пиете, ни телом вашим, во что облечетесь.* – *Не скрывайте себе сокровищ на земли* (Матф. VI, 25. 19). Не заботьтесь ни о чем таком, о чем

обыкновенно люди заботятся; предпочитайте всем заботам одну; одного и ищите паче всего: *ищите прежде царствия Божия*. Все прочее, чего ищут люди, найдется и будет приобретено само собою: *сия вся приложатся вам*.

Поелику сие учение соединяет в себе все выгоды для жизни временной и вечной, и, несмотря на то, есть люди, которые давно знают оное, а никогда оному не следуют: то должно заключать, что почитают оное или несбыточною баснею, или неразрешимою загадкою; или не верят, что можно исполнить оное, и получить плод в нем обещаемый, или не понимают и не надеются понять, как можно исполнить оное. Против сей, вознамеренной ли, или необдуманной, явно произносимой, или кроющейся в делах сынов века сего, клеветы и хулы на истину Христианскую, что скажем мы в защищение истины? – Можем и ничего не сказать, без вреда для истины, особенно здесь, где я говорю сие, – ничего, разве еще одно слово Христова: *оправдися премудрость от чад своих* (Матф. XI, 19). Ты, истинное чадо Христова духа, нам же по духу Отче, если по духу твоему жительствоуем, – Ты, Богомудрый Сергие, делом оправдал и оправдываешь премудрость Божию, представляя нам в себе опытно и учение Христово, и образ исполнения онаго, и плоды верного последования оному. Паче всего ища *царствия Божия и правды Его*, ты оставил все, – дом, родителей, наследие, пришел сюда в пустыню ненаселенную, невозделанную, безлюдную, беспомощную, не пекся, что яси, или что пиеси, или во что облечешься; отрекся от земного сокровища и тогда, когда оно предлагаемо было тебе, как священное украшение и благословение Святителя. В сем устранении от всякого попечения о земном, что ты обрел царствие Божие, сие мы не только знаем от свидетелей жития твоего, но и сами видим даже до ныне, поелику оно являлось, и еще является в тебе чрез дары прозорливости, нетления, исцелений, и чрез другия чудесныя дарования Святаго Духа. А что к сим возжеланным дарам приложилось и все, о чем ты отложил попечение, о сем свидетельствует все в процветающей до ныне пустыне твоей, и самое камение здесь вопиет о сем; ибо нет иной силы, которая бы все сие могла создать, сохранить, защитить, возвысить, обогатить, прославить, как сила царствия Божия, в Тебе живущая.

Так, чада премудрости, которая не имеет в них недостатка, оправдывают учение Христово делом и опытом, без сомнения, сильнее всякого слова и разсуждения: и подумаем мы, неуспешные ученики той же премудрости, не осуждают ли они нас своею деятельною мудростию, подобно как некогда Ной *осудил* весь первый *мир* не иным каким судом, как только своею деятельною верою; – не осуждают ли нас примером своим, и не делают ли безответными пред Богом, если мы знаем учение, видим исполнение онаго, следственно не можем с основательностию сказать ни того, что оно несбыточно, ни того, что непонятно, – и все однако не последуем оному полною верою и точным послушанием, все печемся о земном, не ищем царствия Божия, или не прежде всего ищем царствия Божия и правды Его?

Сыны века сего, которые, по отзыву о них самой Премудрости, в своем роде еще мудрейши суть паче сынов века онаго, думают, что и у них есть свое оправдание против сего суда сынов премудрости. Не всем же, говорят они, оставить мир и пойти в пустыню. И мир создан для человеков: для чего же и миром не пользоваться? Наши звания в обществе земнородных, по необходимости заставляют нас пещися о земном. И Самому Богу, Который дал нам предусмотрительность, искусство, силу, было ли бы угодно, если бы мы, оставя все сие без употребления, вздумали ожидать безпечно, чтобы сами собою пришли нам пища в уста, и одежда на рамена, – и чтобы жилище для нас без нас создалось вокруг нас и над нашею головою? Но что говорит о сих и сим подобных земных мудрованиях небесная Премудрость? Вот что говорит Слово посредством Своего гласа, вопиющего в пустыне: *сый от земли, от земли есть, и от земли глаголет* (Иоан. III, 31). И

еще чрез Пророка: *мудри суть, еже творити злая, благо же творити не познаша* (Иерем. IV, 22). То есть: кто живет только по земному рождению, в плотском и душевном человеке, а не по небесному рождению от Духа Божия, – в том земное только и открывается и действует; и потому если он защищает и оправдывает земные дела, то сим оказывается только его земное свойство, и не доказывается достоинство самых дел. Мудрствующие земное могут остроумно давать благовидность даже злым делам, которыхы они любят, и которых не хотят оставить; между тем как истинное добро, для которого они не делают никакого подвига, хотя и близко и доступно, пребывает выше их познания и чувства, они не имеют в нем убеждения, потому что не старались найти в нем вкуса.

Не забудем, ученики Небесного Учителя, что *грядый с небесе, над всеми есть* (Иоан. III, 31), что как существом Своим Он выше всякого иного существа, так и Его учение выше всякого мудрования. Возставать против небесного учения сомнениями и прекословиями, значит метать стрелы на небо: небо не страшится от них ран, и не имеет нужды отражать оных; оне опасны для тех самих, которые пускают их над главами своими. Не испытанием и состязанием, но верою и послушанием достигаются успехи в небесном учении: *веруеши – узриши*, таков порядок божественного просвещения! Темное объясняется, трудное облегчается, несообразное приводится в согласие, невозможное становится возможным, когда решимся однажды на всегда, не заповедь Христову применять к нашей воле, но волю нашу предать Христу и Его заповеди. *Аще кто хочет волю Божию творити, разумеет о учении* (Иоан. VII, 17).

К чему помыслы многие? К чему суетные умствования о суете? К чему выисканная забота о том самом, как оставить заботу? Пригвозди ум к слову Христову; с умом не разделяй сердца, дел и всей жизни; не попускай воображению бродить между царствием Божиим, к которому призывает Христос, и между царствиями мира, которыхы показывает сатана; не мечтай, чего сатана желает, но действуй, чего Христос требует. *Ищите царствия Божия.*

Если с таким расположением хотя мало углубимся в учение о искании царствия Божия, предпочтительно пред всяким земным исканием: тотчас увидим, что небесная премудрость не оставляет никакого места тем недоумениям, которыхы силится противопоставить ей земное мудрование. *Ищите*, говорит она, *прежде царствия Божия*. Прежде, – следственно, после царствия Божия, не возбраняется искать и того, что необходимо для земного нашего пребывания; следственно, искание царствия Божия не принуждает по необходимости бежать из мира в пустыню, не запрещает пользоваться в мире тем, что сотворено на служение человеку, не препятствует отправлять законные дела мирского звания, или приобретать пропитание, одежду и жилище. Есть люди, которые все без исключения оставили для царствия Божия, как например – Апостолы, которые не обинуясь сказали Учителю своему: *се мы оставихом вся, и во след Тебе идехом* (Марк. X, 28). Они за сей преимущественный подвиг получили преимущественное обетование, что сядут на двенадцати престолах судиями народа Божия; и последователям их в сем совершенном оставлении всего, в особенности обещано, что они сторицею восприимут еще в сем веке, в залог будущего воздаяния, все, что оставили для Христа и Его Евангелия. Если хочешь, поревнуй и вступишь в избранное воинство Царя Небесного, и не обязуйся никакими куплями житейскими, да воеводе угоден будешь; но если не имеешь духа оставить для Него все без остатка по крайней мере не предпочитай Ему и царствию Его никого и ничего в мире, поставь мысль о царствии Божиим выше всех твоих помыслов, желание царствия Божия выше всех желаний, дела для царствия Божия выше всех дел, – радуйся, когда есть о чем, но ни о чем не радуйся столько, как о Боге, печалься, когда встречается печальное, но ни о чем не печалься столько, как о грехах пред Богом; ищи потребного, но ищи без заботы, а царствия Божия силою помогайся. *Ищите прежде царствия Божия.*

И правды Его, присовокупляет Божественный Руководитель к царствию Божию. Важное слово, на котором некоторые не хотят утвердиться, и от того разрушают все дело! Сын Адамов, каков есть теперь, хочет идти и царствовать со Христом; но сын Адамов есть плоть и кровь; *а плоть и кровь царствия Божия наследити не могут* (1 Кор. XV, 50). Как рыба не может жить в воздухе: так плоть с ея страстями и похотями не может жить в царствии Божием. Надобно сыну Адамову родиться вновь, чтобы соделаться сыном Божиим. *Аще кто не родится свыше, не может видети царствия Божия* (Иоан. III, 3). Скажут: мы уже возродились в крещении. Справедливо, но если сие новое порождение неповрежденно сохраняется в вас, живет и возрастает, как свойственно всякому порождению живому: то покажите в себе жизнь духа в ея движениях и действиях чистых, святых: *аще живем духом, духом и да ходим* (Гал. V, 25). Покажите *плод духовный*, который *есть во всякой благостыне и правде же и истине* (Еф. V, 9), покажите же дела правды, достойныя царствия Божия, которое есть *правда, и мир и радость о Дусе Святе* (Римл. XIV, 17). Кто после благодати крещения не приносит сих живых плодов духа: в том жизнь духа стеснена и подавлена паки жизнью плоти, и должно опасаться, чтоб она совсем не угасла. Желаете ли возбудить в себе жизнь духовную, которая одна может наследовать царствие Божие? Возбуждай в себе действия, ей свойственные, сей и возвращай плод правды. Не заботься условливаться с миром и плотью, чем бы тебе пользоваться от них, а им от тебя; помышляй, что всякое несправедливое приобретение, несправедливое употребление, несправедливое удовольствие повреждает в тебе царственную жизнь новаго, духовнаго человека, и низвергает паки тебя в осужденную жизнь ветхаго человека, тлеющаго в похотех прелестных, – и потому как убегаешь яда, так убегай всякой вещи в мире, которою питается несправедливое желание, или похоть; как желаешь жизни, так желай правды; как непрестанно бережешь жизнь, так непрестанно наблюдай правду. *Ищите царствия Божия и правды Его*.

Должно признаться, что не легкое искание, но какое приобретение! *Вся приложатся*. Верным исканием одного, приобретено будет все, небесное и земное. Не затрудняй себя мыслию, что сие обещание слишком велико и чудесно; не колебли сам своей веры. Тот, который *Сына Своего не пощаде, но за нас всех предал есть Его; како убо не и с Ним вся нам дарствует?* (Рим. VIII, 32). Тот, Который в начале все сотворил для человека, – я вспоминаю и сие, но совсем не для того заключения, какое выводят из сего чада мира, – Тот, Который все покорил человеку непорочному, все покорил суете для человека согрешившаго, затруднится ли все сотворенное обратить в служение человеку, возсозданному во Христе, наследнику и причастнику царствия Божия? Или, обратимся паки непосредственно к слову нашего Божественнаго Учителя, – Тот, Который питает птиц небесных, не сеющих и не жнущих, Который одевает крины сельные богачее, нежели как Соломон облачался, попустит ли погибнуть голодом, или жаждою, или наготою чадам Своим, которые для Него и в надежде на Него, алчут, и жаждут, и наготуют, и скитаются? Если в целом царстве земном не будет хлеба, и не будет человека, который бы мог напитать сына царствия Божия: Бог повелит врану быть его хлебодаром. Правда, сие случилось с Пророком; но разве меньшаго попечения достойны те, которых Иисус Христос поставил цари и иереи Богу и Отцу Своему?

Не бойтесь, Христиане, отлагать попечение о земном для попечения о небесном, ничто не будет потеряно; *вся ваша, если вы Христовы* (1 Кор. III, 22). *Ищите только прежде всего царствия Божия, и сия вся приложатся вам*. Аминь.

LXXXVIII.

9. СЛОВО

в день собора Святаго Архистратига Михаила.

(Говорено в Архангельском Соборе ноября 8).

<1823>

*Михаил же Архангел, егда со диаволом
препираяся,
глаголаше о Моисеове телеси, не смеяше
суда навести
хульна, но рече: да запретит тебе Господь.
Иуд. 9.*

Собор земных воинов, собравшихся с своим архистратигом, то есть, военачальником, и являющихся в стройном порядке и торжественном виде, представляет нам или самую войну, или, по крайней мере, военную игру, которою воины к делу войны приобучаются. Вид войны должен возбуждать к подвигам для безопасности отечества. Зрелище военной игры должно показывать образцы для желающих воинствовать, и питать надежду отечества. Если не так: зрители легкомысленны, зрелище бесполезно.

Ныне Церковь призвала нас созерцать собор небеснаго воинства с его военачальником. Что мы увидим, и какое для нас должно быть последствие видения, если не хотим быть легкомысленными зрителями, если зрелище не должно для нас остаться бесполезным? Увидим ли некую войну небесную? – Увидим, если посмотрим очами небозрителя Иоанна. Посмотрите, что он видит. *И бысть брань на небеси: Михаил и Ангели его брань сотвориша со змием, и змий брася и ангели его. И не возмогоша, и места не обретеша им ктому на небеси. И повержен бысть змий великий, змий древний, нарицаемый диавол и сатана, льстий вселенную всю, и повержен бысть на землю, и ангели его с ним низвержени быша* (Апок. XII, 7–9). Не будем любопытны; не отважимся входить в подробное испытание, что за таинственная брань, которую видит и показывает нам тайновидец: но будем осторожны; помыслим о нашей безопасности. Опасно, когда война в соседстве; а область небесная, в которой видим брань, и есть сопредельна с областью земнородных. Опаснее, когда враг и на сильнейшую область, нежели наша, не усомнился сделать нападение: а он дерзнул вознести брань даже на небо, которое без сомнения и неприступнее, и могущественнее земли. Еще опаснее, когда война уже в наших пределах: а брань небесная и подлинно продолжается низверженным с неба врагом уже в наших земнородных пределах. Правда, он низвержен к нам уже побежденный на небе: но то радость только для неба; для земли же новый ужас, как возвещает тайновидцу небесный глас: *сего ради веселитесь небеса и живущие на них: горе живущим на земли и мори, яко сниде диавол к вам, имея ярость великую, ведый, яко время мало имать* (Апок. XII, 12). Война, проигранная в высшей области, превратила давнюю вражду в ярость; скорый ход судеб, совершающихся над землею, угрожающий ему новым низвержением в преисподнюю, доводит ярость его до крайней степени неистовства. *Сниде диавол, имея ярость великую, ведый, яко время мало имать*. Осмотритесь живущие на земли и мори, не примечаете ли вы уже сей ярости в самом ея действии вокруг себя; – не примечаете ли, как враг толикократно вносивший адскую брань в небесную область Церкви с оружием ересей и расколов, лжеучений и соблазнов, суеверий и невежества, толикократно отраженный Ангелами Церквей и сонмом право и твердо верующих, – не мог поколебать *твердаго основания Божия*, которое доныне *стоит* непоколебимо, имущее печать сию: *позна Господь сущия Своя, и да отступит от неправды всяк именуяй имя Господне* (2 Тим. II, 19); – как враг оный сошел на землю, устремился на возмущение и разрушение земных обществ разнообразным оружием неверия, ложной философии, забвения о душе и

о будущей жизни, необузданной роскоши, неукротимаго своевольтва, клятвопреступных злоумышлений, отчаянной дерзости, беззаконий и злодейств, которых устыдились и ужаснулись бы языческие гражданства? И какие страшные успехи сделал он во время мало! Если не имеете довольно внимания, чтобы примечать возрастающее *приумножение беззакония*, – ибо люди, знающие мир в продолжении нескольких дней, чтобы не иметь заботы делаться лучшими, нежели каков он ныне, охотно уверяют себя и друг друга, что он всегда был таков, – можете ли оставить без внимания хотя одно то, что и невнимательного поразить должно, – можете ли не приметить, как ясно пред очами нашими совершилось преступление, которое в Христианстве едва быточным представить можно было, именно: среди самага Христианства второе *распятие Господа нашего*; ибо народ, называющийся Христианским, точно то сделал с Его верою, что Иудейский с Его лицом, всенародным и торжественным судом осудил ее, предал, отвергнул, поругал, и уничтожил бы, если бы ей, по ея вечному естеству, не надлежало воскреснуть из самой смерти. Воистинну, *горе живущим на земли и мори! Сиде диавол! Итак блюдите, како опасно ходите. Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (1 Петр. V, 8).

Но, дабы разсматриванием опасной брани не утратить вас более, нежели прилично в день, в который мы торжествуем и радуемся о небесных и земных защитниках наших от врагов видимых и невидимых, обратим взоры к зрелищу не столь грозному, но также в своем роде поучительному, в котором представится нам не самая война, но некий опыт военного дела, не сражения, но поединка, не ярость врага, но искусство победителя. *Михаил же Архангел, егда со диаволом препираяся, глаголаше о Моисеове телеси, не смеяше суда навести хульна, но рече: да запретит тебе Господь.*

Не смеяши! Как? Михаил не смеет? Архистратиг небесных сил не смеет? Он не смеет *препираяся с диаволом*? Не смеет даже произнести грозного слова против диавола? Где же власть Архистратига, где мужество того, которому некогда в глазах тайновидца, надлежало одержать решительную победу над диаволом? Подлинно сие странно и непонятно для людей несведущих в деле брани духовной, или водимых еще дерзостью плоти. Да научатся же от Михаила Архангела, и в подвигах противу диавола, и в обращении с людьми оскорбляющими или непокорными, побеждать ярость не сильнейшею яростию, но совершенною кротостию, гордость – смирением, дерзость – скромностию, несправедливость – великодушным терпением, словом, – *побеждать благим злом* (Рим. XII, 21).

Михаил же Архангел егда со диаволом препираяся глаголаше. Какое разстояние между сими препирающимися? С одной стороны Михаил Архангел чистый, благоугодный и возлюбленный Богу, и не простой Ангел, но Архангел, т. е. начальствующий над многими Ангелами; притом и не из тех Архангелов, которые начальствуют над чином Ангелов, ближайших к человекам, низших из девяти чинов небеснаго чиновначалия, но один из седми верховных Ангелов, которые превыше всех небесных чинов, непосредственно предстоят престолу Триипостаснаго Божества. С другой стороны диавол, дух нечистый, грехом прогневавший Бога, осужденный, хотя приговор сего суда не во всем еще царствию Божию обнародован, и не во всей силе исполнен. Если представим одного из первых друзей царевых и одного из последних рабов, обличеннаго в преступлении и осужденнаго, разность между сими очень еще мала в сравнении с разностию между Михаилом Архангелом и диаволом. Много ли позволит пред собой вельможа осужденному преступнику. Но Михаил Архангел позволяет диаволу препираться с собою. Когда повествователь о сей распре замечает, что Михаил *не навел хульнаго суда*: сие дает разуметь, что диавол произносил даже хульный суд. А Михаил! Он не смел отвечать безумному по его безумию. Посмотрели бы на сию Ангельскую распрю люди,

принимающие себе высокие звания, которые однакоже не выше земного, и вспомнили бы при сем, как иногда обращаются они с людьми, которых почитают ниже себя! Как часто даже не за вину, и не в распре унижают подобных себе укоризненными и хульными названиями! Имена святых, коими Церковь каждого из нас украшает при самом рождении или крещении нашем, изламывают и искажают для того, чтобы привить к ним свое презрение, к своим во Христе братьям. Чего он стоит? – думает о бедном богатый, который может оценить и купить многия тела человеческия, но не знает цены души Христианской? Чего он стоит?.. Он стоит точно столько, сколько ты и я; он действительно куплен ценою, какой выше нет ни на земле, ни на небе, – он куплен кровию Сына Божия. Мязежное диавольское свойство обнаруживает тот, кто, не уважая общественного порядка, на высших произносит дерзкий или хульный суд, или по выражению Апостола, *господства отмечающагося, славы же хуля не трепещет* (Иуд. 8): но и тот не Ангельским и не Христианским духом одушевляется, кто питает в себе, и делом или словом оказывает гордость, или презрение к низшим.

Обратимся еще к Михаилу и сколько можно вслушаемся, о чем у него спор с диаволом. *Со диаволом препираясь, глаголаше о Моисеове телеси*. Повествователь не объясняет, в чем именно состоял спор о Моисеове телеси; и трудно дополнить сию краткость удовлетворительною догадкою. Сказывают, пишет один из православных толкователей Священнаго Писания: «что Михаил Архангел послужил погребению Моисея, а диавол противился тому, принося обвинение в убиении Египтянина, полагая, что Моисей в том виноват, и потому недостоин честнаго погребения». Если кто спросит, какая была бы выгода для диавола оспорить погребение Моисея: пусть приведет себе на мысль, как часто злоба в своем упорстве безумствует; притом, еслибы удалось врагу показать Евреям поверженное, или еще поврежденное, и хищными животными истерзанное тело чудодействовавшего прежде вождя их, сие могло повергнуть их в крайнее уныние, и нанести вред их вере и благосостоянию. Но как бы кто ни рассуждал о предмете сего спора, никто не усомнится в том, что на стороне Михаила была совершенная правда, а на стороне противника его – несправедливость совершенная. Не смотря на то, диавол препирается, а Михаил Архангел не смеет. Мы, за которых также, и без сомнения, многократно Ангелы хранители наши препираются и сражаются с диаволом, дабы сохранить нас, не по нашему достоинству, но по их небесному человеколюбию, подражаем ли в наших земных спорах терпению и кротости небесных защитников наших? Терпим ли и тогда, когда совершенно уверены в несправедливости препирающихся с нами? Сохраняем ли кротость и против явной наглости? Не часто ли напротив того с упорством и ожесточением препираемся за то, в справедливости чего сами не уверены, и даже судом и тяжбою домогаемся того, на что не имеем законнаго права; не стараются ли некоторые злыми и хитрыми вымыслами длить тяжбы без конца, и самое святилище правосудия превращать в вертепы грабежа и разбоя? По рассуждению Апостола и то одно постыдно для Христиан, что у них есть тяжбы, хотя бы то были самыя справедливыя. *Уже бо отнюдь вам срам есть, яко тяжбы имате между собою. Почто не паче обидими есте, почто не паче лишени бываете* (1 Кор. VI, 7)? Что сказал бы ты, праведный обличитель, если бы воззрел на нынешних Христиан и усмотрел, что из них многие, не только не научились быть обидимы и лишены, то есть, терпеливо сносить обиды и отъятия собственности, но трудятся над искусством обижать и лишать; за неосторожное слово против них воздают словом оскорбительным, за оскорбительное слово мстят обидимым делом, за обидное дело готовы преследовать даже до смерти? Как далеко все сие отстоит от терпения Христианскаго и от кротости Ангельской. Должно опасаться, при недостатке сих качеств, чтобы небесные хранители наши совсем не отступили от нас, ибо подобный приближается к подобному, – и чтобы не предали нас их сопернику, к которому мы добровольно приближаемся подобными ему свойствами и действиями.

Но, может быть, найдется такой любитель распрей, который вместо того, чтоб осудить свой собственный порок, осмелится самого начальника Ангелов, от которых мы должны ожидать деятельной помощи, – винить в излишней уступчивости несправедливому сопернику их и нашему. *Не смеяше навести суда хульна*. Осмелимся защищать нашего защитника против обвинителей смелых, но не разумеющих правды Божией; или лучше постараемся уразуметь силу сей правды, кроющуюся в спокойном, и как бы бездейственном принятии нападений неправедных. Почему не смел Архангел? Потому ли, что не имел довольно мужества, или довольно ревности против неправды, или довольно силы в сравнении с соперником? Но он все сие доказал совершенную над диаволом победою, о которой выше сказано. Почему же не смел он? Сие открывается из собственных Его слов: *не смеяше, но рече: да запретит тебе Господь*. Не смел потому, что и он знал силу заповеди, которая нам дана: не судите, да не судими будете. Не смел потому, что ведал постановление царствия Божия, которое и между нами провозглашено: *Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь* (Римл. XII, 19). Не смел потому, что и он чтит власть Господа нашего, Который есть также Господь и Судия Ангелов: *ибо Сам Отец не судит никомуже, но суд весь даде Сынови; да вси чтут Сына, якоже чтут Отца* (Иоан. V, 22. 23). Итак не пред врагом своим, но пред Богом не смел верный слугитель Божий; во мнимом бездействии его против соперника скрывалось глубокое действие благоговения пред Богом и упования на Его правду и силу, на правду непогрешительную, на силу всепобеждающую. Вот высочайшее искусство духовной брани, полагать силу твари в силу Божию! Сему военному искусству и Моисей учил Израильтян, дабы получить победу, для которой у них не было ни сил, ни оружия: *Господь поборет по вас, вы же умолкните* (Исх. XIV, 14). Но если немощному нужно предавать Богу суд и отмщение за претерпеваемую несправедливость для того, чтобы обратить в пользу своего дела всемогущую силу Божию; то не менее и тому, кто, как Архангел, сильнее своего соперника, должно употреблять силу свою против неправды только по воле Божией, и по возложенной свыше обязанности; а иначе спокойно предавать Богу справедливое прещение: *да запретит тебе Господь!* Богу отмщение: ибо Он Един и при безконечном гневе, также безконечен в любви, а тварь, какая бы ни была, еслибы возбудила в себе такой огонь мщения, какого достойны возстающие против Бога, была бы в опасности сама быть опалена собственным огнем ярости. Суд весь Сыну Божию, и на нас человеков, потому что Он Сам на Себя восприял не только суд наш, но и *наказание мира нашего на Нем* (Ис. LIII, 5), и потому Он Един стяжал власть про||стить нам; Суд Сыну Божию и на самых Ангелов, дабы пред чистотою земных плоти Его, безответна была нечистота духов злобы поднебесных.

Нам чадам Отца всеблагаго, нам рабам Господа распятого, приличнее терпение и долготерпение: ибо гнев не укрощается гневом, и злоба не уничтожается злобою, подобно тому, как не гасят огня огнем, и от яда не лечат тем же ядом. К сему сказано: *не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое*. Христианин! яко добр воин Иисус Христов, перенимай высокое искусство спасительной брани, котораго совершенный образец показывают тебе небеса. Учись непрестанно побеждать злобу и лукавство диавола бдением и осторожностью; дух возношения и раздора, возникающий в тебе самом – кротостию и смирением, неправду человеков – терпением и упованием на Бога. Не опасайся быть побежден, когда не будешь защищаться земным оружием и мышцею плоти. Бог защитник беззащитных: *Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнешь о камень ногу твою* (Псал. XC, 11. 12). Аминь.

LXXXIX.

10. СЛОВО

в день Рождества Христова.

(Говорено в Чудове Монастыре 25 декабря).

<1823>

*Сказаша о глаголе глаголанном им о
отрочати сем.*

*И вси слышавиши дивишася о глаголаных
от*

пастырей к ним. Лук. II, 17. 18.

Кто еще теперь не дивится глаголу о рождестве Иисуса Христа, хотя уже столь много веков почти ежедневно глаголют о Младенце сем не простые только пастыри безсловесного стада, но и простые и мудрые пастыри словесных овец? Ибо что глаголют о Нем пастыри Вифлеемской страны? Они пересказывают небесный глагол, Ангельскую весть, *яко родися вам днесь Спас, Иже есть Христос Господь* (Лук. II, 11); и если с сею вестью приходит вам желание, как бы найдти Его, и забота, почему бы узнать Его, повествователи предупреждают вас: *се вам знамение: обрящете младенца повита лежаща в яслех* (Лук. II, 12). О знамение, которое обретая, теряюсь, и узнавая, не постигаю! Христос действительный, совершенный Помазанник Божий: но Его знамение – не венец и порфира, или – не увясло и риза святая в честь и славу, но пелены! Господь: но вместо престола в яслех! Спаситель человеков: но человеки не дают Ему между собою последнего угла, чтобы спасти младенческую жизнь Его, и отсылают Его к безсловесным! Желаете ли еще слышать нечто из того, что глаголют о Нем пастыри, которые вместо жезла и палицы пасут разумом и учением? Новорожденный – и сущий прежде всех веков; младенец – и Отец будущего века; Сын человеческий, но Сын Девы, теперь и после истинный Сын Девы, а ныне, и присно, и во веки веков также истинный Сын Божий; недавно в чине земных тварей, но Тот Самый, Которым в начале сотворено все и небесное и земное; днесь немотствующий между безсловесными, но присно глаголющий и носящий всяческая глаголом силы Своея; как Слово сущее у Бога, человек Христос Иисус, и вместе Сый над всеми Бог благоденствующий во веки! Но тщетно стали бы мы без числа умножать слова, чтоб изрещи единственное Его Слово, после глаголов изшедших о Нем в концы вселенныя, Оно еще остается неизглаголанным; после славы прошедшей о Нем от превыспренних до преисподних, Оно еще остается тайною. Блажен ум, который, очистив чувства и утишив страсти, может восходить превыше слова, дабы слышать Слово, которое тогда Само Себя изрекает ему в безмолвии созерцания! Не смея более косноязычествовать с мудрыми о том, что есть Отроча Само в Себе, коснусь еще раз и для самых простых внятного сказания о том, что есть Отроча сие для нас человеков. Ангел благовествует *радость велию*, пастыри пересказывают, что *родися вам днесь Спас. Той бо*, изъясняет также Ангел, *спасет люди Своя от грех их*. О весть сколько радостная, столько же и дивная! Что может быть бедственнее греха, от которого все прочие бедствия? Он разлучает человека с Богом, поставляет во вражду с другими человеками и со всякою тварью, разделяет самого с собою.

Грех лишает душу – мира, ум – света, тело – нетления, землю – благословения, всякую тварь – всякой доброты. Он начинает тем, что вселяет ад в человека, и оканчивает тем, что человека во ад вселяет. Итак, велия воистину радость, что наконец является Тот, Который *спасет люди Своя от грех их*. И что же Он делает для спасения грешников? Раждается! Из бессмертной, Божественной жизни, раждается в жизнь человеческую, – смертную. Отлагает славу, оставляет блаженство, сокрывает святыню, и приемлет на Себя все бедствия греха, кроме только самого греха. *Неведевшаго бо греха по нас грех сотвори* Его

Бог Отец, *да мы будем правда Божия о Нем* (2 Кор. V, 21). За то, что мы не захотели оставаться блаженными чадами Божиими в раю, теперь Он младенчески бедственно на земли; за то, что мы употребляли во зло все наши силы и способности, Он является теперь без всякия силы и способности. За то, что ноги наши текли на зло, и руки наши творили дела неправды, ноги ходящего на крилу ветренню, и руки Вседержителя связаны пеленами. За то, что уста наши так часто глаголют суету, и язык наш сплетает лщения, что мы *благословляя языком имя Бога и Отца им ж кленем человеки бывшия* сотворены *по подобию Божию* (Иак. III, 9); за наши безрассудныя проклятия и празднословия, – благословляющее Слово немотствует. За то, что человек, *в чести сый, не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им* (Пс. XLVIII, 21) зверскими страстями и скотскими похотями, *Иже, во образе Божии сый* не только Себе умалил, *зрак раба приим в подобии человечестем быв, и образом обретесе, якоже человек* (Фил. II, 6. 7), но и с безсловесными вменился жилищем и местом покоя. И что еще? *Да мы будем правда Божия о Нем*, Он исполняет *всякую правду*, весь закон Божий; не нарушает даже никакого человеческого закона, и при всем том *со незаконными вменися* (Ис. LIII, 12), чтобы нас *искупить от клятвы закона* (Гал. III, 13), осуждающего дела наши во ад и погибель. Благословенный во веки соделается *за нас клятвою*, чтобы возвести нас от погибели. Спаситель наш Сам снисдет в погибель; Он рождается на земли не для того, чтобы жить: ибо для сего не нужно было Ему земное рождение, но чтобы умереть, чтобы в самый ад низвести небесное рождение, наконец, чтобы из смерти породить жизнь, из ада сынов неба, из погибели извести спасаемых. Так спасет Он *люди Своя от грех их*.

Христиане! как слышите вы, как принимаете такая сказания о Христе младенце, кем бы ни были оныя предлагаемы? Не также ли, как глаголанная от пастырей Вифлеемских о сем Отрочати принимали все слышавшие? *И вси слышавшии дивишася о глаголаных от пастырей к ним*. Подлинно, слишком страшно и недостойно было бы, еслибы мы равнодушнее слушали громкия и ясныя вещания Апостолов и учителей Церкви о Спасителе нашем, нежели как другие слушали темныя речи Пророков и гадания; еслибы мы с меньшим участием взирали на самое дело спасения нашего, нежели как другие слышали один слух о том. *Господи услышах слух Твой, и убояхся: Господи разумех дела твоя, и ужасохся. Изшел еси во спасение людей Твоих, во спасение со Христом Твоим* (Аввак. III, 1. 2. 13). *Исповемся Тебе, яко страшно удивился еси: чудна дела твоя, и душа моя знает зело* (Пс. CXXXVIII, 14). *Како не дивимся*, поет Церковь, *Богомужному рождеству Твоему, Пресвятая?* Но да будет позволено спросить и о том, как дивимся мы великому делу воплощения Сына Божия? Дивились все слышавшие от пастырей Вифлеемских о младенце повитом, лежащем во яслех. Пастыри удалились; чудный младенец скрылся; удивление кончилось; и те, которые прежде других слышали о младенце Спасителе, но не проникали в тайну сию, и не последовали Ему, вскоре испытали губительную руку гонителя, в истреблении младенцев их. Примечайте сие все слышавшие, *и блюдите, како слышите*. Знаю, что пастыри ваши не удаляются от вас, а напротив того будут вас повсюду преследовать славою Вифлеемского младенца: но и мир возшумит сильнее обыкновеннаго, чтобы заглушить глас их, и чтобы от благоговейнаго удивления чудеси Христа младенца отвлекать вас к рассеянию, к увеселениям чувственным и зрелищам суетным, и делам Христу неугодным. Берегитесь, чтобы Христос, Котораго вы познали не только слухом учения Его, но и общением таинств Его, не скрылся от вас паки в Свою недосязаемую непостижимость, – чтобы Слово Его, посеянное в сердце вашем, не похитил враг, и оружием, хотя не жестокими, как прежде, но столь же опасными, сколько они тонки, не истребил в вас небеснаго рождения. Старайтесь быть всегда не забывчивыми слушателями Слова Христова, но творцами дела спасения. Подражайте в сем пастырям, которые, услышав глагол Ангельский, не довольствовались одним удивлением, но *приидоша поспешиеся, и обретоша Мариам же и Иосифа, и Младенца лежаща во яслех* (Лук. II, 16). Подражайте самой Мариами, которая

соблюдаше вся глаголы сия, слагающе в сердца своем (ст. 19). Положите глагол младенца Иисуса в сердце ваше; и как имеющая во чреве осторожно ходит и действует, сохраняя зачатый плод: так и вы, ходя и действуя в мире между людьми, осторожно прикасайтесь и общайтесь, дабы ничто не могло изринуть из сердца вашего сладкой памяти и любви, нам данного младенца Иисуса, и от Него зачатого в вас духа спасения, которое и да совершит Он во всех нас благодатию Своею, вселяясь верою в сердца наши, и обитая в них во веки. Аминь.

1824 год.

ХС.

11. СЛОВО

на память иже во Святых Отца нашего Алексия,

Митрополита и всея России Чудотворца.

(Говорено в Чудове Монастыре февраля 12).

<1824>

*Иже аще разорит едину заповедей сих
малых, и научит
такое человеки, мний наречется в царствии
небеснем, а
иже сотворит и научит, сей великий
наречется в царствии
небеснем. Матф. V, 19.*

Если должно, по слову Премудраго, чтобы *память праведнаго* была с похвалами (Притч. X, 7), нам не трудно воздать сей долг праведнику, которого память ныне торжественно совершаем. Довольно взять от древа жизни один добрый цвет, – и сам собою составит венец на главу праведника; довольно произнести одно живое слово, взятое из уст Слова, все создавшего и все украсившего, чтобы увенчать похвалою достойнаго служителя сего самого Слова. *Иже сотворит и научит, сей великий наречется в царствии небеснем.* Сию меру великости поставив против духа и деяний Алексия, кто не усматривает тотчас, как совершенно наполняет он сию священную меру духовным возрастом? Как же скоро мы убеждены признать, что Он есть *великий* – великий такою великостию, с которою ничто на земли не равняется, поелику он *великий в царствии небеснем*, а небесное, бесспорно, выше земнаго: то есть ли еще какая высота, на которую могла бы вознести Его похвала земная?

Цветущее древо не имеет нужды в том, чтобы ему приносили цветы для его украшения; по благотворности всеблагим Творцем созданнаго естества, оно ждет, чтобы кто его естественными цветами себя украсил, или благоуханием их наслаждался, или плодами его напитался. Сему подобно и праведник, насажденный *в дому Господни*, рукою благодати, *во дворах Бога нашего* процветающий (Пс. XCI, 14) похвалами существенными, то есть, совершенствами, добродетелями и чудесами, не имеет нужды в том, чтобы мы приносили ему словесныя похвалы; но, по любви Божией, в нем живущей, желает и ожидает, чтобы мы сами его существенными похвалами украшались и питались, то есть, чтобы, по образу

Его, для собственной нашей жизни, *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель, и аще кая похвала, сия помышляли* (Филип. IV, 8).

Возмем же цвет Евангельский, которым думали было мы украсить праведника. Поставим для самих себя данную Иисус Христом меру малаго и великаго, так, чтобы она могла показать, чего недостает, или что нужно нам для достижения *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. IV, 13).

Иже аще разорит едину заповедей сих малых, и научит тако человеки, мний наречется в царствии небеснем: а иже сотворит и научит, сей велий наречется в царствии небеснем.

Разорить малую заповедь, – сотворить, научить, – какие необыкновенные меры великаго и малаго! Итак велик ли тот, кто видит ниже себя тысячи подобных себе, и может их преклонять и восклонять, низлагать и возстановлять, низвергать и возносить? Велик ли тот, кто на раменах своих носит целую область, или государство, и может удерживать, направлять, даже увеличивать их силы? Велик ли тот, кто искусство и силу свою испытал в бранях, и победами доказал свое превосходство? Велик ли, – найдутся и о сем вопрошающие, – велик ли тот, который избытки и недостатки других умеет обращать в состав своего изобилия так, что люди, которые могли бы за стыд допустить его с собою в спор о великости, принуждены обращаться к нему для получения средств сохранить блеск сей великости? *Ты глаголеши!* скажут мне; ты почти назвал их уже великими. Но нет! То, что праведно или неправедно, нарицается великим на земли, не соответствует мере великости небесной, которая совсем иная. Спросим и еще: мал ли тот, кто не имеет на земли ни великаго сокровища, ни великой силы, ни великаго искусства, ни великаго имени, кого пред другими унижает и степень звания, и бедность, и недостаток уважаемой в обществе образованности, кто едва не ниже самой земли, в которую он углубляется для извлечения из нея питательной силы, или драгоценностей, более для других, нежели для себя? Опять нет! И сей малый земли не соответствует мере того, что называется малым в царствии небеснем. Чтож? Неужели великие и малые земли равны между собою? – Подлинно, велико ли между ими неравенство пред Тем, Который безмерныя небеса измеряет пядию? Не скажем однако, как и Господь не сказал, чтобы между ими не было различия; и между малыми земными мерами великаго и малаго есть правильныя различия, положенныя Тем, Который *вся мерою, числом и весом расположил* (Прем. XI, 21), только не по земным мерам идут небесныя. Давид при стаде Вифлеемском мал пред прочими сынами малаго в народе своем Иессея; в то же время тот же Давид уже велик паче братьев своих пред Богом и пред Пророком Его Самуилом. Давид на престоле во Иерусалиме велик и пред Богом и вместе пред человеками. Навуходоносор, без сомнения, почитал себя очень великим, когда нарек себя создателем Вавилона великаго; но в то же самое мгновение открылось, что он не выше безсловесных. Сын Захарии, живущий в пустыне, одевающийся звериною кожею, питающийся дикою пищею, вероятно, диким человеком казался многим из тех, которые *носят мягкая, и живут в домех* (Матф. XI, 8): и кто бы подумал, что есть род великости, в которой он перерос всех рожденных женами прежде его? Но и еще есть род великости, в которой он не достиг до меньшаго в царствии небесном. К чему же, наконец, могут послужить нам столь разнообразныя меры великаго и малаго. К тому, чтобы к ним примеривал себя мнящийся быть более других, и не презирал малых земли, не возносился пред ними надменною мыслию, предусмотрительно помышлял о времени, когда разнovidная великость земная, подобно разносоставному истукану сновидения Навуходоносора, разсыплется в прах, и, может быть, оставит его слишком малым против меры небесной, – чтобы к оным примеривал себя и малый земли, и не завидовал великим, не упал духом, заботился не о том, как бы возвыситься на земли, но, да не *наречется мний в царствии небеснем.*

Не разумеющий, или нерадящий может сказать, что для него довольно, если хотя мний наречется в царствии небесном. Таковому ответствует Святый Златоустый: «егда слышиши меньшаго во царствии небесном, ничто же ино разумеи, разве геенну и муку; царство бо он не наслаждение вестъ нарицати токмо, но и время воскресения, и пришествие оное страшное». И далее говорит: «Мний будешь, сие есть, отверженный, последний, – последний же всячески в геенну впадет тогда», то есть во время всеобщаго воскресения и открытия царствия Божия. И подлинно, как разсуждает тот же учитель Церкви, если тот, кто скажет брату: уроде, осуждается в геенну, может ли быть меньше осуждение тому, кто *разоряет заповедь, и научает тако человеки*? И так, *мний*, или малейший *в царствии небесном*, есть мера не только скудная, но страшная, мера не просто умаленных и униженных, но осуждаемых и погибающих.

И кто упадает в толико низкую меру? *Иже аще разорит едину заповедей сих малых*. Грозный приговор, который, как острая коса, подсекает наши легкия надежды достигнуть царствия небеснаго! Кто из нас может похвалиться, что он не нарушает ни единой, даже малой заповеди? Кто не надеется, однако, что и многие малые грехи не увлекут его в геенну? Где же теперь сия надежда? Нарушивший одну из малых заповедей есть *мний в царствии небесном*; а мний в царствии небесном есть не иное что, как сын геенны.

Удержимся от отчаяния, и спокойным размышлением вникнем в изречение Спасителя. Что должно разуметь в словах Его под указательным названием: *заповедей сих*? Конечно, такие заповеди, которые были в очах, или в мыслях слышащих, когда Он произносил суд Свой о малых и великих, в отношении к царствию Божию. Какия же то были заповеди? Без сомнения те, которыми Господь изъяснял, и возвышал в то время дух заповедей Моисеевых. Заповеди Моисеевы запрещали убийство, прелюбодеяние, клятвопреступление, обиду: Господь запретил и гнев, и любодейный взгляд, и справедливую клятву без нужды, и сопротивление обижающему, заповедуя вместо того любить врагов. И сии-то заповеди назвал Он *малыми*, потому что запрещаемыя ими действия кажутся только малыми грехами, или совсем таковыми не кажутся людям, которые грубо держатся только письмени, то есть, чувственного понятия закона, – и не умеют читать тонкий закон духа на скрижалях сердца, избегают явных, пред очами самага мира презрительных пороков и беззаконий, но за ничто почитают внутренния нечистоты, мерзкия пред очами Божиими.

Таким образом открывается, что нарушитель малых заповедей, есть тот, кто хотя не убивает, но в тайне злобствует; не прелюбодействует, но не умерщвляет похотей; не обуздывает языка; не имеет терпения и любви ко врагам; иначе сказать, кто не имеет сердца чистаго и духа праваго. О таковом какия чистая совесть не приступит к приговору суда Христова, и не признает, что *праведен Господь, наводяй гнев*?

Когда же слышим, что Он осуждает и за единую из малых заповедей неисполненную, почти так же, как за все великия: не станем сами у себя малыми грехами отнимать надежду спасения. Если верно сказанное, что *уничижаяй малая, по мале упадет* (Сирах. XIX, 1): то хотя бы малые грехи и не строго осуждаемы были сами в себе, они погубили бы нас, доведя мало по малу до великих; и потому, должно не сетовать на строгость суда, но сею самою строгостию возбуждать себя к необходимой осторожности против падений, почитаемых малыми. Прежде нежели грех обольстит тебя тем, что он кажется малым: поражай его и отражай от себя грозным судом Христовым: *иже аще разорит едину заповедей сих малых, мний, последний, отверженный наречется в царствии небесном*.

Впрочем строгость суда сего в полной силе своей устремлена не просто на малые грехи, нами соделанные, но на грехи нами распространяемые. *Иже аще разорит едину заповедей сих малых, и научит тако человеки, мний наречется в царствии небеснем.* Итак, нам, поставленным научать человека заповедям Божиим, нам паче прочих угрожает здесь Господь судом Своим; и в то же время, как возвышает сие служение до великости небесной, сколько нибудь неверное хождение в сем служении Он уничижает даже до геенны. *Праведен еси Господи, и прави суди Твои* (Пс. СХVIII, 137)! Как мы оправдаемся, если тех, которым посылаешь Ты нас дати разум спасения, мы введем в заблуждения погибельныя? *И аще беззакония назириши Господи, Господи, кто постоит?* Помилуй нас уничиженных; удали от нас всякое слово растленное, всякое дело, могущее соблазнить единого от малых сих, верующих в Тя!

Но и вы, непризванные особенным званием Божиим к тому, чтобы научать человеки, не думайте, что суд Господень на тех, которые научают человека разорять заповеди, вас уже не коснется! Нет! И по вас пройдет также мера посрамительного унижения и отлучения от царствия небесного, если не потщитесь, данными от Бога средствами, возвращать себя во спасение, так чтобы, ежели не в слове учения, то в деле примера, *просвещался свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Матф. V, 16). Если родитель пред детьми, домовладыка пред домашними, господин пред рабами, начальник пред подчиненными, даже кто бы ни был пред ближними, *разоряет едину заповедей*, уже он не только разоряет оную, но и *научает тако человеки*. Дети естественно подражают делам родителей, домашние или рабы иногда почти невольно бывают запутаны в беспорядочных делах домовладыки или господина; низшим перестает казаться низким дело, которое видели у высших; если разоряющий заповедь имеет, повидимому, только свидетелей, а не последователей, – и тогда он или нарушает чистоту их мысли зрелищем греха, или еще вводит их во грех осуждения, и таким образом неприметно *научает разорять оныя малыя заповеди*. Помни, Христианин, что грех, который ты соделаешь пред очами ближнего, не только унижает тебя пред сим ближним, но и пред всем царствием Божиим, яко распространителя греха: *иже аще разорит едину заповедей сих малых, мний наречется в царствии небеснем.*

Доселе большею частию о малых, в отношении к царствию небесному, говорили мы, яко малые; и может быть, не напрасно потому, что малых во всяком отношении более, нежели великих. Дерзнем ли далее говорить о великих в царствии Божиим? Но и они не требуют нашего малаго слова; и слово сие не хочет быть тяжко слушателю продолжительностию; и близь нас сущий великий царствия Божия проповедует о сем величии паче всякого слова.

Скажем только еще в утешение малых, что от малейшаго до великаго в царствии небеснем не так далеко, как то бывает в земном царствии. Тот, кто вчера малыми или даже великими грехами умален и низвержен был даже до геенны, сего дня может покаяться, сотворить плоды достойные покаяния; – *а иже сотворит*, уже идет вслед за великими в царствии небеснем. Если же он примером своего исправления возбудит и других к исправлению жития: то он уже не только *сотворил*, но и *научил*; *а иже сотворит и научит, сей великий наречется в царствии небеснем*, в котором, наконец, многомилостивый Царь и Господь наш да сподобит всех нас, малых и великих, величать и славословить Его Единого во веки. Аминь.

ХСІ.

12. СЛОВО

в день обретения мощей, иже во святых Отца нашего

Алексия, Митрополита Московского и всея России чудотворца.

(Говорено в Чудове Монастыре, мая 20 дня).

<1824>

Блажени плачущии ныне: яко возмееется.

Лук. VI, 21.

Что думает мир, слыша сии слова Евангелия, если он когда нибудь думает о Евангелии? Он любит смеяться, играть, веселиться, а ему советуют плакать. Если не можно прожить без печали, он желает по крайней мере отдалять ее, сколько можно; а его хотят ныне же привести в слезы. Ему кажется, что быть веселым, и быть счастливым есть одно и то же: а его уверяют, что блаженство сокрыто в плаче. Какое странное учение, думает он, какая неприятная жизнь! Какая печальная вера!

Но что говорить о мире? Что думают чада веры, пришедшие сюда возвеселиться о блаженном подвижнике веры пред Богом, Который *не дал преподобному Своему видети истления* (Деян. II, 27)? Что думают они, если обращают внимание на то, что Евангелие в самый сей день веселия не стыдится оглашать их словом плача? Думают ли о том, как нужно и в наши праздники, по подобию древних, к сладким опреснокам привмешивать горькое зелие, к радости плачь, чтобы сладость, не приправленная горестию, не повредила душевного вкуса и не породила болезней, – чтобы плачь, отверженный нами, как мирный руководитель к блаженству, не постиг нас, как грозный каратель смеха: *горе вам смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете* (Лук. VI, 25).

Подумаем о смехе мира – без смеха, и о плаче Евангельском – без уныния.

Под именем *смеха* Евангелие разумеет, без сомнения, не один устный смех, и не собственно смех осуждает. Кто не разсмеялся когда нибудь в жизни, кроме одного разве Сына Девы, Котораго не раз Евангелие представляет плачущим, но никогда не показывает смеющимся, дабы и внешние естественные действия Его были для нас наставлением в духовных добродетелях? Разсмеялась иногда и скромная Сарра; и хотя обличена в том от Господа, однако не наказана рыданием и плачем, и не лишена обетования; но, получив обещанного сына, еще хвалилась смехом: *смех мне сотвори Господь* (Быт. XXI, 6). И еслибы всех осуждать за нынешний смех; то не осталось бы, кому дать блаженство за слезы. И так *смеющиеся*, которых осуждает Евангелие, суть люди, которые преданы удовольствию чувственному так, что поставляют его предметом всех желаний, целию всей деятельности, которые, по их изъяснению, более знаменательному, нежели сколько сами они понимают, живут в свое удовольствие.

Подобным образом не всякия слезы составляют плачь Евангельский; ибо плачут даже и звери. Источник воды живая, текущая в живот вечный, который отверзает в человеке Иисус Христос, и который образует реки блаженства, не из телесных очей исходит; но, по изречению Господа, *течет от чрева* (Иоан. VII, 38), то есть из внутренней глубины духа верующаго. *Плачущие* в духе Евангельском, будучи противоположны смеющимся по духу мира, суть люди, которые чувственное удовольствие находят грубым, низким, недостойным и ничтожным, которым ничто земное не мило, ничто тленное не дорого, но возлюблен Един Бог и Его небесное царствие, драгоценна едина душа и ея вечное спасение; которые, углубляясь в познание себя, чувствуют душу свою полною грехов вольных и невольных, ведомых и неведомых, и горько *плачут ныне*, во времени, осуждая внутренно сами себя, и страшась осуждения Божия вечнаго; видят спасение свое, как бы

на нити висящим над бездною гибели, и сокрушаются помышлением о немощи своей и о неизвестности судьбы своей; низводят взоры в преисподнюю, и рыдают о том, что им угрожает; возводят оные на небо, и воздыхают о том, чего на время уже лишились, и навсегда могут лишиться грехами своими; вспоминают о возлюбленном Создателе, Промыслителе и Спасителе, и *отвержесе утешитися душа их* (Пс. LXXVI, 3) чем-либо иным, кроме смиренного сетования и уязвления себя мыслию, от Кого удалились и Кого раздражили грехами; созерцают верою благодать, и в ней помилование грешника и прощение грехов, и сердце их разстывает в сладкия слезы любовью растворенного покаяния и благодарного умиления. Подобно тому, как *оние смеющиеся* живут для удовольствия, и удовольствием измеряют чувство жизни, сии *плачущие* живут некоторым образом для слез и слезами питают жизнь духа, как и сказал один из таковых сам о себе: *быша слезы моя мне хлеб день и ночь* (Пс. XLI, 4).

Определив таким образом смех мира и плач Евангельский, помыслим безпристрастно, который из них сообразнее с нынешним состоянием человека на земле и с дальнейшим его назначением.

Жить удовольствием свойственно состоянию или райскому, или младенческому: райскому – по той причине, что в раю как нет зла, так нет страдания и скорби, а потому нет и плача и воздыхания; младенческому, – поелику младенец неспособен к важным упражнениям, и не знает высшей цели жизни, а потому невинно следует побуждению чувственной природы избегать страдания, прилепляться к тому, что приятно занимает чувства, играть, смеяться. Но как из райского состояния всех нас вывел грех, а из младенческого каждый в свое время выходит путем природы и образования; как в райском состоянии ныне быть мы не можем, хотя бы и желали, а младенчествовать после совершеннолетия и не естественно и унижительно, то подумайте *смеющиеся ныне*, живущие только настоящим удовольствием, какое странное и неуместное явление вы представляете из себя ныне, хотя бы ничем не угрожало вам будущее! Не напрасно мудрец входит в распрю против смеха и веселия: *смеху рекох: погрешение, и веселию: что сие твориши* (Еккл. II, 2): «я сказал смеху: ты безумствуешь; я сказал веселию: что ты делаешь?» Испытав приятное во всех на земле видах, он узнал, что в любезном смехе мира кроется ныне, и что из него после откроется. *Даже среди смеха*, говорит он, *болит, сердце, последняя же радости в плач преходят* (Притч. XIV, 13); то есть чувственное удовольствие и само в себе всегда нечисто, но смешено с неприятностью, и утомительно и в своих последствиях бедственно; ибо не только исчезает, но и превращается наконец в противное.

Самый опасный враг есть лстец, а самый опасный лстец есть чувственное удовольствие. Не видим ли ежедневно, куда приводит оно тех, которые охотно ему позволяют обольщать их? В позднее раскаяние, в болезни, в нищету, в безславие, в отчаяние, в гибель. Не видим ли, как смеющаяся роскошная жизнь разрушает благосостояние людей, едва ли не чаще, нежели бедственные приключения, непредвидимые и неотвратимые? Как легкия забавы скорее уносят здоровье у играющих, нежели тяжкия работы у трудящихся? Как добровольные рабы чувственности властью привычки отдаются ей в невольники, а наконец в оковах болезней, под карательными орудиями врачей, становятся ея мучениками? Но, что всего ужаснее, не замечаем, как люди, которых душа любит почивать, ясти, пити, веселиться, – с сею же любовью лежат, но без сомнения, уже не почивают и на смертном одре; с сею же любовью и жаждою чувственных удовольствий отходят туда, где нет ничего чувственного, которое они знают и любят, но все духовное, о котором им едва ли когда во сне мечталось? Что найдут они *там* для себя? Еслибы и не нашлось для них ада, где огонь не угасает, где червь не умирает, где плач и скрежет зубов: их чувственное вожделение, в высочайшем степени

возбужденное и оставленное без малейшего удовлетворения, должно палить их, как огонь, точить как червь, мучить и терзать их. Таков, по необходимости, должен быть конец людей, которые, по выражению Мудраго, *вмениши игралице быти живот наш* (Прем. XV, 12). *Горе вам, смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете* (Лук. VI, 25).

Будем благодарны Евангелию за сей грозный глас, которым оно, желая нас остановить на пути чувственного удовольствия, к которому, по растленной природе, все более или менее привлекаемся, указывает бездну, зияющую поглотить нас. Приимем с верою и послушанием наставление нашего Божественного Учителя, которым Он посредством кратковременного плача желает предохранить нас от вечного, и приготовить к вечной радости. *Блажени плачущии ныне, яко возсмеетсяя.*

Читаем в книге Ездры, что, когда, по разрушении храма Иерусалимского Вавилонянами, возвратившиеся из плена Иудеи вновь приступили к созиданию онаго, тогда *мнози от священников и левит, и князи отечеств, и старейшины, иже видеша дом прежний на основании своем, и сей дом пред очесы своими, плакаху гласом велиим, и народ возглашающ, в веселии возвышаху глас. И не можаша людие познати гласа восклицания веселящихся от гласов плача народного* (1 Езд. III, 12. 13). Прекрасный образ нашего состояния, Христиане, и расположения духа, какого требует от нас Евангелие! Ибо *вся сия*, по изъяснению Апостола, *образи прилучахуся онем, писана же быша в научение наше* (1 Кор. X, 11). Душа человека, испавшегося из благодати Божией, есть разрушенный храм Божий. Враги, которые осквернили, обезобразили, опустошили его и поработили нас, суть грехи наши. Могущественный Царь, Который *проповедует пленным отпущение* (Лук. IV, 18), и дает способ возстановить разрушенный живой храм живаго Бога, есть Господь наш Иисус Христос. Евангелие на наши духовныя развалины посылает дух покаяния и веры, чтобы вновь воздвигнуть алтарь молитвы, возжечь огонь любви к Богу и подать нам надежду, что мы паки будем *жить в помощи Вышняго, водворяться в крове Бога небеснаго* (Пс. XC, 1). Кто бы ты ни был, гражданин или пришелец духовнаго Иерусалима, священник или левит, князь отечеств, или один из народа верующих, если ум твой не ослеплен чувственностью, и может видеть сии развалины прежняго, сие основание новаго храма духовнаго, если сердце твое не одебелело, как у неверующих, можешь ли ты в минуты спокойнаго и благоговейнаго размышления смотреть на свое состояние холодным оком и сердцем? Не должно ли прошедшее извлекать у тебя горькия слезы раскаяния, настоящее – кроткия слезы покаяния, будущее – сладкия слезы умиления и радости? В сем таинственном смешении печали и утешения, плача и веселия, – уже и ныне начинается и ощущается блаженство плачущих, которое совершит и откроет Господь, *отъяв, наконец, всяку слезу от очию их* (Апок. XXI, 4). *Блажени плачущии, яко тии утешатся* от утешителя Духа Святаго. Аминь.

ХСII.

13. СЛОВО

при посещении Города Верей.

(Говорено июня 6).

<1824>

*И аз пришед к вам братие, приидох не по
превосходному
словеси или премудрости, возвещая вам*

свидетельство

Божие: не судих бо ведети что в вас, точию Иисуса

Христа, и сего распята. 1 Кор. II, 1.

Пришед к вам, братие, незнаемый в лице, к малознаемым по образу мыслей и жизни, недоумеваю, что сказать вам, и как говорить с вами.

Да разрешит сие недоумение, и да будет ныне моим и вашим наставником Божественный Апостол Павел. Он, приводя на память Коринфянам и вместе повествуя для нас, каким образом в первый раз приходил он к ним с проповедию Евангельскою, говорит к ним: *аз пришед к вам братие, приидох не по превосходному словеси или премудрости, возвещая вам свидетельство Божие: не судих бо ведети что в вас, точию Иисуса Христа и сего распята.*

Слышите ли, что говорит сим гражданам сей пришелец, пришедший от Бога? *Возвещал им свидетельство Божие.* Примечаете ли, как говорил он с ними? *Не по превосходному словеси или премудрости,* то есть, не употреблял он для привлечения их к себе искусственного красноречия, не разсыпал пред ними сокровище знания, но, сколько можно, простым словом предложил им главное и необходимое учение.

Посему, *и аз пришед к вам, братие,* ныне, по тому же долгу служения Евангельского, которое Господь наш первоначально вверил Апостолам, а от них чрез непрерывное преемство священного рукоположения простер и до нашего недостойнства, – *прихожду не по превосходству словеси или премудрости, возвещая вам свидетельство Божие.* Не забочусь о искусстве слова человеческого, ни о богатстве знания человеческого: Слово Божие не имеет нужды в сих ничтожных пособиях, и Премудрость Божия даже утаевает свои тайны от премудрых и разумных, и открывает младенцам. Желаю, поколику Бог дарует, в простоте слова и в чистоте истины возвестить вам *свидетельство Божие,* или точнее сказать, не возвестить как новое, но как известное в мыслях и чувствах ваших, возобновить к общему назиданию.

Что такое *свидетельство Божие?* Апостол понимает под сим названием учение Христианския веры. Сие очевидно из собственных его слов, которыми он, упомянув о свидетельстве Божиим, тотчас определяет предмет сего свидетельства: *не судих бо ведети что в вас, точию Иисуса Христа, и сего распята.* Называть учение Христианския веры свидетельством Божиим Апостолы приняли от Самого Иисуса Христа: ибо, назначая их проповедниками сея веры, Он сказал им: *будете Ми свидетели во Иерусалиме же и во всей Иудее и Самарии, и даже до последних земли* (Деян. I, 8). А в другом случае то же самое назначение объяснил им следующими словами: *идите научите вся языки, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа* (Матф. XXVIII, 19).

Свидетельством Божиим учение Христианския веры называться может или потому, что сие учение свидетельствует о Боге, или потому, что свидетельствует о нем Бог. Оно свидетельствует о Боге против заблуждений языческих, что Он есть един, вечен и неизменен в существе Своем и в воле Своей, всемогущ и премудр, праведен и благ. Против неведения Иудейского свидетельствует оно, что Единый Бог есть Троичен, Бог Отец безначальный и не рожденный, Сын Божий, рожденный от Бога Отца и единосущный с Ним; Дух Божий, исходящий от Бога Отца, равный Отцу и Сыну в Божестве и славе. Всем человекам вообще свидетельствует оно, что Бог есть Творец, Промыслитель и Спаситель. Особенно свидетельствует человекам, яко грешникам, что Бог *не хочет смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему*

(Иезек. XXXIII, 11); что для сего Бог Отец благоволил послать на землю Сына Своего Единородного, и Духа Своего Святого; что Сын Божий, воплотившись от Пречистой Девы Марии, в лице Своем соединил Божество с человечеством, дабы все прочее человечество примирить и соединить с Божеством; что Сей Богочеловек, Господь наш Иисус Христос, пострадал и умер, дабы умертвить нашего ветхаго человека, то есть, греховную в нас силу, от Адама в нас рожденную и собственными грехами нашими питаемую; – воскрес, дабы воскресить в нас новаго человека, то есть, возбудить в нас благодатную духовную силу, жившую в нас прежде греха Адамова; – вознесся на небо, дабы всеобъемлющею властью Своего Божества все соестественное Себе человечество привлечь от земли на небо; что, по ходатайству Иисуса Христа, пришедший на землю Дух Святой, *дышущий, идеже хочет*, наипаче действенно и ощутительно дышет в слове Евангельском и в таинствах церковных; что сей Дух невидимым, часто *неведомо откуда* приходящим действием Своим грешника, закосневающего во грехах, обличает, вразумляет, побуждает обратиться к Богу, не знающего как обратиться научает, изнемогающего в подвиге обращения укрепляет и одушевляет, и таким образом вводит *внутрь* человека *царствие Божие*, которое есть *правда, мир и радость о Дусе Святе*, – дабы наконец совершенно ввести человека в царствие Божие, когда явится Иисус Христос, призвать благословенных Отца Своего в наследие царствия, уготованного им от сложения мира. Вот в немногих словах многозначительное свидетельство Христианския веры о Боге и спасительных делах Его.

Нужно ли удостоверение о том, что сие, по содержанию своему столь важное для человеков свидетельство, есть верно и всякого приятия достойно? Сам Бог о нем взаимно свидетельствует и удостоверяет о его подлинности! Не говорю о том, что и для самых язычников Он *не несвидетельствована Себе остави, благоворя, с небесе нам дожди дая, и времена плодоносна, исполняя пищею и веселием сердца наша* (Деян. XIV, 17), – или, напротив, отъятием от земли Своего плодотворного благословения, напоминая человекам их духовное неплодие, и призывая их принести плоды достойные покаяния. Не говорю о чудесах, служивших удостоверительным свидетельством закону, который *пестун нам бысть во Христа* (Гал. III, 24), ни о пророчествах, которые также издавеча подавали Божественное свидетельство еще ожидаемому в мире Христианству. Поспешаю привести то Божественное свидетельство, которое Сам Основатель Христианства представляет о Себе и о истине Своего учения, с такою силою удостоверения, что даже позволяет неверить Ему без сего свидетельства: *Аще, говорит, не творю дела Отца Моего, не имите Ми веры: аще ли творю, аще и Мне не веруете, делом Моим веруйте, да разумеете и веруете, яко во Мне Отец и Аз в Нем* (Иоан. X, 37. 38). И еще: *дела, яже даде Мне Отец, да совершу я: та дела, яже Аз творю, свидетельствуют о Мне, яко Отец Мя посла. И пославый Мя Отец Сам свидетельствова о Мне* (Иоан. V, 36. 37). О каких говорит Он делах? О тех, на которые указывает яснее ученикам Иоанновым также, как на непреложное о Себе свидетельство: *слепии прозирают, и хромии ходят, прокаженные очищаются, и глушии слышат, мертвии востанут и нищии благовествуют* (Матф. XI, 5); а наконец, и Сам Воскреситель мертвых, умерщвлен *быв плотию*, оживает духом, и в теле Своем дает осязать раны, свидетельствующие бывшую смертность, и настоящее бессмертие: кто кроме Бога может совершать такие дела? Следственно, в них Он Сам говорит и свидетельствует о Иисусе Христе, о учении Его и о вере Его. Но какое представляет Он и еще собственное свидетельство Бога Отца: *Сам свидетельствована?* То, которое Бог Отец дал Сыну Своему возлюбленному на Иордане гласом Своим и явлением Духа Своего Святого, – на Фаворе также глаголом и явлением света и славы, наконец среди самаго Иерусалима и среди народа, когда на молитву Иисуса: *Отче! прослави имя Твое, прииде глас с небесе: и прославих, и паки прославлю* (Иоан. XII, 28). Правда, не всем тогда было внятно сие свидетельство, но вскоре оно сделалось внятно всем народам и племенам земным, с новыми поразительными знамениями божественности, когда Дух

Святой, исполнив Апостолов, вдруг всеми человеческими языками начал провещавать чрез них величия Божия. Сим свидетельством Божиим – и было ли бы возможно иначе? – рыбаки уловили мудрецов, нищие покорили владык земли, половина рода человеческого убеждена была принять сие свидетельство, и притом так, что для него совершенно переменяла образ мыслей и жизни; мученики подписали сие свидетельство кровию своею; и Церковь, свидетельством Божиим ограждаемая и утверждаемая, победив оным злобу и ярость врагов внешних, ухищрения и дерзость домашних нарушителей мира и согласия, не побеждаясь усиливающимися в конце веков соблазнами, до ныне торжественно возвещает свидетельство Божие, и взаимно приемлет от Бога свидетельство, что, по непреложному обетованию ея Основателя, даже до конца мира *врата ада не одолеют ей* (Матф. XVI, 18).

Что должны мы, братие, мыслить, что чувствовать, внимая свидетельству Божию, которое мы еще в родителях и прародителях приняли, и которое так часто слышим вновь собственно для нас возвещаемое, повторяемое, напоминаемое? *Подобает нам, скажу со Апостолом, лишше внимати слышанным, да не когда отпадем. Ибо, како мы убежим, о толицих нерадивих спасении, еже зачало приемше глаголатися от Господа, слышавшими в нас известися, сосвидетельствующу Богу знаменми же и чудесы, и различными силами, и Духа Святаго разделенми по Своей Ему воли* (Евр. II, 1. 3. 4).

Нельзя, повидимому, опасаться, чтобы кто из нас отступил от свидетельства Божия так далеко, чтобы возвратиться к заблуждениям языческим, или неведению Иудейскому. Но могут быть люди, которые *Бога исповедают ведети, а дела отмецуются Его* (Тит. I, 16), или нарушают чистоту веры Его и отступают от единства Церкви Его, *избирая себе учителя*, как давно предвидел и сказал Апостол, *по своим похотех, чешем слухом* (2 Тим. IV, 3), либо слухом грубым и чувствием необученным, избирая учителей неверия и разврата. *Сего ради* еще раз глаголю с Апостолом, *подобает нам лишше внимати слышанным, да не когда отпадем* (Евр. II, 1).

Не служим, как язычники многим богам: но *подобает внимати*, не есть ли для нас бог чрево? Не работаем ли больше, нежели Богу, богатству? Не служим ли идолам страстей? Не хочет ли гордость наша поставить нас самих идолами для других?

Не превозносимся, как Иудеи, чадством Авраама: но *подобает внимати*, – не также ли дерзновенно и неразумительно превозносимся именем Христиан, не сделавшись истинными чадами Божиими чрез духовное возрождение, чрез живую веру, и чрез святое житие?

Подобает и тем, которые необдуманным разномыслием и непослушанием Церкви Христовой дерзают разсекать живое тело Христово, раздирать Его нешвенный хитон, – ей, *подобает* им *внимати*, что делают они и какому свидетельству последуют? Не семь ли столпов поставлены в утверждение дома Премудрости Божией? Не семь ли духов Божиих посланы для управления вселенскою Церковию? Не семь ли таинств даны для освящения душ? Как же дерзают некоторые мечтательною мыслию сокрушать тот или другой столп дома Божия, и думают, будто может быть время, когда перестанут дышать в Церкви семь духов Божиих; – яснее сказать, или повреждают и разрушают видимое утверждение Церкви в священстве, или и других таинств церковных не хотят признавать?

Кто бы ты ни был, Христианин, *подобает* тебе прилежно *внимати*, да не скроется в сердце твоём какой либо глагол беззакония, да не отпадешь и не отвержен будешь от Бога, но да спасешься и во всеблаженное царствие Его внидешь. Аминь.

ХСШ.

14. СЛОВО

в неделю вторую по Пятидесятнице, при посещении города Можайска.

(Говорено 8 июня).

<1824>

*И проходящие всю Галилею Иисус, уча на сонмищах их,
и проповедавая Евангелие царствия, исцеляя
всяк недуг и
всяку язю в людех. Матф. IV, 23.*

Иисус проходит всю Галилею, ходит по всем местам области, чтобы творить людям различные благодеяния духовные и телесные. Не ученики собираются к Учителю, как имеющие в Нем нужду: но Учитель ходит повсюду, чтобы собрать учеников. Не болящие ищут Врача, дабы получить от Него исцеление: Врач ищет болящих, дабы подать им исцеление. Воистину, как Сам сказал Он, *Сын человеческий не прииде, да послужат Ему, но послужити* (Матф. XX, 28).

Если Он, Господь всех, с таким попечением служит рабам Своим: кольми паче мы, рабы Его, должны служить друг другу, кто чем может ради Господа. О! еслибы и сие малое по сей области хождение, в котором и до вас, братие, мы достигли, – о! еслибы оно было не праздным путешествием, но по благодати Божией, служением для вас полезным и Господу, пример на сие подавшему, благоутробным.

Под руководством собственного слова Его, скажем нечто теперь о проповеданном от Него *Евангелии царствия*, во уврачевание душ наших.

И проходящие всю Галилею Иисус, уча на сонмищах их, и проповедавая Евангелие царствия. Поелику Святой Евангелист Матфей не пересказывает здесь слов, которыми Господь проповедывал, то некоторые могут недоумевать и спрашивать: что за проповедь то была? Что значит *Евангелие царствия*? При внимательном разсматривании повествования Евангельского, нетрудно удостовериться, что Евангелист говорит в приведенных нами словах о Евангелии царствия, кратко, без объяснения в чем оно состояло, полагая сие уже известным из его повествования; ибо, действительно, уже написал он выше те самые слова, которыми Господь проповедывал Евангелие царствия. *Оттоле начат Иисус проповедати, и глаголати: покайтесь, приблизися бо царствие небесное* (Матф. IV, 17).

Из сего видно, что проповеданное Иисус Христом Евангелие царствия имело два предмета: во первых, возвестить приближение царствия небесного; во вторых, побудить к покаянию.

Опять представляется недоумение, опять рождается вопрос: что такое *царство небесное*? что такое *приближение* царства небесного? Дабы разрешить сие, надлежит привести на мысль, что Иудеи, к которым говорил о сем Господь, были люди мало способные к прямому разумению вещей духовных, а более преклонные к чувственным. Сие говорю, не унижая народ Божий: ибо другие народы, ему современные, были еще глубже

погружены в чувственность. Но таково было свойство времени ветхаго завета, и возраст рода человеческого в то время, что Сам Бог благоволил действовать на сердца человеческия наиболее обетованием чувственных благословений, как-то: долгоденствия, многочадия, земли текущей медом и млеком, и представлением духовнаго ведения и духовнаго Богопочтения в чувственных образах и обрядах. Усмотрев чувственное исполнение обетований Божиих в сильном царстве Давида и в мирном царстве Соломона, потом быв пленены, и, после возвращения из плена, оставлены без царей, среди врагов, Иудеи никакого блаженства не могли вообразить так живо, как блаженство иметь собственное царство, собственного царя. Посему, дабы понятным и занимательным для них образом говорить о спасении, о блаженстве, надлежало говорить им о царстве. Но как они видели, понимали только блаженство царства земнаго, и земнаго же царства ожидали для блаженства: то, исправляя и возвышая их понятие, Божественный Проповедник говорил им о *царстве небесном*. Итак *царство небесное* то же значит, что иначе мы называем душевным спасением и блаженством. Что сказал Божественный Учитель в сих словах: *приблизися бо царство небесное*, то же самое сказал один из ревностнейших учеников Его в следующих словах: *ныне ближайшее нам спасение* (Рим. XIII, 11).

Приближение царствия небеснаго, проповеданнаго Господом нашим, не иное что значило, как приближение Царя сего царства, явление Его на земли; также и у Апостола *ближайшее спасение* значит преимущественную близость Спасителя, с Его спасительными действиями. Так ли, например, как для Апостолов, близко было царство небесное и спасение для Авраама, когда не только Царь и Спаситель наш еще не явился на земли, но даже теней и гаданий о Нем не представляли ни закон, ни Пророки? Потому, когда из такой дали времен *увидел Авраам очами веры день Христов*, и увидел так ясно, что *возрадовася*, вера сия так уважена, что ему наречено великое имя *отца верующих*. Напротив того, как близко было царство небесное и спасение, например, для Апостола Павла, когда он в отверстых небесах увидел Господа, и собственным гласом Его с пути погибели обращен на путь спасения.

Приблизися царство небесное, взывает Божественный Проповедник: блаженство, потерю которого вы оплакиваете, и которое жаждете возвратить, не то, которое вы имели во Иерусалиме и в Давиде, и паки думаете иметь в царстве и царе земном; вы сами не понимаете, чего не достает сердцу вашему, и к чему оно стремится сильным, но темным желанием; истинное блаженство есть то, которым вы обладали, и которое утратили в раю и во Адаме грехопадением; и сие блаженство, которого так долго не имели и не знали в мире потому, что *вси согрешиха, и лишени суть славы Божия* (Римл. III, 23), сие царство, не земное, а небесное, которого не видали на земле, потому что с тех пор, как *грех в мир вниде, и грехом смерть, царствова смерть и над несогрешившими по подобию преступления Адамова* (V, 12. 14), сие спасение, которого тень одну представлял закон Моисеев, о котором столь долго изыскивали и испытывали Пророки (1 Петр. I, 10), готово теперь открыться в истине и силе; уже Царь Небесный призывает и собирает сынов царствия, прошед чрез крест и смерть, в воскресении получает Он всякую власть на небеси и на земли, и, вознесшись на небо, уже *посаждает с Собою на небесах* (Ефес. I, 20) таких людей, которые ходят еще телом по земли, но которых по духу житие на небесах есть. *Приблизися царство небесное*.

Из сего приближения царства небеснаго, Божественный Наставник извлекает то заключение, что должно покаяться. *Покайтесь, приблизися бо царство небесное*.

Покаяться значит переменить прежния мысли, как погрешительныя, оставить прежния желания, как безразсудныя и суетныя, прежния дела, как достойныя осуждения и погибельныя, и воспринять новыя мысли, а следственно и желания и дела.

Подлинно, надлежало покаяться Иудеям, когда приближалось царство небесное, когда явился между ими Спаситель мира. Они думали о царстве земном, а им возвещается царство небесное: надобно переменить мысли земныя на небесныя. Они, как блаженства, желали изобилия и богатства, власти и славы между народами, а им проповедуют, что блаженны нищие духом, алчущие и жаждущие правды, изгнанные правды ради: надобно переменить желания чувственные и страстные на духовныя и безстрастные. Они слегка и наружно исполняли принятые обряды набожности, а оставляли *вящая закона, суд и милость и веру* (Матф. XXIII, 23), и хваляся законом, *преступлением закона*, как обличает их Апостол, *Бога безчествовали* (Рим. II, 23): надобно было переменить дела лицемерно благовидныя, или явно незаконныя на дела внутренне добрыя и чистыя, и начать новую жизнь, которою бы Бог прославлялся в душах и телесех.

Так должно разуметь проповедь Господню о приближении царства небеснаго, в отношении к первоначальным ея слушателям – Иудеям. Но и мы, братия, не находимся ли между слушателями сей Божественной проповеди? Не взывает ли Господь и к нам ныне в Евангелии: *покайтесь, приблизися бо царство небесное*? Иудеи большею частию не вняли проповеди Господней, и ветхий Иерусалим, *понеже не разумел времени посещения* Его (Лук. XIX, 44), разрушился у самого основания царства небеснаго. И вы *блюдитесь, како слышите* (Лук. VIII, 18).

Дни земные приходят и проходят, и вечное царство небесное становится ближе и ближе. Царство благодати и спасения приблизилось и открылось уже давно чрез спасительную проповедь Господа нашего Иисуса Христа, чрез Его спасительную для нас крестную смерть и воскресение, чрез обильное излияние Святаго Духа на Апостолов, чрез распространение Христианския веры во все концы вселенныя, – чрез что и мы во святом крещении сделались сынами и наследниками царства небеснаго. Приближается новое более торжественное откровение царства небеснаго, как царство славы и блаженства. Предреченныя Господом знамения времен указывают сие великое событие со дня на день ближе. *Встанет, сказал Он, язык на язык, и царство на царство: и будут глади и пагубы, и труси по местом. Вся же сия начало болезнем* (Матф. XXIV, 7. 8). Сколько раз уже являлось сие начало последних времен! Как грозно было сие знамение между прочим и в сей самой области, во дни наши! *За умножение беззакония*, говорил еще Господь, *изсякнет любы многих* (12). О, как беззаконие умножается! О, как возлюбленная любовь изсякает. *И проповестся сие Евангелие царствия по всей вселенной* (14), предрекал Он еще; и оно проповедано и проповедуется. Что далее? *И тогда придет кончина* (14). Когда? Я не знаю; не знают *ни Ангели* на небеси (36): но знаю, и вам сказано, и теперь напоминает, что кончина придет точно в такой час, как нынешний, в который о том не знают и не полагают, чтобы то был час кончины, который, как сеть рыбу, захватит живущих на земле; знаю и не трудно всякому понять, что если время за тысячу восемьсот лет до нашего называлось уже *кончиною лета*, то наши дни, конечно, еще ниже висят на конце веков, над бездною вечности; знаю, что Тот, Который проповедывал во Иудеи и в Галилее, что *приблизися царство небесное*, вновь подтверждает в Иоанновом Откровении: *время близ*, и даже клянется: *ей! гряду скоро* (Апок. XXII, 10. 20).

Покаемся братия, и принесем плод достойный покаяния, пока последний, решительный для всех или для каждого в особенности, час, то есть, час ожидаемого пришествия Христова и великаго суда, или час смерти, за которым также ничего не видно далее, как суд, – пока сей великий час не постиг нас беспечных, как потоп современников Ноя, как огонь и жупел сограждан Лота. Покаемся не на день, в который очищаем свою совесть пред служителем олтаря, но на все последующее время жизни. Покаемся, и не только дела злыя оставим, что и неверующие частию делают, избегая осуждения от человеков, но и сердца от страстей и похотей очистим, и помышления исправим, да будем благоугодны

Испытующему сердца и утробы. Не будем обезпечивать себя во грехах наших тем, что много подобных нам грешников, или и все грешны; может быть, те, которые кажутся нам по внешности подобными нам грешниками, много успели во внутреннем сердечном покаянии и в тайных добродетелях; притом, несмотря ни на какое число, *потребит Господь вся делающия беззаконие* (Пс. С, 8)! Но да сохранит Он нас от сего страшного жребия, и покаянием истинным да введет в царство небесное, дабы блаженствовать в Нем, и славословить Его во веки. Аминь.

XCIV.

15. СЛОВО

в день святого Апостола Варнавы, при посещении города Волоколамска.

(Говорено Июня 12 дня).

<1824>

*И послаша Варнаву преити даже до
Антиохии:
иже пришед и видеv благодать Божию,
возрадовася, и моляше всех изволением
сердца
терпети о Господе. Деян. XI, 22. 23.*

Когда святые Апостолы, находясь во Иерусалиме, слышали, что в Антиохии не только Иудеи, но и язычники начали принимать веру во Иисуса Христа: тогда они, для удостоверения, как должно полагать, в сем вожденном событии, а в случае подлинности онаго и для утверждения верующих, из среды себя *послаша Варнаву преити даже до Антиохии*. Дерзаю сказать, что и меня в сей верный град послали Апостолы, если не словом повеления, то делом примера, подобно как и сей самый Варнава с Павлом, в другом случае не требуя новаго повеления от Апостолов, сами решились повторить дело своего посланничества. *Подобает*, говорили они, *посетити братию нашу во всех градах, в них же проповедахом Слово Господне, како пребывают* (Деян. XV, 36).

Святой Варнава, пришед во Антиохию *и видеv благодать Божию*, то есть по благодати Божией принятую и содержимую Антиохиянами веру Христову, *возрадовася*. Радуюсь и я, видя во граде сем благодать Божию, то есть, веру Христову, от предков принятую и согласно со всею православною Церковию содержимую. Велика была радость Святого Варнавы особенно потому, что сверх чаяния вновь приняли веру Христову и язычники: великая и то радость, когда вера, давно принятая, верно сохраняется; ибо как есть препятствия насаждению вновь веры Христовой, так есть препятствия и сохранению ея в первоначальной чистоте и силе, хотя впрочем она может победить и те и другия.

Посему и Святой Варнава не совершенно предался радости верующих, но и заботился о них, *и моляше всех изволением сердца терпети о Господе*. Сие спасительное наставление Апостольское желаю и я разделить со всеми, которые не отрекутся слышать и принять мольбу мою.

Что значит *терпети о Господе*? С мыслію о терпении всего сроднее мыслію о бедствиях и страданиях. Посему *терпети о Господе* значит великодушно переносить бедствия и страдания за веру в Господа. Подлинно сей род терпения заповедует Господь наш, когда

говорит Своим последователям: *предаст брат брата на смерть, и отец чадо: и восстанут чада на родители, и убьют их. И будете ненавидимы всеми имене Моего ради: претерпевый же до конца той спасен будет* (Матф. X, 21. 22). Так *терпели о Господе* святые мученики!

Но как Господь обещает спасение только претерпевшему до конца; мученичества же прекращаются, почему и терпение сего рода престаёт: то нужно далее изыскивать, что значит *терпеть о Господе*, хотя бы не было бедствий и страданий, испытующих терпение. В слове Божиим находим, что *терпеть Господа* иногда значит прилежно и неослабно молиться, доколе не умилоостивим Бога, и не будем услышаны. Сие видим в Псалмопевце, который говорит: *терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою* (Пс. XXXIX, 1). Ещё же и вообще люди мужественные и постоянные в подвигах благочестия называются *терпящими Господа*, что можно видеть в следующем изречении: *терпящими Господа изменяет крепость, окрыляют аки орлы, потекут и не утруждаются* (Ис. XL, 31). Все сии роды благочестиваго терпения, или одним словом, постоянство в вере, заповедывал Святой Варнава Христианам Антиохийским, когда молил их, не только по нужде, по требованию обстоятельств, но *изволением сердца терпети о Господе*.

В сем разуме Апостольскаго слова, и я, хотя недостойный, но того же Слова служитель, *молю всех*, слушающих меня, *изволением сердца терпети о Господе*, то есть соблюдать твердость и постоянство как в разумении, так и во всяком деле веры, и в житии, достойном человека верующаго.

Порождени вы не от семени истленна, но не истленна, словом живаго Бога и пребывающа во веки (1 Петр. I, 23); и дано вам *чадца*, каждому в меру возраста его *познати Отца*, знать *Единого истиннаго Бога и Его же послал есть Иисус Христа* (Иоан. XVII, 3). Так же неизменною и неизменною любовью возлюбите *словесное и нелестное млеко* учения Христова, *да о нем возрастет во спасение* (1 Петр. II, 2); напротив того не будьте, яко *младенцы*, легкомыслием и непостоянством *вляющиеся и скитающиеся всяким ветром учения, во лжи человечесстей, в коварстве козней льщения* (Еф. IV, 14). Как младенец естественно желает единого млека и постоянно держится единых сосцев матери: так вы постоянно держитесь учения Христова, которым питаетесь от сосцев истинныя матери, православныя Церкви. Не прельщайтесь словом человеческим, не увлекайтесь лстивым советом, будьте постоянны в последовании Слову Божию, поколику оно вам известно; *терпите о Господе*. – Если и не воздвигаются ныне на последователей Христовых гонения, производящая мученичество: и ныне однако, как и всегда, *многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие* (Деян. XIV, 22). Итак посылается ли на тебя бедствие и скорбь, и при тщательном испытании своей совести, ты познаешь в сем наказание за грехи твои: *терпи о Господе*, и говори с Псалмопевцем: *праведен еси, Господи, и прави суди Твои: благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим* (Псал. CXVIII, 137. 71). Если же и не примечаешь того, чтобы твоею виною привлечено было на тебя бедствие, которое постигает тебя: и тогда *терпи о Господе*, и говори с Иовом: *яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословено* (Иов. I, 21).

Научает тебя благодать Божия молиться Богу о избавлении от бед, просить Его помощи в нуждах, а наипаче духовных, относящихся ко спасению души твоей и к вечному блаженству твоему: берегись и в сем святом упражнении непостоянства и нетерпеливости. Господь заповедал нам *молитися и не стужати* (Лук. XVIII, 1), то есть, не тяготиться, не скучать молитвою, но пребывать в ней неослабно. И Апостол говорит нам: *непрестанно молитесь* (1 Сол. V, 17). *Хощу*, говорит он еще, *да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. II, 8), или сомнения.

Видишь ли плод твоея молитвы? Усугубь ее благодарением Богу, *исполняющему во благих желание твое* (Пс. СII, 5). Не получаешь ли просимаго? Признавай несовершенство молитвы твоей, и продолжай ее с новым усердием, помышляя, что всеблагий Отец Небесный, если видимо не исполняет твоего желания, то, без сомнения, невидимо печется о благе твоём более, нежели ты познать и вообразить можешь. Так и в молитве *терпи о Господе*.

Но чтобы не продолжить слова, скажу вообще: какой бы ты ни предпринял благочестивый подвиг, в какой бы ни начал упражняться добродетели: не изменяй принятому однажды благому намерению; и хотя бы предстояли тебе препятствия, хотя бы казалось тебе, что успех не соответствует ожиданию твоему, не отчаявайся, не малодушествуй; и напротив того, хотя бы показалось тебе, что ты довольно успел в добром деле и подвиге, не обленяйся, не будь беспечен, признавая себя *рабом неключимым*, когдаб и *все повеленное сотворил*, ибо и в сем последнем случае ты *сделал бы только должное* (Лук. XVII, 10), и потому не имел бы еще права остаться без дела. Таким образом в трудности подвига уповай на Господа, *и терпи о Господе*; в успехе дела не полагайся на себя, и паки *терпи о Господе*.

Молю всех вникнуть в сие Апостольское учение; и каждый со вниманием да приложит оное к себе, к своей вере и житию. Ибо многие много против сего погрешают. Час *терпят*, слушая Слово Господне; а потом несколько дней слушают житейския, праздныя, суетныя, нередко даже злыя и срамныя слова человеческия: как же прозябнуть малому семени Слова Божия, посреди столь многих плевел? Утром молятся и празднуют пред Богом; а остаток дня предают иногда объядению и пьянству: как же сохранится дух молитвы в чаду вина, и в тяжком пресыщении плоти? Несколько дней постятся, один день каются; а потом надолго возвращаются к прежнему житию невоздержному и греховному: где же плод поста? Где плод достойный покаяния? Если бы сын твой один день был у тебя в послушании, а потом проводил многие дни в своеволевии: был ли бы ты им доволен? Как же Отец Небесный, Который, без сравнения, паче земных родителей достоин послушания нашего, и по лучшему духовному рождению нашему от Духа Его, и по безпримерным и безчисленным благодеяниям, как может Он быть доволен нами, если мы один день или час исполняем Его волю, а почти во всю жизнь нашу творим волю плоти нашея и похотей? Если бы раб твой, или временный наемник изредка делал твое дело, а всегда почти был празден, или работал на себя: почитал ли бы ты его достойным награды? Не почел ли бы напротив того достойным наказания, либо изгнания из дома? Какую же награду можем мы получить от Господа, Которому вечно и неотъемлемо принадлежим и мы, и все, что называем нашим, когда изредка делаем некоторые благия дела по заповедям Его, а в прочее время остаемся для Него праздны, или работаем самим себе, или что хуже, миру служим и угодное диаволу творим, и не помышляем о воле Господа нашего.

Скажут: неужели каждый день пост, каждую минуту молитва? Как жить, если ничего не делать для временной и телесной жизни? Напрасныя опасения! Постись в установленное время: но в другое время не будь роскошен и невоздержен, и сохранишь плод поста. Приходи на молитву в освященные дни и часы: а потом с призыванием имени Божия всякое дело начинай и оканчивай; мыслию и сердцем со благоговением воспоминай о Боге всюду и всегда, где и когда можешь; не говори слов богопротивных, и не слушай их; не предавайся мыслям и желаниям нечистым и незаконным: таким образом во всякое время, и при всяком деле научишься сохранять в себе дух молитвы. Питайся, но не пресыщайся; пей, утоляя жажду и подкрепляя немощь, но не потопляй в вине ума, и не угашай духа; приобретай потребности временной жизни законным и честным трудом, но, при попечении о сем, не забывай духовных потребностей и жизни вечной; покаяйся, и не возвращайся на грех; *возложи руку на рало, и не обращай вспять* (Лук. IX, 62). Если

люди, сами непостоянные и временные, не любят других людей непостоянных: кольми паче неизменному и вечному Господу приличествует постоянное и ревностное служение верою и добродетелию. *Молю, убо, всех желающих быть рабами Его, достойными небесной награды, и чадами Его, достойными наследия духовного и вечного, изволением сердца терпящие о Господе* во всяком деле веры, и во всяком подвиге добродетели. Аминь.

ХСV.

16. СЛОВО

при освящении храма во имя Святителя Николая, созданного тщанием

Его Сиятельства князя Сергея Михайловича Голицына в Москве,

на месте, называемом Котельники.

(Говорено августа 24-го)

<1824>

Помяни Господи Давида, и всю кротость его. Псал.СXXXI, 1.

Мы пели сию священную песнь во время совершившагося здесь ныне тайнодействия: теперь хотим нечто говорить о сей песни. Тогда она была духовным питием, которое могло исполнить сердца наши сладостию веселия и восторгом благоговения пред Богом: теперь да будет она духовною пищею, которая бы, в устах духа быв раздроблена и растворена размышлением, напитала и подкрепила нас заключенною в ней спасительною силою деятельной мудрости.

Помяни Господи Давида и всю кротость его. Кто так поминает Давида? Кто поручает его памятованию или, яснее сказать, благоволению и благодати Божией? Кто с таким дерзновением свидетельствует пред Всевышним и Всевидящим о кротости или смирении раба Его? Кажется не сам Давид: ибо едва ли позволила бы ему сия самая кротость, или смирение, свидетельствовать о себе и некоторым образом провозглашать собственную добродетель?

Кажется Соломон, во дни своей мудрости и чистоты, поминает своего благочестиваго родителя молитвенным и торжественным Псалмом, и вся церковь Иудейская участвует в сем поминовении. Слова, встречающиеся в продолжении Псалма сего: *внидем в селения Его*, то есть, в селения Божии, *поклонимся на место, идеже стоят нозе Его*, представляют зрелище народа, стекающагося во храм Божий. Далее, слова: *воскресни Господи в покой Твой, Ты и кивот святыни Твоея*, – знаменуют величественный час освящения храма, когда священники вносят кивот завета Божия во Святаго Святых. Молитва: *Давида ради раба твоего, не отвори лице помазаннаго Твоего* (ст. 7. 8. 10) – дает разуметь, что Давид, который здесь поставляется ходатаем пред Богом о приятии сея молитвы, не есть тот, кто произносит сию молитву; и что другой *Помазанник*, произносящий оную, есть Соломон, можно догадаться из того, что молитва произносится во время освящения храма, при чем Соломон и был, и произнес молитву, как описывает подробно книга Царств.

Чем же, или каким добрым словом поминает Соломон Давида? Или какую добродетель его представляет, как особенно достойную непресекаемого забвением памятования Божия, или вечного воздаяния, и вместе торжественного провозглашения пред всею Церковию? Ибо мало ли, что мог бы помянуть мудрый сын в знаменитом родителе? Он мог бы воспомянуть веру Давида, надежду на Бога, ревность по славе Его, мужество, которых вдруг просияли в одном подвиге Давида против Голиафа, когда последний из сынов Иессеевых противопоставил возраст отрока силе исполина и пращный камень пастыря овец – всеоружию воина. Он мог бы восхвалить верность и великодушие, которых самая тяжкая несправедливость и продолжительнейшая гонения от Саула не могли поколебать. Он мог бы прославить терпение и незлобие, которых дерзновеннейшая клятва презренного Семея не могли возмутить. Он мог бы напомнить народу собственно царския добродетели и подвиги Давида, которыми он преодолел многих и сильных врагов своего царства, распространил его пределы, утвердил его благосостояние, так что сыну своему, как некое прочное наследие оставил *мир и покой* (1 Пар. XXII, 9). Он мог бы указать на сию чистую, истинно-царскую любовь к народу, которая в день гнева и мщения Божия вдохнула Давиду сию молитву: *се аз есмь согрешивый, аз есмь пастырь зло сотворивый, а сии овцы что сотвориша? да будет ныне рука Твоя на мне, и на дому отца моего* (2 Царст. XXIV, 17). Наконец он мог бы в самом глубоком падении Давида открыть высокую добродетель покаяния, которое одним словом: *согреших ко Господу* (2 Царст. XII, 13), – сильно было мгновенно привлечь благодать и прощение в тягчайших преступлениях, и, чрез сей пример, на многие веки дать спасительную надежду множеству борющихся с отчаянием грешников. Но, не потому ли, может быть, что сии добродетели, сии подвиги, поколику приносили пользу народу Божию, относились более ко благу человеческого царства, нежели царствия Божия, а поколику приносили плод духовный, приносили оный более самому подвижнику, нежели всему народу Божию: по сей, или другой причине, – лучше ведает то Богодухновенный Псалмопевец, – только не сии добродетели, не сии подвиги поминает он в Давиде пред Богом и Церковию. Что же находит он предпочтительно достойным такого внимания? *Кротость его*, или смирение Давида. И какой именно подвиг смирения? Да слышим, как изображает оный священная песнь: *яко клятся Господеви, обещася Богу Иаковлю: аще вниду в селение дому моего, или взыду на одр постели моя; аще дам сон очима моима, и веждама моима дремание, и покой скраниама моима, дондеже обрящу место Господеви, селение Богу Иаковлю* (Пс. CXXXI, 2–5). То есть: особенно достопамятный подвиг смирения Давидова составляло его усердие создать храм, или по крайней мере по обстоятельствам тех времен, скинию истинному Богу, для общественного Богослужения, – усердие столь живое и деятельное, что Давид не знал отдохновения, не наслаждался сном, непрестанно занимаясь своею благочестивою заботою. Сие расположение духа его названо кротостию или смирением, потому что как царь, и особенно, как царь ненаследованного, но им вновь воздвигаемого престола, он мог бы помышлять о царском великолепии для себя самого; но, забыв себя, он видит только Царя царей, и о Его только доме и престоле помышляет. Подлинно, Давид занимался сим во все свое царствование, ибо найдя кивот завета Божия, по возвращении его из плена Филистимского, так сказать, поверженным вне скинии в Кариафиариме, Давид устроил для него в Иерусалиме новую скинию и перенес его в оную; привел в порядок служение Левитов; изъявил Пророку Нафану свое желание создать храм, и, когда узнал, что судьбами Божиими сие предоставлено сыну его, неослабевая в своей ревности, приготовил для будущего здания вещества и сокровища; обрел по указанию Ангела и Пророка место для онаго; составил чертежи всех частей онаго и не прежде как в последние дни свои, вместе с престолом, передал сие дело Соломону.

И так, Соломон при освящении храма Иерусалимского, пред Богом и Церковию поминает усердие Давида ко храму Господню преимущественно пред прочими его добродетелями. *Помяни Господи Давида, и всю кротость его; яко клялся Господеву.*

Поелику сей самый Псалом Богомудрые чиноположители церковные повелели нам употребить и в нынешнем освящении храма: то, последуя их внушению, не могу я преминуть теперь, чтобы не сказать, и чтобы не пригласить собравшуюся здесь Церковь верующих сказать со мною: *помяни Господи раба Твоего, который, сам ли клялся Господеву, принял ли на себя обет, которым его предки обещались Богу Иаковлю, не обленился, не воздремал, не потерял из виду дела Божия во многочисленных заботах или в суетном разсеянии дел человеческих, доколе наконец ныне, чрез благодатное таинодействие, обрел с нами здесь место Господеву, селение Богу Иаковлю.*

Но чтобы обратить предпринятое нами размышление к нашему общему назиданию, заметим, Христиане, как важно пред судом слова Божия, и следственно пред самим Богом, усердие ко храму Его; – усердие, говорю, ибо Псалом поминает Давида не собственно созданием храма, в чем не многие могут последовать его примеру, и чего сам он не совершил, но его *кротость*, или смирение, с которым он непрестанно готов был и старался служить храму, чем и как было ему возможно. Если ты не можешь, подобно Давиду, принять на себя обет, создать дом Господу, дабы вся Церковь поминала тебя пред Богом, учись по крайней мере взывать с Давидом: *Господи возлюбих благолепие дому твоего* (Пс. XXV, 8); или: *возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем* (Псал. CXXI, 1). Научись сему, дабы Ангел твой, который приносит молитвы твои пред Бога, имел чем помянуть тебя пред престолом славы Его.

С тех пор, как Бог сказал Моисею о скинии: *да сотвориши Ми освящение, и явлюся в вас* (Исх. XXV, 8), и после Соломону о храме: *будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX, 3), многочисленными опытами показал Он, что Он помнит людей, то есть, благоволит о них, поколику они помнят и чтут Его святилище; и является им благодеяниями, поколику они являются пред Ним во храме с благочестивым смирением.

Мы, говорит Авия от лица Иудеев Израильтянам и Царю их, *храним стражбы Господа Бога Отец наших*, то есть, верно совершаем установленное от него Богослужение во храме Его, *вы же Его остависте*: и отсюда смело заключает: *сынове Израилеви, не ратуйте, понеже не благопоспешится вам. И в самом деле Господь порази Иероваама и Израиля пред Авию и Иудю* (2 Пар. XIII, 11. 12. 15).

Цари Иудейские, с особенным усердием ревновавшие по храму и Его Богослужению, как Езекия и Иосия, в самую опасную для царства времена, имели самые необыкновенные опыты Божия благоволения, хранения и защиты.

Но поелику, не смотря на неосененный чудодейственную благодатию храм, и благочестивых ревнителей его, *тамо еще людие жряху и кадаху на высоких* (2 Парал. XXXIII, 17; XXXIV, 25), и вообще более пренебрежения оказано храму Божию, нежели усердия: то что наконец последовало? *Оскверниша дом Господень, иже во Иерусалиме: – сниде гнев Господень на люди Его дондеже не бысть исцеление* (2 Парал. XXXVI, 14. 16). Забываемый неблагодарными Бог забыл их в свою чреду: и тогда храм, и престол, и царство, погреблись в общих развалинах.

После пленения Вавилонского возстановление Иудеев началось возстановлением храма. Препятствия охладили их, и остановили *созидание* храма: и провидение Божие укосило возстановлением их благоденствия. *Призресте на многа*, говорит к ним Пророк Аггей, *и*

быша мала. Чесо ради сице? Глаголет Господь Вседержитель: зане храм Мой есть пуст, вы же течете кийждо в дом свой (Агг. I, 9).

Явился наконец живой, краеугольный камень духовного, неразрушимого храма Божия, на котором *падый сокрушится*, и на котором преткнувшееся неверием Иудейство сокрушилось так, что на целые веки разсыпалось в концы вселенныя. От чего тогда начался суд сего разрушения? – Первое преступление, которое обличил во Иудеях Иисус Христос, было пренебрежение ко храму Божию, или по собственному Его изречению, превращение дома Отца небесного *в дом купли*, храма молитвы *в вертеп разбойников*.

Во время Христианства, когда храмы распространены по всей земле, не так удобно преследовать наблюдением судьбу их, и тех, которые чтут их, или не радят о них. И нет нужды. Един Бог всех истинных храмов: потому одинакова должна быть судьба их и поклоняющихся в оных. Если важно было пред очами Божиими уважение ко храму, который был сень грядущаго, в котором был жертвенник мертвых жертв, не паче ли важно внимание ко храму, который есть обитель пришедшаго и явившагося, жилище истины, святилище живых и живоносных таинств.

Благодарение Богу – думают, может быть, некоторые: храм наш полон усердно притекшими в него. Скажу охотно и я: благодарение Богу за тех, которые с усердием и благоговением наполняют его. Да помянет Господь их благочестие! Но, вспоминая пример Давида, который представляет нам священная песнь, не могу не спросить: так ли в нас, как в нем, постоянно, так ли совершенно усердие ко храму Божию? Забываем ли мы из усердия к нему все собственное и житейское, как Давид забывал для онаго сон и отдохновение?

Когда металл, благочестивым искусством посвященный в церковные провозвестники, возвещает одно из торжественных славословий Божеству, и призывает нас к оному: не многие ли слышат сии священные звуки также без мысли и без чувства, как медь издает их; и, не обращая на оные внимания, идут иной на село свое, иной на купли своя, иные на суетные зрелища, иные остаются продолжать свою работу, или свое увеселение, а иные не хотят оставить сладкаго сна? Тяжкое ли, говорят, преступление пропустить одно или несколько Богослужений? Если угодно, не скажу, что тяжкое; не желаю обременять чужих совестей; но разсуждай каждый сам для себя и советуйся с своею совестью. Когда законное и не состоящее в твоей воле препятствие не допускает тебя в храм на славословие Божие: ты легко можешь оставаться спокойным; но и в сем случае, если ты любишь Бога, и славу Его, и общение с Ним, то, думаю, вздохнет дух твой, и сердце твое скажет: *когда прииду и явлюся лицу Божию?* (Пс. XLI, 3). А если, слыша призывание во храм, не принужденно и добровольно идешь ты на дела собственной корысти, или на безделие собственного удовольствия: в сем случае, очевидно, ты предпочитаешь то, что избираешь, тому, что оставляешь, – то есть, предпочитаешь собственную корысть обязанности твоей к Богу, предпочитаешь чувственную забаву радости духовной, предпочитаешь зрелищных лицемеров Богу и Его служителям. Скажут, может быть, еще, что можно и не в храме призывать Бога. Не спорим и против сего; и желаем, чтобы все, которые говорят сие, самым делом сие исполняли. Одно только скажем таковым: не видано, и не слыхано, и само в себе несообразно и несовместно, чтобы тот, кто умеет любить, призывать и благословлять душею своего Господа на всяком месте владычества Его, не захотел призывать и благословлять Его во храме Его, в соборе верующих и святых Его, когда сие возможно и удобно. Давид, который *предзрел Господа пред собою выну* (Пс. XV, 8), без сомнения, умел, также выну, предстоять Ему в молитве и славословии: но Давид потому не бегал от храма Его, а напротив, когда только мог, бежал в оный с восхищением: *возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем* (Пс. CXXI, 1).

Мы наполняем храм, но как наполняем его? Телом ли наполняем видимое пространство храма, или также и духом наполняем невидимые чиностояния между Ангелами, сослужащими нам, и сами наполняемся благодатию Святаго Духа, и здесь ныне, как некогда в Сионской горнице, хотя не ощутительным дыханием бурным, но столь же истинно и действенно дышущаго в слове и таинствах? Сие истинное исполнение Церкви видят Бог и Ангелы Его и те из человеков, которые стоят на высших степенях духовнаго созерцания: но недостаток сей полноты можно и обыкновенному, только внимательному, зрителю примечать по видимым знамениям. Не видим ли, на пример, как служитель сей царской трапезы является в сих царских вратах, показывает Божественное брашно и взывает: *со страхом Божиим и верою приступите*, но ни один из предстоящих не приступает? Что сие значит? – Если не во всех, – ибо у иных преобладающий обычай отъемлет дерзновение, – то во многих не есть ли сие знамением того, что так близко теснящиеся к алтарю, даже до препятствования священнослужителям в их служении, совсем не так близки к оному духом, как телом; что они не имеют довольно усердия и ревности приближаться к Спасителю своему тогда, как Он Сам к ним приближается? Не примечаем ли также иногда, что после тайнодействия и молитвословия, и при начале поучения, когда к новому духовному упражнению надлежало бы приступить с новым вниманием, некоторые напротив теряют внимание, отступают от поучающаго и удаляются от храма? И сие не есть ли знамением того, что и ум, и сердце таковых, следственно весь внутренний человек их не принадлежит к исполнению Церкви Божией? Так, может быть, некоторые из стоящих в доме Божием стоят в нем только, как праздные сосуды и наполняют его видимое пространство своею внутреннею пустотою. Так, может быть, взирая на движение наших желаний и помышлений, устремленных не к Богу, но к миру, и нам не слышимо глаголет Господь Вседержитель: *храм Мой есть пуст, вы же течете кийждо в дом свой*; и потому так часто *призываете на многа, и бывают мала*; не благословляя Бога во храме, не обретаєте благословения Его в домах ваших.

Христиане! Взыщем дома Божия усердием постоянным и всегдашним, усердием полным и совершенным: да взыщет нас Бог благодатию Своею. Молитва, таинства, учение да будут для нас равно вожделенны во храме; все прочее, входя в него, будем оставлять за прагом, и забывать: тогда и наше смирение помянет Господь в царствии Своем. Аминь.

XCVI.

17. СЛОВО

в день Тезоименитства Благодетивейшаго

Государя Императора Александра Павловича.

(Говорено в Успенском Соборе, августа 30).

<1824>

*Возсияет во днех его правда и множество
мира, дондеже отыметя луна. Псал. LXXI,
7.*

Надпись Псалма, из котораго взяты слова сии, сказывает, что их можно разуметь о Соломоне и о его благословенном от Бога царствовании. Можно, говорю, так разуметь оныя; ибо не должно сим ограничивать всего их знаменования. Правда Соломонова не могла сиять так долго, *дондеже отыметя луна*: Соломон угас, а правда его затмилась

еще прежде, нежели угасла жизнь его. Царь, Которого правда и мир сияют и будут сиять, *дондеже отыметя луна*, и после отъятия луны, солнца и звезд еще сиять будут, есть Господь наш Иисус Христос. В Соломоне представлен только предварительный образ Его, только заря Его дней, не знающих вечера.

Счастлив Давид, который едва произнес о сыне своем сию молитву: *Боже суд твой цареви даждь, и правду твою сыну цареву* (Пс. LXXI, 1), тотчас мог присоединить и сие предсказание о нем: *возсияет во днех его правда и множество мира*. Счастлив Соломон, которого царство представляло в себе некоторый образ Божественного царства Христова.

Не сему ли подобным счастьем счастливы мы Россияне, когда, предстоя в молитве о царе нашем, в то же время можем соединить с нею не предчувствование, ожидание, надежду Богом благословенного и христо-подобного царствования, *сияющего правдою и множеством мира*, но чувство наслаждения сим благом, радость и благодарность за оное к Богу, дающему *суд Свой цареви, и правду Свою сыну цареву!*

Победил царь наш врагов своего царства, и вместе врагов правды и мира. Победил не столько силою, которая была у врагов наших несравненно более нашей, сколько правдою, которая на страну праваго дела нашего привлекла всемогущую правду Божию, и потом вложила в самых врагов наших доверенность к нам и миролюбивые расположения. Победив врагов на брани, он победил еще самую брань: ибо множество мира, наполняющее душу его, возсияв от нея, образовало светлый, то есть, искренний, на правоте и любви основанный, не омрачаемый своекорыстием, не затмеваемый притворством союз, который со дня на день заграждает разныя устья бездны, из которой брань выходила на землю Христианскую. Если он окружает себя воинами; то для того, чтобы они были стражами его правды, телохранителями его мира.

Будем, Россияне, достойны счастья, или точнее сказать, благословения Божия, которое имеем в Благочестивейшем Самодержце нашем. Достойны же сего будем, если каждый, по своей возможности, будет соблюдать правду, которая сияет от престола царя нашего и распространяет мир.

Обыкновенная о правде мысль в обществе та, что правду соблюдать должны правящие, а подчиненные и все общество имеют право требовать и ожидать ее от правящих. Мысль справедливая: но в ней только половина той правды, которою благоустрояется общество, и потому от нея не может произойти полного мира; как можно примечать на самом опыте, что люди, требующие от правящих правды, как от подданных дани, без всяких других разсуждений, при малейшем виде, или даже только подозрении неправды, поднимают ропот, начинают судить судей, и хотят писать новые законы правителям. Приложим другую половину, чтобы составила целая правда общественная, которая бы могла осиять общество до самых дальних его пределов, до самых нижних его состояний, и, как богатую жатву, произвести *множество мира*. Правду соблюдать должны все, и каждый, по своей возможности, в своем круге; и с большею строгостию должны требовать правды от самих себя, нежели от других.

Есть правда, которая требуется от правящих. О ней написано: *возлюбите правду судящии землю* (Прем. I, 1). Есть правда, которая должна действовать в целом народе, чтобы устроить его благоденствие. О ней говорит опытная мудрость: *правда возвышает язык* (Притч. XIV, 34).

Если любовь к правде одушевляет судящих земли, она, как солнце, сияет народу, освящает для него пути правды, возбуждает и питает в нем жизнь правды, смягчает в нем

жестокое, согревает холодное, разгоняет мрак лукавства и злобы, изсушает нечистоты пороков и разврата. Если народ охотно предается сим впечатлениям правды, подобно как земля приемлет благотворныя влияния солнца: если, исполняясь силою правды, или чувством ея, которое внушают ему правящие, не принужденно дает ей прозябать в делах своих: сим образом правда начальствующих и подчиненных взаимно поощряет одних другими; правда правящих от часу яснее сияет в очищаемом воздухе общественной жизни; правда подчиненных от часу свободнее и обильнее прозябает под благотворным влиянием начальствующих. Так правда правящих, сочетаваясь с правдою подчиненных, рождает *множество мира*, то есть, благоустройство и благосостояние обществ во многих отношениях. Так *правда возвышает язык*.

Вообразим напротив государство, в котором любви к правде, одушевляющей судящих и правящих, не соответствуют господствующие в целом народе расположения. Какие должны быть от сего последствия? – Солнце сияет: но птицы ночные не пользуются светом его. Солнце сияет: но грубые испарения нечистых мест затмевают свет его, и благотворную теплоту его превращают в томящий жар. Правда царственная сияет: но недостойные сыны царствия, закосневшие в неправде, не пользуются оною к своему исправлению. Правда царственная сияет: но поврежденный вкус и порочныя склонности народа делают его неспособным живо чувствовать нежность попечений правительства и познавать благотворность его намерений; а только и кажется, что повеления его тяжки, – разумеется, для своеволия, и трудны к исполнению, для лени. Так некогда сияла правда Езекии или Иосии, но поелику народ Иудейский, как стада ночных и нечистых птиц, от часу более уклонялся в лучах идолопоклонства, от часу глубже погружался в мерзости пороков языческих: то правда одного царя не могла дать множества мира царству, не могла возвысить целого народа, добровольно низвергавшагося в бездну. После чудесных побед, которыя праведный Бог даровал правде Езекии над неправедными и нечестивыми Ассириянами, сей царь не мог упрочить своему народу мира далее предела своего царствования. *Рече Езекия ко Исаии: благо Слово Господне, еже глагола; да будет ныне мир и правда во дни моя* (Ис. XXXIX, 8).

Итак, повторяю, будем, Россияне, достойны благословения, дарованного нам от Бога в царе, котораго престол сияет правдою, дабы грады и веси, дома и хижины его державы наполнить множеством мира, подобно как он наполнил множеством мира царства и народы. Будем с нашей стороны соблюдать правду, каждый в своем круге, каждый по своему званию и состоянию.

Каким образом? – скажет кто-нибудь алчущий правды. Покажем сие, для примера в некоторых особенных званиях и состояниях.

Начну с себя, дабы кто не ускорил обличать меня чрез Апостола в сей, по моему званию, неправде: *научая инаго, себе ли не училиши* (Римл. II, 21)?

Священницы твои, Господи, облекутся правдою (Пс. CXXXI, 9). Так, братия сослужители, правда для нас должна быть облачением или одеждою, которая бы облекала все члены существа нашего, все орудия нашего действия, дабы ничто в нас не являлось в наготе неправды к соблазну народа. Великое требование правды: от самих правящих в круге гражданском едва ли столько требуется. Или представим, если угодно, закон правды для нашего звания в виде более ограниченном: *служащим олтарю*, говорит слово правды, *с олтарем делятся* (1 Кор. IX, 13). Вот наша правда! Вот свое каждому! От нас служение пред олтарем, умилоостивляющее Бога о наших гресех и о людских неведениях. Нам от олтаря питание, потребное для жизни. Если мы, по выражению Пророка, млеко ядим и волною одеваемся, а овец Господних не пасем; если питаемся хлебом алтаря, а

приходящих к нему не питаем словом жизни, не напаяем духом молитвы; если других учим, а сами поступаем вопреки учению нашему: какая здесь правда? И может ли в сем случае служение наше быть служением мира для народа? В царствах земных были уже опыты, что в таких случаях он начинал пренебрежением служащих олтарю, а оканчивал отпадением веры и разрушением олтаря. Должно нам служить олтарю всеми нашими силами и способностями, всем нашим временем, всею нашею жизнью: такова правда, которую должны быть облечены священники Господни!

Воинствует кто? Правду сего звания Иоанн Креститель изображал в следующих словах: *никого же обидите, ни оклеветавайте: и довольни будите оброки вашими* (Лук. III, 14). Или иначе сказать: от воина обществу безопасность и охранение, от общества воину честь и довольство. Но, если тот, который должен охранять мирного гражданина от обид внешних врагов во время брани, будет во время мира обижать его, или вынуждать из него для себя то, на что даются ему оброки от правительства; или если оружие, вверенное воину на защиту отечества, соделается в его руках орудием частного гнева и мщения в домашних несогласиях, и слепой меч, или огнестрельное орудие поставится судьей и решителем распрей: какая и здесь правда! Если так: то на что закон и порядок общественный, на что царственное правосудие? Предоставим все силе, гневу и мщению каждого; но тогда, говорит Апостол, *еще друг друга угрызаете и снедаете, блюдитесь, да не друг от друга истреблены будете* (Гал. V, 15).

Гражданин ли кто, живущий торговлею или художеством? Правда его звания есть доставлять произведения, или приобретения своей деятельности, имеющим в оных нужду, за справедливую цену; а от них, — то, что называют прибылью, получить, как воздаяние за свой труд или лучше, как средство своего пропитания. Если продающий захочет брать столько прибыли, сколько позволит неведение или невнимательность покупающего, если умножив свою прибыль, он не удовольствуется пристойным содержанием себя и своего семейства, но захочет вельможам подражать в великолепии: какая и здесь правда? И могут ли от сего произойти плоды мира для общества? Торговля, получившая качество уполномоченного обмана, сделает торгующего презрительным в глазах других членов общества; те с которыми он хочет спорить в великолепии, но которые, по роду и званию своему, почитают себя обязанными превзойти его в оном, сделают для сего чрезмерные усилия, и разстроят тем свое состояние; долги сделаются обыкновеннее богатства; взаимная доверенность оскудеет; кратко сказать: неправда будет раждать неправду, потом неправда будет сражаться с неправдою, и все неправды различных званий и состояний будут иметь одно согласное направление, чтобы разрушать мир, или благоденствие общества.

Я сказал еще: мы должны с большею строгостию требовать правды от самих себя, нежели от других. Объясним сие правило самым обыкновенным примером: жалоба на неправду в суде есть одна из жалоб, часто слышимых в обществе. Положим, что бывает она и справедлива. Не в извинение неправедно судящих, которые дадут в том ответ Богу и верховной власти; но для изыскания источников правды и неправды общественной, спросил бы я жалующихся на несправосудие: так ли строго сами они хранят правосудие, как взыскательно требуют онаго от других? Если бы судия от целого сонма людей, окружающих его, слышал одни речи, что они желают найти в суде правосудие, каково бы оно ни было для них, а не выиграть дело, как случится, только бы получить желаемое; что они отвращаются мысли быть развратителями суда, в котором пришли искать правды: какое подкрепление имел бы судия против искусителя, который захотел бы совратить его к лихоимству. Но если целая толпа имеющих нужду в суде требует только удовлетворения, справедливо ли оно, или нет; если мзда идет в суд менее застенчиво,

нежели правда: то народ, жалующийся на неправду суда, не сам ли усиливает преступление, на которое жалуется?

Не скоро нашли бы мы конец спора, еслибы захотели представлять различные виды правды, какая требуется от каждого из нас, по его званию, состоянию и различным отношениям в обществе. Всего удобнее всему научить может правда Евангельская, которая заповедует любить не только любящих, но и врагов; давать взаим нуждающимся, без чаяния воздаяния, страдать за правду, без ропота, и не уклоняться от правды, для избежания страдания. Если сия правда возсияет в сердцах наших: то свет ея не угаснет, и множество мира ея не оскудеет, дондеже отыметса луна. Аминь.

XCVII.

18. СЛОВО

по освящении храма во имя Святителя Димитрия Ростовскаго

Чудотворца в Борисоглебском общежительном Монастыре.

(Говорено сентября 12 дня).

<1824>

Какого слова ожидают теперь от пришедших из города живущие в пустыне сей? Не желают ли, может быть, по обыкновению слышать, что происходит в городе? Жаль, если те, которые в уединении могут вкушать сладость безмолвия, и в невозмущенном воздухе зреть чистый свет Божий, добровольно попускают своим желаниям и помышлениям бродит в многолюдстве, где сквозь шум и пыль слышат и видят суету!

Кто чувствует жажду любопытства, или, вернее сказать, кто страждет болезнию пристрастия (ибо как не бывает излишней жажды без жара, так не бывает любопытства без пристрастия): тому, как врачество, предлагаем городское известие, которое хотя слишком за две тысячи лет написано, и пришло не из наших городов, однако еще и теперь, и у нас, представляет к сожалению довольно сходное изображение города: *видех беззаконие и пререkanie во граде. Днем и ноцию обыдет и по стенам его: беззаконие и труд посреде его, и не правда: и не оскуде от стогн его лихва и лесть* (Псал. LIV, 10–12). Не требуйте, чтобы к сему свидетельству очевидца присовокупили мы, что и мы видели во граде. Мы пришли сюда от беспокойств города искать приятностей пустыни, и хотим лучше говорить что нибудь о пустыне между живущими в пустыне.

Новым обитателям сей пустыни полезно, думаю, было бы услышать и увидеть какого нибудь древняго любителя пустыни, который бы своим примером утвердил их в любви к пустыне и наставил в образе пустынножительства. Пусть же слышат они такового и видят, как он сам себя изображает: *и рех: кто даст ми криле яко голубине? и полещу и почую. Се удалихся бегая и водворихся в пустыни. Чаях Бога спасающаго мя от малодушия и от бури* (ст. 7–9).

Правда, тот, кто сказал сие в Псалме, был только временный пришелец пустыни по нужде, а не постоянный житель ея по обету: но сие не препятствует нам усматривать в словах его черты доброго пустынножителя; и даже тем более привлекательна любовь его к пустыне и правильное изображение пустынножительства. Дух Божий, Который носился над Давидом

от дня помазания его Самуилом, – вел его чрез разные внешния состояния так и для того именно, чтобы в них показать нам поучительные образы духовных состояний.

И так, первая черта доброго пустынножителя есть желание пустыни, или усердие к пустынножительству. *Кто даст ми криле яко голубине и полещу и почию?*

Желание есть семя или зародыш всякого свободного дела, когда ему должно начаться, и душа его, когда оно продолжается. Как от души зависит жизнь, сила и достоинство тела: так жизнь, сила и достоинство всякого дела зависит от желания. Если желание не чисто: дело не достойно. Если желание слабо: и дело не сильно достигнуть своего совершенства. Если желания нет, дело есть мертвое. Дела, которые мы делаем без искренняго желания, не утешают нас самих, и не приносят удовольствия другим. Если так судят и чувствуют люди, которые дела только видят, а о желаниях только догадываются: что сказать о суде Бога всевидящаго, испытующаго сердца и утробы? *Даст ти Господь по сердцу твоему* (Пс. XIX, 5), а не по наружному твоему делу.

Посему кто желает пустынножить с утешением для себя и с благоугождением Богу: тот должен как начать сие дело с искренним желанием, так и продолжить оное с неослабным усердием. Надобно, чтобы еще в мире сказал он: *кто даст ми криле яко голубине и полещу и почию*. И когда чистое и пламенное желание, действительно, как на крилах голубиных, принесет его в пустыню: он должен часто вновь побуждать себя, расширять и приводить в движение сии крила, чтобы они имели довольно легкости и крепости нести его из пустыни на небо.

Другая черта доброго пустынножителя есть решительное и совершенное удаление от мира. *Се удалихся бегая*.

Если бы не было нужды удаляться от мира: то для чего бы и водворяться в пустыне, предпочтительно пред обыкновенным образом жизни гражданским и семейственным? Не Бог ли, сотворивый пустыню, созидает и хранит грады, и самую пустыню не для того ли сотворил Он, чтобы населить ее? Не живут ли и в городах рабы Его, которых пустыня не достойна иметь, подобно как напротив того другие, которых *недостойн весь мир, в пустынях скитаются, и в горах, и в вертепах, и в пропастях земных* (Евр. XI, 38)? Не обитал ли Сам Он во граде, также как и в пустыне, и не дал ли Иерусалиму храма Своего, подобно как пустыне дал скинию Свою? Не на всяком ли месте можно поставлять Ему обитель в душе, и поклоняться Ему духом и истиною? *На всяком месте владычества Его благослови душа моя Господа* (Пс. CII, 22)!

Но что делать, если сие благословенное приглашение всюду и всегда благословлять Господа без успеха я повторяю душе моей от того, что мир в то же время оглашает и оглушает ее своими разнообразными гласами требований, прещений, прельщений, смущения, развлечения, нужд, забот, похотей, и она не находит довольно силы противоборствовать им, или утомленная сим противоборством жаждет приблизиться к Богу без препятствий со стороны тварей, и служить Ему без развлечения? В сем случае не остается иного, как разоргнуть всякие узы, привязывающие к миру, бежать из него как из Египта, как из Содомы, и учредить для себя в пустыне новое жительство добровольнаго изгнанничества, в котором бы все окружающее говорило нам, *яко не имамы zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем* (Евр. XIII, 4).

Таким образом истинное пустынножество есть также истинное удаление и совершенное отречение от мира, по заповеди Апостола: *не любите мира, ни яже в мире* (1 Иоан. II, 15). Кто приходит в пустыню как преселенец, желающий перенести сюда

выгоды прежнего жительства, или заменить их другими, а не как беглец, бросивший все, чтобы только избавиться от того, что было причиною его бегства: тот не есть истинный пустынножитель. Кто в пустыне ропщет на скудость, и, пользуясь необходимым, требует не нужного под благовидным именем утешения; тот еще не удалился от роскоши мира; он подобен Израильтянам, которые в пустыне воздыхали о мясах Египетских, и должен вспомнить, что были некоторые, которые, спасшись из погибающего Египта, погибли в спасительной пустыне, во гробех похотения. Кто в пустынножительстве более желает повелевать, нежели покаяться, тот еще не удалился от гордости и честолюбия мира, и ему нужно вспоминать мятежный сонм Корея, котораго конец показал, что чистая пустынная земля не хочет носить на себе властолюбивых мятежников. Кто в пустынном общежитии желает иметь что нибудь собственное, отдельно и, что всего хуже, тайно от общества: тот еще не удалился от корыстолюбия мира, и таковой найдет образ свой в ученике Елиссея, который, восхотев тайно присвоить золото Неемана, явно наследовал его проказу. Кто, вышед из мира в пустыню, пристрастным оком озирается на него под предлогом невинной любви к родным и знакомым, тому полезно взглянуть на жену Лотову, которая озрелась на Содом, из коего вышла, и, как говорит Премудрость, *стоит столп слан, неверныя души образ* (Прем. Сол. X, 7).

Третья черта доброго пустынножителя есть упование на Бога. *Чаях Бога спасающего мя от малодушия и от бури.*

Образ пустынножительства был бы очень страшен, если столь суровая черта его, какую представляется совершенное отречение от мира, не смягчалась и не покрывалась приятною и светлою чертою совершенного упования на Бога Спасителя. Случается даже, что удалившиеся от мира, чтобы избежать трудностей и опасностей для души, сверх ожидания встречают для нея новыя трудности и самыя опасности в пустыне. Сему не должно удивляться. Израильтяне в пустыне более перенесли разнообразных трудностей и более видели опасностей, нежели в семействе. Сам Начальник нашего спасения и совершеннейший для нас образ онаго, где испытал сильнейшую брань против врага душ, как не в пустыне? Где более перенес духовных страданий, как не в уединении сада Гефсиманскаго? Для чего же, скажут, и удаляться от мира в пустыню, от трудностей к трудностям, от опасностей еще к большим опасностям? Для того же, для чего Израильтяне вышли из Египта в пустыню: ибо в пустыне испытали они трудности и опасности, но очистились, научились и спаслись, а в Египте погибли бы в рабстве и в мерзостях язычества; если бы они не вышли в пустыню, то не пришли бы в землю, текущую медом и молоком. Для того же, повторяю, для чего и Спаситель Духом Святым возведен был в пустыню, и для чего удалялся Он в Гефсиманию, ибо в пустыне победил Он непобежденного дотоле врага душ наших, а в Гефсимании принес Он за преслушание человеков духовную жертву послушания Богу Отцу, и крепкую о спасении нашем молитву, в которой *и услышан от благоговеинства* (Евр. V, 7). Так и для нас, если трудна и даже опасна пустыня: но есть причина убежать в нее от мира погибельнаго. А дабы и трудности преодолеть и опасности неврединно пройти, для сего не более требуется как не быть нетерпеливу, не унывать, не отчаяваться, но как бы состояние наше ни казалось тяжким и ненадежным, непрестанно *чаять Бога спасающего нас от малодушия и от бури*. Если собственным непостоянством или нетерпеливостию не прервем сего чаяния, *упование не посрамит* (Рим. V, 5), и помощь свыше придет непременно тогда, и в такой мере, как сие нужно для искренно желающих спасения и для славы Спасителя.

Живущие в сей пустыне, если встречают еще особенныя трудности по новости своего жительства, то по благодати Божией имеют и особенныя очевидныя побуждения к упованию на Бога Спасителя, Который в краткое время при малых, по видимому,

средствах и способах человеческих, место сие устроил, и утвердил, и освятил, и распространяет, и украшает.

Внимайте себе и званию вашему, сестры о Господе, и ходите достойно сего благаго на вас призрения Отца небеснаго. Возлюбите пустыню, которую Он благословляет, забывайте мир, от которого Он со дня на день вас ограждает и обезпечивает, возбуждайте себя к неослабным подвигам для спасения душ ваших надеждою на Бога Спасителя.

А нам, которые, после кратковременной беседы в пустыне о пустыне, должны возвратиться, в молву города, *кто и когда даст криле яко голубине, да полетим и почием?* Когда обогнемся от чужих бремен, чтобы обратить все попечение к облегчению собственного бремени греховнаго? О Дающий одним криле голубине, чтобы лететь в пустыню, а другим клокчущий глас кокоши, чтобы в городе и пустыне собирать птенцов Твоих под криле Твои! Собирай Сам и храни всех нас под крилами благодати Твоея, и стогами ли града, тропинками ли пустыни, приведи наконец всех в вечно безопасный град, из которого не нужно будет бежать ни в какую пустыню. Аминь.

ХСVIII.

19. СЛОВО

**на день памяти Преподобнаго и Богоноснаго Отца
нашего Сергия Игумена, Радонежскаго Чудотворца.**

(Говорено в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, сентября 25)

<1825>

Блаженни алчущии ныне: яко насытитесь.
Лук. VI, 21.

Является необыкновенный Учитель, собирается необыкновенное множество слушателей, преподается необыкновенное учение: не довольно ли уже сего для многих, чтобы возжелать, хотя пять слов из сего учения услышать и выразуметь? Иисус Христос – необыкновенный Учитель для тех, которые менее знали Его, *бе бо уча их яко власть имея, и не яко книжницы и фарисее* (Матф. VII, 29), а для нас, более знающих Его, единственный, Божественный Учитель, *в Нем же суть вся сокровища премудрости и разума сокровена* (Кол. II, 3), *изшед с Апостолами*, как повествует Евангелист Лука, *ста на месте равне и народ ученик Его, и множество много людей от всея Иудеи и Иерусалима, и помория Тирска и Сидонска, иже приидоша послушати Его* (Лук. VI, 17. 18). Примечайте: не только Иудеи и Иерусалимляне оставили город, храм, священников, книжников, фарисеев, и пришли в пустое место слушать Сына тектонова, о Котором не знают, *како Сей книги весть не учився* (Иоан. VII, 15); но и жители приморской страны Тирской и Сидонской, сие смешение Самарян и язычников, люди, как описывает их Пророк, *седящии во тьме*, возстали от тьмы своей и пришли туда, где показался свет, сияющий во откровение языком (Лук. II, 32). И что же открывает Свет сей? Какое учение преподает сей Учитель? Он преподает науку о блаженстве, которой достоинство и необходимость может понять последний из неведущих, и в которой первейшие мудрецы мира всегда оказывали очень малые успехи. Возможно ли, чтобы кто в самом училище такого Учителя не радел о таком учении.

А нет ли не радящих? Не трудно приметить потому, что еслибы каждый тщательно внимал учению столь совершенного Учителя, как Иисус Христос, не было бы причины, почему бы не уразумел онаго каждый достаточно; уразумев, без сомнения, каждый охотно принял бы оно; приняв, исполнил бы делом; исполнив, обрел бы плод учения и дела, то есть блаженство; и следственно не было бы злополучных, не было бы недовольных. Они есть между нами; следственно есть кому начинать учиться у Иисуса Христа науке блаженства.

Совершившийся ученик совершенного Учителя и образ Его для нас, учеников твоих! И тебе кроме *народа ученик Твоих* предстоит *множество много людей*, ближних и дальних, *пришедших* от градов и весей, чтобы видеть, делом явленный, успех твой в науке блаженства; чтобы наблюдать твои следы, и поучаться от тебя путям блаженства; чтобы прикасаться тебе, и от избыточествующей в тебе *силы* блаженства причащаться во *исцеление* бедствующих душ и телес недугующих. Но ты не отверзешь ныне уст своих учить нас. Ходатайствуй о нас пред Учителем, дабы Он, как некогда пятью хлебами, принятыми от рук ученических, наплатил пять тысячъ, так ныне пятью собственными Его словами, чрез недостойныя рабския уста, подал живую пищу сему многому множеству людей, алчущих блаженства.

Блажени алчущии ныне: яко насытитесь. Кто суть сии алчущие ныне, которые насытятся, и насытятся так, что с тем вместе блаженны? – Ибо много видим и знаем алчущих ныне, которые и еще алкать будут и, по роду алкания насытятся, еще не будут блаженны.

Алчет нищий, доколе благотворительная рука не подаст ему пищи. Бедствует он, доколе алчет, но не блаженствует еще и тогда, когда насытится. Не нужно много разсуждать, чтобы увериться, что и будущее духовное блаженство не может быть плодом и наградою сего невольнаго телеснаго алкания, если не присоединится некоторое и свободное расположение, которое дает оному силу и достоинство. Алчет постник: и видно, что сему алканию последует некое тайное, более или менее блаженное насыщение, когда сим образом *алчущии ныне* с охотою остаются еще алчущими завтра и далее, и когда вместо того, что ядушие пищею подкрепляют свое тело на краткое время, постящиеся постом утучняют, по выражению Пророка, *кости* (Ис. LVIII, 11) свои на веки. Но да не соблазняются любители поста, который и я почитаю вместе с ними, – да не соблазняются, когда скажу, что и пост не составляет всего алкания, которому Иисус Христос обещает вечно-блаженное насыщение, но токмо часть онаго, а иногда и совсем к оному не принадлежит. Ибо не видим ли между постящимися людей, которые пребывают в алчбе поста, и алчут продолжать алчбу сию, но, конечно далеки еще от истиннаго насыщения, когда или питают себя тщеславием, *помрачают бо лица своя*, как обличает их Сердцеведец, *яко да явятся человеком постящиеся* (Матф. VI, 16); или *снимают дома вдовиц* (XXIII, 14); или даже человеков снимают подозрением, и клеветою, и гневом, и завистию, и злобою.

Не одно тело алкать может. Есть алкание души, и может для нея быть пища, более или менее насыщающая. Воля алчет исполнения или успокоения желаний; ум жаждет познания. Сколько и в сем роде *алчущих ныне*, которые однако не насыщаются и не блаженствуют.

У многих душевный глад и вкус воли бывает подобен (так как он и дает направление) телесному гладу и вкусу роскошнаго. Сперва он алчет и жаждет так, что ищет удовлетворить необходимому требованию тела, утолить глад и жажду; потом, без нужды вымышляет разнообразныя требования вкуса, и опять алчет и жаждет, чтобы

удовлетворить сим требованиям; наконец, когда и глад и жажда утолены потребным, и вкус притуплен излишним, пресыщенный вновь алчет и жаждет, так сказать, самого глада и жажды, чтобы они пришли и опять принесли ему возможность насыщаться и пресыщаться. Так воля человеческая, *алчущая ныне*, но не так как учит Иисус Христос, поколику она и *насыщения* требует непременно *ныне же*, от настоящего тленного мира, не знает сытости; от естественного и существенного ей глада, или желания блага, переходит она к произвольным требованиям и разнообразным прихотям, и, удовлетворяя им, всегда неудовлетворительно, то пресыщением повреждает душевный вкус, то избытком глада снедает самую душу. Что же наконец будет с самоугодниками всякого рода, питающими страсти, удовлетворяющими похотям, когда сей преходящий мир, из которого заимствуют они ложное насыщение неправильных желаний, прейдет невооруженно, — когда *ныне* кончится, и останется *присно*? Когда, следственно, только желания не преходящей души останутся, а тленная пища их исчезнет? Что иное и может быть, как разве предсказанное: *горе вам насыщеннии ныне: яко взалчете* (Лук. VI, 25).

Воздержание ума еще менее почитается обязанностью, нежели воздержание воли. Жажда познания, без дальнего разсмотрения, приемлется не только за естественное и невинное, но даже за благородное чувствование. И как роскошь чувственная оказывает какое-то уважение, ум помрачающему вину, в сравнении с очищающею оный водою; так не редко роскошь ума с пренебрежением проходит мимо чистых источников Израилевых, и с жадностью принимает из рук любодейцы Вавилонской, ложной мудрости мира, чашу, из которой сия *от вина ярости любодейния своего напоевает вся языки* (Апок. XIV, 8). Наше время видело, и не к блаженству своему, кажется, еще видит жаждущих так называемого просвещения, которые из чаши сей пьют *вино* сперва духовного *любодейния*, приемлют учение, которое приводит в забвение священные отношения человека к Богу, и вводит противное чистому закону не растленного ума смешение истины с ложью, зла с добром, нравственности со страстями, духовного с чувственным; потом пьют *вино любодейния* даже чувственного, поелику от нечистых понятий естественно происходят нечистые чувствования, и растленное учение сопровождается развратною жизнью; — и в которых, наконец, *сие вино любодейния*, в высшей степени упоения, превращается в *вино ярости*; поелику обуявшие от ложного просвещения, подобно пьяным, не любят быть в покое, но с мечтательною мыслию преобразования, все хотят испровергнуть и разрушить, и не здравую жажду просвещения, от неестественного питания превратившуюся у них в другую, еще более неистовую жажду — быть просветителями, не умеют угасить иначе, как слезами и кровию людей и народов.

Господи, Наставниче блаженства! Как много уже мы видим *алчущих ныне*, в которых не усматриваем ни признаков истинного насыщения, ни надежды блаженства! Но еще не находим тех *алчущих ныне*, которым Ты, верный в обещания Своих, обещал насыщение и блаженство. О! еслибы Ты Сам показал нам их, чтобы нам было можно узнать их и легко и непогрешительно! В самом деле, братия, Господь Сам изъясняет слово Свое об *алчущих ныне*, и прямо указывает нам их, когда говорить негде: *блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся*. Теперь видите алчущих и жаждущих, которым обещано истинное насыщение и блаженство: это алчущие и жаждущие не пищи и питья, не самоизобретенных удовольствий чувственных, душевных, мысленных, но *алчущие и жаждущие правды*.

Теперь, в изречениях Господних об алчущих, можем различить два главных наставления в отношении к блаженству. Во первых наставление о средстве к блаженству, — сие средство есть *правда*. Во вторых наставление о способе пользоваться сим средством для блаженства, — сей способ есть *алкание*.

Здесь вновь может потребоваться изъяснение того, что есть *правда*. Сие изъяснение можно найти в словах, которыми Евангелист описывает блаженных Захарию и Елисавету: *беста, говорит, праведна оба пред Богом*. Но что значит *праведна*? объясняет: *ходяще во всех заповедех и оправданиих Господних безпорочна* (Лук. I, 6). И так, под именем *правды*, должно разуметь все, что делается по заповедям Господним, одним словом – добродетель.

Желаешь ли блаженства? Для сего нужна тебе правда, или добродетель. *Не имать во блаженный град Божий внити всяко скверно, и творяй мерзость и лжу* (Апок. XXI, 27). Жизнь вечную иметь могут только исполнившие заповеди Божии: *сотворивый та человек, жив будет в них* (Гал. III, 12). Так должно по правде Живаго Бога, Которому не прилично было бы допустить в причастие собственной Его вечной жизни непокорных и противящихся воле Его, – собственной, говорю, Его жизни, ибо *Един Он собственно имеет безсмертие* (1 Тим. VI, 16), а все прочия существа имеют жизнь и безсмертие только по причастию Его жизни и блаженства. Так должно по свойству самой жизни вечной, ибо жизнь вечная не может быть иная, как духовная, так как *плоть и кровь царствия Божия наследити не могут, ниже тление нетления наследствует* (1 Кор. XV, 50); и как всякой жизни свойственна своя пища, пища жизни духовной опять не может быть иная как духовная; – какая именно? Узнайте сие от Того, Который есть Начальник и Образ духовной жизни между человеками. *Мое брашно есть*, говорит Он, *да сотворю волю Пославшаго Мя, и совершу дело Его* (Иоан. IV, 34). Спросите ли также и о питии? Узнайте и о сем от Него же: *иже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущая в живот вечный* (Иоан. IV, 14). Вода же, которую Он, посему обещанию, действительно дал жене Самарянской, была учение духа и жизни. Итак, учение правды есть питье духовной жизни; дела духа, исполнение правды есть пища духовной жизни; в сем душа обретает духовное насыщение, в духовном насыщении вечное блаженство.

Впрочем, по разсуждении, без труда, как должно думать, всякий согласится признать правду или добродетель соответственным средством для блаженства. Большее затруднение представляется в том, как употребить сие средство, и даже, можно ли употребить оное. Слышим строгий суд Апостола, который есть также суд самой правды и суд Божий: *иже весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен* (Иак. II, 10). Кто не согрешает более, нежели *во едином*? Кто потому не есть повинен всем заповедям? Кто же имеет правду? Кто найдет ея блаженство?

Согласимся, что затруднение сие для нас непреодолимо: но согласимся для того, чтобы тем с большим вниманием обратиться к наставлениям Божественного Учителя блаженства. Указав нам правду, как средство блаженства, Он показывает и способ, как воспользоваться сим средством, которого употребление нам кажется столь ненадежным. Сей способ называет Он алканием: *блажени алчущии*.

Алчущим называется тот, кто не имеет пищи, и кто желает ея. Лишение пищи, и желание пищи составляют алкание. Посему алкание правды есть такое расположение духа человеческого, в котором он признает себя лишенным правды, и чувствует, что не имеет ея; но в то же время желает ея так, как алчущий желает пищи, без которой жить не может. В сем состоит способ употреблять правду, как средство блаженства, хотя между тем и то правда, что мы правды не имеем, и не в силах иметь ея. Как известностию того, что мы не имеем пищи, изощряется чувство глада или желание пищи: так сознанием того, что мы не имеем правды, изощряется желание правды. В телесном порядке, усиленное желание пищи не может доставить самой пищи, поелику здесь над самыми желаниями господствует закон внешней необходимости: но, в порядке духовном, усиленное желание правды может привлечь самую правду, поелику здесь господствует закон свободных

желаний; поелику здесь не столько глад ищет пищи, которая бы напитала его, сколько живая пища ожидает глада, который бы принял ее. Хотите ли видеть, как живая духовная пища сама приходит к алчущим? Хотите ли слышать, как она призывает их к себе, что бы напитать их? Слышите: *Аз есмь хлеб животный: грядый ко Мне, не имать възалкаться: и веруяй в Мя, не имать възжаждатися никогда же* (Иоан. VI, 35). И еще: *Аз есмь хлеб животный иже сшедый с небесе: аще кто снестъ от хлеба сего, жив будет во веки* (51). Кто истинно алчет правды, тот найдет хлеб сей по вкусу себе, и не отречется вкусить его; хлеб же сей укрепит сердце человека (Пс. CIII, 15), и силою правды, которой он алкал, исполнит его. Ибо сей чудесный хлеб есть Тот, Которому еще Пророки нарекли имя: *Господь правда наша* (Иер. XXIII, 6), и Который самым делом *бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление* (1 Кор. I, 30). Алкайте сего Хлеба, или то же иначе, грядите к Нему, веруйте в Него, снейдите от Него: и вы будете вечно насыщены, или иначе, вечно блаженны. Если так вы алчете: то *блажени вы алчущие ныне, яко насытитесь*, или будете насыщаемы присто.

Господи, хлебе животный, алчущее и не имеющее собственной пищи существо наше питающий сокровенно и неисповедимо Божественною Твоею силою, видимо же плотию и кровию Твоею, мысленно же словом правды Твоея, которое также есть хлеб жизни, по реченному Тобою: *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Матф. IV, 4)! Се дерзнули мы преломить сей мысленный хлеб братии нашей: но Ты Един можешь благословить и умножить крупичи, взятыя нами от неистощимой трапезы Твоей, и напитать каждого по его потребе. Сотвори сие со всеми нами. Если кто из нас алчет только плоти и мира, и от них думает насытиться: угаси в нас сие грубое и ненасытимое алкание, и возбуди чистое и спасительное алкание Тебя Единого и правды Твоея. Если кто мнит себя нечто быти, и хочет быть доволен своею правдою или добродетелию: вразуми его, что Ты не пришел взыскать праведных и насытить насыщенных, что мнимое насыщение наше от собственных наших дел есть только притупление истинного вкуса духовного, которое нужно врачевать алканием Тебя и Твоея правды. Если же кто воистину, и паче всего, верою алчет правды, и Тебя, единственная правда наша, тому подай и сладкое насыщение надеждою, и паки здоровое алкание любви: ибо, как Ты весь сладость, то *ядущии Тя еще възалчут, и пьющии Тя еще възжаждутся* (Сир. XXIV, 23): *насыщуся совершенно, внемгда явитимися славе Твоей* (Пс. XVI, 15). Аминь.

XCIX.

20. СЛОВО

в день рождения Благочестивейшаго Государя

Императора Александра Павловича.

(Говорено в Мариинской церкви Императорскаго Вдовьяго дома, декабря 12).

<1824>

Пощадит нища и убога, и души убогих спасет (Псал. LXXI, 13). Один из Псалмов Давидовых частию в виде молитвы, частию в виде пророчества, изображает благословеннаго Богом царя. Первою чертою сего изображения полагается дар разсуждения или мудрость, царю потребная. *Боже, восклицает Давид, суд Твой цареви даждь* (Ст. 1)! Другую черту сего изображения составляет правосудие: *судит нищым людским, и спасет сыны убогих, и смирит клеветника* (ст. 4). Далее в изображении царя

сего является распространение добродетели и благоденствия между его подданными: *возсияет во днех его правда и множество мира* (ст. 7); необыкновенное расширение пределов его владычества: *обладает от моря до моря, и от рек до конец вселенныя* (ст. 8), низложение врагов его: *врази его персть полижут* (ст. 9); покорность ему отдаленных царств, уважение от всех царей; *Царие Фарсийстии и острови дары принесут; поклонятся ему вси царие земстии* (ст. 10. 11).

Теперь, кажется, уже всю меру царского величия наполнило изображение Давидово, кажется еще не найдется черты, которая могла бы присоединиться к блистательным чертам, доселе положенным, или потеряться между ними: но Псалмопевец продолжает: *пощадит нища и убога, и души убогих спасет*. Разумеете ли, что хочет сказать чрез сие Пророк? Он хочет сказать, что и при высоких, собственно царских добродетелях, и при могуществе царства, и после славы побед, и среди всемирной знаменитости, еще возвеличить, еще украсить, еще прославить может царя – сострадание к нищим, избавление бедствующих, – *пощадить нища и убога, и души убогих спасти*.

Примечайте, Россияне, как тот же вседействующий Дух Божий, Который в песни Давида тростию и письменах начертал образ благословенного царя, – в том же виде, тот же образ начертывает событиями и делами в жизни благословенного Александра. Приемля от него данный ему от Бога суд и правду, видею его далекие наследственные пределы своей державы относящего еще далее, врагов его, поверженных пред ним в персть, преклоняющихся пред его доблестями царей и народов, – мы уже могли думать, что не оставалось еще добродетели, которая могла бы просиять в жизни его новым, необыкновенным дотоле светом; но пришел невидимый художник, и наложил на сем изображении новую, глубокую черту, которая из мрака отражает усугубленный свет. Внезапное посещение Божие на новую столицу простирает священную тень сострадательной скорби по челу Государя Отца, из мрака и волн общего бедствия в новом живейшем сиянии восходит озаряющее, согревающее и оживляющее, солнце его человеколюбия. Он сыплет сокровища, спасая души многих бедствующих; собственными стопами измеряет все следы общего бедствия; смешивает свои слезы со слезами последнего из своих подданных; всенародно пред Богом оплакивает жертвы смертоносного дня, которых, и при благоприятнейших обстоятельствах смерти, многих бы имели оплакивающих; меняясь взаимно с августейшею матерью своею наследованными от нея чувствами человеколюбиваго сердоболия, вместе с нею щадит с нежностью семейственной любви, жалеет нища и убога, и души убогих спасает, учреждая и облегчая самые подробности их пропитания, одеяния и водворения.

Сильное, и вместе приятное и для всех нас, наставление в человеколюбии, – если только не странно и не стыдно нам иметь нужду только еще учиться человеколюбию, и особенно начаткам человеколюбия.

В самом деле, иметь нужду еще учиться начаткам человеколюбия, мне кажется странно для человека. Не странно ли было бы вообразить гортань и легкое, которая бы сказала: научи нас дышать; или вообразить око и ухо, которая бы сказала: научи нас видеть и слышать? Если ты око; то ты естественно видишь: если ты ухо; то и без науки ты слышишь: если ты сердце; то ты любишь: сердцу же человека всего ближе любить человека, и притом естественнее простирать любовь к другим человекам, нежели возвращать ее к самому себе, подобно как оку свойственно не себя видеть и уху не себя слышать, но другие с естеством сих чувственных орудий сообразные предметы.

Как для человека, по самому понятию о человеке, странно иметь нужду в учении начаткам человеколюбия, так для Христианина, по понятию о Христианине, стыдно даже и то, если

он и знает и имеет не более, как начатки человеколюбия, и если оно еще не соделалось в нем, по выражению древняго мудреца, *духом разума человеколюбивым* (Премуд. VII, 22. 23), или, по изречению Апостола, *премудростию яже свыше, исполненною милости и плодов благих* (Иак. III, 17). Как называемому мудрецом постыдно было бы не уметь более, как по два или по три писмени в книге слагать в слоги; поелику мудрецу свойственно сочетавать мысли и чувствования в уме и в сердце, и от сего сочетания раждать новыя мысли и чувствования, и обымать разумением обширнейшие предметы: так называемому Христианином постыдно не уметь более, как слагать в любовь по два или по три сердца, сближенные единомыслием, или привычкою, или сходством склонностей, или взаимностию выгод; поелику Христианину свойственно в духовном созерцании видеть весь род человеческий одним родом и одним племенем, а род Христианский даже одним телом: *ибо едином духом мы вси во едино тело крестихомся, аще Иудеи, аще Еллини, или раби, или свободни: и вси едином духом напоихомся* (1 Кор. XII, 13); и сие созерцание должно производить в Христианине всеобъемлющая мысли человеколюбия, какова сия мысль возлюбленнаго Павла: *аще страждет един уд, один член тела, один человек, с ним страждут вси уди* – все человеки по человеколюбию: *аще ли же славится один уд, один человек, с ним радуются вси уди*, все человеки по любви (1 Кор. XII, 26); духовное, повторяю, созерцание человечества должно производить в Христианине всеобъемлющая и чувствования человеколюбия, каково сие чувство того же Апостола: *сердце наше распространися, не тесно вмещаетеся в нас* (2 Кор. VI, 11. 12), то есть, сердце наше так расширено любовью, что вмещает всех вас, и притом так вмещает, что ни одному из вас не тесно в нем, ни одного из вас не любим мы мало, но всех объемлем любовью свободною, полною и совершенною.

Если ты называешься Христианином, а любишь только родных, друзей, знакомых, одним словом, любящих тебя; то напрасно ты называешься Христианином: ты носишь в сем случае чужое, не принадлежащее тебе имя; люди, которые любят только любящих, правильно называются грешниками, мытарями, язычниками, а не Христианами. Так называет их Слово Божие, которое без сомнения не погрешает в наименованиях: *грешницы*, говорит оно, *любящая их любят* (Лук. VI, 32): *не и мытари ли тожде творят? не и язычницы ли тожде творят* (Матф. V, 46. 47)?

Оправдайся, если угодно, докажи право твое на имя Христианина и в том случае, когда ты не имеешь сего всеобъемлющаго человеколюбия, которое во имя человечества и Христианства приемлет незнатных, как знатных, доброжелательствует врагам, как друзьям, состраждет бедствиям чужих, подобно как своим. Скажи, почему думаешь ты быть Христианином? По правой вере? Знайте, что Христианство не знает иной правой веры, как веру человеколюбивую. *Вера бо*, говорит Апостол Иаков, *чиста и не скверна пред Богом и Отцем сия есть, еже посещати сирых и вдовиц в скорбех их* (Иак. I, 27). Почему же ты Христианин? По закону, если угодно? И закон не иной имеет Христианство, как человеколюбивый: *аще убо*, говорит тот же Апостол, *закон совершаете царский, по писанию: возлюбии искренняго своего, якоже себе самого, добре творите* (Иак. II, 8). Почему же еще желаешь ты присвоить себе имя Христианина, – не по любви ли к Богу? Но нет и любви к Богу, если нет любви к людям. Как не можно стать на верхней степени высокой лестницы, если не пройти нижних степеней: так никто не может сказать, что он достиг высокой Христианской любви к Богу, если он не шел к ней по степеням любви к людям; и если кто сие скажет о себе, то истинное Христианство назовет его не Христианином, а лжецом; *аще кто речет, яко люблю Бога*, пишет Апостол Иоанн, *а брата своего ненавидит, ложь есть: ибо не любяй брата своего, его же виде, Бога, Егоже не виде, како может любити* (1 Иоан. IV, 20)? Если ты подлинно Христианин, поклонник и последователь Бога, из любви к людям ставшаго человеком

и за них пострадавшего и умершего, то тебе не должен быть незнаком и сей высочайший закон человеколюбия: *больши сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя* (Иоан. XV, 13); а жертвовать для бедных человек богатством своим, для немощных и болящих силою и крепостию своею, для бедствующих сердечным участием в их бедствиях, словом, для каждого своими способностями и трудами, поколику кто имеет в том нужду, – сие должно быть для тебя пищею и услаждением твоей жизни; иначе ты называешься Христианином не лучше того, как идола называют богом.

Желаю, чтобы никого не нашлось между нами, Христиане, на кого могло бы пасть сие обличение, не моего недостойного слова, но самой истины Евангельской, и чтобы вы подлинно не имели нужды в человеческом учении тому, чему, если вы подлинно Христиане, научает, или уже научил вас Бог: *сами бо вы, по Апостолу, Богом учени есте, еже любити друг друга* (1 Сол. IV, 9).

Впрочем, да будет мне позволено сказать еще немногия слова, внушаемая нечуждым для нас событием, призывающим человеколюбие, и некоторыми действиями, которые между нами произвело сие событие.

Вижу и слышу, что многие видимою и невидимою рукою наполняют лишение, которым Праведный в наказании, и Милосердый в правде, Бог посетил братий наших, чтобы и нам напомнить грехи наши, и возбудить нас к покаянию и к делам правды и благодати. Говорю видимой благотворительной руке, – да исполнит тебя Всеисполняющий, и да благословит в тебе пример благотворения; наипаче же говорю благотворительной руке невидимой: *Видяй в тайне, Той да воздаст тебе яве* (Матф. VI, 4).

Примечаю и слышу, что некоторые, признавая и для себя в других посещение Божие, и сострадая многим, чрез одно бедствие впадшим во многия, сие сокрушение пред Богом и сие сострадание к человекам желали бы видеть более общими и более торжественными. Для чего, вопрошают они, властью не пресекут забав? Для чего не закроют зрелища? Подлинно, желательно, чтобы во время общественных бедствий, дух сокрушения пред Богом и сострадания к человекам действовал не только в частных расположениях людей, но и в общественных распоряжениях власти и в направлении ею народных занятий. Так он и действовал ныне, и особенно там, где был возбуждаем и направляем непосредственно духом Благодетельнейшего и Человеколюбивейшего Монарха. Но еслибы не так действовала постановленная власть, что до того вам, которым тем не менее предоставлена власть над вашими собственными страстями и склонностями? Пресеките ваши собственные забавы, закройте зрелище от ваших собственных глаз, или, чем равно достигнется для вас та же цель, закройте ваши глаза от зрелищ. Нужно ли детям жаловаться, для чего им не запретят играть: перестаньте сами играть, родители обрадуются, если вы обратитесь к лучшим упражнениям; думаю, что мудрое правительство терпит и покровительствует народным забавам, подобно тому, как снисходительные родители допускают детские игры. Решитесь употребить часы забав на честный труд, на полезное учение, на невинные и назидательные беседы, на дела благотворения или молитву: правительство, без сомнения обрадуется, если от того дома зрелищ сделаются пусты, и охотно затворит их; а Церковь еще радостнее отверзет вам врата Господни, чтобы в них входили праведные.

Еще слово к вам, посвященные и посвящаемыя сестры человеколюбиваго сердоболия. После закона Божия, пример венценоснаго человеколюбия да будет вам выну светильником в путях ваших. Бог же да благословит начинаемое, и да совершит продолжаемое служение ваше немощствующим к их утешению и облегчению, и к вашей вечной и аграде. Аминь.

1825 год.

С.

21. СЛОВО

в день, иже во святых Отца нашего Алексия

Митрополита Московскаго и всея России Чудотворца.

(Говорено в Чудове Монастыре, в четверток первыя недели поста – февраля 12).

<1825>

*Не мнози учителя бывайте, братия моя,
ведящи, яко большее осуждение примем,
много бо согрешаем вси. Иак. III, 1. 2.*

В сей день умолк на земли Богомудрый и Богодейственный учитель Церкви Российския; и уже более четырех веков, как он безмолвствует: но еще в сей самый день, после столь многих лет, сонмы учеников собираются здесь, окрест безмолвнаго ложа его. Или он, и безмолвствуя, еще учит, и покоясь, еще действует. По истине, и теперь он учит той мудрости, тем добродетелям, той тайне благодати, по действию которых он *восхваляется* ныне с прочими *преподобными во славе и радуется на ложе своем* (Пс. CXLIX, 5). И теперь действует он для нас, пред Богом, силою своих молитв, подкрепляющих и возносящих наши немощныя и не окрыленные молитвы, а пред нами, силою жизни и нетления, которою дух святыни, *напоивший*, по выражению Апостола, все существо его, напоил и тленное тело его, так что в сем теле, вместо обыкновенных от греха происшедших немощей, имеем мы открытыя *святыя мощи*, – могущественныя, чистыя и возвышенныя силы, которыя подобно, как вещественное благоухание чрез телесное приближение и прикосновение, сообщаются чрез прикосновение веры, и чрез то производят возвышение и мир наших собственных сил и целебныя действия.

И так, не напрасно, братия и соученики, собрались мы почтить учителя. Поелику же истинное почтение истиннаго достоинства должно быть не случайное и только наружное, но неизменное и внутреннее: то, чтя сего истиннаго учителя ныне, мы не должны изменять сему почтению и ни в каком другом случае; чтя достойнаго Евангельскаго учителя по установленному чину и обряду, мы должны также чтить достоинство Евангельскаго учителя по духу и сердцу.

По наставлению Апостола, предлагаю вам один из способов чтить достоинство Евангельскаго учителя. Если ты священным считаешь царское достоинство: то не дерзнешь возложить царский венец на себя, или подобнаго тебе подданнаго. Если уважаешь власть: то не отважишься, не призванный, вмешиваться в дела ея, напротив того со всякою готовностію исполнять будешь обязанности подчиненнаго. Подобно сему, если ты чтишь достоинство учителя, установленное в Церкви Христовой: то не должен ты своевольно вторгаться на место учительское, или легкомысленно бегать за учителями, которых никто не поставил, и за Пророками, которых Бог не посылал, но должен в кротости и послушании проходить звание ученика Евангельскаго, под руководством

поставленных от Бога и Церкви учителей, страшась быть учителем и сам для себя, а тем более, без высшего призвания, руководствовать других, или переучивать учителей, от Бога и Церкви поставленных. *Не мнози учителя бывайте, братие моя.* Наставление, может быть, более для всех нас нужное, нежели как с первого взгляда кажется.

Страсть быть и слыть учителями была господствующая в Иудейских книжниках и фарисеях. Они, как замечает нам Божественный Учитель, *любят зватися от человек: учителю, учителю* (Матф. XXIII, 7). Против сей страсти *Иисус глагола к народом и учеником Своим* (ст. 1), то есть, ко всем Своим последователям, не исключая и Апостолов: *вы же не нарицайтесь учителя; един бо есть ваш Учитель Христос, вы же братия есте* (ст. 8). Как же, – скажут, может быть, – и в Христианской Церкви некоторые называются Учителями? Как и Апостол Павел называет себя *учителем языков*? Как еще говорит он, что *положи Бог в Церкви первое Апостолов, второе Пророков, третье учителей* (1 Кор. XII, 28)? Как все сие согласить? Не трудно согласить все сие. Божественный Апостол, без сомнения, не погрешает, когда свидетельствует, что *Бог положил в Церкви учителей*; а потому не погрешаем и мы, чтя учителей Церкви, которых Бог в сие звание поставил; и паки Апостол не иное что делает, как свидетельствует о истине, когда говорит: *поставлен бых аз проповедник и Апостол, истину глаголю о Христе, не лгу, учитель языков в вере и истине* (1 Тим. II, 7). Господь же не служение учительское в Церкви уничтожает, не говорит: да не будет учителей. Сие невозможно, ибо когда есть ученики, – а все Христиане суть ученики, и в начале не иначе назывались как учениками, – то по необходимости должны быть и учителя, особенно после того, как *единый Учитель* вознесся на небо; и не о имени ревнует тот, Который превыше всякого имени, но наше мудрование смиряет, превозношение низлагает, дерзость обуздывает, своеволие отсекает, осуждает и запрещает, так сказать, самозванство в учительстве: *не нарицайтесь*, говорит, *учители*, не восхищайте сего звания сами себе, не вызывайтесь учить, когда вы не призываетесь к сему; а если и будете к сему призваны, если Бог поставит, если священный закон наречет вас учителями, и тогда не возносите званием, которое только по дару и по причастию вам принадлежит, поелику первоначально и по праву *един есть ваш Учитель Христос*; почитайте себя не более, как *братиями тех*, которые называют вас учителями; будьте слуги, а не властители учения и учеников: *болий в вас да будет вам слуга* (Матф. XXIII, 11).

Видно, что, несмотря на сие благовременное предостережение, фарисейская страсть к учительству, чрез принятых в Христианство из Иудейства, вскоре прокралась и в Христианскую Церковь, когда Апостол Иаков возобновляет против нея увещание к Христианам своего времени. *Не мнози учителя бывайте, братие моя.*

Нет сомнения, что не собственно множество учителей отвергает Апостол, ибо в каком бы то ни было обществе, а кольми паче в Церкви, которая есть училище *премудрости Божией, в тайне сокровенной* (1 Кор. II, 7) множество людей просвещенных и способных преподавать другим спасительныя наставления не может составить обременительного излишества. Нет сомнения, что Апостол, увидя множество таковых, не запретил бы им учить, подобно как Моисей не запретил Елдаду и Модаду пророчествовать, и еще сказал бы вместе с ним: *кто даст всем людем Господним быти Пророки* – или учителя, – *егда даст Господь Духа Своего на них* (Числ. XI, 29)? Но должно взять в разсуждение то, что истинно духовные люди и достойные учителя почти не могут являться в виде избыточествующаго множества: ибо как первый степень их достоинства есть познание своего недостойнства, и высший степень их мудрости есть смирение, то, доколе можно, скрываются в числе учеников и никогда по своей воле не умножают собою числа учителей. Так Моисей и Иеремия даже тогда, как сам Бог посылает их проповедывать, еще уклоняются от сего: *избери могуща иного, егоже послещи*, говорит один (Исх. IV, 13);

не вем глаголати, восклицает другой (Иерем. I, 6). Исаия по воззванию Божию соглашается быть послан, и то не прежде, как чудесно будучи очищен и воспламенен пламенем Серафима. В Апостолах видим готовность быть ловцами человеков и проповедывать царствие небесное: но ни в одном из них не видим того, чтобы он сам себя представил к званию Апостола, не говоря, поставил себя в оное. Таким образом, если не искать и даже убегать учительства есть отличительная черта достойных онаго: то искать и домогаться онаго есть признак недостойных. Следственно, увидев множество людей, толпящихся около седалища учительского, и наперерыв старающихся занять оное, мы могли бы сказать всем им: удалитесь; ваше множество доказывает, что между вами нет ни одного достойнаго, ваше своеволие и усиленное искание достоинства учительского обличает ваше недостойство. Сие самое обличение, только покрытое кротостию, произнес Апостол, когда сказал: *не мнози учителя бывайте, братие моя*.

Люди, которые предприимлют учить, не быв призваны к тому, обыкновенно думают оправдаться тем, что хотя дерзновенно их предприятие, но дело их спасительно. Апостол разрушает сию мечту, вводя их в познание самих себя, и представляя им последствия их неуместной деятельности. *Ведяще*, говорит, *яко большее осуждение приимем: много бо согрешаем вси*.

Примечайте и здесь кротость и смирение истиннаго учителя: и тогда, как он творит дело учителя, он поставляет себя между учениками; и будучи обязан обличать их грехи, произнести на них осуждение, сии чужие грехи, чужое осуждение он приемлет на себя самага. Не говорит – *осуждение приимите*, но – *приимем*. Не говорит: *вы согрешаете*, но *согрешаем вси*. Но чем более смягчает он обличение для жестоковольных: тем большую силу получает его увещание для разумевающих. Если Апостол по делу учительства поставляет себя под страхом осуждения, в общем числе с людьми, много согрешающими: то как должно быть страшно дело сие для всякаго другаго! Что сотворю, о единый Учителю? *Горе мне, аще не благовествую* (1 Кор. IX, 16), поелику на то поставлен: горе мне, аще и благовествую, поелику недостойн. О судие, праведно строгий для учителей более, нежели для учеников! Егда приидеши осудить мое недостойство: пощади по крайней мере Твое постановление. А те, которых владычественная судьба Божия не поставила учить, которых власть Церковная не послала проповедывать, – как они отваживаются учить и проповедывать, и какое думают найти оправдание в том пред верховным Учителем и Судиею? Как не подумают они о своих собственных грехах, думая очищать чужие? *Много согрешаем вси*: следственно, если желаешь подвизаться противу греха, у каждого из нас много дела для себя самага: благоразумно ли, оставя собственную хижину разрушающуюся, итти созидать чужой дом, когда должность от нас сего не требует? Что, если много согрешая сами, и, – поелику грех есть тьма и творящий грех во тьме есть, – не чисто видя истину сами, будем и в других только перестраивать по своему ветхое здание греха и неправды, а не созидать новое здание правды и святости! Что, если вместо плодоноснаго и питательнаго семени учения поседем в сердцах ближних бесплодные плевелы или колючее терние? Что, если, действуя сами по своемудрию и своеволию, мудрствующих о Господе и правимых волею Божиею найдем себе не по мысли, не по сердцу, а потому, заблуждая сами, будем их почитать заблуждающими, станем разделять, вместо того, чтобы приводить в соединение веры, распространять соблазны вместо назидания, нарушать единомыслие, возмущать мир Церкви? Какому осуждению подвергаем себя, какому других, нами совращаемых или соблазняемых, и опять какому себя за них?

Сколь основательны сии опасения, Церковь дознала многочисленными и многообразными печальными опытами. Для краткости приведу один только пример, который впрочем много скажет внимательному.

В послании святого Апостола и Евангелиста Иоанна читаем следующее: *писах Церкви, но первенстволюбее их Диотреф не приемлет нас. Сего ради аще прииду, воспомяну его дела, яже творит, словесы лукавыми укоряя нас; и не доволен бывая о сих, ни сам приемлет братию, и хотящим возбраняет, и от Церкви изгонит* (III Иоан. ст. 9. 10). Слышите ли? Диотреф, о котором неизвестно, была ли в нем какая искра здравого понятия о вере и Церкви, – Диотреф, которого имя дошло до нас только по милости отверженного им человека, – Диотреф не приемлет Иоанна, избранного между Апостолами, Богослова по преимуществу, тайновидца и главу Пророков нового завета, не уважает его послания, злословит его, не приемлет приемлемых Апостолом, и следственно приемлемых Богом не приемлет, запрещает другим принимать их, и из Церкви изгоняет их! Кто бы сему поверил, если бы не сам Апостол повествовал о сем? Смотрите, какая нелепая и Богопротивная дела, какие разрушительные беспорядки производит в Церкви желание быть первым по собственному счету, и похищенная независимость от поставленных учителей, мнящаяся быть довольною для себя и других; смотрите, и будьте осторожны. *Не мнози учителя бывайте, братие моя.*

На кого сие слово? думают, вероятно, некоторые из слушающих, – мы не учителя и не ищем сего звания. – На вас, если угодно; и точно на вас сие слово, когда вы так думаете. Ученику свойственно принимать для себя всякое слово учения, как земля принимает всякую каплю дождя, или всякое зерно сеющего, а не стараться отводить от себя обличительные слова, как громовые удары, и не осматриваться вокруг себя, на кого падут оные. Если в слове учащего, какое бы оно ни было, менее искали вы для себя, а более для других: то вы слушали оное менее, как ученики, а более, как учителя других, или как судии учащего. В таком случае именно на вас сие слово: *не мнози учителя бывайте, братие моя.* Слушайте учение, как ученики для вашего сердечного назидания, а не как учителя для мысленного разбирательства, как учение предлагается, или до кого кроме вас относится.

Как вам не найти многих учителей между собою, или лучше в самих себе. Когда, на пример, Церковь учит вас посту по преданию отцев, по примеру Апостолов и самого Спасителя нашего; но некоторые из вас говорят, или делом показывают свое мнение, что заповедь поста не очень важна и почти может быть оставлена без исполнения; другие вместо четырехдесятницы по произволу назначают себе некоторое краткое время поста; иные учреждают себе пост роскошнее мясоestia, – что сие значит? Не то ли, что единое истинное и чистое учение Церкви оставлено в небрежении, а всяк сам себя поставил учителем и составил собственное учение воздержания, как можно менее противоречащее привычке невоздержания? И здесь место совету Апостола, если хотите принять оный: *не мнози учителя бывайте, братие моя;* не пренебрегайте древних, общих, освященных постановлений, не учитесь и не учите друг друга вместо того новым, разнообразным, от мирского и плотского мудрования происходящим обычаям, последуйте матернему руководству Церкви с детским послушанием и простотою.

Что сказать о тех, к болезнованию Церкви, многих учителях, которые, оставя любовь от чиста сердца, и совести благая и веры нелицемерная *уклоняются*, как обличает их Апостол, *в суетствия, хотяще быти законоучители, не разумеюще ни яже глаголют, ни о нихже утверждают* (1 Тим. I, 6. 7), которые из всякого слова писания хотят составить особый толк, из всякого обряда церковного особую веру? Да даст им Господь разум, чтобы они сами себе воспомянули дела Диотрефа, размыслили о них безпристрастно и благовременно избежали его участи. Аминь.

22. СЛОВО

в день Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Благовещенской церкви Чудова Монастыря, марта 25).

<1825>

*Она же видевши, смутися о словеси его,
и помышляше, каково будет целование сие.*
Лук. I, 29.

Она, сия Дева, в столь глубокое погруженная уединение, столь удаленная от всякого сообщества, что присутствие Ангела, который и сам есть дева, привело Ее в смятение: *видевши, смутися*; Она теперь отверзает чертог Свой, допускает в него и девствующих и живущих в супружестве; приемлет безчисленные целования, то есть благоговейные приветствия, не только от безплотных, или безплотным в чистоте подобных, но и от человек, нечистых устне имущих; и не только не смущается, но еще успокоивает смущенных, не только не чуждается радости, но и наполняет ею приближающихся, не только не трепещет пред благодатию, но и со дерзновением подает ее требующим. Какая перемена! Никому недоступная тогда, когда Она была только *раба Господня*, всем доступная теперь, когда Она есть *Мати Господа*.

Воспользуемся удобностию доступа, приблизимся, приступим, не только для того, чтобы видеть славу безвестных некогда Девы и насладиться сим видением, но и для того, чтобы по возможности узнать, каким образом из такой глубокой безвестности возрасла столь высокая слава, и чтоб от плодов *заключенного вертограда невесты* (Песн. IV, 12) Святого Духа взять нечто на семена для духовного вертограда собственных душ наших.

Приидите девствующие, и от Девы Марии примите утверждение вашего подвига, созерцая в Ней безпрекословно высокое достоинство – девство, поелику оно Бога в себе носит.

Приидите живущие в супружестве, и от обрученных, но не сочетанных примите благословение ваших супружеств: поелику все человеческие супружества рождали бы только чад гнева и наследников ада, еслибы Матерь-Дева не родила Сына, Который перерождает их в сынов и наследников Божиих.

Приидите любящие уединение, и от размышляющей Марии вразумитесь, что зерно уединения есть смиренное богомыслие; а без сего уединение часто есть пустое упрямство или жестокое человеконенавидение, гнездо лукавых помыслов и виталище духа безумия.

Приидите пристрастные к сообществу, и возьмите себе на замечание, что не в суете мирских дел, не в развлечении многолюдства, не в шуме праздных бесед посещают душу небесные силы, и слово Божие сеется в сердце.

Но как не можно в краткое время показать вам все плоды вертограда Мариина, то-есть, изобразить к наставлению вашему все Ея совершенства и добродетели: то придержимся на сей раз одной, взятой нами, малой, повидимому, ветви Евангельского об оных повествования, на которой однако можем увидеть, как некий, полнотою силы преклоненный долу, грозд, смиренную мудрость и мудрое смирение.

Она же видевши, смутися о словеси его. Присутствие небесного посланника, который приносит с собою Деве Марии присутствие Господа, благодать, благословение, радость, *радуясь*, говорит, *благодатная, Господь с Тобою: благословенна Ты в женах*, присутствие такого посетителя, вместо того, чтоб произвести в Ней подлинно радость, приводит Ее в смятение. *Видевши, смутися.* От чего так? От того ли, что не узнала Она небесного вестника и приняла его в начале за незнакомаго человека? Но если вид незнакомаго, внезапно пришедшаго, привел Ее в смятение: то должны были тотчас успокоить Ее кроткия и благочестивыя слова его; напротив того, Евангельское повествование самая сии слова полагает причиною смятения: *смутися о словеси его.* Или Ее потрясло явление вышняго духовнаго существа, неудобно переносимое немощным и бранным естеством человеческим, как то показывают примеры Даниила и Иоанна? Но Ея чистота, безпримерная между рожденными от Адама, соделывала Ее безпримерно способною к небесным общениям; и предание сказует, что не первым уже для Нея опытом таковых общений было явление Гавриила. От чего же сия, хотя юная, но уже опытная Собеседница Божества, *смутися о словеси Ангела?*

Помедлим ответом на сие, и приведем еще на память предание, что Дева Мария, также прежде благовещения Архангелова, читала и уразумела пророчество Исаии: *се Дева во чреве зачнет, и родит Сына, и наречеша имя Ему Еммануил* (Ис. VII, 14). Сей пример определительно дает знать о Пресвятой Деве то, что и Евангельския о Ней сказания дают угадывать, то есть, что дух Ея благовременно налит был чтением Божественнаго Писания, и не только млеком, но и крепкою пищею Божественной мудрости. А когда так: то трудно ли было Ей уразуметь и то, что сих новых и величественных наименований, – *благодатная, благословенная в женах*, – язык Ангельский, никогда нелестивый, не мог дать никому, разве Матери Еммануила? Когда же сие так: то не было ли удобно Ангельскому приветствию привести Ее не только в радость, но и в восторг? И как же, напротив, оно привело Ее в смятение: *смутися о словеси его.*

Теперь время разрешить сей вопрос. По всему видно, что он разрешиться должен не иначе, как глубоким смирением превознесенныя Девы. Мудрость и вера духовно показали Ей образ Матери Еммануиловой, то-есть Христовой, в пророчестве Исаии, а любовь и смирение тогда же вдохнули желание и телесно увидеть сию владычественную Матерь и быть Ея рабынею: но то же самое смирение не позволило Марии увидеть оный образ в Себе Самой даже тогда, как *в словеси* Архангела, так сказать, зеркало пред Нею поставлено было. Она слышала целование, которое должно было вознести Ее паче всех: но постоянное стремление души Ея как всегда, так и в сию минуту, было смиряться и унижать Себя паче всех. Таким образом как чистая вода колеблется и струится от дыхания тихаго ветра, не теряя впрочем чистоты своей, но еще оживляясь движением: так чистая душа Марии восколебалась от слова небеснаго духа, не изменяя впрочем чистоте своих чувствований, но еще возбуждаясь к дальнейшему преспеянию в жизни по Богу.

Что душевное волнение Марии не имело в себе ничего брэннаго, и Ея смущение ничего нечистаго; что то не была малодушная робость, ни маловерное сомнение о Божием хранении в нечаянностях, ни самолюбивое трепетание сердца от похвалы, ни борьба с увлекающею прелестью похвалы, или старание скрыть прельщение, в сем удостоверяют последствия онаго смущения. Малодушие и маловерие не размышляют; прельщаемые похвалою не умеют молчать, но или отвечают на ласку ласкательством, или притворно скромными словами отражают от себя похвалу, чтобы сильнее привлечь ее. Ничего таковаго не видно в Марии. Ея смущение не лишает Ее присутствия духа, и не выводит из свойственнаго Ей состояния, не исторгает у Нея ни одного необдуманнаго слова, не препятствует Ей безмолвно размышлять о слышанном: *смутися о словеси его, и помышляше, каково будет целование сие.*

При постигшей нечаянности, и нечаянности приводящей в смущение, не увлечься сим смущением, и не допустить себя поколебаться до основания духа, не предаться ни робости, ни торопливости, ни отважности, не превознести, когда превозносятся, закрываться от предстоящей славы покровом смирения, и в то же время уметь самое смирение закрывать от других и от себя молчанием, дабы в смиренном слове не выдыхался дух смирения, противу внезапного смущения иметь в готовности врачевство спокойного размышления, – к какому началу отнесете вы сии расположения и действия духа Мариина, – разве к непобедимой силе благоразумия и зрелой мудрости духовной?

И так мы видим, что в духовном вертограде Богоневесты одним из величественных прозябений была мудрость; а землю, в которой хранился корень мудрости и сила сего духовного прозябения было смирение; и что орудием к возделыванию земли смирения и к охранению ея от диких зелий была паки мудрость. Та, Которой надлежало соделаться Материю смилившей Себя премудрости Божией, в совершенстве имела мудрость смиренную и смирение мудрое. Смирением охранялась Ея высокая мудрость от высокоумия и дерзости, мудростию обрабатывалось Ея смирение так, чтоб не было в нем ничего низкого, и чтобы оно было безпритворно, чисто и просто.

Заклучим же из сего примера и для самих себя, что, если желаем, чтобы вертоград душ наших процвел неувядающими цветами и принес плод жизни вечной, то должно подвизаться нам, чтобы иметь мудрость смиренную и смирение мудрое. Кто думает возрастать в мудрости без смирения: тот хочет, чтобы сад его рос без земли. Кто думает довольствоваться смирением без мудрости: тот хочет иметь землю необработанную, хотя может быть и тучную.

Что произвело столько разнообразных мнений о истине, которая есть одна, столько споров за мнения, столько заблуждений? Что произвело в философии секты, в Церкви ереси, в гражданских обществах возмутительных умствователей о преобразованиях, в царстве Божием безбожников, между ангелами диавола? Что? Мнимая мудрость, мнимая, а не истинная, именно потому, что сей недоставало смирения. Мнимые мудрецы земные вместо земли насаждали вертоград свой в воздухе, а диавол насадил его в огне, то-есть легкомыслие и гордость вздумали сделать грунтом мудрости. Но если мнимая мудрость без смирения приближает к диаволу: то, напротив, удаляясь от мудрости, куда приближается человечество, разве к безсловесной природе?

Если, Христианская душа, ты услышишь голос приветствующий тебя каким либо успехом в делах духа, и каким либо совершенством, хотя бы то было даже благодатию: не спеши предаваться радости; желаю тебе лучше *смущение* Марии, то есть Ея смирение, чтобы дух лести не похитил тебя на высоту, под которою нет ничего, кроме бездны.

Если и напротив скажут тебе, что стремление к совершенству есть мечтательство, что любовь к мудрости есть дерзкое мудрование, что размышление о вере, поучение в законе Божием, чтение слова Божия, или ненужно или опасно: вслушайся внимательно, походит ли сие на глас Ангельский, на учение духовное, на проповедь небесную? Сличите с сим истинный и чистый глас Пророческий: *блажен муж, его же воля в законе Господни, и в законе Его поучится день и ночь* (Пс. I, 2). Сличите с сим учение Божественного Учителя: *испытайте писания* (Иоан. V, 39). Сличите с сим проповедь Апостола: *слово Христово да вселяется в вас богато, во всякой премудрости, учаще и вразумляюще себе самех* (Колос. III, 16). Сличите с сим пример Марии: никто не запретил юной Деве Израилевой читать книгу Исаии Пророка и над нею размышлять о Еммануиле.

Нет! Христианство не есть юродство или невежество, но *премудрость Божия в тайне сокровенная, юже представил Бог прежде век в славу нашу* (1 Кор. II, 7), и в которой наше преспеяние да будет во славу Бога Отца и Сына и Святого Духа, во веки. Аминь.

СП.

23. СЛОВО

в день Святого Мученика Димитрия Царевича.

(Говорено в Московском Архангельском Соборе мая 15).

<1825>

*Аще мир вас ненавидит: ведите, яко
Мене прежде вас возненавиде.* Иоан. XV, 18.

Не редко мир делает такие дела, которые не только для ненавидимых им ужасны, но и для любимых им ненавистны. И спросил бы я у него, имеет ли он какие средства успокоить, или утешить людей, пораженных такими делами.

Отдайте на суд самого мира дело, которое одна из великих сил мира, страсть честолюбия, совершила над сыном Царевым, не смягчась невинностью отрока, не устрашась крови, которую самый мир, для блага своего, должен признавать священной. Без сомнения, и мир скажет: ужасно! ненавистно! А что может он сделать, чтобы сие ужасное и ненавистное дело загладить или исправить?

Един Иисус Христос творит сие чудо, что зло, которое мир делает, и которое уничтожить не может, не только уничтожается, но и превращается в добро для тех, которые злостраждут от мира; что на событие, в высочайшей степени ужасное и ненавистное, можно взирать спокойно и с любовью; что вопреки естественным понятиям и чувствам, по которым самая благополучная смерть бывает печальна, самая злополучная смерть становится предметом праздника.

Так мир во зле самоосужден и безсилен. Так Иисус Христос во благе могуществен и победоносен.

Посему Иисус Христос, предвзяв Своих учеников и последователей о ненависти мира, не подает им средств, не требует от них усилий, против сего врага; не мирит их с миром, как недостойным их союза, и не вооружает их против мира, как недостойного их противоборства. Он только предостерегает их, чтобы ненависть мира не привела их в страх и смятение; Он учит взирать на нее равнодушно, как на дело уже не новое. *Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде.*

Научись же подлинно, Христианин, не страшиться ненависти мира, возстающей против тебя за то, что ты последуешь Христу, что стараешься мыслить благочестиво и поступаешь добродетельно.

Могут некоторые подумать, что наставление Господа, не страшиться ненависти мира, к ним не относится, и дано совсем не для наших времен и обстоятельств. Мы не живем ныне, скажут они, среди врагов и гонителей Христианства, как жили первые последователи Христовы; мы живем Христиане между Христианами; мир который

некогда ненавидел Христианский род, в продолжении времен сам переродился в мир Христианский. Кому неизвестна *победа, победившая мир, вера наша* (1 Иоан. V, 4)? Так, победоносцы, торжествующие победу, может быть, не для вас еще приобретенную! Мир побежден, однако не уничтожен: он еще живет, и по прежнему ненавидит тех, которые суть Христовы, или хотя стараются быть таковыми. Мир, побежденный верою, плененный в ея послушание, допущенный посему в область ея, неприметно внес в нее с собою, и распространил в ней, свой собственный дух; и таким образом сей враг Христа и Христианства очутился в пределах самого Христианства; прикрывшись именем Христианского мира, он действует свободно, и учреждает себе мирское Христианство; старается обратно перерождать сынов веры в сынов мира, сынов мира не допускать до возрождения в истинную жизнь Христианскую; а на непокоряющихся ему, ненавистию, лукавством, злословием, клеветою, презрением, кратко сказать, всяким оружием неправды вооружается.

Справедливо ли то, что теперь сказано, удостовериться не трудно. Внимательный тотчас может поверить сие опытом. Кто же так часто среди самого Христианства воздвигал и воздвигает вражды, раздоры, смятения; ненавидит и гонит лучших из Христиан; старается угашать светильники Христианства? Кто наполнил Христианство Мучениками, пострадавшими от людей, которые также назывались Христианами? Кто не давал спокойного дня в жизни Василию или Григорию? Кто несколько раз изгонял Афанасия? Кто заточил Златоуста? Кто сию столь Священную и Богоприятную жертву заклал столь нечестиво и безбожно? Кто? Не ужели Христиане, которым вдохновенный от Христа дух есть дух любви и мира, кротости и незлобия, послушания и терпения? Кто же производил и производит таковые ужасы, как не мир, некогда побежденный верою нашею, но потом, — о горе и безславию Христианству! — не редко побеждающий в нас веру нашу, не по ея немощи, но по нашему расслаблению и малодушию?

Кто хочет еще ближе видеть, как и ныне мир ненавидит тех, которые истинно суть, или желают быть, Христовы: тот может испытать сие над самим собою тем скорее, чем совершеннее облечется в ум Христов и дела Христовы, и чем более приметен будет миру в сем образе. Пусть предстанет кто премудрым и разумным века сего с учением *о премудрости Божией в тайне сокровенной* (1 Кор. II, 7), о коренном повреждении человеческого естества, о самоотвержении, о возрождении, о внутреннем человеке, о жизни созерцательной, о действиях Св. Духа, Которым по изречению Святого Дамаскина, *всяка душа живится и чистою возвышается, и наконец светлеется Тройческим единством священнотайне*: чем глубже будет он излагать сие безконечно глубокое учение, тем менее разумные будут разуметь его; и тем удобнее, по уверенности в превосходстве своего разума, или презрят его, как мечтателя, или возненавидят, как опасного нововводителя, хотя сие учение может назваться новым только потому, что оно есть учение новаго, а не ветхаго человека; и опасным только для плоти и мира, поелику оно имеет целию умерщвление плоти и победу над миром. Или пусть отважится кто из людей, не скрытых от мира низостию своего состояния, с полною Христианскою решимостию, отвергнуть пышность и роскошь, оставить забавы и зрелища, расточить имение на нищих, прилепиться исключительно ко храму Божию и духовным упражнениям: какими уязвляющими взорами преследовать будут сего беглеца люди, так называемого, хорошаго общества и изящнаго вкуса! Сколько стрел остроумия, или справедливее, остраго безумия на него посыплется! Нет сомнения, что найдутся люди, которые усумнятся в его здравомыслии потому только, что он решился мыслить и поступать по Христиански, не применяясь к миру и его ложным понятиям и неправильным правилам.

И так нельзя не признать, что не только в первые времена Христианства была, но есть и во дни наши ненависть мира против истинных Христиан: и, если хотим быть безпристрастны, нельзя, думаю, не признаться многим из нас, что есть и страх, производимый сею ненавистью, и малодушное угождение миру, именно для того, чтобы не подвергнуться сей ненависти. Для сего благоразумными и основательными кажущиеся люди позволяют себе дела легкомысленные и суетные; для сего желающие быть честными людьми допускают себя впадать в дела безчестные. Оскорбительно было бы для целого общества подумать, что нет в нем ни одного человека, могущаго разсудить, что игра есть упражнение детское, и потому людям зрелого возраста и ума едва изредко и на краткое время позволительное, для облегчения сил, утомленных долгим напряжением во время важнейшей деятельности: как же изъяснить сие странное явление общежития, что целыя общества людей зрелого возраста и ума, игрою, в уреченные часы каждого дня, вернее и постоянное занимаются, нежели делом звания или молитвою? Не иначе можно изъяснить сие, как тем, что разсудительные, хотя и понимают суетность сего упражнения, боятся быть отлученными от сонмища суеты, и потому добровольно порабащают себя суете, чтобы убивать ею свое время, а иногда и свое благосостояние. — Не трудно благовоспитанной деве или жене понять, что искусство Иродиады, награжденное некогда кровавою главою проповедника покаяния и целомудрия, по сему одному воспоминанию не может быть для размышляющаго Христианина приятным упражнением, и ни в каком отношении не есть благородное искусство: как же идет Христианка на поприще Иродиады? Вероятно, боится она, чтобы мир не наказал ее презрением за презрение к законам мира. — Благородный служитель правосудия желал бы сохранить руки свои чистыми от мздоимства: но боится, чтобы другие не уничили его благородной бедности, чтобы корыстолюбивый начальник не изгнал его, не получая от него дани: и начав дарами благодарности, оканчивает мздою неправды.

Вот случаи, которые показывают, как в самом обыкновенном течении жизни в мире Христианин искушается опасением ненависти от мира; и как удобно чрез сие опасение делается он или по некоторой неволе рабом мира, или охотно становится его другом. И что же? Страх быть отвержену миром, доводит его до того, что он действительно бывает отвержен Богом. Ибо *никтоже может двема господинома работати* (Матф. VI, 24). *Иже восхоцет друг быти миру, враг Божий бывает* (Иак. IV, 4).

Научись же подлинно Христианин, не страшиться ненависти мира, возстающей против тебя за то, что ты последуешь Христу, что стараешься мыслить благочестиво и жить добродетельно.

Что страшиться? Утешая глаголет тебе Иисус Христос. Твое состояние не есть необыкновенное; опасность твоя не есть нечаянная. Воззри на жизнь Учителя и Господа твоего, и познай, что с Ним произошло все, что происходит, или еще может произойти с тобою. *Аще мир вас ненавидит: ведите, яко Мене прежде вас возненавиде.*

Но, Господи Иисусе! какое в том утешение для нас ненавидимых миром, что и Ты был им возненавиден прежде нас? Не сугубая ли в том для нас скорбь, что и Ты, самая Любовь, был ненавидим? Не сугубая ли в том для нас опасность, что и Ты, самая Жизнь, убитен был ненавидящими?

Не усумнимся, Христиане, во утешении Господнем. Если *вся, елика преднаписана быша, в наше наставление преднаписашася, да терпением и утешением писаний упование имамы* (Рим. XV, 4): возможно ли, чтобы слово Господа, особенно для утешения сказанное, не было для нас источником утешения? Если сей источник глубок, углубим наше внимание; чем более углубим, тем обильнее почерпем.

Ведите, глаголет, *яко Мене прежде вас возненавиде*. Вести, что и Христос был ненавидим, утешительно для нас Христиане, во-первых потому, что сие может послужить к разрешению сомнения, на правом ли пути мы находимся. Ибо мир, ненавидящий нас за Христа, старается дать ненависти своей такой вид, что не он противу Христа враждует, но мы Христа недостойны. Образ мыслей и жизни, не такой чувственный и рассеянный, какой любят в мире, мир называет безрассудною и бесполезною строгостию, упрямством, странностию; стремление к духовному – мечтательством; понятия о жизни созерцательной, о искреннем соединении человека с Богом – крайним безумием, и даже хулою на Бога. Но когда слышим, что и о Христе, называвшем Себя хлебом животным спешшим с небесе и Сыном Божиим, или возвещавшем смерть Свою, говорили: *жестокое слово сие* (Иоан. VI, 60); *беса имать; неистов есть* (Иоан. X, 20); *хулу глаголет* (Лук. V, 21): тогда познаем, что и мы на пути Христовом, когда с нами подобное встречается. Тогда терние, по которому ступаем, не столько уязвляет нас, сколько утешает, как ощутительный признак истинного пути. Тогда горькая чаша, которую подают нам, услаждается уверенностию, что мы *пьем чашу, юже Господь пил*; и что, следственно, это не чаша гнева, но чаша спасения.

Во-вторых, вести, что и Господь наш был ненавидим, утешительно нам потому, что чрез сие можем усматривать последствия ненависти, которую претерпеваем от мира, и конец нашего бедствия. Если бы ненависть мира против Господа не окончилась победою и славою Господа: то не мог бы Он указывать на оную во утешение ненавидимых миром учеников Своих. Но когда, видя себя на Его терновом пути, видим конец сего пути для Него: нет сомнения, что и для нас конец того же пути видим. Итак пусть клеветают на истину; пусть ненавидят любовь; пусть убивают жизнь: истина оправдается, любовь победит, жизнь воскреснет.

В-третьих, без всяких дальнейших соображений, ненавидимым от мира вести, что и Господь был ненавидим, утешительно самому, что в сем открывается их сообразность Его возлюбленному и вожделенному образу. Неужели приятнее было бы Христианину быть любиму миром, который Христа ненавидит? Нет! Пусть ненавидит меня сей мир; пусть презирает; пусть отвергает: любезна мне сия ненависть; славно для меня сие презрение; приятно сие отвержение, которыя приближают меня ко Христу, и Ему уподобляют.

Сподоби нас, Господи, уподобиться Тебе, если не делами Твоим подобными, по крайней мере терпением скорбей и бед твоему терпению подобным. Но сохрани от беды малодушия, чтобы, из страха скорбей, не покориться врагу Твоему, не уподобиться миру прелюбодейному и грешному. Сотвори сие с нами благодатию Твоею, милосердый к грешным, дивный во святых, препрославленный во веки! Аминь.

СШ.

24. СЛОВО

**по освящении храма Успения Пресвятыя Богородицы,
что в Казачей, за Москвою рекою.**

(Говорено Июля 15).

*И мнози от священников и левит, и князи
отечеств, и
старейшины, иже видеша дом преждний на
основании
своем, и сей дом пред очесы своими, плакаху
гласом велиим,
и народ возглашающ, в веселии возвышаху
глас. 1 Ездр. III, 12.*

Надеюсь, не покажется странным то, что, смотря на сей возобновленный храм, воспоминаю я возобновление Иерусалимского храма, после пленения Вавилонского. Сколь ни велика между ими разность, потому между прочим, что храм Иерусалимский был единственный не только в Иерусалиме, но и во всей земле Иудейской; а сей есть один из многих и в едином сем граде, который множеством храмов Божиих, как небо звездами, украшается и сияет: но есть некоторое сходство в судьбе их; ибо и тот, как сей, сожжен был в нашествие не чтущих Бога врагов, и сей, как тот, возобновлен усердием чтущих Бога граждан и народа.

Но зачем, скажут мне, может быть, некоторые, зачем к событию радостному ты приносишь воспоминание, в котором веселие смешано с плачем? Зачем показываешь нам различные чувствования людей, бывших *при основании дому Господня*, а не единодушную радость торжествовавших совершение онаго?

Подлинно, когда Израильтяне начинали возобновлять свой храм, сожженный Вавилонянами, тогда, при торжественном богослужении, они частью веселились, а частью плакали. *Мнози от священников и левит, и князи отечеств, и старейшины, иже видеша дом преждний на основании своем, и сей дом пред очесы своими, плакаху гласом велиим, и народ возглашающ, в веселии возвышаху глас.* Но когда, по преодолении препятствий, дом Божий наконец совершился: тогда они забыли прежний плач и только радовались. *Сотвориша же сынове Израилеви, священницы и левити, и прочии сынов преселения, обновления дому Божия в радости* (1 Ездр. VI, 16).

Радуюсь и я с вами, которые в годину искушения были, если не сынами долговременного преселения, то сынами бегства, или пленными в собственных ваших жилищах, или наконец жителями пеплом усыпанной пустыни внутри города, – радуюсь, что умиловленный Бог вновь устроил ваши дома; радуюсь, что помилованные Богом, вновь устроили вы дом Божий.

Радуюсь с вами, священницы и левиты, что там, где чада беззакония и погибели хотели водворить мерзость запустения, вновь *стоите* вы в украшении своем, да хвалите Господа.

Дерзну и далее простерти радость: радуюсь с вами, *силы небесныя, ныне с нами невидимо служащия*, с той минуты, как молитвою и тайнодействием призываемый, собственным обетованием – быть посреде собранных во имя Его – преклоняемый, *вниде во врата сия Царь славы.*

Приидите, скажу со Псалмопевцем, *возрадуемся Господеву, воскликнем Богу Спасителю нашему: предварим лице Его во исповедании, и во псалмех воскликнем Ему* (Пс. XCIV, 1. 2).

Но что мне делать? Когда я хочу только радоваться, *и в веселии возвышать глас*; когда перенимаю радостныя восклицания у ведущаго воскликновение Псалмопевца: и он чрез

радостныя воскликновения пред Богом вскоре приводит меня к плачу. *Приидите, продолжает, поклонимся и припадем Ему, и восплачемся пред Господом сотворшим нас* (Пс. XCIV, 6).

Кто хочет, пускай довольствуется при настоящем обновлении храма простою искреннею радостью, подобно как в подобном случае добрый Израильский *народ возглашающ в веселии возвышаху глас*. Но кто, подобно как некогда *мнози от священников и левит, и князи отечеств и старейшины*, не останавливается на том одном, что видит пред очами своими, а побуждается видимым, и то, чего не видит, вспоминать, соображать, пусть размышляет со мною, о чем они плакали при основании дома Господня, и нет ли о чем заботиться и нам при сей радости о совершении дома Господня.

Священники, левиты, князи, старейшины, – те из народа, в которых должно предполагать более разсуждения, более проницательности, более опытности, – священники и левиты, люди преимущественно пред прочими упражняющиеся в законе Божиим, и потому преимущественно способные испытывать и разумевать судьбы Божии, – князи и старейшины, люди более прочих знающие прошедшее и настоящее состояние целого народа, и на сем познании могущие утверждать верныя надежды или основательныя опасения о будущем его состоянии, – вот кто, при торжественно начинавшемся возобновлении храма Иерусалимскаго, *плакаху гласом велиим*. Печаль таких людей, сколь ни желательно было бы не примешивать ее к общенародной радости, – более, думаю, заслуживает внимания, нежели радость народа, часто необдуманная.

О чем же плакали они? В ответ на сие повествователь сего происшествия, Ездра, не представляет ничего более, как то, что они *видеша дом преждний на основании своем, и сей дом пред очесы своими*. Но что тут плачевнаго? На сие дает нам некоторое изъяснение современный Пророк Аггей, когда по повелению Божию, князю, первосвященнику и всему народу Иудейскому говорит: *кто от вас, иже виде храм сей в славе его прежней: и како вы видите его ныне, якоже не суща пред вами* (Агг. II, 4)? Вот о чем плакали разсудительнейшие между Израильтянами! Смотря на храм, едва возникающий из огромных развалин, они приводили себе на память виденную некогда славу его, кончившуюся поруганием и разрушением; сличая уменьшенный, скудный, ничтожный вид возобновленного здания с обширностью и великолепием прежняго, сравнивая предприемлющие возобновление храма остатки двух только племен Израилевых, малочисленные, слабые, бедные, не имеющие благоустроеннаго правительства, окруженные враждебным соседством, с созидавшим прежний храм народом, состоявшим из соединения целых двенадцати племен, благоустроенным, богатым, сильным, вскоре после победоноснаго царствования Давидова, в мирное и мудростию могущественное царствование Соломоново, – соображая все сие, сколь мало они могли быть довольны началом дела, которое имели пред очами, столь же мало могли утешать себя надеждою на успешное совершение и прочное сохранение слабо начинающагося дела. Нет сомнения, что люди, не только здравомыслящие, но и богомыслящие, вспоминая видимую славу прежняго храма, помышляли при том и о благодати, которая обитала в нем и облекала его славою; созерцали духом, что грехи народа удалили от него благодать, а чрез то и от славы обнажили его, и довели до запустения; может быть, и то еще примечали прозорливые, что грехи, подвергшие прежний храм разрушению, а народ пленению, не совсем еще изглажены сим судом и наказанием и в возвратившихся из плена сынах преселения, предприемлющих возобновление храма; следственно, еще не восходила для него новая заря благодати, далеко было солнце славы; еще не ясное утро надежды тогда было, но сумрак и ночь страха и неизвестности, время не веселия и торжества, но сокрушения, покаяния и плача, и потому *плакаху гласом велиим*.

С вами теперь состязаться буду, – с вами, у которых не сей один храм, но и многие другие, после осквернения или опустошения враждебною рукою, не только нашли руку восстанавливающую и возобновляющую, но и достигли совершенного возобновления, может быть, не с меньшим, или даже большим прежнего, благолепием, и обрели прежнюю свою благодать и святыню. Думаете ли вы посему, что, смотря на сей успех ваших дел, на сию помощь свыше, имеете вы право радоваться так, чтобы отложить всякую печаль, или страх, или заботу? Не могу согласиться с сим расположением беспечных душ, как ни охотно желаю вам радости полной и ничем ненарушимой. Ах! *работайте Господеву со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом* (Пс. II, 11).

Создать Богу храм, украсить, освятить, – благодатное дело пред Богом и спасительное для человеков! Когда видим в Евангелии, что создавший Иудеям сонмище, то есть, Иудейскую храмину молитвы и священного поучения, чрез сие между прочим дело проложил себе доступ ко Спасителю нашему и его к себе привлек, обрел высокий дар веры и высокую похвалу сего дара, исходатайствовал чудо исцеления: сие не есть ли знамение и наставление нам, сколь великое благословение и благодать ожидает подвизающихся создать Христианский храм, в котором Сам Бог во плоти, под покровом таинств, обитает с человеками? Но сколь ни верно сие слово, что создать, украсить, освятить храм есть дело великое: тем не менее верно и то, что создать, украсить, освятить храм вещественный есть дело еще не совершенное и не оконченное.

Читающие священные книги знают, как вещественно создан, как великолепно украшен, с какою торжественною и всенародною молитвою освящен, каким дивным в огне и облаке наитием благодати в день освящения прославлен был храм Соломона. Что естественнее было в сие время, как мысль об окончательном совершенстве и совершенном окончании сего великого дела? Едва ли не вкралась и в сердце Соломона сия мысль естественная, но не благодатная: ибо надобно было Самому Богу явиться и вразумить его, что сие дело требует еще продолжения и дальнейшего совершенства, и какого продолжения и совершенства требует. *И явися Господь Соломону вторицею*, повествует книга Царств, *и рече к нему Господь: услышах глас молитвы твоея. И далее: освятих храм сей, его же создал еси, еже положить имя Мое тамо во веки: и будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX, 2. 3). Довлеет, Господи, мог бы сказать на сие Соломон, довлеет; не совершенно ли уже чрез сие все дело? Нет, глаголет Господь; еще не все; не довлеет; слыши, что еще требуется к совершенству дела: *и ты аще поидеши предо Мною, якоже ходи Давид, отец твой, в преподобии сердца и в правоте, и еже творити по всем, яже заповедах ему, и повеления Моя, и заповеди Моя сохраниши: и возставлю престол царствия твоего во Израили во веки* (ст. 4. 5). Поелику же создатель и поклонники храма Иерусалимского не продолжали сим образом его созидания и освящения в себе самих: то храм оказался на самом деле несовершен и не прочен; не раз рушена святыня его, и весь он, сообразно с угрожением Господа, отвержен от лица Его.

Если таким образом созидание и освящение храма Иудейского, который назначен был для Богослужения образовательного, наружного, чувственного, должноствовало быть продолжаемо и совершаемо в его создателе и поклонниках: то что сказать о храме Христианском, котораго предмет и цель есть богослужение не образовательное только, но существенное, не наружное только и чувственное, но в наружном и чувственном непременно внутреннее и духовное? Нельзя иначе и думать, как что созидание, украшение и освящение вещественного, рукотворенного, есть только приготовление и приспособление к созиданию, украшению и освящению нерукотворенного, духовного храма в создателях и служителях, в общниках и посетителях онаго. Ибо что говорит нам о храме Апостольское слово? *Не весте ли*, говорит оно, *яко храм Божий есте вы* (1 Кор. III, 16)? Что и о созидании храма? *Ко Господу* говорит, *приходяще, камени живу*,

от человек убо уничижену, от Бога же избранну, честну, и сами яко камене живо зиждитесь, в храм духовен (1 Петр. II, 4. 5). О украшении храма? – Христов дом мы есмы, аще дерзновение и похвалу упования, как благопотребные сосуды дома, как дому Владыка, украшения, коими благоугождается даже до конца известно удержим (Евр. III, 6). Наконец о святости храма? – Храм Божий свят есть; но какой храм? иже есте вы (1 Кор. III, 17). Итак, споспешествователи создания и украшения, и свидетели освящения сего видимаго храма! Созидается ли также, украшается ли, освящается ли Богу, не менее видимаго, и невидимый храм душ ваших? Вот среди сего радостнаго торжества моя тайная забота, мой страх; и – о если бы, при дальнейшем размышлении о сем, не нашлось причин к сетованию и плачу!

Не имеет ум мой проникания видеть внутреннее состояние храмов душевных; недостойно слово мое обличать; не желает сердце мое дерзновенно возмущать чью либо радость. Прибегаю к слову одного из святых, котораго и духовная проникательность выше сомнения, и обличение выше прекословия для нас грешных. *Не восприяли еще мы радости о спасении от Христа соделанном, говорит святой Макарий, но жало смерти в нас углубляется. Не облекались еще в новаго человека, созданнаго по Богу в правде, и не совлеклись ветхаго, тлеющаго в похотех прелестных. Не носили еще небеснаго образа, и не сообразились славе его. Еще не поклонились Богу духом и истиною; яко царствует грех в мертвенном нашем теле. И далее говорит: не учинились еще храмом Божиим и обителию Духа Святаго; зане есмы храмом идолов, и вместилищем духов злобы, по причине душевнаго к страстям стремления (Бесед. XXV, 4).*

Но для чего далеко искал я обличителя? Обличители наших беззаконий найдутся между самими обличаемыми. Спросите друг друга: что произвела в душевных расположениях и нравственной жизни большей части из нас бывшая година искушения и наказания? После столь грознаго посещения Божия, более ли прежняго страшимся мы грехов и беззаконий? Бывшее уничижение научило ли нас паче прежняго смирению? Бывшая лишения и нужды обуздали-ль роскошь, прекратили-ль склонность к излишествам, обратили-ль нас к простоте и умеренности? Сохранилось ли возбужденное опасностями единодушие и забвение собственных выгод для ближняго и для общества, и не вновь ли собственность разделяет нас и возставляет одного против другаго? Если и не будут на сие ответствовать словами: ответ на сие можно видеть в явных и обыкновенных делах и поступках; можно читать на стенах жилищ, на украшениях, на одеждах, на местах зрелищ и увеселений, на торжищах, на судилищах.

Чтож, если подлинно признаться должно, что после общаго наказания и дивнаго помилования от Бога мы опять таковы, каковы были, когда заслужили наказание? Какое в сем случае утешение в прошедшем? Какая радость в настоящем? Какая надежда в будущем?

Радуюсь с вами о возстановлении после бед нашего внешняго благосостояния, радуюсь о новом вознаграждении храма, наипаче радуюсь о возобновлении храмов Божиих и святыни их: но согласитесь и вы со мною, что надобно всем нам заботиться и о доме душевном, надобно бояться, чтобы он не остался в греховной ветхости, нечистоте, безобразии, запустении; а если уже сами видим в себе духовный храм Божий, *яко не суций пред нами*, то достойно и праведно и сетовать и плакать велиим плачем сокрушения и покаяния.

Продолжим, сослужители и споклонники святаго храма, продолжим святое дело храма в душах наших. Будем духовный в нас храм Божий созидать подвигами благочестия, возобновлять исправлением жития, украшать добродетелями, освящать верою, молитвою и общением таинств; да даст Господь и сему храму Своему благодать и славу, и в

совершенном освящении его Духом святым, да обрящем совершенную радость спасения, которой никтоже возмет от нас. Аминь.

CIV.

25. СЛОВО

в Церкви Пресвятыя Богородицы в честь иконы Ея Смоленския,

в Новодевичьем Монастыре, о крестном ходе.

(Говорено июля 28).

<1825>

*Бысть же ходящим им, и Сам вниде в весь
некую: жена
же некая именем Марфа прият Его в дом
свой. Лук. X, 38.*

Блаженна ты, неизвестная по имени весь: ибо Христос, Господь славы, посещает тебя. Благословен ты небогатый, вероятно, дом: ибо Христос, богатый милостию, входит под кров твой. Закхей погибал от страсти любостяжания; но посещением Христовым *спасение дому его бысть* (Лук. XIX, 9). Будет спасение и дому Марфы, принявшей Спасителя; будет без сомнения.

Блаженно и всякое место и дом, которыя удостоиваются посещения Божественного. Наипаче же блажен человек, достойно приемлющий Божественное посещение; ибо для него только и место невместимый Бог посещает.

Место, где мы теперь находимся, свидетельствует, что и малое, по видимому, посещение Божественное может оставить по себе благодать великую и продолжительную. Не было здесь ниже безвестной веси, ниже убогаго жилища, когда Преподобная Богородица Своим священным и чудотворным изображением, на краткое время, только мимо шествуя, посетила место сие, и се – видим здесь, и целым градом чтимый дом славы Божией, и сохраненную веками обитель спасения.

Совершая в настоящем торжестве как бы некое подражание первоначального благодатного посещения, блаженны мы, если хотя сие благочестивое воспоминание как бы самое благодатное посещение достойно приимем.

О если бы – скажет иной – о если бы только посетил меня Бог Своим благодатным посещением! Как бы уже не принять Его мне с благоговением, с усердием, и следственно так, как благоугодно посещающему?

Вопреки сему справедливее можно сказать: о если бы только ты был способен, расположен, готов принять достойно благодатное посещение! Возможно ли, чтобы тотчас не посетил тебя Бог, Который по слову Иова *внимает умом к человеку, посещение творит ему по всяко утро, и во всякое мгновение испытует его* (Иов. VII, 17. 18)?

Но что препятствует человеку с успехом искать Бога, и достойно принимать Его благодатное посещение? – Евангельское повествование о Марфе, принявшей Господа в дом свой, к наставлению нашему показывает, что наиболее препятствует в том житейское попечение или пристрастие к земному.

Уже Марфа не искала только посещения Христова, но и получила оное: *прият Его в дом свой*. Я сказал, и опять не удержусь сказать: благословен дом Марфы! Она приняла Божественного Посетителя со благоговением: ибо и Господом нарекла Его, и от Него просила повеления сестре своей, будучи сама властна распоряжаться в своем доме. *Господи, не брежешь ли, яко сестра моя едину мя остави?* – *Рцы убо ей*. – Марфа приняла Господа со усердием: ибо тщательно готовилась угостить Его, подобно как и Авраам, во время бывшего ему посещения Господня. *Марфа же молвяше о мнозе службе*. До сих пор не все ли заставляет думать, что Марфа приняла Христа достойно и благоугодно Ему? Но не спешите мнением решительным; подождите суда Христова. Что наконец глаголет Он? Не одобряет приема, который делала Ему Марфа, и дарует преимущественное благословение Марии, на которую Марфа жаловалась. Что же тому причиною? В чем можно было укорить Марфу? Она укорена в житейском попечении. *Марфо, Марфо, печешися, и молвиши о мнозе*.

Если таким образом уже принятому благодатному посещению повредило житейское попечение, и более или менее похитило плод онаго: не больше ли еще может вредить оно и препятствовать тем, которые еще только начинают искать Бога и благодати Его?

При ближайшем рассмотрении Евангельского повествования можно различить особенныя некоторыя действия, которыми житейское попечение препятствует человеку благоугождать Богу, и приобретать благодать Его, или сохранять приобретенную. Оно развлекает и смущает. Оно затмевает ум от истины. Обезсиливает волю в избрании лучшего.

Житейское попечение развлекает и смущает. Посмотрите на Марфу. Христос в ея доме, – Тот, для Котораго множество народа бегало по селениям и по пустыням, чтобы увидеть Его, или услышать слово Его, – Тот, Котораго *мнози царие и пророцы восхотеша видети, и не видеша* (Лук. X, 24), Тот, – Котораго *день Авраам рад был видети*, и когда увидел только издалека, *возрадовался* (Иоан. VIII, 56), – искомый, возжеланный, для Марфы близок, видим, слышим. Но что Марфа? Радует ли о Нем? Наслаждается ли Его лицезрением и слышанием глаголов его? – Едва ли! У нея совсем иное занятие, иныя чувствования; она думает и заботится о муке и елее, о хлебе и рыбах; Христа как будто нет для нея. *Марфа же молвяше о мнозе службе*. Наконец негодование на сестру, не разделяющую сей заботы, обращает ее ко Господу: но и то для того, чтобы чрез Него не уменьшить, а увеличить сию заботу и сие развлечение. *Ставши же рече: Господи, не брежешь ли, яко сестра моя едину мя остави послужити? Рцы убо ей, да ми поможет*.

Христианин! знаешь ли, что Христос, если еще не посещает тебя действительно, по крайней мере стоит у врат твоих, и ожидает, чтоб ты принял его в дом свой! Если нам не веришь в сем: слыши, как Он Сам о Себе возвещает всем нам: *се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним, и той со Мною* (Апок. III, 20). Скажем ли на сие: не видим Тебя, Господи, стояща; не слышим Твоего толкания! – Безполезный спор! Господь не обманывает нас; *оправдится Он во всех словесех Своих* (Псал. L, 6). Как же случается, что Он стоит при дверех, а мы не видим; Он толчет, а мы не слышим? Точно также, как подобное сему случилось с Марфою. Житейское попечение влечет нас от предмета к предмету, от занятия к занятию, от заботы к заботе; и как оно большею частию не бывает, и почти не может быть так

успешно, как бы мы желали: то неудача смущает нас, недостаток помощи, или препятствие от других раздражает; желания и страсти шумят, как ветры, как волны; мы мятемся всуе; волнуемся на свою погибель, и в сем обуреании не замечаем кроткого присутствия, не слышим тихого гласа возделенной и спасительной благодати.

Житейское попечение затмевает ум от истины. Таковое затмение ума обличает Господь в Марфе, когда говорит ей, что *едино есть на потребу*. Удивительно, что Марфа прежде сего вразумления не уразумела сей истины, если не в глубоком и сокровенном, по крайней мере в простом и открытом ее знаменовании. Если не вдруг могла она постигнуть, что единое на потребу есть Бог, и Его Слово, по реченному: *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Матф. IV, 4); если не довольно ясно для нея было, каким образом единое на потребу есть царствие Божие, по реченному: *ищите прежде царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Матф. VI, 33): как бы, кажется, не понять ей по крайней мере того, что для Рекшаго: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя* (Иоан. IV, 34), для Постившагося сорок дней и ночей, для Питающего многия тысячи народа немногими хлебами, не суть на потребу многие роды пищи и пития? Что Пришедший в мир, *да свидетельствует истину* (Иоан. XVIII, 37), Нарицающий Себя хлебом животным, Призывающий к Себе жаждущих, благоугождается не тем, чтобы представляли Ему в изобилии брашно гибнущее, но тем, чтобы от Него принимали брашно негибнущее, воду живую, то есть, слово истины и спасения? – Нет! Не поняла сего пекущаяся о мнозе: и не поняла по тому самому, что пеклась о мнозе, что привычка житейским заниматься, и о житейском заботиться, как свинец, отягчала крыло ума, и не допускала вознестись к духовному разумению.

Не так ли некоторые и между нами, Христиане, хотя и бывают под одним кровом с Христом, как то бывает по истине во храмах Его, хотя почти видят его в таинстве, хотя слышат Его в Евангелии, не умеют однако толикими благами пользоваться и наслаждаться? Евангелие для нас довольно непонятно; таинство весьма закрыто; молитва утомительна. Не знаем, как находят в Евангелии Божественный свет, в таинстве Божественную силу, в молитве Божественную радость, блаженство и самое небо. И почему не дается нам духовный разум и чистое созерцание? – Потому, что житейское попечение связует наш ум, обременяет его тяжкими земными помыслами, покрывает его мглою нечистых страстей и чувственных желаний; из орла, которому бы надлежало в чистом воздухе зреть на Солнце истины, превращает в крота, роющегося в земле и в прахе дел земных, бесполезных для духа.

Житейское попечение обезсиливает волю в избрании лучшего. *Мария благу часть избра*, глаголет Господь; избрала же она то, чтобы *сидиши при ногу Иисусову, слышати слово Его*. Как не избрала и другая сестра сей благой части? Разве не желала она приблизиться к Иисусу? Но сие желание оказалось в ней еще прежде, нежели в Марии, *когда Марфа прият Его в дом свой*. Почему же одно семя желания неодинаково произросло и принесло плод? – Потому что в сердце Марии оно расло свободно: а в сердце Марфы заглушали оное плевелы житейских попечений. *Молвящие о мнозе службе*. – Волею духа стремилась она ко Господу, и привлекала Его к себе; но склонностию к житейскому отвлекалась от духовнаго Ему благоугождения к телесному служению, и не достигала близости к Нему благодатной.

Можно и во всякое время и повсюду примечать, как различно в различных душах действует желание благодати и спасения, соответственно тому, бывает ли оно в них полное, свободное и единичное, или в действии своем разделяется, воспящается, ослабляется каким-либо желанием земной природы и склонностию житейскою. Видим

людей, которые в продолжении многих лет все только начинают дело спасения своего, а не совершают онаго; долго ищут Бога, и не находят; видят некоторую зарю благодати над собою, и не могут дожидаться дня ея, озаряющего сердце. От чего сие? От того, что начинают дело спасения, но, по пристрастию к земному и житейскому, не совсем оставляют дела погибели; ищут Бога, но не хотят лишиться тварей; ждут утешения благодати, но не хотят растаться с утешениями растленной природы. Видим напротив и таких, которые позже других приступают служить Богу, но более в том успевают. Блудный сын упреждает старшего брата во благодати отчей. Магдалина, известная грешница и беснуемая, внезапно является равноапостольною; Савл гонитель вдруг превращается в Павла Апостола. *Мытари и грешницы варяют в царствии Божии* (Матф. XXI, 31) нас, мнящихся быть природными сынами царствия Божия. Каким образом совершаются чудеса сии? Сильным, решительным, все прочие желания поглощающим желанием благодати и спасения.

Посему слово Божие сильно возстает против смешения житейских попечений с желаниями духовными, столь обыкновенного, к сожалению, между нами. *Никтоже*, говорит Оно, *может двема господинома работати* (Матф. VI, 24). Итак, если ты раб житейского попечения: то не можешь в то же время быть рабом Божиим. *Идеже есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Матф. VI, 21). Итак, если *твое сокровище* – то, чего ты желаешь, о чем печешься, что любишь, находится на земли: то не думай, чтобы *сердце* твое нашлось на небеси у Бога. *Никтоже воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет* (2 Тим. II, 4). Итак, если ты внутренно привязан к чему либо житейскому: то не прельщай себя мыслию, что ты угоден Вождю Христу, победителю мира.

Посему нередко Сам Бог, когда кого приготавливает к особенному Своему посещению, или дарованию благодатному, рукою крепкою расторгает и сокрушает все, даже непорочныя узы, привязывающия человека к земному и житейскому. Надлежало ли дать обетования Аврааму? *Изыди*, сказано ему, *от земли твоея, и от рода твоего, и от дому отца твоего* (Быт. XII, 1). Не мог ли благословить Иакова и Бог, когда благословлял его Исаак в доме своем? Напротив он взят из объятий благочестивых родителей; с опасностью, без помощи, без сопутника, приведен в неизвестное место; спал на пустынном месте, и – здесь нашел для себя и дом Божий, и могущественное благословение Божие. Какой путь вел Иосифа ко благодати таинovidца и к славе спасителя? – Путь Египетский, рабство и темница. Когда и где более открылся Бог Израильскому народу? – Тогда, как он был отторжен от Египта, и еще не привязан к земле обетованной, – там, где земля не льстила ему ничем земным, но во всем отсылала его к Небу.

Не та ли была мысль блаженных отцев наших, которые заповедывали нам в известные времена от множества святых храмов во граде убегать с молитвою во храмы несколько удаленные и более уединенные; не та ли, говорю, была мысль их, чтобы вразумить нас, как нужно, взыскующим Бога и благодати, оставлять позади себя все, что нас обыкновенно занимает в мире, все земное, все житейское?

Отложим Христиане бремя, котораго тягость, может быть, не довольно знаем, потому что ходить без онаго не испытали; отложим бремя житейских попечений. В обыкновенных делах и упражнениях жизни отложим попечение излишнее, суетное, заботливое, происходящее от неумеренных желаний, от неосновательного суждения о вещах, от недостатка веры в Бога и надежды на Его провидение. А когда особенно призываемся к делам Божиим, к молитве, к упражнению в слове Божиим, к духовным подвигам для обретения благодати Божией, – *всякое ныне житейское отложим попечение*. Послужим Богу духом, *да обетование духа приимем верою* (Гал. III, 14). Празднования, начатаго

духом, да не скончаем плотию. Языческой то был праздник, когда *седоша людие ясти и пити, и восташи играти* (Исх. XXXII, 6). Пришедши сюда с молитвою, да возвратимся отсюда в дома с благодатию и миром. Аминь.

CV.

26. СЛОВО

в день Успения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Московском большом Успенском Соборе, августа 15).

<1825>

Святой Дионисий Ареопагит был на погребении Богородицы, и что притом происходило, частию можно видеть в его писаниях. *Мы, пишет он, и многие из священных наших братий собрались для зренья живоначального и Богоприемного телеси. Прибыл и Богобрат Иаков и Петр, между высокими Богословами верховный и старейший. После зренья благоугодно было всем иерархам, поколику каждый был способен, песнословить безмерно могущественную благодсть Богоначальственной немощи* (о Божеств. имен. гл. 3).

Под именем *Богоначальственной немощи*, как изъясняет святого Дионисия святой Максим, должно разуметь вольное снисхождение Сына Божия даже до плоти, кроме греха. *Ибо, по причине вольного к нам снисхождения, все претерпев даже до смерти, смерти же крестная, и немощи наши Он понес.*

Приятно даже до ныне узнавать единую, святую, соборную и Апостольскую Церковь, между прочим, по единству ея священных и Апостольских обычаев. После столь многих веков, от дня успения Пресвятыя Богородицы, и ныне для сего дня *собираются многие из священных наших братий*. В подражание Божественному зрелищу Сионскому или Гефсиманскому и здесь представляется для благоговейного зренья изображение *живоначального и Богоприемного телеси*, как бы в день его погребения. *Вся иерархия песнословит*, или, иначе сказать, словом и песнопением прославляет *безмерно могущественную благодсть Сына Божия*, в Его спасительном воплощении, чрез немощь и смерть проложившаго путь к безсмертию и славе Божественной.

О, если бы могли мы теперь услышать хотя одно из тех самых песнословий, которыя по внушению святого Духа принесены были Господу и Матери Его в первоначальном Апостольском Успенском Соборе! Но святой Дионисий только рассказывает о них, а ничего из них не пересказывает.

Слышу по крайней мере род песнословия, приличествующаго настоящему случаю, из уст усыновленника Пресвятыя Девы и ближайшаго служителя Ея в Ея жизни и погребении. *Блажен, восклицает Иоанн, и свят, иже имать часть в воскресении первом* (Апок. XX, 6).

Кто же первее может иметь часть в воскресении, как не родившая Начальника воскресения? И предание уверяет, что и Она, как Он, в третий день после Своего погребения, одне погребальныя пелены оставила во гробе Своем. Итак, первее всех *блаженна еси* и паче всех *свята еси* Мати Дево, *яже первая имашаи часть в воскресении Твоего Сына и Бога!*

Но что есть *воскресение первое*, поколику в нем и многие участие иметь могут? Поищем на сие ответа, не для любопытства, но для славы Воскресителя, и для наставления нашего.

Каждый день возвещаем мы себе и друг другу воскресение, когда говорим в символе веры: *чаю воскресения мертвых*. При сем обыкновенно думают об одном только всеобщем воскресении умерших человеков. Но в сем разуме нельзя сказать: *блажен и свят, иже имать часть в воскресении*; поелику во всеобщем воскресении участие иметь будут не только святые, но и грешные, не только блаженные, но и подлежащие осуждению в муку вечную. *Грядет час*, возвещает Сам Начальник воскресения, *в оньже вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия, и изыдут сотвориши благая, в воскрешение живота: а сотвориши злая, в воскрешение суда* (Иоан. V, 28. 29).

Какое же воскресение возвещает нам тайновидец, предоставленное исключительно блаженным и святым? Оно называется *первым*: следственно, воскресение не одно. Если не находим первого воскресения, поищем другого, или последнего: не укажет ли последнее на первое?

Всяк видяй Сына, глаголет воплощенный Сын Божий, *и веруяй в Него, имать живот вечный, и воскрешу его Аз в последний день* (Иоан. VI, 40). Найдено последнее воскресение: последнее потому, что должно совершиться в последний день сего преходящего мира. От сего предела по необходимости должно возвратиться назад путем времен, чтобы искать воскресения первого. Далеко ли? Без сомнения, не далее дня воскресения Самого Иисуса Христа. Ибо, как говорит Апостол, *Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1 Корин. XV, 20). *О Христе вси оживут*, продолжает он, *кийждо же во своем чину: начаток Христос, потом же Христу веровавшии в пришествии Его: таже кончина* (22. 23. 24). Итак воскресения первого, воскресения блаженных и святых, должно искать между днем воскресения Христова и последним днем мира. Где же они? Подлинно, взятие Пресвятыя Девы с телом на небо, по признакам оставшимся на земле, подобное воскресению Христову, не есть ли первый пример первого воскресения? Если Матерь Начальника воскресения последует за ним в воскресении в третий день по Своем успении: то не может ли случиться, что и некоторые другие, по преимуществу святые и достойные блаженства, как например те, которые жизнь свою отдали за имя Воскресителя, чрез многие, может быть, веки, однакож ранее последнего всеобщаго воскресения умерших и изменения живущих, получают некоторое предварительное, особенно им предоставленное участие, как в воскресении, так и в славе и блаженстве, ему свойственных? Как просто, повидимому, и непринужденно сим образом изъясняются слова тайновидца – *души растесанных за свидетельство Иисусово, и за слово Божие, ожиша; прочии же мертвецы не ожиша; – се воскресение первое* (Апок. XX, 4. 5)!

Но *кто разуме ум Господень* (Рим. XI, 34)? Человек не ведающий, *что породит находящий день* (Притч. III, 28), может ли домогаться ведения о том, что родят веки, чреватые тайнами Божиих судеб? – *Вышших себе не ищи, учит благочестивый мудрец, и крепиших себе не испытуй: яже ти повеленна, сия разумевай, несть бо ти потреба тайных* (Сир. III, 21. 22).

Повинуюсь опытному наставнику. Оставляю испытание таин будущего, которых подлинно не столько истинное разумение потребно, сколько ложное опасно. Ищу разуметь только повеленное.

Блажен и свят, иже имать часть в воскресении первом. – Есть ли что здесь повеленное? А святость? Не повелел ли о ней Сам Бог; *святите будите, яко Аз свят есмь* (1 Петр. I, 16).

А блаженство? Не повелено ли нам искать его под именем *царствия Божия*? Но как тайновидец провозглашает *блаженным* и *святым* того, кто имеет часть в *воскресении первом*: то не должно ли опасаться, что кто не имеет никакого участия в *воскресении первом*, тот столь же мало может надеяться *блаженства*? Сие заставляет нас уже с заботливостию о самих себе возобновить вопрос: что же есть *воскресение первое*?

Воскресение бывает из мертвых: ибо кто жив, тому воскресать не нужно. Посему к уразумению воскресения вести может правильное познание того, что есть смерть. И так что есть смерть? Разлучение души от тела? Понятие обыкновенное в языке человеческом, но чуждое для языка Христианского и для слова Божия. Чуждое для языка Христианского: ибо не сами ли вы говорите, например: *успение Богоматери*? А сказать: *празднуем смерть Богоматери* – не почли ли бы вы сего выражением грубым, так сказать, иноплеменническим в Христианстве, почти укоризненным? Чуждое для слова Божия; ибо когда, например, Адаму сказано: *в оньже аще день снесете от него, смертью умрете* (Быт. II, 17); а он жил обыкновенною для нас, видимою жизнью, после вкушения от запрещенного древа, девятьсот тридцать лет: то не ужели скажем, что слово Божие не исполнилось? Если же, как всякий должен признать, оно исполнилось верно и точно: то не открывается ли, что смерть, по разуму слова Божия, совсем не то, что мы себе воображаем при виде бездушного тела? Истинная смерть родилась на земли точно в день первого греха, и с того дня жила с Адамом, участвовала в его делах и в рождении его детей, почему и разродилась вместе с родом человеческим.

Что же есть смерть? Для ответа на сие, по разуму слова Божия, всего лучше употребить вопрос: что есть жизнь? Ибо смерть есть только лишение жизни. Итак, приидите, познаем жизнь в ея источнике. В *Том животе бже*, говорит Богослов, и *живот бже свет человеком* (Иоан. I, 4). В Боге-Слове жизнь, и сия жизнь есть свет человеков. Причастие жизни сущей в Боге-Слове и света его – есть истинная жизнь человека. Она есть деятельное состояние света, спокойствия, свободы, силы, чистоты, нетления.

Следственно, разлучение с жизнью Бога-Слова, и отчуждение от света Его, есть истинная смерть человека. Она есть состояние мрака, скорби, беспокойства, немощи, нечистоты, наконец тления.

Следственно, возобновление общения с жизнью Бога-Слова, и возвращение к свету Его, есть истинное воскресение человека, в котором участвующий блажен и свят.

Последнее воскресение нечестивых в телах осуждения не есть истинное воскресение: поелику они воскресают не для общения с жизнью Бога-Слова и светом Его, но для нового удаления от Него: *отыдите от Мене проклятии* (Матф. XXV, 41); они воскресают для *второй смерти* (Апок. XXI, 8).

Последнее воскресение праведных с телесами славы есть воскресение истинное, но не начальное, а окончательное; оно есть торжественное в телесах праведных открытие предварительного, сокровенного, духовного воскресения, подобно как телесная смерть есть только видимое явление предшествовавшей смерти невидимой, духовной. Сила последнего, телесного воскресения заключается в предварительном, духовном. Последнее телесное воскресение нечестивых потому не есть истинное и блаженное, что в них не предшествовало оному первое, духовное воскресение.

Посему *блажен и свят, иже иматъ часть в воскресении первом*, то-есть духовном.

Итак желаем ли, чтобы в нас исполнялась *воля Божия – святость наша*? Подвигаемся ли, чтобы достигнуть блаженства? Должно вместе с сим желать и подвизаться, чтобы и нам иметь участие в воскресении первом, в воскресении духовном, чрез умерщвление плоти отречением от ея удовольствий, чрез веру в Воскресителя и любовь к Нему, чрез непрестанное обращение и отвержение к Нему сердца и ума, яко к живонаначальному Солнцу духов, для принятия от Него лучей света и жизни.

Так поступал Апостол, который с попечением и заботливостию, как бы колеблясь между страхом и надеждою, говорит: *аще како достигну в воскресение мертвых* (Филип. III, 11). Так поступать убеждает он и других, когда восклицает: *востани спяй и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос* (Ефес. V, 14). От какого сна пробуждает он и к какому воскресению возбуждает? Не Апостольское дело пробуждать кого либо от обыкновенного телесного сна; но и к последнему телесному воскресению возбуждать также не Апостольское дело: ибо тогда *Сам Господь в повелении, во гласе Архангелов, и в трубе Божии снидет с небесе* (1 Сол. IV, 16); тогда *мертвии услышат глас Сына Божия, и услышавшие оживут* (Иоан. V, 25). Следственно, Апостол хочет нас пробудить от сна чувственности, от смерти невидимо заражающей и отравляющей всю плотскую жизнь нашу; он хочет возбудить нас к воскресению первому, духовному.

Странное учение, скажут, может быть, люди, не знающие иной жизни, кроме той, которая звездным светом и стихийною теплотою движется в плоти и крови; странное учение, которое весь мир живущих человеков превращает в кладбище, наполненное движущимися мертвецами, и советует мертвым заботиться о своем воскресении! Да! Странно сие для тех, которые, по выражению Апостола, *ходят в суете ума их, помрачени смыслом, суще отчуждени от жизни Божия, за невежество сущее в них, за окаменение сердец их* (Ефес. IV, 18). Но может ли находить сие странным тот, кому не странно учение Господа Иисуса? Не Он ли превратил святой град в кладбище, а почтенное и многочисленное общество фарисеев во множество движущихся гробов, когда назвал их *гробами неведомыми* (Лук. XI, 44) и *гробами поваплеными, иже внеуду убо являются красны, внутрьуду же полни суть костей мертвых, и всякия нечистоты* (Мф. XXIII, 27)? Или когда возлюбленный ученик Его духовным созерцанием видит и скажет, что *не любяй брата, пребывает в смерти* (1 Иоан. III, 14); а сие можно видеть всякому, как много между человеками не любящих брата, то есть, когонибудь не любящих: то подумайте, сколько видит он на земли мертвых, движущихся в виде живых!

Кто спит, тот не разумеет в то время, что спит он; а в сновидении обыкновенно почитает себя бодрствующим, и только при пробуждении становится для него ясным и очевидным то, что он спал и мечтал: так мертвый прегрешениями не разумеет в сем состоянии, что мертв он; и думает, что сновидящая жизнь плотская и чувственная одна и есть истинная жизнь; надобно ему от слова Евангелия, силою благодати, пробудиться или воскреснуть в жизнь духовную, дабы узнать, как тяжел был его сон, как лживы его сновидения, как истинна его смерть, как многого ему недоставало для блаженства. И потому странным ли, беспокойным ли кому сие кажется; но мы на то поставлены, чтобы, по примеру Апостола, взывать и пробуждать спящих и мертвых: *востани спяй и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос*.

Если странным кажется сие учение, сим обличается только то, что Христианский мир устранился от истинного духа и разума учения Христова, которое есть также учение и научившихся от него святых и блаженных. Призовем в свидетеля и в наставника одного из них. *Подлинная смерть, говорит Святой Макарий, внутри сердца находится и кроется, и человек внутренно умерщвляется. Аще убо кто преидет от смерти в живот по внутреннему человеку, тот воистину во веки живет и не умрет* (Бесед. XV, 37). И в

другом месте: *сие тело подобие есть души, а душа есть образ духа. И как тело без души есть мертво, не могущее ничего соделати: так без души небесной, без духа Божественного мертва есть душа в разсуждении царствия и ничего не может соделати благоприятного без Духа Святаго* (Бесед. XXX, 3). И паки: *егда твоя душа сообщится с Духом Божиим, и душа небесная внидет в твою душу, тогда ты соделаешься совершенным человеком, наследником и сыном Божиим* (Бесед. XXXII, 6). И еще: *в общее же воскресение и самыя тела тех, которых души наперед таинственно предвоскресли* (вот первое воскресение) *и просветилися небесною славою, вместе с оными воскреснут* (вот последнее воскресение), *прославятся и просветятся* (Бесед. XXXIV, 2).

Помолимся убо и мы, заключаю со святым Макарием, дабы силою Божиею и нам заклатися и умерети веку злобы темныя; истребитися в нас духу греха, и восприяти душу Небеснаго Духа, и пренестися из злобы темныя в свет Христов, и упокоиться в блаженной жизни во вся веки (Бесед. I, 9). Аминь.

CVI.

27. СЛОВО

**в день Тезоименитства Его Императорскаго
Величества Благовернаго Государя Императора
Александра Павловича.**

(Говорено в Успенском Соборе августа 30).

<1825>

*Радуйтесь же, яко имена ваша
написана суть на небесех. Лук. X, 20.*

В радости проводим мы настоящий день: потому что на нем написано возлюбленное имя Александра, верховнаго для нас на земли виновника победных и мирных радостей общественных, охранителя и распространителя непорочных радостей семейственных и личных, собственную радость и покой приносящаго в жертву, да мы под Его державою *тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте* (1 Тим. II, 2).

Желаем ли сию возвышенную на земле радость еще возвысить некоторым образом в достоинство небесной радости? Мы имеем и для сего твердое основание: ибо нет сомнения, что радостотворное для нас имя Александра, благословенное в делах благословенных, *написано на небесех* (Лук. X, 20), откуда благословляется благое, откуда невидимо управляются правительства сего видимаго мира, откуда исходят судьбы людей и народов.

Радость праведная, радость святая! Сияй как ясное утро, согревай сердца, как летний полдень, услаждай и упоай, как вино зрелаго винограда! Пусть раздается *глас радости и спасения в селениях праведных* (Пс. CXVII, 15).

Да будет только радость праведная и святая по своему предмету, также праведна и свята по своему образу и действиям. Да будет радость достойна предмета радости.

Дайте мне и себе несколько досужных минут радости, чтоб развить сию мысль в некоторое наставление каждому из нас.

Есть обычай, по которому каждый из нас некоторою радостью и торжественностию ознаменовывает день своего имени, какое он получил от Церкви. Что за обычай? Когда с радостью воспоминают и празднуют день рождения, сей обычай легко изъясняет себя, хотя бы и не говорило Евангелие о радости, *яко родися человек в мир* (Иоан. XVI, 21).

Не трудно вообразить, что бытие лучше ничтожества; что жизнь на земле, под солнцем, превосходнее мертвого сна или темничного заключения младенца в матерней утробе; и потому не удивительно, что мы с торжеством воспоминаем день, которым для нас вечное ничтожество кончилось, и девятимесячный гроб раскрылся. Но когда один назван Криспом, а другой Гаием: что торжествуют они? Не вижу, откуда бы взять на сие ответ, разве из приведенных в начале сего слова слов Христовых: *они радуются, яко имена их написаны суть на небесех*.

Имена не так маловажны, как думал о них упоминаемый в Деяниях Апостольских Галлион. *Аще стязания суть о словеси и о именех*, говорил он, *судия аз сим не хочу быти* (Деян. XVIII, 15), и думал, что поступил очень разумно, с презрением отвергнув предмет спора, достойный презрения, но в самом деле обнаружил языческое невежество и недостаток обыкновенного даже рассуждения. Если бы только переименовать его из Римского гражданина в раба: он, вероятно, тотчас догадался бы, что есть имена, которыми не должно пренебрегать, и которые достойны быть предметом важного состязания.

Если важными почитаются некоторые земные имена: колико должны быть важнее имена небесные. Земное обыкновенно возвращается в землю, тлеет, разрушается, забывается: где теперь многоценные списки римских граждан, многоценные, говорю, потому, что именно признается один из них: *аз многою ценою наречение жительства стяжах* (Деян. XXII, 28). Но туне по благодати даруемое наречение жительства небесного ни в книгах истлеть, ни в памятниках разрушиться, ни в памяти изгладиться не может; ибо тление, разрушение, забвение не имеют места в небесном жительстве.

Слово Божие, слово живое вообще, в котором следственно и в особенности имена принимать должно за слова живые, во многих случаях заставляет нас думать о именах со вниманием и с важностию. Надобно ли показать мудрость только вышедшего из рук творческих человека и его власть над прочими земными тварями? Слово Божие приписывает ему наречение имен, а нареченным от него именам достоинство, по которому не нужно их переменять. *Всяко еже аще нарече Адам душу живу, сие имя ему* (Быт. II, 19). Должно ли прославить верховную мудрость и могущество Самого Бога? Ему приписывается наречение имен вещам небесным. *Исчитай множество звезд и всем им имена нарицай* (Пс. CXLVI, 4). Надобно ли воинствующему за Христа и побеждающему обещать награду, высшее достоинство, блаженство? Ему обещается новое имя. *Дам ему камень бел, и на камени имя ново написано* (Апок. II, 17).

Чтож такое имя, по разуму слова Божия? Имя есть существо или свойство вещи, представленное словом; имя есть некоторым образом сила вещи, заключенная в слове: ибо например, имя Иисуса, как заметили самые Апостолы, даже в устах людей не последовавших Иисусу, ниже приявших Духа Святого, *изгоняло бесов* (Мар. IX, 38).

Посему понятно, как важно *имя, написанное на небесех*, или одним словом, небесное, и как радостно получить такое имя. Ибо имя небесное должно представлять собою свойство

небесное, должно заключать в себе небесную силу. *Радуйтесь, яко имена ваша написана суть на небесех*, если оне подлинно там написаны.

С падения первого человека из состояния духовного в плотское, из райского, близкого к небесному в земное, низпала в нем и дарованная ему Творцем способность нарекать имена. Утратив прозорливость и силу духа, он стал нарекать имена не столь, как прежде, сообразная с истиною, не столь полны силою, как например, он назвал первого сына своего Каином, то-есть, *приобретением* (Быт. IV, 1), а опыт показал, напротив, что Каин был человек потерянный. Так произошло, что земные имена совсем иногда не годились, чтобы написать их на небесах: посему, для наречения в жительство небесное, Сам Бог переименовывал древле Аврама Авраамом, Сару Саррою, Иакова Израилем, и во дни нового завета Сам Господь переименовал Симона Петром, то есть *камнем* (Мф. XVI, 18) *твердаго исповедания веры, Иакова и Иоанна Воанергес*, то-есть *сынами грома* (Марк. III, 17), или гремющими провозвестниками Евангелия; подобно сему и Апостолы переименовали Иосию Варнавою, то-есть сыном утешения; а иногда и чрез Ангелов еще до рождения на земли нарекаемы были имена предопределенным для неба человекам, как например Иоанну. Получившие таким образом имена свои от Бога, от Христа, от Ангелов, от Апостолов, водимых Духом Святым, самое происхождение сих имен имели для себя залогом уверения в том, что имена их написаны на небесах, и следственно имели основательную причину радоваться о именах своих. Но как чудесное и особенным внушением Святаго Духа управляемое наречение имен не могло быть для всех, а только для некоторых, по особенным намерениям Провидения: то что делать с прочими, желающими гражданства небеснаго? Как и им доставить имена, которые бы приносили с собою небесную надежду, и сей надежде свойственную радость? – Способ, который изобрели для сего тайнодействователи Церковные, состоит в том, чтобы каждому приемлемому в Церковь, как в предградие града небеснаго, давать такое имя, которое в ком либо другом прежде, как-то, в Патриархах, Пророках, Апостолах, Мучениках и прочих святых, уже оказалось написанным на небесах. Получая такие имена, мы верою и надеждою прививаемся так сказать к свойствам, и приобщаемся благодати живших прежде нас человек, которых не *имена* только, Божиим предопределением, а их верою и надеждою, *написаны суть на небесех*, но которые уже и сами действительно на небесах обитают; и для привлечения туда и нас невидимо простирают руки, или лучше сказать, действуют невидимою силою молитвенною и благодатною. *Радуйтесь, яко имена ваша написана суть на небесех!* Сие после Христа говорят нам самые имена, которые чрез служителей Церкви приходят к нам от небесных человек; сие говорят нам и те дни, на которых Церковию написаны радостныя для нас имена сии. Вот истинное основание обычая праздновать день своего имени; вот дух и сущность того, что просто называют *именинами*.

После сего можем сказать каждому, кто когда-либо желает радостно праздновать день своего имени: радость праведная и святая по своему основанию! Только да будет она также и свята по своему образу и действиям; да будет она достойна своего предмета.

Если ты радуешься, что тебе дано имя небесное: надобно тебе радоваться по образу небесному, дабы радость твоя могла достигать от земли до небес, и утверждать твой союз с небесами, о котором ты радуешься. Образ радости небесной, сколько на земли может быть известен, состоит в том, чтобы умом воскриленным и сердцем отверзтым к Богу, благодарить и прославлять Его, как единого Виновника всего, что может быть предметом истинной радости. Если сердце твое расширяется и трепещет от радости, но не возносится в то же время к Богу: то радость твоя не по образу небесному, потому не содружает, но разлучает тебя с небом; она есть по образу земному, и, по образу всего земнаго, вскоре

исчезнет, когда суетою расширенное сердце придет стеснить другая суета, или скорбь, или забота.

Если приятно тебе носить имя небесное, а имя небесное, как выше сказано, долженствует быть знаменiem и выражением свойства небеснаго: то надобно также, чтобы тебе приятно было впечатлеть в себе небесныя свойства, так чтобы оне ознаменовывались и выражались в твоей жизни и деяниях. Небесныя свойства суть духовность, истина, благодать, нестяжание, любовь, смирение, чистота: если ты не имеешь сих свойств и не приобретаешь их подвигами, то ты можешь иметь только пустые звуки или мертвые письмена имени небеснаго, а не силу онаго; если ты добровольно предан владычеству жизни земной, склонностям чувственным, делам плотским, то никакое небесное имя не делает тебя небесным человеком: — оно тебя не возвышает, но ты его унижаешь. Тебе на сей случай глаголет Всеведущий: *вем твоя дела, яко имя имаши яко жив, а мертв еси* (Апок. III, 1).

Христиане, чада Божии! Имена, которыми теперь взываю к вам, суть общия для всех нас небесныя имена, под которыми с нашими особенными именами должно явиться нам на небесах. Подвизайтесь жить по духу Христову, действовать по образу Христову, представлять себя непрестанно Богу и Церкви Его чадами послушания, святыми во всем житии по звавшему вы Святому; поощряйте себя к таковым подвигам близкими примерами предшествовавших нам, первородных на небесах написанных: и потом дерзайте верить и *радоваться, яко имена и ваша собственно написана суть на небесах*. Аминь.

CVII.

28. СЛОВО

по освящении храма Святителя Алексия, в селе Черкизове.

(Говорено сентября 6).

<1825>

*Ты еси Петр, и на сем камени созижду
церковь
Мою, и врата ада не одолеют ей.* Матф.
XVI, 18.

Тогда, как мы освящаем церковь рукотворенную, и молим Бога, чтобы Он утвердил храм сей до века непоколебимым, Евангелие возвещает нам непоколебимую твердость Церкви нерукотворенной, то-есть общества верующих *во единого истинного Бога*, в Троице славимаго, и *Его же послал есть Бог Отец, Иисуса Христа*, Богочеловека, *Сына Бога живаго*. Благая и благовременная весть! Ибо если бы Церковь нерукотворенная могла быть потрясена и разрушена, то какая была бы надежда созидать на многие веки церковь рукотворенную? Если не будет Церкви живой, то-есть верующих человеков: церковь каменная или разрушится, быв оставлена без попечения, или, по крайней мере, останется пуста и бесполезна. Но когда знаем, что никакая враждебная сила не может одолеть Церкви живой, духовной: то есть надежда, что и вещественная церковь или храм, не будет допущен до падения, и не вотще стоять будет. Ибо если он и обветшает от времени: живущий в живой Церкви Дух Христов, побудивший создать храм, вновь возбудит кого-либо, ветхое в нем обновить, поврежденное исправить, неблаголепное украсить, скудное

обогатить, и на новыя дела святыни призвать новое освящение благодати, как сие ныне в храме сем действительно совершившееся каждый из нас видит собственными очами.

Итак приимем отверзтым сердцем слово Господне, сколько для Петра, столько же и для всех нас радостное: *ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь Мою, и врата ада не одолеют ей.*

Полезно со вниманием посмотреть на твердое созидание Церкви Христовы. Сие может послужить к нашему собственному наказанию и утверждению.

Ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь Мою. Дабы правильно разуметь, каким образом *на сем камени*, который есть Апостол Петр, *создана Церковь*, должно прежде всего утвердить коренную истину, что всеобщее, глубочайшее основание, также и первый, краеугольный камень здания церковного, есть не иной кто, как *Иисус Христос Сын Бога живаго*. Основания, говорит Апостол, *инаго никтоже может положити паче лежащаго, еже есть Иисус Христос* (1 Кор. III, 11). Наздани бывшие, говорит он также в другом месте Христианам, *на основании Апостол и Пророк, суиу краеугольну Самому Иисусу Христу: о Немже всяко создание составляемо, растет в церковь святую о Господе: о немже и вы созидаются в жилище Божие Духом* (Ефес. II, 20–22). Посему и Петр положен в основание Церкви не прежде, как он положил в ея основание Христа. Прежде Петр сказал Господу: *Ты еси Христос Сын Бога живаго*. Потом уже Господь сказал Петру: *ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь Мою*. Примечайте и то, что хотя Господь обещает Петру на нем создать Церковь: *на сем камени созижду*; но не обещает, чтобы Церковь была его, а называет ее Своею: *созижду церковь Мою*. Не хотят сего примечать западные, которые сияются утверждать, будто Церковь принадлежит одному Петру, а Петр одному Риму: и не напрасно называются они западными, не по местоположению только их области в стихийном мире, но и по состоянию их в области духа в вечерния времена Церкви: поелику истина веры, которая на Востоке возшла и возсияла в чистом стремлении к царствию небесному, заходит и меркнет у них, как в облаке или тумане, в смешенном желании земного владычества.

Каким же образом *на сем камени*, который есть *Петр* Апостол, *создана Церковь Христова*? Приближмся, посмотрим. Когда Иисус Христос явился в мире, тогда стояла церковь Иудейская, а Христианской даже и основания не видно было; – основание разумеите то, о котором теперь говорено было. Тайну сего основания прежде всех Петру *не плоть и кровь явили*, то-есть не человек возвестил, но явил *Отец, иже на небесех* (Мф. XVI, 17). *Ты еси Христос, Сын Бога живаго*, сказал Петр, – и открылось основание Церкви Христианской. Прежде всех Петр увидел сие основание, и прежде прочих всех возлег на сем основании сей камень; и прежде прочих Апостолов получил обещание, что на нем самом возвысится потом здание. *Ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою*. Действительное созидание на сем камени началось по сошествии Святаго Духа на Апостолов. Посмотрите, как и теперь прежде прочих, и как твердо полагает Петр прежде положенное основание, *еже есть Иисус Христос*. *Твердо убо да разумеет весь дом Израилев*, говорит Петр Иудеям, *яко и Господа и Христа Его Бог сотворил есть, Сего Иисуса, Егоже вы распяте* (Деян. II, 36). Смотрите далее, как быстро растет здание: *приложишася в день той души яко три тысячи* (ст. 41). И далее: *мнози от слышавших слово, вероваша; и бысть число мужей яко тысящь пять* (IV, 4). Вскоре присоединились к Петру в деле сего созидания и прочие Апостолы: и по нескольких годах Иаков и пресвитеры его, в одном Иерусалиме, уже не тысящами, но тьмами считали Христиан, указывая их Павлу: *видиши ли, брате, колико тем есть Иудей веровавших* (XXI, 20)! Видите уже, без сомнения, и вы, братие, и разумеете, каким образом *на камени*, который есть *Петр* Апостол, *созидалась Церковь Христова*. Она созидалась проповедию Петра и

прочих Апостолов, крещением от них, помазанием Святого Духа чрез их рукоположение, таинственным преподаянием от них животворящего тела и крови Христовы верующим, друг друга приимательным от них распространением священства со властью тайнодействовать, и вязать, и решить духовно, чрез что созидание Церкви, Апостолами начатое, и после того, как сии камни основания и утверждения сокрылись в Церкви невидимой, небесной, также чрез их преемников, пастырей и учителей, непрерывно продолжает Верховный Зиждитель Христос. *Той дал есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовестники*, – для начатия созидания, *овы же пастыри и учителя* для продолжения созидания, – тех и других вместе, к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова (Ефес. IV, 11. 12). Павел ли кто, Аполлос ли, или кто бы то ни был, но, по преемству от них приявший тоже дело служения, – Богу есмы споспешницы; а вы Божие тягание, Божие здание есте (1 Кор. III, 9).

Видим образ созидания Церкви: посмотрим на твердость сего здания.

И врата адова не одолеют ей. Можно ли было ожидать иного? Если Зиждитель Церкви есть Бог и Христос Его: то кто может быть ее разрушителем? Какой враг, ищущий ее разрушения, может быть так силен, как Бог, Который ее утверждает и подкрепляет? Верно слово: *и врата адова не одолеют ей?*

Если испытующий спросит, почему и в каком разуме Господь не просто здесь именуется *ад*, но в особенности указывает *врата адовы*: в разрешение сего приметим, что Господь в изречении Своем Церковь уподобляет зданию града, которому другой враждебный град в созидании препятствовать, и которое разрушить старается, как сие особенно испытали Иудеи с Иерусалимом после пленения Вавилонского. У врат града, по древнему обыкновению, собирались обладающие градом и старейшины его для общественных совещаний и предприятий. Врата града враждебного бывают особенно страшны, и потому особенно могут быть указаны, когда выходит из них вражеское войско. Посему когда Господь не просто именуется *ад*, но в особенности указывает *врата адовы*: чрез сие представляется уму нашему все, что ад имеет наиболее страшного и могущественного, если можно назвать могуществом его хитрость и ярость.

Едва открылось на земли созидание Церкви Христовы, как и врата адовы отворились, и изрыгнули против нея многочисленныя враждебныя силы и многообразныя орудия. Врата адовы отверзлись против Христианства на земли в Иудействе и в язычестве. Сила и хитрость, клевета и ласкательство, угрозы и прельщения, невежество народа и тонкости ученых, буйство черни и искусство правительства, поругание, изгнание, грабительство, мучения, множество известных и новоизобретенных родов ужасной смерти, – все подвинуто было, чтобы *одолееть* Церковь Христианскую. И что же? Синагога, храм и град Иудеев, капища, идолы, престолы, воинства, целый мир язычников, все рушилось и разсыпалось в прах: а Церковь Христова осталась, возрасла, утвердилась, возвысилась, расширилась, возгосподствовала. Ад посрамленный, но не истощившийся в хитростях и злобе, хотел-было подкопаться под основание Церкви, и отворит себе новыя тайныя врата против Церкви, чрез ереси и расколы: но где уже Арий, Македоний, Несторий, Диоскор и множество древних и новых ересеначальников и расколочальников с их сонмищами? *Врата адовы* отворились в сем случае против Церкви только для того, чтоб ее изверги туда низринулись, а ей *не одолели*, и поелику *небо и земля прейдут, словеса же Христовы не мимо идут*, никогда никакими усилиями, ни ухищрениями, *врата адовы не одолеют ей*.

При сем размышлении о твердом и неразрушимом создании Церкви Христовой, нельзя не вспомнить о современных и ближних нам, не знаю, как лучше назвать их – врагами ли,

как они мыслят, или братьями, как мы желали бы, – о тех, которые, уклонясь от единой святой, соборной и Апостольской Церкви, вздумали созидать себе какую-то иную, которой основанием и подпорами служат им беглецы священства, и самопоставленные наставники, никем никогда непосвященные. Подумайте, что вы созидаете? Христос созидает *Церковь Свою*: а вы чью созидаете? Не признаетесь ли вы сами, что не Христову Церковь созидаете, когда сами себя почетным образом называете *Онуфриевым согласием*, *Феодосиевым согласием* и подобными названиями? Когда истинная Церковь Христова называлась человеческими именами?

Истинная Церковь создается так, что всем верующим глава и основание есть *Христос*, на Нем утверждаются, и преемством от Его *Апостолов* священного рукоположения, и общением прочих таинств неразрывно соединяются всех времен и мест православные *пастыри и учителя*, а с ними и прочие верующие. На ком или на чем основаны Феодосий, или Онуфрий и подобные им? Кто рукоположил их? Кто благословил их учить? И в ком из них искать твердости и единства, с Церковию неразлучного, когда они друг на друга возстают, и друг друга разрушают?

Врата адовы не одолеют истинной Церкви. Но если, как вы говорите, нет епископства, или совсем нет священства и таинств: то скажите также, что Церковь лишилась своего утверждения; скажите, что *врата адовы одолели ей*, скажите, что слово Христово не сбылось; если же сего сказать не смее: то признавайтесь или нет устами, – совесть ваша, рано ли, поздно ли, должна признаться, что мы имеем твердую, подкрепляемую священством и таинствами, а потому *не одоленную вратами адовыми* Церковь Христову: и следственно ваши самовольные и самодельные построения, воздвигнутые во вражде против Церкви, суть не иное что, как вновь построенные и отворенные врата адовы, на прельщение неведущих малым неким подобием Церкви притворно прикрашенные. Кто видит и разумеет, да бежит и ищет своего спасения в безопасном граде единых святых, соборных и Апостольских Церкви: а кто по упрямству, или по корыстолюбию и любоначалию, еще не хочет видеть и разумеет, тому да умягчит Господь сердце, и да отверзет очи прежде, нежели врата адовы совсем поглотят его.

Мы же, братия, стоящие в твердой и неодолимой ограде православных Церкви, возблагодарим за нее и за себя премудрого и всемогущаго Зиждителя и Хранителя. Притом помыслим, что сколь неодолима она в своей полноте и целости: столько, напротив, каждый из стоящих в ней порознь должен опасаться и нападения и одоления. *Мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. X, 12). Для сего да держимся веры Христовы всею силою духа и сердца; да утверждаем всякое мнение и дело наше на основании учения Апостольскаго, Пророческаго и Отческаго; да укрепляем и ограждаем себя силою благодати чрез общение Божественных Таинств; да ходим выну, яко чада послушания пред Богом и Его Церковию. Аминь.

CVIII.

29. СЛОВО

в день обновления храма Иерусалимскаго,

и по случаю обновления храма великомученика

Никиты, в Басманной.

(Говорено сентября 13).

Писано есть: дом Мой, дом молитвы есть.
Лук. XIX, 46.

Обновление ныне в Иерусалиме: и здесь отчасти обновление. Место дало нам праздник: пусть место даст нам и слово.

Место, где мы стоим теперь, где совершается служение Богу, просто и обыкновенно называется храмом Божиим, как например, в следующих словах первомученика Стефана: *Соломон созда Ему храм* (Деян. VII, 47). Но кроме сего писание, именно Пророк Исаия, а по нем и Само живое Ипостасное Слово Божие, Иисус Христос, храм Божий называет *домом Божиим и домом молитвы*. Два имени одной вещи, которая многому о сей вещи научить могут, если рассмотрим оныя с некоторым вниманием.

Писано есть: дом мой, дом молитвы есть. Очевидно, что писание говорит сие от лица Божия. Таким образом вы слышите Самого Бога, объявляющего вам, что храм есть дом Божий. Если же Сам Бог указывает нам дом Свой: то нет места ни какому прекословию, или сомнению о сем. Достоверно знаем, и несомненно должны мы веровать, что это дом Божий.

Итак мы здесь точно в доме Божиим. Подумайте о сем *стоящи в храме Господни, во дворах дому Бога нашего* (Пс. CXXXIII, 1).

Когда тыходишь во двор человека: ты не знаешь, близко ли он, потому что не знаешь, дома ли он в то время. В доме Божиим нет места сей неизвестности. Поелику Бог вездесущ; и потому присутствует Он на всяком месте, которое и не есть дом Его: то возможно ли, чтобы Его не было там, где преимущественно пред другими местами благоволил Он быть дому Его?

Когда тыходишь в дом человека и узнаешь от его служителей, что он дома: тогда ты знаешь, что он близко; тогда можешь думать, что вскоре увидишь его лицом к лицу, и что, может быть, за легкою преградою, он уже слышит твои слова и движения. Так, когда ты вошел в дом Божий, и когда при том уверен ты, что того и быть не может, чтобы Живущаго в доме сем не было дома: то подумай, как близко Вездесущий! Если дух твой чист: то, может быть, и без возбуждения, или указания, *уже откровенным лицом взирает он на славу Господню* (2 Кор. III, 18). А если ты видишь здесь еще только дом, а не Живущаго в нем: то знай, что все, видимое здесь тобою, есть только легкая преграда, закрывающая от тебя присутствие и лицезрение великаго Владыки Обитателя сего дома; что самый *воздух*, сквозь который ты видишь, есть только *покров* Невидимаго; что только око телесное, которое душа твоя, по выражению святаго Макария (Сл. 5 гл. 6), *надевает* на себя, чтобы видеть телесный мир, подобно тусклому стеклу, препятствует духу твоему видеть предметы духовные, тем не менее близкие. Чтож, еслибы отнять сию преграду, снять сей покров, разоблачить тонкое духовное око твое от грубаго телеснаго? По истине, ты сам увидел бы то видение, которое изображает тебе Церковная песнь: увидел бы здесь *Царя всех Ангельскими дориносима чинми*.

Итак здесь Бог. Близ нас Он. Слава Его покрывает нас. Чистыя небесныя силы окрест нас и между нами. Как не колеблется земля? Как стоит человек? Как не исчезает грешник?

Здесь Бог всемогущий. Да благоговеет вся земля пред лицом Его! Да смирится человек! Да вострепещет грешник!

Здесь Бог всеблагий. Да хвалит Его всякое дыхание! Да утешится не обретающий утешения в тварях! Да не отчаётся грешник!

Итак и подобным сему образом, наименование дома Божия, данное в писании храму Божию, много может вразумлять нас о высоком достоинстве сего священного места, и о расположениях, с какими должно входить в него, и пребывать в нем.

Дальнейшее и более определенное наставление о расположениях, каких требует от нас храм Божий, заключается в другом его наименовании: дом молитвы. *Дом мой*, сказано, *дом молитвы есть*.

Сам Бог соделывает храм домом Своим, когда владычественно нарицает его сим именем, и когда действительно приходит обитать в оном Своею благодатию, чрез таинственное освящение онаго. Но соделаться домом молитвы должен он посредством человека: поелику Бог не имеет нужды совершать какую-либо молитву в храме Сам для Себя; а человек имеет обязанность и потребность приносить молитву Богу.

Каким же образом храм должен соделаться чрез человека домом молитвы? На сие могут мне отвечать, что тут не о чем спрашивать; разумеется, что для сего нужно, чтобы человек приносил в оном свою молитву; и как домом называют постоянное жилище, принадлежащее известному владельцу: то, дабы храм справедливо назывался домом, а не распутием, или только гостинницею молитвы, надобно, чтобы молитва была в нем совершаема постоянно, и была в нем господствующим упражнением человека.

Безспорно так. Но вот что заставило меня предложить вопрос, который мог другим показаться излишним. В храме Иерусалимском установленная молитва совершалась постоянно, и Богослужение было господствующим упражнением; в нем пели псалмы Давидовы и приносили жертвы, по закону Моисееву, когда явился в нем Господь наш, и сказал бывшим в храме том: *писано есть: дом Мой, дом молитвы есть; вы же сотвористе его пещеру разбойников*. Видите, как может храм, и при соблюдении молитвенного чина, быть непохож на дом молитвы: ибо что менее походит на дом молитвы, как пещера, или какое нибудь жилище разбойников? Итак думаю, что не только не излишен, но и весьма нужен, и требует особенного разрешения сей вопрос, каким образом должен храм соделаться чрез человека домом молитвы, так чтобы он не только не походил на пещеру разбойников, что было бы весьма ужасно для входящих в него, но ниже на собрание праздного множества, или на место зрелищ; ибо и сие недостойно дома молитвы и дома Божия.

Дабы найти на сие ответ посредством того же примера, который дает силу вопросу, вопрошаю опять: что сделало храм Иерусалимский пещерою разбойников? Евангельская история отвечает, что сие сделали продающие в нем и купующие, продающие овец и волов и голубей для жертвоприношений, и пеняжники, или меновщики денег. Но что в них разбойническое, когда Евангелие не говорит, чтобы они похищали что-либо из храма, или делали ему какой ущерб своею продажею и куплею, а продавали, как должно заключать, каждый свое излишнее, и покупали каждый на свои деньги? Искание собственной корысти в доме Божиим делало их так гнусными пред очами Владыки сего дома, как разбойники, делющие добычу; и поелику осуждены и изгнаны Господом не одни продающие, но и купующие, и поелику также Господь *не даяше, да кто мимо несет сосуд сквозе церковь* (Марк. XI, 16), занятие в храме мирским и посторонним для храма делом делало их нарушителями и хищниками святыни его; корыстолюбие и мирское дело в храме превратило его в пещеру разбойников. А как всякая страсть или склонность чувственная и порочная гнусна пред очами Божиими; всякое не только дело мирское, но и

попечение житейское, и помышление суетное, как чуждый сосуд, недостойно святого дома Божия, то дабы сохранить достоинство дома молитвы, дабы не превратить его в пещеру разбойников, или во что другое, сему подобное, должно изгонять из него всякую страсть, отлагать при входе в него всякое житейское попечение, не вносить в него никакой мысли суетной.

Подумай, посетитель святого храма Божия, как ты его посещаешь, и что из него делаешь твоим посещением!

Если чада и служители дома Божия песнословят и молитвословят; а ты не внимаешь, и разсеяваешься мыслями: то не разрушаешь ли ты дома молитвы, который они созидают и украшают?

Не подражаешь ли и ты пеняжникам Иерусалимского храма, если приходишь сюда с лукавым намерением, чтобы на мелкую монету, как можно, кратких и поспешных молений, выменять безценное сокровище благодати Божией?

Если не продая и не покупая здесь, и не внося сюда чуждых домашних сосудов видимо, ты приносишь сюда и заботливые помышления о твоих куплях и продажах, и обладающее тобою желание прибытка, или другая страсти и похоти, столь же чуждые дому Божию: то не превращаешь ли ты, не сего видимого храма, что не во власти твоей, но, – что столь же преступно и бедственно для тебя, – не превращаешь ли сердца твоего, коему надлежало быть внутренним живым храмом живаго Бога, – не превращаешь ли в пещеру разбойников?

Но что делать, если чуждые дому Божию желания, попечения и помыслы невольно вторгаются в него с нами? – Во первых не должно рабски предаваться таковым желаниям, попечениям и помыслам вне храма, но непрестанно подвизаться, чтобы освободить от оных сердце свое; во вторых, со вступлением во храм особенно должно пригвозждать плоти своя страху Бога в нем живущаго, и неотступным вниманием следовать за каждым действием и словом совершаемаго Богослужения; в третьих, при нечаянном уклонении мысли от священнаго предмета ея занятия, как можно скорее должно возвращать оную из сего бегства, и с внутренним покаянием и сокрушением сердца повергать пред Отцем небесным; в четвертых, должно приносить молитву Богу, не яко от себя только, но всегда во имя Господа Иисуса, то-есть, с верою и упованием на Его за нас ходатайство, силу и помощь; наконец, должно входить и углубляться во внутренность сердца своего, и в тишине и смирении, с любовью и желанием ожидать посылаемаго в сердца наши Богом Духа Сына Его, вопиюща: Авва Отче! Так устрояется для каждого из нас, и ненарушимо соблюдается, или и поврежденный возобновляется, не внешний только и образовательный, но внутренний и существенный дом Божий и дом молитвы, и мы приемлемся в нем, как чада Божии, чего и да сподобит нас Отец небесный, чрез Единороднаго Сына Своего, во Святом Духе Своем. Аминь.

CIX.

30. СЛОВО

в день Введения во храм Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Никитском Монастыре, ноября 21).

*Приведутся Царю девы в след Ея,
искренняя Ея приведутся Тебе. Псал. XLIV,
15.*

Что такое видит Божественный Пророк? Кто сей Царь? Какая это девы? Для чего во множестве приводятся оне к Царю? Кто ими предводительствует?

Царь есть Иисус Христос, Котораго впрочем царство несть от мира сего. Девы суть чистыя души, единого Иисуса Христа возлюбившия так, что уже ни к чему в мире плотскою любовию не привязаны. Приводятся оне к сему Царю, чтобы получить царствие небесное, чтобы не только принадлежали оне сему царствию, как рабыни, но чтоб и оно принадлежало им, как царским дочерям, как невестам царя, как царицам. Предводительствует ими великая невеста царева – Церковь, среди же собора церковного первенствует верховная Невеста царева – Богоблагодатная Дева Мария.

Нынешний праздник приведения Пресвятыя Девы во храм Господень есть некоторым образом торжественное открытие шествия дев к Царю. Посему прилично избран он особенным праздником одного из храмов сей обители дев и жен, посвящающих себя Богу. Пусть оне в сем празднике, как в картине, как в зеркале, видят свою Божественную, но тем не менее близкую Предшественницу, и искреннюю Покровительницу, начинающую путь Ея высочайшаго совершенства, и мало-по-малу научаются познавать и побуждаются проходить предлежащий им путь *в след Ея*; пусть научаются, как полагать для себя начало приведения к Богу, пусть возбуждаются мыслию о совершенном к Нему приближении, даже до соединения с Ним.

Краткое изображение пути приведения души к Богу найдем мы в том же псалме Давидовом, из котораго заимствованы первые слова настоящего слова: изъяснение же слов пророческих даст нам Василий Великий.

Начатки пути приведения души к Богу псалом изображает в следующих словах: *слыши дщи и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и дом отца твоего. И возжелает царь доброты твоя, зане той есть Господь твой, и поклонишися Ему* (ст. 11. 12).

В изъяснении сих слов Святой Василий говорит следующее: «Призывает Пророк чрез сие Церковь на слышание и соблюдение повелеваемых. Названием *дщери* присвоает себе оную, будто сотворил ее себе дщерию чрез любовь. *Слыши дщи и виждь*. Сим словом *виждь* поучает ее, чтобы она имела ум к созерцанию и познанию приобученный. Вообрази, глаголет, тварь, и, помощию порядка в ней сущаго, восходи наконец к созерцанию Творца. Потом, преклоняя ея высокую выю гордости: *приклони*, рече, *ухо твое*, не теки по внешним басням, но восприими смирение гласа, который в Евангельском слове; *приклони ухо твое* к сему учению, чтобы тебе позабыть злобные оные обычаи и отеческия учения. Почему *забуди люди твоя, и дом отца твоего*: всяк бо творяй грех от диавола есть. Изжени, продолжает, демонския учения, забуди жертвы, плясания нощныя и басни, на блудодеяние и на всякую нечистоту разжигающия. Того ради я *дщерию* моею назвал тебя, чтобы возненавидела ты отца, который тебя прежде родил в погибель. Ибо, ежели забвением загладишь скверну злых учений: то восприимеши свою *доброту* и *вожделенна* явишися Жениху – Царю. *Зане той есть Господь твой, и поклонятся Ему*. Чрез сие: *зане той есть Господь твой*, показывает нужду повиновения: *поклонятся же Ему*, то-есть вся тварь». До зде святой Василий.

Далее, совершенство приближения к Богу псалом изображает в следующих словах: *вся слава дщери царева внутрь: рясны златыми одяна и преиспещрена. Приведутся Царю девы в след Ея, искреннии Ея приведутся тебе* (ст. 14. 15).

В изъяснении сих слов Пророческих паки святой Василий говорит о Церкви следующее: «когда очистилась она от древних учений лукавства и, послушав наставления, забыла люди своя и дом отца своего: то Дух Святой, увидя сущую в потаенности чистоту ея, поведает о ней: *вся*, глаголет, *слава дщери царева*, то-есть невесты Христовы, чрез усыновление соделавшаяся дщерию царвою, внутрь есть. Сии слова поощряют во внутренния Церковной славы таинства входить: ибо внутрь есть доброта невестническая. Иже бо благоукрашает самого себе Отцу видящему втайне, и молится, и вся деет, не да явится человеком, но да явится единому Богу: той имеет всю славу внутрь, так как и дочь царева. Да и рясны златыя, коими вся одяна и преиспещрена, внутрь суть. Ничего не ищи во внешнем злате и телесном испещрении: но одяние разумеи некое достойное, да украсит того, который сотворен по образу Создавшего, о котором также говорит и Апостол: *совлекшися ветхаго человека с деяньми его и облекшися в новаго, обновляемого в разум по образу Создавшего его*. И *иже облечися во утробы щедрот, благость, смиренномудрие, кротость и долготерпение*: внутри одян есть, и по внутреннему человеку украшен. Но так и Павел советует облещися Господом Иисусом, не по внешнему человеку, но чтобы ум наш Божия память покрывала. Я думаю, что духовная риза исткана бывает, когда к поучительному слову присовокупляется спутешествующее деяние. Ибо как тогда телесная одежда исткана бывает, когда основа и уток переплетаются: так когда слово предыдет, и деяния последуют, честнейшее некое одяние соделывает души, которая словом и делом, добродетелию исполнену жизнь имеет. *Рясны* же привешены к ризе, и те суть мысленныя. И для того *златыми* называются: понеже слово есть больше дела, для того есть оно как рясны некия, кои от основания до действия ткаения доходят. Последуют же невесте Господней души некия, кои, не приемши семени слов чуждых, приведутся Царю, идущия за невестою. Да слышат убо те, кои обещали девство Господеви, что девы приведутся к Царю, но девы, сущия близ Церкви, которые последуют ей, и не заблуждают от Церковнаго благочиния».

Если к сему духовнаго разума исполненному учению великаго по истине учителя Церкви, позволительно пристать и нашему, только еще ученическому слову: да *слышат убо*, скажу и я, да слышат убо *те, кои обещали девство Господеви*, и не сии токмо, но и все, коих души обещали и восприяли сочетание Христу и усыновление Богу в крещении, да слышат, как Дух Святой призывает их, в след Церкви, приходит к Христу Царю, и наставляет на путь сей: до какого совершенства в приближении к Богу достигать должно, и какое блаженство в сем приближении обрести можно.

Слыши дщи. Слыши, душа Христианская! Ибо тем же словом, которым призывается Церковь Христианская вообще, и каждая порознь душа Христианская призывается. Слыши, что глаголет тебе Бог в писании Своем, или в слове учения, что глаголет Он тебе в собственной твоей совести. Слушай внимательно, и храни слышанное: не попускай, чтобы слово истины и спасения в одно ухо твое вошло, а в другое вышло.

Слыши дщи и виждь. Может Христианская душа не только слышать Бога, ее призывающаго, но и видеть Его. Или я неправду сказал теперь? Можно подозревать, если угодно кому: но, без сомнения, правду сказал и написал Божественный Давид: *предзрех Господа предо мною выну* (Пс. XV, 8). Подвизайся же и ты, чтобы видеть Сущаго – разумом в тварях, вне тебя существующих, а духом в собственном сердце твоём. Лучше слышишь, разумеешь и сохранишь слово, когда имеешь пред очами глаголющаго.

Приклони ухо твое. Слушай спасительное учение со смирением: хотя Бог глаголет с высоты; но только смиренные ясно слышат, и верно узнают глас Его. Глас благодатный тих, а мир шумен: всю силою отвращай, и заграждай внутренний слух твой от тварей и устремляй внимание духа твоего к Богу.

Забуди люди твоя, и дом отца твоего. Забвение означает здесь бездействие не памяти, но сердца, как например, человеку, который с нами говорит, как знакомый, мы выговариваем, что он забыл нас, потому что нас не посетил, или другим образом не оказал нам сердечной к нам привязанности. Те, кои обещали девство Господеви, и потому явным образом отделясь от людей своих, и от домов отцев своих, заключились в ограде только с подобными себе, поступают тем более благоугодным Призвавшему их образом, чем совершеннее тою же оградой ограждают сердце свое от привязанности к сродникам и знаемым, чем реже выносят ногу за ея священный праг. Ибо то верно, что доколе не забудут оставленного за оградой, дотоле не найдут искомого внутри ограды. Прежде *забуди люди твоя, и дом отца твоего:* а потом уже и *возжеляет Царь доброты твоя.* Но и в каком бы доме ни жила, к каким бы людям не принадлежала ты, душа Христианская, надобно тебе *забыть люди твоя, и дом отца твоего,* оставить грехи, в которых ты родилась, возненавидеть и отвергнуть дела диавола, не любить ничего в мире столько, сколько любишь Христа, и даже совсем ничего в мире не любить иначе, как во Христе возлюбленном.

И возжеляет Царь доброты твоя, зане той есть Господь твой, и поклониишися Ему. Когда ты перестанешь желать суеты земных тварей: тогда Царь небесный возжеляет твоя доброты. И тогда сим образом ты познаешь в Нем не только Господа всех, но и в особенности *Господа твоего:* тогда уже не нужно требовать от тебя поклонения Ему, как в начале подвига сего требуют, и к сему побуждают; ты сие исполнишь свободно, с радостию, с восхищением; *поклониишися Ему,* не только как рабыня Господу, со страхом, но и со дерзновением любви, как жениху невеста, как царю дочь царева. Тогда не столько ты будешь подвизаться, чтобы благоугодить Ему добродетелями, сколько Сам Он будет облекать и украшать тебя ими, как брачным одеянием невесты, как царственною утварию дочери цареvy.

Дерзнет ли далее, и возможен ли внешний слово проникнуть во внутренний чертог Невесты Христовы, чтоб изнести оттуда хотя часть славы Ея для внешних взоров? – Нет! По крайней мере до великаго суда и откровения сынов Божиих и царствия славы, *вся слава дочери Царевы внутрь.* Заключим со святым Василием: *сии слова поощряют во внутренняя Церковной славы таинства входить, ибо внутрь есть доброта невестинская.* Аминь.

СХ.

31. СЛОВО

в день Рождества Христова.

(Говорено в Московском Чудове Монастыре, декабря 25).

<1825>

Христос рождается: славите!

Сим восклицанием некогда в нынешний праздник начал слово свое Святый Григорий Богослов. И оно так приятным показалось Церкви, знающей и любящей глас избранного между пастырями ея, что и ныне сим самым восклицанием начинает она обыкновенную торжественную песнь настоящего праздника. Христос рождается: славите!

Если приятно нам так часто повторять начало слова Григориева в церковном пении: почему не повторить, хотя изредка, нечто из того же слова, в церковном поучении?

«Мы, говорит Святый Григорий, для которых предмет поклонения есть Слово, если должны дать некое пиршество, составим пиршество из слова, из закона Божия, из повествований, частью некоторых других, частью относящихся к настоящему торжеству». Я же к сему присовокуплю: если должны дать некое пиршество слова, чего не можем вам обещать от нашей скудости, то приступите с нами к готовой давно, и еще не истощенной, трапезе Богослова. Внемлите, и вкушайте духом! Я буду только служитель трапезы, а угоститель ваш святой Григорий: мои уста, его слово.

«Бог всегда был, есть и будет. Или лучше: Он всегда есть. Ибо слова: был, будет, означают усечение нашего времени и непостоянной природы. А Он есть всегда Сущий. Так и называет Он Сам Себя в откровении Моисею на горе. Ибо Он имеет в Себе в совокупности всецелое существование, которое не начиналось и не окончится, как бы некое море существа, безмерное и безпредельное, стоящее превыше всякого понятия времени и природы. Один только ум начертывает себе некую тень Его, и то темно и уменьшительно. Не из того, что в Нем, но из того, что окрест Его, слагаются умопредставления, одно по другому, Который прежде нежели удержан, убегает, прежде нежели объят умом, исчезает. Столько же озаряет вышнюю часть духа нашего, как быстрая, не останавливающаяся молния озаряет очи. Мне кажется, что для сего сие творит Бог, чтобы постижимым привлекать к Себе (так как совершенно непостижимаго нельзя ни надеяться, ни достигнуть), а непостижимым удивлять, чрез удивление возбуждать желание, чрез желание очищать, чрез очищение Богообразными соделовать. А соделавшихся уже таковыми вводить с Собою в общение, так что смею сказать нечто отважное: Бог с богами соединяется, и познавается ими, может быть, столько же, сколько уже знает знаемых.

Поелику же не довольно было для благодати обращаться в созерцании только самой себя, но должно было благу излиться и простерться, да будет множество благодетельствуемых, — ибо сие свойственно было крайней благодати: то, во первых вымышляет Бог Ангельския и небесныя силы. И сия мысль стала делом, которое Словом исполнялось и Духом совершилось. Так произошли светлости вторыя, служители первыя светлости, умными ли духами представлять их должно, или огнем невещественным и безтелесным, или приписать им некоторую другую природу, к сказанным ближайшую.

«Когда сии первыя произведения прекрасно были Им устроены: Он вымышляет второй мир, вещественный и видимый, — дабы показать, что Он силен произвести не только сродную Себе природу, но и совсем чуждую. Ибо сродныя Божеству естества суть умныя, и умом только постигаемая, а совсем чуждые — те, которые подлежат чувствам.

Уже ум и чувственность (то-есть умная и чувственная тварь), разлученныя таким образом друг от друга, стояли в своих пределах, и носили в себе величие Зиждителя слова, как безмолвные хвалители и велегласные проповедники великаго дела. Но еще не было растворения из обеих, и смешения противных, знаменующаго большую мудрость и великолепное обилие естеств, и не все богатство благодати было ведомо. Сие-то желая показать Творец Слово, — показать, говорю, животное, состоящее из обоих естеств

видимаго и невидимаго, — созидает человека, взяв тело из вещества, уже существовавшего, а от Себя вложив жизнь, которую Писание называет умною душою и образом Божиим; — созидает чрез сие некий другой мир, в малом великий, на земле поставляет другаго Ангела, поклонника разносоставнаго, зрителя видимой, таинственника невидимой твари, владыку на земле, владычествуемаго свыше, земнаго и небеснаго, временнаго и безсмертнаго, средняго между величием и низостию, духовнаго и плотянаго, духовнаго ради благодати, плотянаго ради превозношения, — духовнаго, чтобы он пребывал и прославлял Благодетеля, — плотянаго, чтобы страдал, и страданием вразумлялся и научался, величаясь величием, — животное, в здешнем домоводстве поставляемое, и в иное преставаемое, и, что составляет конец таинства, стремлением к Богу обожаемое. Ибо к сему ведет меня сей малый свет истины, чтобы и узреть и ощутить светлость Божию, достойную Того, Который связал меня и разрешает, и паки свяжет высшим образом.

Так созданнаго человека, почтив свободою, чтобы благо столько же принадлежало избравшему, как и даровавшаго семена онаго, — Бог поставил в рай, каков бы он ни был, делателем безсмертных насаждений, то-есть, может быть, Божественных помышлений, как простейших, так и совершеннейших, нагим по простоте и безискусственной жизни, без всякаго прикрытия и ограждения; ибо таким надлежало ему быть первоначально; дал ему закон, как вещество для свободы. Закон сей состоял в заповеди, — от которых насаждений надлежало ему вкушать, и к которому не прикасаться. То было древо познания, не на зло в начале насажденное, и не из зависти запрещенное, — да не направляют сюда языков своих богоборцы, и да не подражают змию, — но доброе для благовременно приобщающихся: — ибо древо сие, сколько я то вижу, было созерцание, к которому только совершеннейшим по душевному расположению, восходить не опасно; а не доброе для тех, которые просто еще, и желанием лакомы, подобно как и совершенная пища не полезна в нежном возрасте, которому еще млеко надобно.

«Когда же по действию зависти диавола, и по искушении жены, в которое она впала, как более слабая, и в которое ввела как более ласкательная, — о горе моей немощи! ибо немощь прародителя есть моя немощь; — когда, говорю, забыл он данную заповедь, и побежден горьким вкушением: тогда за сие зло соделался изгнанником, и от древа жизни, и из рая, и от Бога; тогда в первый раз узнал свой стыд и скрылся от Бога. Плодом сего была смерть, пресекающая грех, чтобы зло не было безсмертно. Таким образом и наказание было дело человеколюбия: ибо так, по моему мнению, наказывает Бог!

«Много было вразумлений прежде, за многие грехи, которые произрастил корень зла, по разным причинам и временам. Вразумляем был человек словом, законом, Пророками, благодеяниями, угрозами, язвами, наводнениями, пожарами, войнами, победами, поражениями, знамениями с неба, знамениями из воздуха, от земли, с моря, внезапными превращениями людей, городов, народов, что все имело целию истребление зла. Но сильнейшаго, наконец, врачевства требует человек от жесточайших болезней, каковы суть: взаимное убийство, прелюбодейство, клятвопреступление, и крайнее и первое из всех зол идолослужение и пренесение поклонения от Творца к тварям.

«Против всего сего поелику требовалась сильнейшая помощь: то сильнейшая и подана. Сия помощь есть самое Слово Божие, предвечное, невидимое, необъятное, безтелесное, начало от начала, свет от света, источник жизни и безсмертия, изображение первообразной красоты, недвижимая печать, неизменный образ, Отчее определение и Слово. Он входит во Свой образ, носит плоть ради плоти, соединяется с умною душою ради моей души, чтобы подобное подобным очистить, и становится человеком по всему кроме греха. Зачинается в Деве, по душе и по телу предочищенной Духом, ибо надлежало

и рождение почтить, и девство предпочесть. Исходит же Бог с воспрнятым человечеством в единстве из двух противных, из плоти и духа, из коих один обожил, а другая обожилась. О необычайное соединение! О дивное растворение! Сущий начинает быть, несозданный создается; невместимый вмещается посредством умной души, посредствующей между Божеством и грубою плотию. Богатый нищенствует, нищенствует по плоти моей, чтобы я обогатился Его Божеством. Полный истощается: ибо истощается от Своей славы на краткое время, чтобы мне причаститься Его полноты. Какое богатство благодати! Какое со мною таинство! Я приобщился образа Божия, и не сохранил его. Бог приобщается моей плоти, чтобы и образ Свой спасти и плоть обезсмертить. Второго приобщается общения, еще удивительнейшего, нежели первое; ибо тогда лучшее преподавал, а теперь приобщается худшего. Сие божественнее прежнего; сие возвышеннее для тех, которые ум имеют.

«Приими же ныне рождение, и възграй, если не как Иоанн во чреве, то хотя как Давид по поставлении кивота. Уважь перепись, в которую ты в небеса записан. Благоговей к рождению, которым ты разрешился от уз рождения. Почти малый Вифлеем, который опять в рай привел тебя. Поклонись яслям, из которых ты, быв безсловесный, напитался словом. *Познай, яко вол стяжавшаго и*, повелевает тебе Исаия, и *яко осел ясли господина своего* (Исаии. 1, 3).

«Теки со звездою, приноси дары с волхвами, злато, и ливан, и смирну, как Царю, как Богу, как мертвому ради тебя. С пастырями славь, с Ангелами ликовствуй, с Архангелами песнословь.

«Возненавидь одно из обстоятельств рождества Христова, – Иродово младенцеубийство, или лучше, и пред сим благоговей, как пред жертвою сверстников Христовых, закалаемою прежде новой жертвы. Если Христос бежит во Египет; беги с Ним охотно. Прекрасное дело бежать со Христом гонимому. Если Он умедлит в Египте, воззови Его из Египта добрым Ему и там поклонением. Пройди безпорочно чрез все возрасты и силы Христовы (подражанием), как Христов ученик. Аминь.